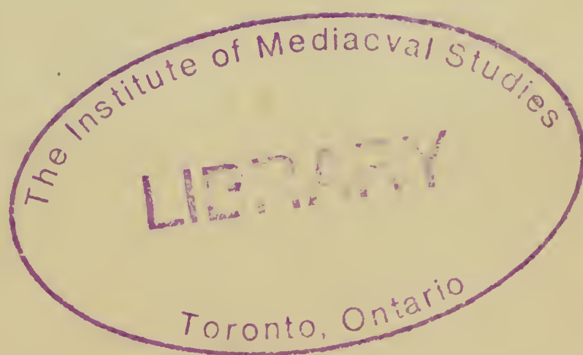

С. П. Писаревъ.

СМОЛЕНСКЪ И ЕГО ИСТОРІЯ.

СМОЛЕНСКЪ.
ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА С. А. КЛЕСТОВА
1894 г.

КНЯЖЕСКАЯ МѢСТНОСТЬ

И

ХРАМЪ КНЯЗЕЙ

въ Смоленскѣ.

Историко-археологическое изслѣдованіе въ связи съ исторіей Смоленска.

составилъ

С. П. ПИСАРЕВЪ.

Смоленскъ,
Типо-Литографія Ф. В. Зельдовича.
1894.

Дозволено цензурою 8-го іюня и 8-го іюля 1894 года. Вильна.

Храмъ Князей въ нынѣшнемъ его видѣ.

Вступленіе.

Какъ только начинаетъ русская лѣтопись свой разсказъ, Смоленскъ уже выступаетъ на сцену исторической жизни вмѣстѣ съ другими древнѣйшими городами Руси: Кіевомъ, Новгородомъ, Полоцкомъ и проч., и во все время Отечественной исторіи, включая и 1812 годъ, не перестаетъ имѣть болѣе или менѣе важное значеніе въ общегосударственной жизни. Исторія его стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ изложеніемъ жизни всего Русскаго государства.

Между тѣмъ исторія Смоленска, не будучи уясняема топографически, безъ знанія древняго расположенія города, является во многихъ случаяхъ темною.

Въ Смоленскѣ, какъ извѣстно, были князья, принимавшіе главное участіе въ общемъ ходѣ событій и заправлявшіе ими. Но гдѣ князья жили, и какъ расположенъ былъ городъ въ древнюю пору,—это не выясняется историками Смоленска.

Въ предлагаемомъ сочиненіи опредѣляется княжеская мѣстность въ означенномъ городѣ; сгруппированы историческія и археологическія свѣдѣнія о ней, въ связи съ исторіей всего города; изслѣдованъ также уцѣлѣвшій храмъ смоленскихъ князей.

Княжескою мѣстностію Смоленска служила западная часть города, называемая *Свирскою*. Она находится внизъ по теченію Днѣпра и тянется на протяженіи болѣе 5 верстъ отъ древняго городского вала. Въ настоящее время эта часть города представляетъ грустную картину развалинъ старыхъ каменныхъ храмовъ и другихъ зданій, на которыхъ, послѣ

*

многихъ погромовъ, ближе къ городу поселилось небольшое количество мѣщанъ; а въ отдаленныхъ пунктахъ этой мѣстности расположились двѣ убогія деревушки: Чернушки и Кловка. Среди разрушенія, вдали отъ теперешняго центра города, почти на безлюдьи, уцѣлѣлъ только княжескій храмъ, свидѣтель пережитой имъ исторіи города.

Судя по запустѣнію этого мѣста, безъ предвзятыхъ историческихъ данныхъ, не придетъ и мысли, что эта мѣстность когда-либо могла представлять изъ себя людную и цвѣтущую часть города, гдѣ находился княжескій дворецъ, гдѣ былъ центръ правленія всѣмъ Смоленскимъ княжествомъ, гдѣ совершалась торговля съ Ганзой, заключались общеизвѣстные договоры съ иностранными купцами, гдѣ останавливались литовскіе и польскіе короли, въ числѣ ихъ Сигизмундъ III и т. д. А между тѣмъ это было совершенно такъ. Здѣсь находится и знаменитая въ лѣтописяхъ рѣчка Смядынка, на которой былъ убитъ святой князь Глѣбъ, сынъ св. Владиміра I. Почти каждый пунктъ этого мѣста связанъ съ воспоминаніями вѣковой борьбы Руси съ Литвою. Самъ княжескій храмъ, 700 лѣтній старецъ, — есть рѣдкій памятникъ старинной архитектуры.

Въ послѣднее время, съ развитіемъ историко-археологической науки, стали многіе интересоваться означеннымъ храмомъ и княжескою мѣстностію. Въ виду явившагося интереса и вниманія къ этому древнему храму, равно и къ исторической мѣстности, авторъ и составилъ предлагаемое изслѣдованіе, насколько дали ему матеріала мѣстные историческіе источники.

С. Писаревъ.

Глава I.

Древнѣйшая исторія княжеской мѣстности.

Днѣпръ, при существованіи въ древнюю, отдаленную пору лѣсовъ, былъ полноводенъ. Это обусловливало съ одной стороны торговыя сношенія города, а съ другой расположеніе жилищъ гражданъ ближе къ берегу этой рѣки. Лѣвый берегъ Днѣпра въ мѣстности Смоленска, благодаря четыремъ холмамъ, вдавшимся въ долину этой рѣки (по теперешнему названію, начиная съ запада: Казанскій, Воскресенскій, Соборный и Георгіевскій), представлялъ болѣе удобное мѣсто для жилья въ смыслѣ естественной защиты. Между этими 4 холмами и пріютился городъ, окруживъ себя послѣдовательно еще въ доисторическую пору на верховьяхъ овраговъ этихъ холмовъ, въ направленіи къ югу, на горѣ, двойною линіею валовъ, между которыми было Блонье, т. е. окраина города между двумя валами, какъ и въ другихъ русскихъ городахъ. [1]) При дальнѣйшемъ развитіи населенія и слѣдующій (за Георгіевскимъ) на востокѣ Рачевскій [2]) крутой выступъ холма вошелъ въ составъ огражденій города; но вала здѣсь не было насыпано. Тамъ, гдѣ кончились крайніе выступы холмовъ, впадаютъ въ Днѣпръ, быстрыя прежде, рѣчки: Чурильня, или Чуриловка, (на западѣ) и Рачевка (на восточной сторонѣ), которыя протекаютъ въ очень глубокихъ оврагахъ и опоясываютъ городъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ валовъ. Это, послѣ валовъ, была вторая защита, а вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдняя граница города въ доистори-

---

[1]) Оба ряда валовъ существовали еще въ началѣ 17 вѣка, о чемъ будетъ изложено дальше.

[2]) Гдѣ стоитъ Покровская церковь.

ческое время. За этими оврагами на югѣ были топкія мѣста, дававшія источники означеннымъ рѣчкамъ. Оставался только небольшой перешеекъ, по которому была расположена дорога къ рѣкѣ Сожъ, гдѣ жили радимичи, и далѣе—въ Молоховинскую волость. Означенный перешеекъ, съ проведеніемъ здѣсь тракта, былъ единственнымъ доступнымъ мѣстомъ для враговъ съ юга. Между оврагами и южною частію городского вала, на довольно большомъ протяженіи, было «**поле**», гдѣ иногда смоляне встрѣчали врага [1]). Поле служило и для пастьбы скота; но, въ случаѣ нападенія враговъ, пастбищемъ было Блонье, или Оболонье, въ первичную пору не заселявшееся, гдѣ было много питья въ ямахъ, вырытыхъ для насыпки двойного ряда земляныхъ укрѣпленій; было также много и травы. Торговый городъ мало занимался земледѣліемъ: по Днѣпру отвсюду могли подвозить ему жизненные припасы.

Судить о предмѣстьяхъ Смоленска въ эпоху доисторическую—нѣтъ никакихъ данныхъ.

Въ первый разъ указаніе на *западную окраину*, впослѣдствіи княжескую часть города, а нынѣ *Свирскую*, за рѣчкой Чурильпей, встрѣчается въ лѣтописи подъ 1015 годомъ. Когда умеръ св. князь Владиміръ I, его сынъ Глѣбъ, проѣзжая по случаю болѣзни отца черезъ Смоленскъ, не зная, что отецъ умеръ остановился въ устьѣ рѣчки Смядынки, впадавшей въ Днѣпръ. Здѣсь его стерегли убійцы, посланные братомъ его (отъ другой матери) Святополкомъ, который стремился завладѣть великокняжескимъ престоломъ въ Кіевѣ. Поваръ Глѣба, по имени Торчинъ, по приказанію Горясѣра, подосланнаго Святополкомъ, зарѣзалъ своего князя 5 сентября. Лѣтопись, говоря объ указанномъ событіи, замѣчаетъ, что это мѣсто (Смядынка) «зрѣемо (видно) изъ города», ибо отстоитъ отъ него на нѣсколько стадій. Въ то время оно было «*пусто*», не заселено, и мѣстами было покрыто *лѣсомъ*; тамъ, говорятъ лѣтописи: *ловили птицъ*·

---

[1]) Повѣсть о св. Меркуріи Смоленскомъ.

Тѣло князя Глѣба послѣ того, какъ онъ былъ убитъ, положили между двумя сосновыми колодами (гробъ), сверху прикрыли хворостомъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ князь Ярославъ I, успѣвши прогнать Святополка вступилъ на великокняжескій престолъ Кіевскій. Разузнавши, гдѣ лежитъ тѣло мученически скончавшагося брата, ознаменованное къ тому времени чудесными явленіями (свѣтъ, видимый ночью надъ могилой), Ярославъ I Владимировичъ приказалъ привезти тѣло мученика въ Вышгородъ и похоронилъ его вмѣстѣ съ убитымъ, также по приказанію Святополка Окаяннаго, святымъ братомъ, кн. Борисомъ. [1]) Такимъ образомъ мѣстность эта рано сдѣлалась общеизвѣстной вслѣдствіе мученической смерти св. князя Глѣба.

Въ 1054 году великій князь Ярославъ I назначилъ въ Смоленскъ князя, именно — сына его Вячеслава; но онъ скоро, въ 1057 году, умеръ въ Смоленскѣ. Тогда Ярославъ, передъ смертію своей, посадилъ въ Смоленскъ княземъ другого сына своего Игоря, переселивъ его изъ Владимира. Съ этого времени князья въ Смоленскѣ не переводятся вплоть до окончанія удѣльнаго періода. Не перестаетъ имѣть значеніе и рѣчка Смядынка.

Такъ какъ Смоленскъ «изначала» былъ вѣчевой городъ, подобно Новгороду и Полоцку, т. е. управлялся народнымъ собраніемъ, или вѣчемъ: «*новгородцы изначала, и смоляне, и кіевляне, и полочане на вѣче сходятся* (якоже на Думу); *на что старѣйшіи* (города) *сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ*»; [2]) поэтому князю не удобно было селиться въ центрѣ этого неспокойнаго города, чтобы избѣжать «встани», т. е. возмущеній, которыя при совмѣстной жизни могли возникать изъ-за малой размолвки, изъ за ничтожныхъ поводовъ у князя со смолянами. [3]) Это неудобство совмѣстной жизни увеличивалось

---

[1]) «Сводн. лѣтопись» — Лейбовича 111—114 ст.

[2]) Собр. Рус. лѣт. I, 160.

[3]) Фактическое подтвержденіе такой «встани» смолянъ встрѣчается въ Новгородской 1 лѣтописи, но уже послѣ, подъ 1185 годомъ, изъ-за болѣе серіозной государственной причины.

тѣмъ обстоятельствомъ, что городъ вначалѣ былъ еще полуязыческій, а князья несли съ собою новую религію. Хотя *«святой Владиміръ крести(лъ) всю землю смоленскую въ 6521-е лѣто»*, т. е. въ 1013 году, какъ г. Краснопѣровъ утверждаетъ, на основаніи одной рукописи, хранящейся въ С.-Петербургскомъ отдѣленіи Императорской публичной библіотекѣ [1]); но въ Смоленскѣ языческая партія, или (для тогдашняго времени) народная была еще сильна. Доказательствомъ этому служитъ допущеніе, а можетъ быть, и содѣйствіе полуязычниковъ убить въ Смоленскѣ св. князя Глѣба, воспитаннаго своею матерью христіанкою въ строгихъ началахъ святой вѣры, а не въ народноязыческомъ духѣ. Это явленіе не удивительно, потому что Новая религія слишкомъ рѣзко измѣняла вѣковой строй жизни и обычаи славянъ, и смоляне не могли такъ скоро усвоить себѣ христіанскія начала: ихъ тянуло къ прежнимъ исконнымъ вѣрованіямъ. Князь Глѣбъ въ Муромѣ ревностно распространялъ Христіанскую вѣру. Если бы онъ занялъ великокняжескій престолъ въ Кіевѣ, куда онъ ѣхалъ, то нельзя было бы ожидать отъ него поддержки народнымъ обычаямъ и вообще старому укладу жизни [2]).

Въ виду этихъ обстоятельствъ смоленскіе князья поселяются не въ городѣ, а особо отъ горожанъ. На первыхъ порахъ они поселились на западной окраинѣ города, удерживая за собой выходъ по Днѣпру къ Чернигову и Кіеву, откуда и являлись въ Смоленскъ. Мѣсто это оказалось удобнымъ и въ другихъ отношеніяхъ, что увидимъ ниже. Такъ княжеская резиденція по традиціи оставалась и при послѣдующихъ князьяхъ въ той-же мѣстности.

---

[1]) Сборникъ Древняго хранилища Погодина № 1600; «Смоленскій Вѣстникъ» № 96 1882 г.

[2]) Въ «Хожденіи» арх. Антонія въ Царь-градъ 1204 года упоминается объ иконѣ св. Бориса и Глѣба въ Софійскомъ соборѣ и объ особой церкви этихъ святыхъ мучениковъ, находящейся въ Царь-градѣ. Что побудило грековъ строить у себя церковь въ честь русскихъ князей?—Ясно что они, бывшіе очевидцы того, что дѣлалось на Руси, смотрѣли на нихъ, какъ на мучениковъ за вѣру со стороны язычниковъ.

Городъ платилъ князю дань, гривны золота и серебра; отдалъ ему огромное количество своихъ за городомъ и въ области свободныхъ, никому не принадлежащихъ земель, которыми онъ въ правѣ былъ самъ владѣть и раздавать кому угодно въ заслугу или «на кормленіе». Взамѣнъ этого князь обязывался оберегать горожанъ и ихъ область отъ внѣшнихъ враговъ, впрочемъ при ихъ же помощи, и устанавливать между ними *«рядъ»*, во избѣжаніе междоусобнаго разлада, не касаясь ихъ имущества.

Съ княземъ явились его «мужіе» и «отроки», вообще дружина, набираемая смоленскими князьями, по большей части изъ южной Руси. При семействахъ дружинниковъ явилась «челядь», т. е. слуги. Князья смѣнялись очень часто: въ 1073 году мы видимъ уже, послѣ Игоря Ярославича, смоленскимъ княземъ Святослава Ярославича; въ 1076 году—Всеволода Ярославича; въ 1077 г.—Бориса Вячеславича, въ 1078 г.—Ярополка Изяславича, который чрезъ три мѣсяца изгнанъ былъ Владимиромъ Мономахомъ. Онъ посадилъ въ Смоленскѣ сына своего Мстислава Владимировича, потомъ Изяслава Владимировича; но въ 1095 году Давидъ Святославичъ изгналъ его, и самъ сталъ княземъ Смоленскимъ. Наконецъ съ 1097 года Смоленскъ окончательно закрѣпляется за Владимиромъ Мономахомъ и его родомъ. Каждый смѣнявшійся князь велъ сюда свою, его сопровождавшую дружину. При смѣнѣ князя всегда оставался по разнымъ обстоятельствамъ кто либо изъ пришельцевъ и становился «насельникомъ» этой мѣстности. Около князя и его христіанской дружины преимущественно ютилось духовенство, пока не восторжествовало въ городѣ христіанство. Такимъ образомъ, бывшая незаселенною окраина Смоленска, лежащая внизъ по теченію Днѣпра быстро застроилась. Здѣсь явились и терема княжескіе и помѣщенія для дружинниковъ съ ихъ прислугою; поселились и люди пришлые, въ видѣ, напримѣръ, «черныхъ людей» и торговцевъ, находившихъ практическій интересъ жить среди новаго населенія,

предлагая свои услуги. А духовенство устраивало здѣсь церкви, на первый случай деревянныя, а потомъ—и каменныя.

Уже подъ 1137 годомъ упоминается въ лѣтописяхъ о существованіи на Смядынкѣ даже монастыря, а вмѣстѣ съ тѣмъ около него и дворца княжескаго, въ которомъ князь Святославъ Олеговичъ, прогнанный изъ Новгорода, долженъ былъ ожидать, чѣмъ кончится война великаго князя Ярополка Владимировича со Всеволодомъ Олеговичемъ.[1])

Такимъ образомъ, Смядынь съ дворцомъ и монастыремъ сдѣлалась «*дѣдиной*» смоленскихъ князей.

А въ древнемъ городѣ князь мѣста не имѣлъ. Объ этомъ, по-мимо указаннаго, можно заключить изъ всего строя жизни горожанъ. Князь отличаетъ «мужей» своихъ отъ «мужей смолянъ»: *рядъ свой доконча про свое муже и про свое смоляны* [2]).

Историки говорятъ, что Смоленскъ былъ типомъ Новгорода: какъ тамъ городъ дѣлится на концы, а послѣдніе на улицы, и каждая улица составляла отдѣльную въ своемъ внутреннемъ управленіи самостоятельную общину со своими выборными «лучшими людьми», или «добрыми мужами», съ уличанскимъ вѣчемъ;[3]) то же было и въ Смоленскѣ. Особенно характерно это выразилось въ христіанскую эпоху. Какъ въ Новгородѣ существовали приходскіе братчины, напримѣръ: Никольщина съ церковнымъ старостою во главѣ, который принималъ пришлыхъ людей въ свою братчину и ко дню храмового праздника патрону церкви затѣвалъ пива ячныя (былина о Василіи Буславичѣ); такъ и въ Смоленскѣ существовали общины приходскія.

Въ мѣстности этого города было много ручьевъ, рѣчекъ, овражковъ, которые впадали въ долину Днѣпра; такимъ образомъ дробили городъ на отдѣльные участки. Авторъ прослѣдилъ регулярное повтореніе храмовъ между каждой изъ

---

[1]) „Ист. гос. Рос.“—Стриттера 1 ч. 1137 г.; тоже Софіевск. 1 лѣт. 167 стр.

[2]) Рус. лив. акт. 453 стр.

[3]) Бѣляевъ, Сергѣевичъ и друг.

этихъ естественныхъ преградъ не только въ старинномъ городѣ, но и въ княжескомъ и вообще въ предмѣстьяхъ Смоленска. Это указываетъ на самостоятельную жизнь въ каждомъ участкѣ, на общину. Каждая община въ христіанскую эпоху пожелала имѣть свой особый храмъ. Такая обособленность участковъ имѣетъ начало, конечно, въ предшествующей эпохѣ, характеризуемой вѣчемъ. Естественное дѣленіе города, какъ-бы на отдѣльныя территоріи, обусловило изстари и дѣленіе его на улицы и братства. Каждое братство заботилось объ охранѣ и защитѣ своего участка, особенно по берегу Днѣпра, линія не защищенной укрѣпленіями. Такимъ образомъ Смоленскъ представлялъ изъ себя союзъ отдѣльныхъ общинъ, братствъ. Община посылала отъ себя своего выборнаго «лучшаго мужа» въ «Опчій судъ», упоминаемый въ договорахъ съ нѣмцами. А высшей инстанціей въ рѣшеніи земскихъ дѣлъ было вѣче. Въ помощь дружинѣ князя, когда это нужно было и когда рѣшало вѣче, организовался особый полкъ, состоявшій изъ горожанъ и черныхъ людей смоленской волости, подъ начальствомъ сотскихъ и тысяцкаго. Сохранились въ лѣтописяхъ имена нѣкоторыхъ тысяцкихъ Внѣздъ (при Ростиславѣ Мстиславичѣ I), Радило (при Давидѣ Ростиславичѣ) и Михалко (подъ 1185 годомъ). Сотня, какъ группа извѣстнаго населенія мѣстности, сохранилась и въ позднѣйшую пору, при дѣленіи башенъ для защиты. Земскій полкъ сражался самостоятельно отъ княжескаго полка. Въ мирное время тысяцкій считался административнымъ лицомъ земщины, а сотскіе являлись какъ представители городскихъ сотенъ и торговыхъ общинъ [1]). Такимъ образомъ князь не вмѣшивался въ городское хозяйство.

А если при учрежденіи Смоленской епископіи князь Ростиславъ и назначаетъ епископу въ древнемъ городѣ мѣсто для жительства и отводитъ ему «огородъ съ капустникомъ на

[1]) «Смол Вѣсти. 1882 г. № 49 ст. Краснoперова.

Горѣ, [1]) то это онъ дѣлаетъ не самъ собою, но съ общаго совѣщанія гражданъ: «*сдумавши съ людьми своими*», [2]) т. е. по ихъ указанію и согласію. Вѣроятно, къ епископу перешли по-преемству тѣ мѣста, которыя принадлежали прежде языческой религіи и оставались пока свободными, напримѣръ Соборная гора, на которой предполагаютъ бывшее существованіе капища; прибавимъ къ этому, что «Историко-статистическое описаніе Смоленской епархіи» предполагаетъ еще бывшее существованіе кумирни на теперешней Вознесенской горѣ, ибо тамъ однажды нашли «большой мѣдный треножникъ со множествомъ мелкихъ черепичныхъ чашечекъ»; нѣсколько этихъ чашечекъ есть въ Смоленскомъ историческомъ музеѣ.

Несомнѣнно, что сами смоляне не умѣли строить каменныхъ зданій, потому что не могли дѣлать большихъ кирпичей и не знали извести. Кирпичъ до христіанскаго періода въ Смоленскѣ представлялъ изъ себя форму чрезвычайно малыхъ тонкихъ плитъ *гончарнаго производства* изъ чернаго ила, подобныхъ плиткамъ храма св. Ирины въ Кіевѣ. Онѣ хотя и чрезвычайно прочныя, но могли употребляться только для устройства малыхъ печей. Ихъ не рѣдко встрѣтить можно, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были древнѣйшія жилища, когда копаютъ тамъ землю. Но никогда пишущему эти строки не приходилось видѣть, чтобы изъ нихъ было сложено каменное зданіе. На этихъ плиткахъ совершенно нѣтъ слѣдовъ извести: очевидно, что её смоляне въ древнѣйшій періодъ не употребляли. Иногда эти плитки, вѣроятно, еще сырыми, смоляне окрашивали въ тёмно-зеленую, жёлтую, темно-красную и бѣлую краски и обжигали ихъ: получались изразцы, которые, употреблялись для настилки половъ. Чрезъ выжиганіе означенныя краски хотя и получали нѣкоторый устой, однако не достаточно прочный. Такіе изразцы, впрочемъ, какъ остатокъ уже отъ XI и XII вѣковъ найдены были авторомъ въ разва-

---

[1]) Уставная грам. Смол. епископіи.

[2]) Истор. стат. опис. Смол. епарх. 19 стр.

линахъ бывшаго деревяннаго храма монастыря св. Креста въ Смоленскѣ, близъ теперешней церкви Гурія, Самона и Авива, у сѣверо-западнаго угла ограды. Онѣ представляютъ изъ себя прямые углы и квадраты, примѣрно, въ 3 вершка длины и 1/2 вершка ширины. Найденъ при этихъ плитахъ и цементъ, но только не изъ извести, а изъ темно-красной глины. Всё это можно видѣть въ Смоленскомъ историко-археологическомъ Музеѣ. Указанные факты убѣждаютъ, что смоляне не могли строить каменныхъ зданій въ періодъ до-христіанскій.

Первое каменное зданіе въ Смоленскѣ, несомнѣнно, былъ соборъ въ честь Успенія Богородицы, заложенный въ 1101 году 2 мая въ 3-й часъ дня [1]) Владиміромъ Мономахомъ. Онъ строился уже изъ другого матеріала: изъ кирпичей красной глины, которые хотя и имѣютъ форму тоже плитки, но болѣе чѣмъ въ 8 разъ превосходятъ раньше указанныя величиною; цементомъ ихъ служитъ толстый слой извести. Такимъ образомъ появилось новое искусство, дотолѣ неизвѣстное гражданамъ г. Смоленска. Мастерами этого дѣла и матеріала не могли быть смоляне: мастера вывезены были изъ другого мѣста, конечно, въ небольшомъ числѣ. Оттого Соборъ смоленскій строился слишкомъ долго. Назначеніе перваго епископа въ Смоленскъ, Мануила Грека, въ 1137 году, къ вѣроятно, пріурочилось тому времени, когда готово было зданіе для Богослуженія.

Какъ въ Кіевѣ явились строить каменные храмы мастера изъ Византіи по Днѣпру (это видно изъ легенды Патерика: о построеніи Печерскаго монастыря); то-же было и въ Смоленскѣ. Греки научили и смолянъ этому строительному искусству. Впервые начался въ Смоленскѣ періодъ каменныхъ построекъ и въ частности, каменныхъ храмовъ по византійскому способу кладки и соотвѣтствующему византійскимъ храмамъ плану.

Освободившіеся отъ постройки собора мастера визанtій-

---

[1]) «Сводн. лѣтоп.»—Лейбовича.

ской школы приглашаемы были строить и другіе храмы, прежде всего, конечно, — близъ терема князя; такъ, дѣйствительно, мы и видимъ по лѣтописи: „въ 1145 г. въ Смоленсцѣ на Смядыни заложиша церковь камену“ [1]). О первомъ храмѣ, деревянномъ, на Смядыни не упоминается, когда онъ былъ построенъ и какому святому посвященъ. Думаемъ, что прежній храмъ на Смядынкѣ, деревянный, былъ устроенъ тоже въ честь Бориса и Глѣба княземъ Глѣбомъ Владимировичемъ (1116—1118 г), ибо этотъ князь съ отцомъ своимъ Владиміромъ Мономахомъ, уйдя изъ Смоленска въ 1118 г., закладываетъ храмъ Бориса и Глѣба въ Переяславѣ Черниговскомъ. Теперь же т. е. въ XII вѣкѣ, когда уже совершилась канонизація св. Бориса и Глѣба даже у грековъ, — на Смядыни, берега которой обагрены кровію св. князя Глѣба, естественно, посвятить церковь именно — въ честь этихъ святыхъ братьевъ мучениковъ. Это — второй каменный храмъ въ Смоленскѣ.

Въ слѣдующемъ 1146 году закладываютъ уже сразу три каменныхъ храма: Петропавловскій, Ильинскій и Козьмодемьянскій, что видно изъ Никоновской лѣтописи; [2]) и Тверская лѣтопись подъ 1147 годомъ обозначаетъ тоже строящимися 3 церкви: св Бориса и Глѣба въ *городѣ*, и св Илію, и святыхъ Козму и Деміана [3]). Освящалъ всѣ церкви епископъ Смоленскій Мануилъ [4]). Всѣ онѣ находились по берегу Днѣпра. Петропавловскій на другой правой сторонѣ Днѣпра; построенъ въ княжескомъ тетеревникѣ; при построеніи его упоминается и о появившемся тутъ населеніи рабовъ, „изгоевъ“, которые занимались для смоленскаго князя тетеревиною охотою и содержали тетеревиные садки [5]); храмъ Ильинскій былъ построенъ на теперешнемъ Ильинскомъ ручьѣ, противъ города, на той же правой сторонѣ Днѣпра: значитъ, къ тому времени явилось и здѣсь населеніе; а Козьмодемь-

---

[1]) 1-я Новгородская лѣтопись 1145 г.; тоже и Тверская лѣтопись.

[2]) Никоновск. лѣтопись II, 94.

[3]) Полн. собр. рус. лѣт. т. XV, стр. 208 изд. 1863 г.

[4]) Мурзак. «Ист. Смол» 52 стр.

[5]) Красноперовъ «Смол. Вѣсти. 1882 г. № 49.

янскій устроенъ въ княжескомъ предмѣстьѣ, ближе къ древнему городу, слѣдовательно, — и это мѣсто оказывается заселеннымъ.

Обращаемъ вниманіе и на тотъ фактъ, что храмъ Бориса и Глѣба указанъ въ 1147 году стоящимъ въ *«городѣ»*. Городъ, по старому понятію, есть, конечно, огороженное мѣсто для защиты отъ нападеній враговъ; но пустое или малозаселённое пространство не стали бы ограждать. Очевидно здѣсь уже было большое населеніе. Правда на полстолѣтіе раньше, подъ 1096 г. это мѣсто называлось еще пока посадомъ, и укрѣпленія его были слабы: Всеславъ Полоцкій, когда Владимиръ Мономахъ занятъ былъ войною съ Олегомъ, напалъ на посадъ и сжегъ его Но потомки, Владимира Мономаха окончательно засѣвшіе здѣсь, стали заботиться объ укрѣпленіи этого мѣста. Объ нихъ лѣтописи отзываются, какъ о «князьяхъ мудрыхъ, рядныхъ (умѣвшихъ уставить порядокъ, строй) и хоробрыхъ» [1]) они то и устроили здѣсь *особый городъ*, которымъ затѣмъ трудно было овладѣть, когда князь и дружина его были тутъ. Владимиръ Мономахъ завѣщалъ дѣтямъ: «чтить гостя», т. е. иностраннаго торговца. [2]) Этому завѣщанію искренно слѣдовали не только дѣти его, но и внуки и дальнѣйшее потомство. Такъ при князьяхъ, покровительствовавшихъ торговлѣ, стало быстро рости здѣсь населеніе, ютясь преимущественно около берега судоходной рѣки. Около 1180 г. князь Романъ Ростиславовичъ строитъ Іоанно-Богословскую каменную церковь въ сѣверо-западномъ углу города, у воротъ, направляющихъ выѣздъ изъ древняго города въ княжескую часть его. Въ продолженіе XII и XIII вѣковъ только въ однихъ предмѣстьяхъ Смоленска устроено было не менѣе 12 каменныхъ храмовъ, о чемъ можно заключить по количеству примѣчаемыхъ развалинъ этихъ храмовъ, по характеру ихъ постройки, относящейся къ означенной эпохѣ. Всѣ они строились изъ кирпичныхъ плитокъ и по одинаковому плану: удлиненный четыреугольникъ съ тремя полукру-

[1]) Собр. лѣт. I, стр. 212.

[2]) Поученіе Мономаха.

зіями на востокѣ, съ двумя боковыми входами; а внутри, для поддержки сводовъ, устраивались двѣ или три пары колоннъ. О числѣ деревянныхъ храмовъ мы не знаемъ, но они существовали даже въ XVII в. Конечно, каменныя церкви строились въ болѣе людныхъ мѣстахъ.

Наибольшее количество каменныхъ храмовъ замѣчается въ западной, или княжеской, части города. Во-первыхъ, упомянутый Козьмодемьянскій храмъ, теперь лежащій въ развалинахъ. Онъ возвышался на пригоркѣ надъ узкимъ проѣздомъ изъ города къ князю, не доходя одной версты до Борисоглѣбскаго монастыря, гдѣ теперь дома мѣщанъ Павловыхъ и Копыловой. Храмъ этотъ, сложенный изъ плитокъ XII в., былъ довольно обширный. Случайно, въ 1850 г., въ развалинахъ его найденъ былъ небольшой гробъ, обитый серебромъ; [1]) авторъ видѣлъ здѣсь остатки древнихъ кафель. Вверхъ отъ него, по полугорью, тянулось большое кладбище; еще въ первой четверти текущаго столѣтія видны были на могилахъ надгробные, искусно высѣченіе камни [2]). Около него встрѣчаются остатки каменныхъ построекъ и болѣе поздняго времени. Недавно также найдена тутъ свинцовая висячая печать съ надписью старославянскими буквами стиля, примѣрно, XIII вѣка: «Господипомози рабу твоему Димитрию». Читать надо обратно, такъ какъ мастеръ не умѣлъ приспособить буквы для надлежащаго чтенія; первое слово сокращено титломъ.

Но старѣйшимъ изъ каменныхъ храмовъ княжеской мѣстности считался храмъ Борисоглѣбскаго монастыря. Игуменъ его былъ потомъ въ санѣ архимандрита; это видно, напримѣръ, изъ акта избранія Бориса Годунова на царство, гдѣ подписался: «Смоленскій Борисоглѣбскій архимандритъ Өеодосій» [3]). Въ обезпеченіе монастыря даны были вотчины. [4]). Теперь этотъ монастырь

---

[1]) «Ист. стат. описаніе См. епар. Трофимовскаго, 217 стр.».

[2]) Сообщилъ мѣщанинъ Яковъ Луковниковъ.

[3]) Акт. геогр. II, 41.

[4]) Акты географ II, 318, 275 и 291.

лежитъ въ развалинахъ, въ видѣ двухъ большихъ кургановъ. Одинъ изъ этихъ кургановъ есть остатокъ главнаго храма. Видъ бывшаго храма уцѣлѣлъ на картинѣ 1634 года, изображающей Смоленскъ во время осады его московскимъ воеводою Шеинымъ: зданіе довольно высокое съ фронтонами и двумя ярусами оконъ; кровля на 4 ската; по срединѣ ея свѣтлый фонарь съ продолговатыми окнами; а надъ нимъ безъ шеи, прямо надъ всѣмъ фонаремъ, устроена была глава шестнадцатигранная. Восточная стѣна имѣла 2 окна внизу, и одно выше. На боковой сѣверной стѣнѣ 2 окна вверху, а внизу дверь.

Чѣмъ служило зданіе, являющееся теперь въ видѣ другого кургана,—не разслѣдовано; курганъ представляетъ изъ себя квадратъ аршинъ 16. На рисункѣ 1634 года не сохранилось вида зданія этого второго кургана, лежащаго у самаго берега Смядынки; значитъ зданіе къ тому времени было уже разрушено.

Борисоглѣбскій монастырь былъ обширный, потому что между тѣмъ и другимъ бывшими зданіями не менѣе 60 саженей. Въ храмѣ св. Бориса и Глѣба находилась чтимая икона Богородицы. Извѣстно, что въ 1178 году, когда Всеволодъ Юрьевичъ въ спорѣ изъ-за владѣній Владимирскихъ восторжествовалъ надъ рязанскими князьями и держалъ въ плѣну своихъ враговъ Мстислава и Ярополка, родственниковъ смоленскаго князя: тогда смоленскій князь Мстиславъ Ростиславичъ, при помощи кіевскаго князя и духовенства, усиленно ходатайствовалъ предъ Всеволодомъ Юрьевичемъ объ освобожденіи своихъ родныхъ. Явилось посольство во Владимиръ. Однако жители города, по злобѣ на означенныхъ князей, Мстислава и Ярополка, согласились ихъ отпустить только ослѣпленными; но Всеволодъ сдѣлалъ иначе, употребивши хитрость: онъ велѣлъ лишь надрѣзать сверхъ очей кожу, вслѣдствіе чего глаза князей плѣнныхъ окровавились. Въ такомъ видѣ, показавши ихъ народу, самъ на телѣгахъ проводилъ ихъ за городъ и отпустилъ по дорогѣ въ Смоленскъ. Во время пути, надрѣзанныя очи князей гнили. Съ провожатымъ

они явились въ Смоленскъ *къ образу Богородицы* на Смядыни *«и ту прозрѣша»*.[1]) На слѣдующій годъ Мстислава взяли себѣ въ князья новгородцы.

Отмѣтимъ здѣсь фактъ остановки князей на Смядыни, т е. во дворцѣ князя Мстислава Ростиславича, по ходатайству котораго они и освобождены были изъ заключенія.

Мы сказали, что мѣсто, гдѣ находился Борисоглѣбскій монастырь, называлось *городомъ*. Еще болѣе сильное доказательство этому находимъ въ Литовской лѣтописи, по списку гр. Красинскаго: по смерти Сигизмунда Кейстутовича, предъ избраніемъ на престолъ Казимира, «по Велицѣ дни, *на святой недѣлѣ, въ среду,* здумали черные люди *смоляне* раду собе», т. е возмущеніе противъ намѣстника, который послалъ на нихъ вооруженныхъ людей съ копьями: «и была имъ битва *оу городѣ, у* (на) *святого Бориса и Глѣба;* и побили много людей».[2]) Здѣсь предлогъ *на* слѣдуетъ читать, какъ и предыдущій: оу *(у)*, потому что раньше указано опредѣленно время битвы: святая недѣля. День св. Бориса и Глѣба бываетъ 24 іюля; а Казимиръ избранъ былъ на царство 2 іюля 1441 года; битва-же была еще на Пасхѣ (въ апрѣлѣ); значитъ въ лѣтописи встрѣтилась погрѣшность переписчика относительно означеннаго предлога «у».

Хотя князья жили не въ монастырѣ, а въ особомъ дворцѣ, или теремѣ княжескомъ, но храмомъ пользовались монастырскимъ св. Бориса и Глѣба. Здѣсь они погребались, по крайней мѣрѣ, лица мужескаго пола Такъ слѣдующій за Мстиславомъ князь Давидъ Ростиславичъ предъ смертію принялъ монашество и завѣщалъ похоронить себя въ этомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ: «въ дѣдинѣ отни» или «во отни ему благословени», какъ выражаются лѣтописи [3]). Случилось это въ 1197 году: «преда Давидъ княженіе смоленское сыновцу (племяннику)

---

[1]) Ист. Татищева III, стр. 228, прим. 522; Тверск. лѣт. 264 стр., изд. 1863 г.

[2]) Лит. л. 40 стр., изд. 1893 г.

[3]) Т. е. наслѣдіе отца, перешедшее отъ дѣда.

своему Мстиславу Романовичу, и велѣлъ себя больного нести въ монастырь Бориса и Глѣба, гдѣ принялъ монашескій чинъ, чего давно желалъ. Княгиня Давида, видя его постригаема, сама того-же дня пострижеся. Лежавъ Давидъ въ монастырѣ три дня, предаже духъ свой Господеви. Епископъ же Симонъ, всѣ игумены и попы, притомъ сыновецъ его, Мстиславъ Романовичъ, погребли его въ церкви Бориса и Глѣба. Сей благовѣрный князь возрастомъ былъ средній, но добродѣтельми украшенъ; милостыню многую раздавалъ, небрегши имѣнія; на войнѣ довольно славы показалъ; былъ правосуденъ и на злыхъ золъ: казнилъ безъ помилованія злодѣевъ; хотя немного былъ ученъ, но любилъ книги читати и память острую имѣлъ. Всѣхъ лѣтъ поживе 57». [1]) Давидъ имѣлъ двухъ сыновей: Константина и Θедора. Младшій изъ нихъ Θедоръ умеръ въ Смоленскѣ, нѣсколько раньше отца. Похороненъ былъ, безъ сомнѣнія, въ Борисоглѣбскомъ же монастырѣ. Этому соотвѣтствуютъ данныя изъ раскопокъ этого храма: въ 1835 г. строителямъ неудавшагося смоленскаго шоссе понадобился камень; поставщики камня, за который платили тогда до 50 руб. за кубъ, отыскивали его всюду, между прочимъ въ развалинахъ Екатерининской церкви, монастыря Духовскаго на Рачевкѣ, также и въ развалинахъ Смядынскаго монастыря. Во время раскопки Борисоглѣбскаго храма на Смядыни рабочіе нашли въ стѣнахъ двѣ каменныя гробницы. При одной изъ нихъ стѣна снаружи была облицована изразцами темнозеленаго цвѣта эпохи древнѣйшей; очевидно,—облицовка современна погребенію лица. [2]) Въ гробницѣ лежали только скелетъ съ мелкимъ песочкомъ вокругъ, а въ головахъ его три кирпичныхъ плитки XII в. Въ другой-же каменной гробницѣ, меньшаго размѣра, вмѣстѣ съ костями найдены были золотая сѣкира и золотой вѣнокъ у изголовья[3]). Очевидно, это гроб-

---

[1]) Татищева книг. 3, стр 325.

[2]) О древности такихъ изразцовъ на Руси есть свидѣтельсво въ былинахъ: Добрыня Никитичъ играетъ на гусляхъ, сидя на *муравленой* печи.

[3]) Разсказы слышанные авторомъ отъ стариковъ.

ницы не простыхъ лицъ [1]). Вторая гробница, несомнѣнно, княжеская, на что указываютъ найденныя вещи княжескаго достоинства. Очень вѣроятное заключеніе, что первая гробница [2]) принадлежала Давиду Ростиславичу, при которомъ, такъ какъ онъ умеръ монахомъ, не положили атрибутовъ княжескаго званія, а только отмѣтили мѣсто погребенія изразцами; сынъ-же его, умершій еще при жизни отца и не въ монашескомъ чинѣ, погребенъ былъ съ символами княжескаго званія.

Искателямъ бутоваго камня мѣстныя власти помѣшали потревожить весь объемъ развалинъ. Въ 1885 г. графъ А. С. Уваровъ произвелъ раскопку ихъ въ Юго-В. и Ю. Зап. частяхъ, свидѣтелемъ чего былъ авторъ. Разсматривая кирпичи, почтенный археологъ, А. С. Уваровъ, замѣтилъ на нихъ различныя клейма. Это показываетъ, что они изготовлялись не на одномъ заводѣ, а разными лицами, такъ сказать кустарнымъ способомъ. Форма кирпичей и кладка ихъ, по замѣчанію А. С. Уварова, одинаковы съ кіевскими Золотыми воротами. Размѣры фундамента въ длину 10 саж. 2 арш. 6 вершк.; планъ зданія продолговатый, съ тремя алтарными выступами. [3]).

Борисоглѣбскимъ храмомъ князь хотя и пользовался свободно но всё-же онъ былъ монастырскій; а у самого князя не было своего храма. И вотъ Давидъ Ростиславичъ, княжившій въ Смоленскѣ 18 лѣтъ (отъ 1179 – 1197 г.) рѣшилъ выстроить особый спеціально княжескій храмъ, болѣе величественный, чѣмъ бывшіе въ этой мѣстности храмы. Это третій, по древности, каменный храмъ близъ князя; онъ до сихъ поръ уцѣлѣлъ, называется *Михаило архангельскій*, или *Свирскій храмъ*. Ему отведено главное мѣсто въ нашемъ изслѣдованіи княжеской части города.

Извѣстно изъ исторіи другихъ городовъ (Мурома, Кіева,

---

[1]) Князья и въ Кіевѣ погребались въ каменныхъ гробницахъ.

[2]) Она находится теперь въ Свирской церкви.

[3]) «Древности» Моск. археолог. общ. X, 1885 г.; протоколы 49 стр.

Москвы и друг.), что князья любили строить близъ своихъ дворцовъ храмъ Архангела Михаила, высшаго небеснаго воителя, также и храмъ Спаса. Явленіе одного города повторялось и въ другомъ. Такъ и въ Смоленскѣ: недалеко отъ дворца, меньше полуверсты отъ Михаила-архангельскаго, по направленію къ юго-западу, на мѣстѣ теперешней деревни Чернушки, устроенъ былъ *Спасскій монастырь*. Въ послѣдствіи онъ разрушенъ; но еще «въ началѣ нынѣшняго столѣтія, пишетъ Трофимовскій, стояли тутъ огромныя обгорѣлыя колонны старыхъ зданій, впослѣдствіи разобранныя. Въ 1863 году это мѣсто представляло три части развалинъ (и теперь еще это можно нѣсколько наблюдать): 1-я часть, ближе къ деревнѣ и больше другихъ, — заключаетъ въ себѣ остатки церкви во имя Спаса Благословеннаго; 2-я, параллельная ей, — нѣсколько меньше по ширинѣ, но гораздо длиннѣе первой: она, вѣроятно, остатки келлій монастырскихъ; 3-я, на краю горы, обращенной къ Днѣпру, — остатки прежней колокольни» [1]). Когда былъ устроенъ этотъ монастырь, — не извѣстно; но матеріалъ и способъ кладки зданій 13—14 вѣковъ, однако встрѣчается кое-гдѣ и поздній, сравнительно кирпичъ. Предположеніе г. Трофимовскаго оправдывается картиной осады Смоленска Шеинымъ въ 1634 году. Тамъ видны, дѣйствительно, три зданія: одно большое—церковь; за нею домъ со многими окнами; далѣе виднѣется башня высокая четыреугольная, въ ней существовало много оконъ, на верху перехватъ, или шея; дальше, — глава гранями, въ ширину самаго зданія... Опять является вопросъ, какъ и при обозрѣніи развалинъ Борисоглѣбскаго монастыря: что означаетъ это послѣднее зданіе?—Колокольней, какъ назвалъ его Трофимовскій, считать такое зданіе нельзя. Въ 1680 году въ раздѣльномъ межевомъ актѣ хранящемся въ деревнѣ Чернушкахъ у крестьянина Королькова, это зданіе названо «Спасскими воротами». Послѣднее вѣрнѣе. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить,

[1]) Ист. статист. описан. Смоленск. епархіи, 220 стр.

что и при Богословской церкви, указанной выше, существовало здание воротъ, это означено на видѣ Смоленска въ 1611 году [1]). Слѣдовательно, капитальное здание воротъ съ жильемъ на верху было не рѣдкость при старинныхъ храмахъ. Ворота указываютъ, откуда главнымъ образомъ происходило движеніе во храмъ и, слѣдовательно,—въ какой сторонѣ отъ церкви было гуще населеніе. Въ данномъ случаѣ, въ Спасскомъ монастырѣ, ворота находятся внизъ по уклону плоскогорья, ближе къ рѣчкѣ Смядынкѣ. Тутъ и ютилось населеніе, ходивше на богослуженіе въ Спасскій монастырь. Свидѣтельствомъ этому служатъ остатки культуры, встрѣчающіяся въ этой мѣстности, также большой слой чернозема на глинистомъ грунтѣ. Монастырь этотъ былъ людный; настоятель его назывался архимандритомъ. Трофимовскій говоритъ, что въ его время (средина текущаго столѣтія) отъ колокольни, т. е. Спасскихъ воротъ, на значительномъ пространствѣ тянулись остатки каменной ограды, въ концѣ которой примѣтны были слѣды прежняго кладбища въ каменныхъ склепахъ [2]). Въ монастырѣ былъ прудъ, который и до сихъ поръ очевиденъ; были сады, была мельница, еще—плотина, которая видна въ глубокомъ оврагѣ бывшей рѣчки Смядынки. Замѣчательный фактъ: объ основаніи такого большого монастыря лѣтописи не упомянули ни однимъ словомъ Объясняемъ это тѣмъ, что онъ строился, сравнительно, позднѣе, чѣмъ другіе упоминаемые храмы, напр.: Михаило архангельскій храмъ; строился тогда, когда постройка каменныхъ зданій была уже нерѣдкость и, какъ обычное явленіе, не обратила на себя вниманіе лѣтописцевъ. Самое удаленіе монастыря отъ берега Днѣпра на гору указываетъ на послѣдовательное, постепенное заселеніе и расширеніе княжеской части города. Кромѣ того, и простота фасоновъ зданій даетъ понять, что въ построеніи ихъ уже не участвовали искусные

[1]) Картина хранится въ Смол. истор. Музеѣ.
[2]) Ист. ст. описан. См. спар. 220 стр.

греческіе архитекторы. Монастырь выступаетъ на историческую сцену только въ 1507 г., по поводу просьбы ахримандрита этого монастыря къ королю Сигизмунду о прибавкѣ земли въ Смоленскомъ повѣтѣ [1]. Хотя г. Трофимовскій дѣлаетъ попытку выставить болѣе ранній фактъ упоминанія этого монастыря, именно: бракосочетаніе будто бы въ немъ дочери смоленскаго князя Святослава Ивановича съ Борисомъ Михаиловичемъ, сыномъ тверского князя въ 1384 году; но это ошибка: «Древній лѣтописецъ» [2] говорятъ рѣшительно, что вѣнчаніе было у Спаса въ Твери (а не Смоленскѣ.)

По дорогѣ отъ Богословской церкви въ княжескую часть города, въ саженяхъ 80 за бывшимъ древнимъ землянымъ валомъ, при впаденіи рѣчки Чуриловки въ Днѣпръ, случайно найдены были (въ 1885 г.) остатки еще какого то древняго каменнаго храма малыхъ размѣровъ. Авторъ видѣлъ раскопку его теперешнимъ владѣльцемъ того мѣста, гдѣ находился храмъ, и озаботился снять планъ зданія [3]. Форма его продолговатая, съ выступами на востокъ; въ срединѣ — двѣ пары колоннъ, при чемъ восточныя служили и для сводовъ, на которыхъ покоился куполъ, служили вмѣстѣ съ тѣмъ и стѣною, отдѣлявшею алтарь отъ средины храма. Примѣтно, что храмъ былъ взорванъ порохомъ; тѣмъ не менѣе удалось намъ услѣдить въ немъ входъ съ юга. Въ стѣнахъ и въ колоннахъ встрѣчались замурованные погребенные безъ гроба, даже одинъ надъ другимъ. При одномъ скелетѣ найденъ былъ у головы мѣдный позолоченный гербъ съ изображеніемъ льва и дерева; найдено также множество печныхъ кафель разнаго времени до 17 вѣка, —всё это хранится въ Смоленск. истор. Музеѣ. Найдены были еще разбитыя фрески, слюда, гвозди; еще — обдѣланные въ плиту, гранитные камни, имѣвшіе особое назначеніе; около храма нашли каменныя ядра очень боль-

---

[1] Акт. Зап. Рос II, 26.

[2] Часть 2, стр. 97; тоже и Тверская 413 стр., изд. 1853 г.

[3] Хранится въ Смол. истор. Муз.

ших размѣровъ. Обратимъ вниманіе изъ этихъ предметовъ на гвозди и плиты: одни изъ гвоздей съ широкими шляпками встрѣчались въ стѣнахъ, гдѣ замурованы, или заложены были мертвецы: слѣдовательно, этими гвоздями прикрѣплялись кирпичи къ нетронутой части стѣны. Гранитныя плиты имѣли назначеніе прикрывать узкій ходъ на верхъ, или женское отдѣленіе въ храмѣ, устраиваемое обыкновенно между западной стѣной и ближайшими къ ней колоннами, при второмъ рядѣ оконъ, которыя пропускали свѣтъ туда. Отъ храма же это верхнее помѣщеніе было почти изолировано перегородкою, или стѣною, имѣющею лишь малое количество щеловидныхъ отверстій. Ходъ туда дѣлали, если храмъ былъ теплый, непремѣнно внутри зданія; прикрывали же его не сводомъ, а плитами. Послѣднее приспособленіе дѣлалось съ акустическою цѣлію: больше слышать, что поется, возглашается и читается внизу храма, ибо чрезъ узкія малыя отверстія не могли проходить ясно всѣ звуки. Строители, конечно, въ состояніи были устроить надъ ходомъ и сводъ, но онъ не доставлялъ такого резонанса, какъ плоское прикрытіе верха. Для этого и понадобились каменныя плиты. Наблюдать такое искусно скрытое помѣщеніе и акустическое прикрытіе хода, дающее сильнѣйшій резонансъ, также сохранившееся (только одно) щеловидное отверстіе можно въ Смоленскѣ, въ Петропавловской церкви, построенной, какъ было указано, Ростиславомъ Мстиславичемъ въ 1146 году, теперь въ многомъ измѣнившей свой видъ. И въ описываемомъ разрушенномъ храмѣ надъ рѣчкою Чуриловкой, видимо, существовало то же самое, такъ какъ попавшіяся плиты совершенно одинаковаго свойства съ петропавловскими, да и найдены онѣ были въ западной части зданія. Храмъ этотъ былъ теплый, свидѣтельствомъ чему служатъ многія изразцовыя кафли и найденные при раскопкѣ печные приборы. Какому святому посвящена была эта церковь,—намъ не удалось разслѣдовать. Въ перечнѣ смолянами храмовъ, уцѣлѣвшихъ отъ погрома польскаго въ 1610 году,

во время Сигизмунда III, упоминается какой то «теплый храмъ въ Ямской слободѣ» [1]. То обстоятельство, что описываемый храмъ былъ теплымъ и находился между двумя населенными торговыми пунктами города, гдѣ болѣе всего удобно и умѣстно ютиться ямщикамъ и перевозчикамъ тяжестей,—заставляетъ думать, что упоминаемое названіе относится къ этому храму. Строительный матеріалъ храма древнѣйшей эпохи 12 или 13 вѣка.

Идя по рѣчкѣ Чуриловкѣ вверхъ, мы встрѣтимъ на теперешней улицѣ Дальней Козинкѣ, во владѣніи г. Волонцевича, остатки еще какого-то каменнаго зданія, сложеннаго тоже изъ древнихъ кирпичныхъ красныхъ плитокъ; попадаются здѣсь и остатки фресокъ, что служитъ признакомъ храма. Въ такомъ случаѣ это будетъ шестой каменный храмъ въ западной или княжеской части города.

Мы не упомянули еще о самомъ крайнемъ внизъ по теченію Днѣпра, въ княжеской мѣстности, *монастырѣ Троицкомъ*, стоявшемъ при впаденіи рѣки Кловки въ Днѣпръ. Это будетъ верстахъ въ 5 отъ городского древняго вала,—таково было протяженіе въ длину княжескаго предмѣстья! Не упомянули потому, что строительный матеріалъ этого монастыря относится къ эпохѣ уже 15 или 16 вѣка, такъ какъ состоитъ не изъ плитокъ греко-кіевскаго образца, а изъ толстыхъ кирпичей, подобныхъ тѣмъ, какіе встрѣчаются въ замкахъ Троки и Вильнѣ. Объ этомъ монастырѣ Карамзинъ замѣчаетъ слѣдующее «монастырь Троицкій въ Смоленскѣ на берегу Днѣпра былъ главнымъ пристанищемъ для купцовъ литовскихъ; они тамъ жили въ гостинницахъ и грузили русскіе товары для отправленія въ свою землю». [2]

Приведенные факты указываютъ на бывшую людность, населенность и богатство означенной княжеской окраины города. Недаромъ здѣсь, на всемъ пространствѣ 5 верстъ, встрѣ-

---

[1]) Акт истор. т II, 174.

[2]) Кар. VII, 124.

чается множество остатковъ жилья, погребовъ. остатковъ посуды, ручные жернова, кирпичи, кафли, нагрудные крестики и складни, свинцовыя привѣски печатей; встрѣчаются древнія монеты, напр.: монеты Венчеслава, короля Чешскаго XIII вѣка, попадалисі и цѣлые клады прежнихъ монетъ (одинъ описанъ въ «Смол. губ. вѣд.» въ сороковыхъ годахъ). Населеніе жалось другъ къ другу, ближе къ Днѣпру. Въ старинныхъ документахъ до 17-го вѣка встрѣчаются указанія, что въ этомъ концѣ города, кромѣ прямыхъ домовладѣльцевъ, были еще «задворники» и «захребетни». Вообще въ эпоху князей смоленскихъ, покровительствовавшихъ торговлѣ не только въ городѣ, но чрезъ «тіуновъ» и во всемъ княжествѣ, замѣчается необыкновенный приростъ Смоленска, главнымъ образомъ, его окраинъ, особенно княжеской: самъ древній городъ по берегу Днѣпра и безъ того уже былъ стѣсненъ прежними жителями, такъ сказать: аборигенами. Чтобы судить о количествѣ населенія въ тогдашнемъ Смоленскѣ, представимъ фактъ: въ 1231 году, при князѣ Святославѣ Мстиславичѣ, во время голода и происшедшаго отъ него мора, въ однихъ *скудельницахъ* было положено 32,000 человѣкъ, кромѣ тѣхъ, что погребались при церквахъ [1]); помимо этого счета, населеніе, конечно, осталось еще въ большемъ числѣ. Слово «скудельница» заимствовано изъ Священнаго писанія, гдѣ оно употребляется въ смыслѣ мѣста, для погребенія странныхъ (чужестранцевъ), въ данномъ случаѣ разумѣется «гостей», т. е.: купцовъ, ихъ людей и вообще пріѣзжихъ изъ другихъ городовъ, жившихъ въ Смоленскѣ и останавливавшихся больше всего на Смядыни. А смоленскіе горожане хоронились при своихъ приходскихъ церквахъ. около каждой приходской церкви есть остатки большихъ кладбищъ..

Объяснить, почему развилась *торговля*, слѣдовательно,— и городъ главнымъ образомъ въ западной части Смоленска,

---

[1]) Татищ. III, стр. 460.

можно, прежде всего, тѣмъ, что здѣсь жилъ князь со своими дружинниками, который сберегалъ жителей, какъ и себя самого отъ внезапныхъ нападеній враговъ; защищалъ пріѣзжихъ торговцевъ, или «гостей», въ случаѣ какой либо неправды со стороны смолянъ. Самъ князь и богатые дружинники были важными покупателями привозимыхъ товаровъ и продуктовъ; поэтому купцы и останавливались здѣсь, передъ княземъ.

Но главное—это мѣсто очень удобно было для пристани судовъ. Днѣпръ передъ Борисо-глѣбскимъ монастыремъ, начиная отъ Козьмодемьянской церкви до Троицкаго монастыря, дѣлаетъ луку (изгибъ), отклоняясь отъ Борисоглѣбскаго. Какъ-бы взамѣнъ рѣки, съ того пункта, гдѣ Днѣпръ опять поворотилъ на прежнее направленіе, вышли двѣ глубокія и широкія впадины, или лучше сказать: лиманы, образованные водоворотами теченія рѣчекъ Смядынки и Кловки при впаденіи ихъ въ Днѣпръ. Эти лиманы, особенно Смядынки, далеко вдались въ полукругъ материка. Смядынка и Кловка, будучи подпираемы многоводнымъ въ то время Днѣпромъ, образовали въ этихъ мѣстахъ бухты, удобныя для входа изъ Днѣпра и спокойныя для стоянки приплывавшихъ въ Смоленскъ «насадовъ», «учановъ»[1]) и «кораблецовъ». Недаромъ святой князь Глѣбъ, приплывши съ верху Днѣпра, останавливается именно здѣсь, на Смядыни, проѣхавъ весь городъ. Теперь воды бухтъ очевидны только во время весенняго разлива, но прежде, при существованіи огромныхъ густыхъ лѣсовъ, а слѣдовательно, и полноводья рѣкъ, это было всегдашнимъ явленіемъ. Убіеніе свят. кн. Глѣба, во время слѣдованія его черезъ Смоленскъ, совершилось: «пятаго *сентября*, въ понедѣльникъ, на память святого пророка Захаріи» (такъ по многимъ лѣтописямъ, какъ указано въ «Сводной лѣтописи» —Лейбовича; стр. 12) Слѣдовательно, въ 1015 г. бухта Смядынки полноводна была даже въ концѣ лѣта, когда рѣки обыкновенно усыхаютъ. Какъ единственный остатокъ этой важной древней бухты существуетъ и теперь еще малое

---

[1]) Насадами и учанами назывались особыя большія лодки.

неглубокое озеро (въ срединѣ полукруга), не пересыхающее во всё лѣто, какова-бы жара ни стояла. За бухтой, продолженіе которой составляетъ озеро, до Днѣпра образовался узкій полуостровъ, на которомъ тоже могли выгружаться товары съ судовъ, останавливавшихся даже на самомъ Днѣпрѣ. Во обще это было лучшее мѣсто въ Смоленскѣ для судовъ. Не воспользовались же имъ въ доисторическую пору потому, что здѣсь не было населенія.

Сюда выходили двѣ дороги: одна, ближе къ Днѣпру, направлялась въ Красный и Оршу, и называлась въ старину Оршанскою; а другая — въ Сѣверскую землю и называлась Черниговскою дорогою. Это еще болѣе увеличивало значеніе мѣста въ смыслѣ пригодности его для заселенія. Не даромъ князья, не имѣя возможности жить въ городѣ, избрали его своею резиденціею и традиціонно удерживали, обходя другія окраины города.

Мѣстность эта была и довольно хорошо защищена: съ сѣвера—Днѣпръ съ заливами препятствовалъ внезапному нападенію враговъ; съ запада стояло обширное озеро Кловское, о которомъ упоминается еще въ 1634 году по поводу осады Смоленска Шеинымъ; озеро это образовалось прегражденіемъ русла рѣчки Кловки и впадающихъ въ нее другихъ источниковъ, находилось выше бухты Кловской, упоминаемой раньше; образовалась вѣроятно, при князьяхъ, заботившихся объ огражденіи мѣстности. На искусственную преграду намекаетъ и названіе *Кловка*, въ смыслѣ замыканія, запиранія. Выше озера съ юга находился глубокій ровъ главнаго истока Смядынки, тянущійся за Спасскій монастырь. За рвомъ и озеромъ по ту сторону находились большіе лѣса, пересѣкаемые множествомъ овраговъ. По эту сторону озера видны два холма: одинъ ближе къ Архангельской церкви, между двухъ истоковъ Смядынки, — естественный; а другой далѣе продолговатый, въ видѣ вала, вѣроятно, искусственный Съ востока предмѣстье прикрыто было городомъ. А если

предполагать традиціонность существованія укрѣпленій, то слѣдуетъ замѣтить, что въ 1634 году упоминается передъ Кловскимъ озеромъ еще укрѣпленіе: «по московскому обычаю»; затѣмъ, къ югу отъ Спасскаго монастыря существовали рогатки, которыя тогда трудно было разрушить; также устроены были и другія укрѣпленія.[1]) Безъ сомнѣнія, означенное мѣсто было гарантировано относительно внезапнаго нападенія враговъ.

Безопасность еще болѣе увеличивалась оттого, что здѣсь было устроено нѣсколько особыхъ огражденій. Такъ Спасскій монастырь, будучи окруженъ каменными стѣнами, представлялъ собою замокъ, прикрывавшій дорогу изъ Чернигова въ эту часть города; такими-же «малыми крѣпостями» (впослѣдствіи онѣ и названы такъ въ польскихъ грамотахъ, напр.: въ грамотѣ Сигизмунда III 1625 года) слѣдуетъ считать и ограды другихъ монастырей; напримѣръ: Борисоглѣбскаго; и дворецъ князя былъ тоже, конечно, не безъ внѣшнихъ огражденій. Въ случаѣ опасности граждане могли убѣжать подъ защиту той или другой ограды. Непріятелю, наступающему въ небольшомъ числѣ, особено при тогдашнемъ способѣ вооруженія, безъ огнестрѣльнаго оружія, трудно было вращаться среди этихъ замковъ, многихъ рядовъ домовъ и всякихъ построекъ: другой князь завладѣвалъ городомъ только въ отсутствіе смоленскаго главнаго князя, когда не было въ городѣ дружины. Такъ въ 1116 году Глѣбъ Всеславичъ Минскій овладѣлъ Смоленскомъ въ отсутствіе Вячеслава Владимировича, когда онъ воевалъ Оршу и Копось;[2]) въ 1233 г. Святославъ Мстиславичъ вступилъ въ городъ когда не было Мстислава Мстиславича,[3]) и Витовтъ овладѣваетъ Смоленскомъ сначала «изымавъ князей», вызвавши ихъ съ боярами изъ города. Явилось огнестрѣль-

---

[1]) «Изображеніе атаки и обороны Смоленска 1834» сост. Гондіусомъ, перев. съ польскаго 1847 г. Спб. типографія Жернакова.

[2]) Ипат. л. 203 стр.

[3]) Намъ кажется, что въ обоихъ указанныхъ здѣсь случаяхъ разумѣется только княжеская мѣстность въ городѣ, а не старый земскій городъ: Князья, враждовавшіе между собою, по большей части, не были врагами земщины своего противника; и земщина, занятая преимущественно торговымъ дѣломъ, признавала княземъ того, кто завладѣвалъ княжескою мѣстностью въ городѣ.

ное оружіе—пушки въ рукахъ враговъ [1]), и положеніе стало измѣняться. Но объ этомъ скажемъ послѣ.

Смоленскъ, благодаря его счастливому мѣстоположенію на многихъ большихъ дорогахъ, благодаря Великому водному пути, соединявшемуся чрезъ волоки съ другими рѣчными системами, издавна привлекалъ къ себѣ много народа. Онъ служилъ узломъ, въ который стягивались товары многихъ странъ; но главнымъ образомъ въ немъ совершалась смѣна и передача предметовъ, съ одной стороны, подвозимыхъ съ верховьевъ Днѣпра, Волги и изъ Камской Болгаріи, а съ другой, тянувшихся съ юга отъ Кіева, изъ Руси, Половецкой земли, Византіи и земли Угорской для верхняго населенія Днѣпра. Любопытный фактъ по этому предмету представляетъ намъ лѣтопись: въ 1148 году пріѣхалъ въ Смоленскъ великій князь кіевскій, Изяславъ Мстиславичъ, къ брату своему смоленскому князю Ростиславу Мстиславичу; братья радостно встрѣтились и обмѣнялись подарками: «Изяславъ далъ дары, что отъ рускыи землѣ и отъ всихъ царьскихъ (византійскихъ), а Ростиславъ далъ дары, что отъ верьхнихъ земель (новгородскихъ) и отъ варягъ». [2]) Смоляне и сами заѣзжали далеко.

Издавна у смолянъ была связь съ новгородцами и жителями г. Полоцка. Это были ихъ давніе, обычные «гости» и покупатели товаровъ. Но при князьяхъ завелись еще сношенія съ нѣмцами, а потомъ съ литовцами, которые стали являтися въ Смоленскъ съ своими товарами. Прочное торговое дѣло въ чужомъ мѣстѣ ведется по традиціямъ, и купцы останавливаются обыкновенно тамъ, гдѣ привыкли. Новымъ же людямъ, при установившихся порядкахъ, трудно сразу отвоевать себѣ положеніе, равное съ тѣми, кого издавна знаютъ въ данномъ чужомъ мѣстѣ. Нѣмцевъ, какъ видно изъ дого-

---

[1]) Смоляне увидали ихъ въ первый разъ при 2-мъ нашествіи Витовта.

[2]) Пол. собр. р. л. II. 39.

воровъ, русскіе вообще и смоляне въ частности очень не любили и при случаѣ относились враждебно. Договоры предусматриваютъ переломъ руки, ноги, выбитіе зуба, ударъ палкою или мечемъ до синяковъ и до крови, ударъ по уху, драпье за волосы, вырываніе бороды и друг. Перечисляемыя преступленія не могли быть составлены заранѣе, а были реальными фактами взаимно съ той и другой стороны. При такихъ обстоятельствахъ имъ не могло быть мѣста въ городѣ для стоянки: они могли останавливаться только подъ сильной защитой. Не любили нѣмцевъ за гордость, потому что они считали русскихъ «людьми низшей породы». [1]) Несомнѣнно, что нѣмцы могли являться въ Смоленскъ, только благодаря покровительству князя: многіе предметы ихъ торговли нравились семейству князя и дружинникамъ. Съ упадкомъ власти князя въ Смоленскѣ прекращается и пріѣздъ ихъ въ Смоленскъ. Но пока жилъ князь внѣ города, вблизи Смядынки, они во все время (съ 12 по 14 вѣкъ включительно) являлись въ устье этой рѣчки подъ его опеку. Такимъ образомъ эта гавань Смядынки сдѣлалась главнымъ образомъ нѣмецкою. А литовцы, какъ явившіеся послѣ, должны были помѣститься въ болѣе отдаленной бухтѣ Кловской, или Троицкой, какъ означено выше.

Нѣмцевъ, (назвали ихъ также готами и варягами) пріѣзжало въ Смоленскъ много изъ разныхъ городовъ: Любека, Визби, Сеста, Дортмунда, Мюнстера, Гренингена, Бремена, Риги и друг., какъ видно изъ договоровъ [2]). Проникали они сюда въ «учанахъ» по Западной Двинѣ и притоку ея Касплѣ, чрезъ волокъ около теперешняго села Гавришева, гдѣ недавно въ топкомъ мѣстѣ найденъ былъ большой слитокъ воска (вѣроятно остатки растерянной покупки нѣмцевъ). Тотчасъ по пріѣздѣ на волокъ, они поступали уже подъ опеку князя: княжескій тіунъ, говоритъ Бережковъ, узнавъ объ ихъ пріѣздѣ,

---

[1]) Красноперова статьи въ Смол. Вѣст. 1882 г.

[2]) „О торговлѣ Руси съ Ганзой“ М. Н. Бережкова стр. 67, 94.

заботился нанять для нихъ артель волочанъ; самъ производилъ разсчетъ волочанамъ и провожалъ готовъ къ Смоленску до Смядыни [1]) Въ Смоленскѣ съ нихъ мыта не брали; но они сами давали подарки княгинѣ и княжескому тіуну, напр.: княгинѣ кусокъ полотна нѣмецкаго, а тіуну рукавицы перстаты (т. е. перчатки). Князю платили только по договору торговыя пошлины съ купленныхъ въ Смоленскѣ товаровъ: отъ двухъ катій воску —одну куну, за купленную гривну золота—одну ногату, за серебро въ издѣліяхъ одну куну, за гривну серебра въ слиткѣ —двѣ векши [2]). Главный предметъ покупки былъ медъ, воскъ, мѣха, мѣдь, желѣзо, хмѣль, пенька, лошади и друг. На воскъ главнымъ образомъ обмѣнивали нѣмцы свои товары; но употребляли при покупкѣ и деньги, которыя смоляне охотно брали, потому что у нихъ не чеканилась монета; въ русскихъ источникахъ упоминаются шкилики (шиллинги), пенязи, ортуги нѣмецкіе и друг. Иногда русскимъ приходилось жаловаться, что серебро нѣмецкое имѣетъ снаружи хорошій видъ, а внутри плохое. Во множествѣ попадаются въ Смоленскѣ мелкія монеты плохого серебра; но встрѣчаются изрѣдка монеты и чистаго серебра ганзейскія, вѣроятно, остатокъ этихъ торговыхъ смоленско-нѣмецкихъ сношеній. (Хранятся въ Смол. историко-арх. Музеѣ).

Готы привозили сукна фландрскія, иногда красныя и синія, крашеную пряжу, четки, перчатки, пергаментъ, сафьянъ, вина фряжскія, сельди, колбасу, пиво, металлическія издѣлія, въ видѣ напр.: иголокъ, сосудовъ; привозили иногда соль, гранитъ, а во время голода—жито и друг. [3]) Продавали всё это по большей части оптомъ. Для складыванія предметовъ нѣмцами были куплены здѣсь дворы съ землями. Существовала и божница нѣмецкая съ образомъ Богородицы, находившаяся въ полномъ распоряженіи нѣмцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ оставались

---

[1]) «О торг. съ Ганз.» 96 стр.

[2]) Ibidem.

[3]) Бережковъ 168 стр.; Краснопѣровъ: „Очеркъ промышл. смол. края" Смол. Вѣстн. 1882 г. № 115.

здѣсь на жительство; изъ такихъ поселенцевъ Смоленска извѣстенъ въ 1210 году Лудольфъ Эрихъ, мужъ богатый и умный; еще Туманъ [1]). Поселенцы пользовались правами мѣстныхъ гражданъ, даже бо́льшими. Такъ напр: по договору, князь не долженъ былъ ставить къ нимъ никакихъ пословъ, даже татарскихъ [2]) въ 13 вѣкѣ, когда Смоленскъ попалъ подъ вліяніе татаръ. Дома они строили деревянные: такъ было въ Новгородѣ, такъ и у насъ, потому что не примѣчается у Смядынки остатковъ какихъ либо ихъ каменныхъ построекъ. Отдѣльныя части двора носили разныя названія: гридница, клѣти, подклѣти, погребъ; въ послѣднихъ, также въ какихъ-либо сараяхъ и складывались товары. Торговцы сами приходили на ихъ дворы покупать товары. Въ случаѣ порчи вѣсовъ и мѣры, для провѣрки ихъ стояли образцовыя мѣры въ православномъ соборномъ храмѣ Богородицы на «Горѣ» [3]) и въ Нѣмецкой божницѣ, т. е. католической церкви. Слѣдовъ этой божницы не сохранилось, но она, вѣроятно, какъ и въ Новгородѣ, существовала возлѣ нѣмецкихъ дворовъ, т. е. тоже при Смядыни. Торговля съ нѣмцами, постепенно развиваясь, особенно усилилась въ 14 вѣкѣ.

Таково было состояніе западнаго предмѣстья города во время Смоленскихъ князей, по найденнымъ археологическимъ даннымъ и историческимъ источникамъ. Теперь трудно представить эту мѣстность въ прежнемъ видѣ, такъ какъ населеніе и постройки при разныхъ послѣдующихъ невзгодахъ и бѣдствіяхъ Смоленска, особенно въ борьбѣ Москвы съ Литвою и Польшею, — почти все погибло. Нужно удивляться, какъ могъ сохраниться Михаило-архангельскій храмъ среди этого всеобщаго разрушенія.

---

[1]) Дворы съ готск. берег.

[2]) Бережковъ М. Н. 97 стр,

[3]) Т. е. на Соборномъ холмѣ.

Глава II.

Древнее устройство и исторія княжескаго храма и княжеской мѣстности.

Давидъ Ростиславичъ, строя свой храмъ, посвятилъ его въ честь «Чуда архистратига Михаила, совершеннаго въ Хонѣхъ» 6 сентября. Что храмъ носилъ названіе «Чуда архистратига Михаила», — это видно изъ отписки осажденныхъ смолянъ къ своимъ единоземцамъ въ Москву въ 1610 году: «а храмовъ только осталось на посадѣ (разумѣть нужно всѣ окраины Смоленска): Покровъ, да Илья-пророкъ, да Печерская, да Григорій Богословъ, да Левонтей, да въ Ямской слободѣ теплый храмъ, да Троица, да Екатерина на Крупошицѣ, да *Михаилово Чудо*, да Никола Летѣлый; а то всѣ погорѣли» [1]). Такъ какъ означенный храмъ находится на посадѣ и уцѣлѣлъ тогда отъ разрушенія, потому что и до сихъ поръ существуетъ, то въ приведенномъ исчисленіи храмовъ, оставшихся отъ погрома, долженъ быть и нашъ храмъ. Онъ здѣсь и обозначенъ подъ именемъ «Михаилово Чудо»: другого храма въ честь какого-либо св. Михаила не было въ Смоленскѣ. Онъ даже въ позднѣйшую пору, при императорѣ Петрѣ I, въ 1713 году на старомъ антиминсѣ, хранящемся въ архіерейскихъ покояхъ, обозначенъ храмомъ Чуда архистратига Михаила: «Антиминсъ сей имѣетъ власть священнодѣйствовать во храмѣ С.(моленскомъ) град(скомъ) *Чуда архистратига Михаила*; священнодѣйствованъ преосвященнымъ Сильвестромъ, митрополитомъ смоленскимъ и дорогобужскимъ 7221 лѣта (1713 г.), ноября ..». Теперь празднество совершается не такъ: храмовой праздникъ послѣ 1812 года перенесенъ съ 6

---

[1]) Акты истор. т. II, 174; при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что монастыри здѣсь не перечисляются.

сентября на 8-е ноября, т. е. на «Соборъ архистратига Михаила» [1]).

Опредѣленную цифру годовъ построенія храма историческіе источники не обозначили; извѣстно только, что Давидъ Ростиславичъ княжилъ въ Смоленскѣ 18 лѣтъ: съ 1180 по 1198 годъ. Такъ какъ лѣтопись по Ипатіевскому списку говоритъ о Давидѣ Ростиславичѣ слѣдующее: «сей благовѣрный князь сяковъ обычай имѣяше: *во вся дни ходя въ церкви архистратига Божія Михаила, юже бѣ самъ созда во княженіи своемъ*» [2]), то слѣдуетъ относить время построенія храма, по возможности, къ концу его княженія; однако надо выдѣлить изъ 1198 года столько лѣтъ, сколько нужно для укрѣпленія этого обычая Давида Ростиславича (ежедневное хожденіе въ эту церковь) въ сознаніи современниковъ: приблизительно хоть 4, хоть 3 года. Существуетъ мнѣніе, высказанное Карамзинымъ, что Давидъ Ростиславичъ началъ строить этотъ храмъ, послѣ путешествія своего въ Кіевъ, въ 1195 году. Но съ этимъ мнѣніемъ соглашаться нельзя, такъ какъ послѣ этого путешествія, чрезъ 2 года, Давидъ Ростиславичъ умеръ: едва ли въ 2 года могъ отстроится, особенно въ ту пору, такой высокій и обширный храмъ. (Соборъ Мономаха въ Смоленскѣ строился чуть-ли не три десятка лѣтъ). Если допустить возможность построенія этого храма въ 2 года, то все-же не останется времени для ежедневнаго хожденія Давида къ богослуженію. При томъ, онъ, больше чѣмъ за полгода до своей смерти, впалъ въ тяжкій недугъ и удалился въ Борисоглѣбскій монастырь, гдѣ, постригшись въ монашество, померъ. Богослуженіе въ Архангельскомъ храмѣ могло начаться не позднѣе 1194 года, въ день Чуда архистратига Михаила, 6 сентября. Съ этого числа указаннаго года по те-

---

[1]) Апелируя отъ лица старины, слѣдуетъ жалѣть о прекращеніи исконнаго обычая празднованія въ честь Чуда архистратига: это роднило бы храмъ съ другими русскими древними храмами того же имени.

[2]) Ипатовск. лѣт. 1197 г.

*

кущій 1894 годъ ему, несомнѣнно, *исполнится 700лѣтъ* существованія [1]).

Означенное хожденіе въ храмъ князя для присутствованія при богослуженіи указываетъ, что этотъ храмъ стоялъ близъ дворца, онъ былъ *придворнымъ* Таково его спеціальное назначеніе при постройкѣ.

Гдѣ былъ дворецъ, или терема княжескіе,—точно не разслѣдовано. Развалинъ каменнаго зданія дворца не сохранилось; вѣроятно, дворецъ былъ древянный. Взявши во вниманіе расположеніе мѣстности, можно догадываться, что дворецъ стоялъ на томъ же холмѣ, на которомъ стоитъ и Архангельскій храмъ, именно на Ю.З. отъ него. Холмъ этотъ возвышается надъ всею прилегающею мѣстностью, съ трехъ сторонъ окруженъ долинами и даже съ четвертой отдѣляется отъ материка ложбиною, образовавшеюся отъ бывшихъ истоковъ малаго рукава Смядынки: такъ что достаточно былъ защищенъ природою, и въ стратегическомъ отношеніи былъ выгоденъ для расположенія на немъ дворца. Въ разныхъ мѣстахъ видны здѣсь остатки щебня 12 вѣка; замѣтенъ щебень на восточной окраинѣ холма на довольно значительномъ протяженіи, а съ сѣвера—рѣшительно на всемъ протяженіи лежитъ толстымъ слоемъ вмѣстѣ съ известью и битыми кирпичными плитами: будто въ старину здѣсь шла каменная стѣна—замокъ. И теперь тутъ идетъ каменная ограда, но постройки 18-го столѣтія.

По поводу существованія дворца при Михаило-архангельской церкви умѣстенъ вопросъ: былъ-ли этотъ дворецъ главнымъ дворцомъ князя? Извѣстно, что смоленскіе бояре, живя въ городѣ, имѣли въ то-же время и загородныя владѣнія, что увидимъ далѣе; и у князей были загородные терема, или дворцы, въ которые они иногда пріѣзжали на лѣтнюю пору: не слу-

---

[1]) Вниманіе къ древностямъ возбуждаетъ обязанность почтить этого многовѣковаго старца, свидѣтеля и участника многихъ отечественныхъ событій, въ означенный день особымъ торжествомъ, тѣмъ самымъ урегулировалась бы и дата счисленія.

жилъ ли этотъ дворецъ загороднымъ въ видѣ дачи? —Вопросъ этотъ имѣлъ-бы силу, если бы можно было указать историческими данными гдѣ-либо, въ древнемъ городѣ, мѣсто дворца, или терема княжескаго. Но историческіе источники совершенно умалчиваютъ объ этомъ въ древнюю княжескую пору. Возможно только предположеніе и то относительно только дворца князя Романа Ростиславича († 1180 г.). Этотъ князь построилъ Іоанно-Богословскую церковь, украсилъ её финифтью и золотомъ; устроилъ при ней училище, гдѣ обучали русскому, греческому и латинскому языкамъ; онъ былъ набожный, его граждане очень любили. Можетъ быть, онъ и жилъ при этой церкви: поэтому возможно здѣсь, въ древнемъ городѣ, предположить существованіе дворца. Но въ такомъ случаѣ мы видѣли бы послѣдующихъ князей живущими тутъ же, и вообще этотъ пунктъ имѣлъ-бы значеніе въ послѣдующую пору. Оказывается напротивъ: братъ его и преемникъ живетъ близъ Архангельскаго храма, ежедневно ходитъ въ него; а означенное историческое упоминаніе о Богословской церкви осталось единичнымъ, изолированнымъ фактомъ и больше объ ней не упоминается при князьяхъ Выступилъ для исторіи Михаило-архангельскій храмъ около котораго, несомнѣнно, теперь, существуетъ дворецъ, конечно, тамъ-же, гдѣ онъ преемственно существовалъ и прежде. Такимъ образомъ этотъ дворецъ былъ главнымъ, а не загороднымъ. Загородные терема князей, если судить сравнительно, стояли обыкновенно отъ города на довольно значительномъ удаленіи. Такъ было, напримѣръ, въ Кіевѣ: св. Θеодосію Печерскому, запоздавшему у кн. Изяслава въ загородномъ дворцѣ, пришлось ѣхать домой, въ Кіевъ, всю лѣтнюю ночь (Житіе св. Θеодосія по Нестору). Назывались они Райями, Раевка и т. д., напримѣръ около Луцка и Чернигова. И около Смоленска остались селенія съ такимъ именемъ. Такъ: недалеко отъ старинной загородной архіерейской дачи Дреспа есть деревня Райновка, отстоитъ отъ города въ 8 верстахъ; и еще ближе въ направленіи къ Михаило-архангельской церкви, по правую сторону Мстиславль-

ской дороги, есть село «Рай» при озерѣ, красивое имѣніе; отстоитъ въ 6 верстахъ отъ города. Были еще селенія, указывающія на принадлежность ихъ князьямъ: Княже, Княжевка, Княжеселье, и т д. Большая часть изъ нихъ служили имѣніями, откуда доставлялись князьямъ жизненные припасы; но иныя, вмѣстѣ съ тѣмъ, могли служить и загородными дворцами, куда князья пріѣзжали или *«на ловы»* (охоту) или просто на лѣтнее время [1]). Случалось, что князь дарилъ которое-нибудь изъ этихъ загородныхъ имѣній своему боярину за службу, иное уступалъ вдовѣ бывшаго князя; а взамѣнъ устраивалъ себѣ новые загородные княжескіе дворы, такъ что они мѣнялись, и въ разные вѣка были въ различныхъ мѣстахъ [2]) Но въ мѣстности Архангельской церкви былъ постоянный дворецъ князей, такъ какъ въ 12 вѣкѣ здѣсь образовался цѣлый новый городъ княжескій.

Какъ и слѣдовало ожидать, Давидъ Ростиславичъ, успѣвшій возвысить значеніе князя въ ущербъ вечевому порядку смолянъ, свою церковь *«украсилъ паче всѣхъ церквей, ей же нѣсть подобной во всей полунощной* (сѣверной) *странѣ, и многіе иностранные приходили для смотрѣнія оной»*. [3]) Между прочимъ слѣдуетъ замѣтить, что фактъ хожденія иностранцевъ въ эту церковь *«для смотрѣнія оной»*, указываетъ на то, что иностранцы, особенно нѣмцы, останавливались вблизи этой церкви, какъ означено выше [4]). Ипатіевская лѣтопись утверждаетъ то же: *«такой церкви нѣсть въ полунощной странѣ, и всѣмъ приходящимъ къ ней дивитися зѣло изрядной красотѣ ея, иконѣ златомъ и серебромъ и жемчугомъ и каменіемъ драгимъ украшены, и всею благодатію исполнена.* [5])

---

[1]) Эти загородныя имѣнія, иногда очень благоустроенныя и составлявшія добро и богатство князя, а не земщины, при враждебныхъ дѣйствіяхъ князей другъ противъ друга, больше всего подвергались разграбленію и опустошенію, ибо чрезъ это обезсиливался противникъ.

[2]) Историческіе источники только уже 15 вѣка упомянули намъ имена мѣстностей, гдѣ были загородные дворы смоленскихъ князей, что увидимъ далѣе.

[3]) «Истор. Россійск.—Татищева, кн. III, год. 1197.

[4]) Смоленская Михаило архангельская церьковь извѣстна была даже въ Ригѣ. Такъ въ „Долговой книгѣ г. Риги“ два купца назначаютъ отдать деньги церкви св. Михаила въ Смоленскѣ (Бережковъ),

[5]) Ипат. л. 1197 г.

На кирпичныхъ плиткахъ древнихъ церквей смоленскихъ подмѣчены въ 1886 году
С. Писаревымъ слѣдующіе знаки.

Борисоглѣбскій храмъ:

Храмъ на Чуриловкѣ
въ саду г. Бибикина:

Богословскій храмъ:

Храмъ на Рачевкѣ
въ саду Чепиковой и Хозярева:

Въ древнемъ отдѣленіи
Петропавловскаго храма:

Екатерининскій храмъ
на Крупошинѣ:

Еще изъ того же Екатерининскаго храма знаки, подмѣченные въ 1868 г. г. Полѣскимъ-Щепилою.

Краевые знаки на кирпичахъ
Кирпичи со знаками, переданные Графу А. С. Уварову.

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8.

2-ая ниша въ С. З. углу храмоваго отдѣленія.

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9.

Лит. ЗЕЛЬДОВИЧЪ, Смоленскъ.

Храмъ оказывается, дѣйствительно, величественнымъ, особенно для того времени. Вышина его въ главномъ сводѣ вмѣстѣ съ куполомъ 18 саженей, величина въ длину до 14 саженей. Онъ былъ выше и больше всѣхъ другихъ храмовъ, существовавшихъ въ этой мѣстности, даже Борисоглѣбскаго. Мастера, строившіе его, были очень искусные въ своемъ дѣлѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ строительный матеріалъ, способъ кладки зданія и архитектура. На буту, который не залитъ ни известью, ни цементомъ, возведено такое громадное зданіе и стоитъ до нашихъ дней прочно, покрайней мѣрѣ въ тѣхъ частяхъ, которыя не были передѣланы послѣ. Древнѣйшимъ матеріаломъ служили упоминаемыя раньше кирпичныя плитки, чрезвычайно крѣпкія; онѣ попадаются иногда въ сырой землѣ, иногда лежатъ открыто, подвергаясь вліянію вѣтра и другимъ атмосферическимъ явленіямъ, — и почти нисколько не ветшаютъ: будто булыжный камень Плитки эти толщиною въ 1 вершокъ; длина и ширина ихъ разная: отъ 5 до 7 вершковъ; встрѣчаются кирпичи, имѣющіе форму квадрата тѣхъ-же размѣровъ. Для особыхъ приспособленій дѣлались плитки въ видѣ треугольника, усѣченнаго угла, восьмигранники и друг. На нѣкоторыхъ плиткахъ встрѣчаются на ребрѣ знаки, положительно можно сказать: буквы кириллицы простыя и вязью; иныя будто похожи на глаголицкія; на верхней сторонѣ плитокъ попадаются клейма, въ видѣ геометрическихъ фигуръ, преимущественно: кругъ просто и съ разными пересѣченіями его; встрѣчаются звѣздочки и т. д. Собраніе этихъ интересныхъ въ научномъ отношеніи знаковъ есть въ Смоленскомъ историческомъ музеѣ. На плиткахъ, попадающихся около Архангельской церкви, авторъ видѣлъ буквы Л, Н, еще — звѣздочку въ кругу.

При постройкѣ стѣнъ между рядами плитъ клали большой слой извести, толще, чѣмъ самыя плитки; известь имѣетъ какую-то трудно опредѣлимую смѣсь. Это такъ скрѣпляло зданіе, что почти не возможно простыми способами добыть

цѣлую плитку изъ какой либо не подвергавшейся разрушенію стѣны. Безъ сомнѣнія, здѣсь дѣло не обошлось безъ искусныхъ мастеровъ греческихъ, или, по крайней мѣрѣ, безъ ихъ руководства.

Въ настоящее время храмъ представляетъ изъ себя фигуру креста, если исключить изъ него двѣ боковыя пристройки: теплый придѣлъ, сдѣланный въ текущемъ столѣтіи, и теремокъ, прикрывающій входъ въ храмъ съ юга, построенный въ концѣ прошлаго столѣтія. Колокольня выстроена отдѣльно отъ храма на разстояніи саженей 10 къ сѣверо востоку, т. е. въ направленіи къ теперешнему главному населенію прихода и городу. Колокольня и указанная раньше ограда построены въ 1780 году В. Хлѣбниковымъ; [1]) входъ въ ограду устроенъ подъ колокольнею. Форму креста храмъ получилъ въ польскую эпоху Смоленска, вслѣдствіе боковыхъ пристроекъ къ нему, приподнятыхъ слишкомъ высоко.

Древняя же фигура храма есть четыреугольникъ съ алтарнымъ полуциркулемъ далеко и высоко выступающимъ изъ средины зданія; къ нему въ видѣ выдавшихся угловъ прижались діаконикъ и жертвенникъ. Входы въ храмъ въ древнюю пору были съ сѣвера и юга. Ихъ прикрывали боковые пристройки, довольно широкія (7 аршинъ 10 вершковъ), но сравнительно съ высотою храма слишкомъ ничтожныя, всего въ двѣ сажени высоты: такъ что онѣ тушевались на общемъ фонѣ зданія. Онѣ были преддверіями, но могли служить также одна для оглашенныхъ, а другая для крещаемыхъ. Существованіе ихъ въ древности подтверждается слѣдующимъ обстоятельствомъ: въ одной изъ этихъ боковыхъ пристроекъ (сѣверной), на высотѣ двухъ саженей, внутри храма, штукатурка отпала, и обнаружились надъ древними плитками кирпичи, болѣе поздняго происхожденія, и сравнительно поздній способъ накладки стѣнъ далѣе, вверхъ; тоже примѣтно было и снаружи при поправкѣ штукатурки храма въ 1891 году. Очевидно, эти

---

[1]) «Ист. стат. опис. См. Епарх.» 215 стр.

преддверія надстроены послѣ [1]), поэтому и стали высокими пристройками; а въ древности были въ маломъ видѣ. Одно изъ преддверій едва замѣтно на «Картинѣ осады Смоленска въ 1634 году», гдѣ награвированъ и Михаило-архангельскій храмъ. Подобныя преддверія были и въ Іоанно-Богословскомъ храмѣ («въ Овражкѣ», какъ называли его въ старину. [2]) Преддверія играли роль и контрофорсовъ для упора съ боковъ высокихъ зданій храмовъ; тоже и на восточной сторонѣ алтарь со своими отдѣленіями, по мимо священнаго назначенія, служилъ и для этой означенной архитектурной цѣли. По бокамъ Михаило-архангельскаго храма идутъ пилястры (полуколонны): двѣ по срединѣ каждой стороны и двѣ по угламъ; послѣднія искусно соединяются съ другими боковыми. Пилястры поднимаются до карниза. Карнизъ храма выносной. [3]) Теперь на самыя свѣши, или спуски, карнизовъ наложенъ подъ стропилами брусъ (маурлатъ); затѣмъ, идутъ стропилы и крыша простая на 4 ската. Но прежде было не такъ: картина 1634 г. показываетъ, что у храма надъ карнизами, надъ срединой каждой пары пилястръ, находились закругленія (фронтоны) въ видѣ подкамеръ или бочекъ. И въ самомъ дѣлѣ, не цѣлесообразно было бы существованіе у храма особыхъ полуколоннъ, если бы не имѣлось въ виду поддерживать ими на верху находящуюся тяжесть. Несомнѣнно, подкамеры надъ пилястрами существовали при Архангельскомъ храмѣ. Это можно заключить и изъ аналогіи съ современными ему храмами, Петропавловскимъ и Богословскимъ, на которыхъ тоже были и пилястры и подкамеры въ 1634 году

---

[1]) Во время владычества въ Смоленскѣ поляковъ.

[2]) Эту церковь, при капитальномъ ремонтѣ и передѣлкѣ ея внутри въ прошедшемъ столѣтіи, засыпали на половину щебнемъ, именно: весь нижній этажъ. Но недавно при рытьѣ могилы у храма обнаружилось существованіе бывшаго южнаго преддверія.

[3]) Именно слѣдующій: три ряда плитъ, выступающихъ одна надъ другою; затѣмъ,—два ряда плитъ, положенныхъ ребромъ; далѣе,—рядъ закругленной плиты, и снова плиты—въ ребро.

Древняя крыша была волнообразная съ широкими спусками, или свѣшами; очевидно лежала на подкамерахъ.

Надъ храмомъ возведенъ очень высокій и довольно свѣтлый фонарь, съ 4 сквозными окнами и 4 глухими, весь каменный и изъ такихъ же древнихъ плитокъ, какъ и самъ храмъ [1]) На немъ крыша теперь идетъ по своду; но прежде, сколько можно судить по аналогіи, фонарь, вѣроятно, прикрывала большая глава, въ величину не менѣе самого фонаря, какъ у Борисоглѣбской и Петропавловской церкви (картина 1634 г.). Нѣкоторымъ подтвержденіемъ сейчасъ указаннаго служитъ слѣдующее обстоятельство теперь крестъ съ яблокомъ утверждается на каменномъ предглавіи, или шеѣ, которая непосредственно соединена со старымъ сводомъ; для лучшаго укрѣпленія шеи, пришлось проломать сводъ, который остался незаштукатуреннымъ, такъ что отчасти видны поздніе кирпичи и закладка ихъ. Безъ сомнѣнія, въ древнюю пору крестъ утверждался какъ-то иначе. На картинѣ 1634 года верхъ фонаря и часть крыши храма представлены разрушенными.

Карнизъ фонаря одинаковъ съ алтарнымъ, потому что форма одного напоминаетъ другую. Карнизъ этотъ состоитъ изъ плитъ; внизу кронштейны. Подъ карнизами идетъ сложный (тройной) поясъ, состоящій изъ соединенія двухъ простыхъ поясковъ, въ срединѣ которыхъ вставлены уголки кирпичей. Ни на фонарѣ, ни на алтарѣ пилястръ нѣтъ, оттого на нихъ и карнизъ другой, чѣмъ на самомъ храмѣ. Какъ высокъ фонарь, объ этомъ свидѣтельствуетъ величина его оконъ, сохранившихъ извнѣ свою древность: вышиною они $3^1/_2$ аршина, но кромѣ того, надъ каждымъ изъ нихъ есть арка (закругленіе) въ $^3/_4$ аршина. Такимъ образомъ каждое окно въ вышину болѣе 4 аршинъ. Въ ширину 1 аршинъ 5 вершковъ. Несмотря на такіе размѣры, они не нарушаютъ гармоніи храма, и снизу кажутся вполнѣ пропорціональными.

---

[1]) Въ фонарѣ въ послѣдующую пору были расширены окна во внутрь.

Надъ арками выступаютъ широкіе кокошники (навѣсы), которые, постепенно уменьшаясь книзу, сразу заканчиваются пресѣченіемъ, гдѣ начинались самыя окна. Вмѣсто подоконниковъ при рамахъ находятся желѣзные листы.

Храмъ былъ въ два свѣта, по три окна въ рядъ. Въ нижнемъ ряду окна узкія и продолговатыя, а верхнія всѣ были круглыми, какъ означено на рисункѣ 1634 г. Изъ круглыхъ теперь сохранилось по одному на сѣверной и южной сторонахъ; остальныя послѣ передѣланы.

Въ алтарной части храма окна тоже въ два яруса. Въ самомъ алтарѣ три въ рядъ вверху (они видны и на рисункѣ) и три въ рядъ подъ ними (въ древности здѣсь было, можетъ быть, одно окно). Въ діаконикѣ и жертвеникѣ на рисункѣ не обозначено оконъ; но это произошло отъ миніатюрности вида; необходимость ихъ обусловливалась изолированностію этихъ помѣщеній и симметріею плана: дѣло въ томъ, что на углахъ этихъ помѣщеній, гдѣ они соединяются съ алтаремъ, есть пилястры, соотвѣтствующіе угловымъ самого храма, а въ каждомъ промежуткѣ пилястръ есть по два окна, одно надъ другимъ.

Такъ какъ храмъ былъ въ два свѣта, то можно думать, что въ немъ существовали хоры [1]). Древняго хода туда не сохранилось и трудно его подмѣтить. Но слѣдующее обстоятельство дастъ нѣкоторый ключъ къ разъясненію. На всемъ храмѣ подъ карнизами на нѣкоторомъ удаленіи идетъ поясокъ одиноко, будто тесьма. Замѣчателенъ фактъ, что этотъ поясокъ на юго-западномъ углу не продолженъ. Конечно, строители не могли допустить такой дисгармоніи. Если поясокъ пропадаетъ на нѣкоторомъ разстояніи, то онъ переходилъ, значитъ, на другую постройку, прилегавшую къ храму и связанную съ нимъ. Очевидно, постройка эта впослѣдствіи уничтожена, тѣмъ самымъ прервался и поясокъ храма. Что въ этомъ углу была

---

[1]) Онѣ и теперь есть деревянныя, только ходъ на нихъ сдѣланъ послѣ.

какая то современная храму побочная пристройка, объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. Въ 1886 году при рытвѣ могилы (Ляшкевича) близъ самаго юго-западнаго угла найдена была большая глыба, слитокъ каменной кладки 12 вѣка, вполнѣ тождественный съ матеріаломъ, изъ котораго устроенъ храмъ; тутъ же иногда попадаются плитки, бывшія когда-то въ кладкѣ, но впослѣдствіи отдѣлившіяся. Поясокъ не продолженъ съ той и другой части угла всего сажени на $2^1/_2$; отсюда выходитъ, что пристройка была не широкая; за то она поднималась до высоты главнаго зданія храма. О послѣднемъ можно заключать на основаніи вотъ какого обстоятельства: такой же поясокъ есть и на алтарѣ храма; но здѣсь, такъ-какъ алтарь выше діаконика и жертвенника, то поясокъ, дойдя къ нимъ, спустился еще на стѣнѣ алтаря книзу, до ихъ карнизовъ. Тоже явленіе повторилось бы и на юго-западномъ углу, то есть: если бы пристройка эта была ниже храма; то, судя по аналогіи съ алтаремъ, поясокъ еще на стѣнѣ храма спустился бы внизъ; а этого нѣтъ: онъ прямо прерванъ. Значитъ, пристройка тутъ была въ уровень съ самымъ храмомъ и непрерывно соединялась съ нимъ въ одинъ поясокъ. Какая пристройка могла быть на углу?—У нѣкоторыхъ древнихъ храмовъ (напр.: въ г. Вильнѣ православный Пречистенскій Соборъ и друг.) устроены были по угламъ *вѣжи*, или небольшія башни. Указанные признаки (узкое и высокое зданіе) заставляютъ думать, что подобная башня была и у насъ. Она могла имѣть назначеніе, во-первыхъ, хода на хоры. Ходъ на хоры былъ сдѣланъ снаружи потому, что храмъ, безъ сомнѣнія, былъ холодный, ибо такую громаду при прежнихъ средствахъ, нельзя было приспособить для теплаго помѣщенія; во-вторыхъ, вѣжа могла имѣть назначеніе и звонницы, что очень вѣроятно, потому что направленіе ея было къ теремамъ семейства князя, для кого и предназначался храмъ.

Указанныя данныя приблизительно возстановляютъ прежній внѣшній видъ храма.

Внутри храма двѣ пары колоннъ обусловливаютъ дѣленіе его на три части: алтарь съ солеею, главное отдѣленіе храма и западная часть подъ хорами. Алтарь не отдѣляется отъ храма стѣною, а только арками; тоже—діаконикъ и жертвеникъ; за то существуютъ стѣны, отдѣляющія алтарь отъ діаконика и жертвеника; въ нихъ для непосредственнаго сообщенія устроены узкіе высокіе проходы. Всѣ колонны одинаковой ширины въ $2^1/_2$ аршина, съ малой выемкой угловъ; соединены вверху арками по разнымъ направленіямъ. На нихъ покоятся своды и фонарь. Въ сводѣ купола, предъ началомъ фонаря, и въ предолтарныхъ колоннахъ есть слуховики, или голосовики, т. е. вставленные и замурованные въ стѣнахъ горшки. Выше ихъ остались отверстія для вставки балокъ. Въ западной части храма, внизу, въ стѣнахъ выложены широкія ниши, т. е. углубленія, съ аркою въ верхней части. Эти ниши предназначались для погребенія умершихъ, такъ: гробница Давида Ростиславича заложена была въ такую же арку въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ; кромѣ того, авторъ видѣлъ тоже самое въ развалинахъ, такъ названной: «Екатерининской церкви въ Смоленскѣ, на Рачевкѣ», около бывшаго Духовскаго монастыря. Есть ниши и въ алтарныхъ отдѣленіяхъ храма; но тѣ очень малыя и предназначались, конечно, для хозяйственныхъ надобностей. Чрезъ стѣны храма проложены связи изъ полосового желѣза, онѣ закрѣпляются снаружи болтами; въ фонарѣ ихъ шесть: въ два ряда по три. Полъ лежитъ теперь на землѣ, которая насыпана впослѣдствіи; полъ—деревянный, но прежде онъ не былъ такимъ. Въ недавнее время около храма найдена была чугунная плитка съ рельефомъ арнамента 12 вѣка, шириною она въ два вершка, а длиною въ одну четверть аршина (хранится въ Музеѣ). Эта плитка, которая могла служить только для настилки вмѣсто пола, даетъ намекъ, что, быть можетъ, въ этомъ княжескомъ храмѣ полъ былъ чугунный изъ этихъ самыхъ плитокъ. Здѣсь кстати отмѣтить фактъ, что въ Борисоглѣбскомъ

монастырѣ, въ юго-западномъ его углу, при раскопкѣ графомъ А. С. Уваровымъ, найдена была часть пола выстланнаго кирпичемъ, подобно рисунку дерева ёлки; но это уже сравнительно поздняя настилка, потому что кирпичъ былъ 15—16 вв.

Всѣ древніе Смоленскіе храмы, какъ извѣстно, внутри, по стѣнамъ, были расписаны фресками по свѣжему грунту извести. Тѣмъ болѣе такого рода украшеніе должно быть въ княжескомъ храмѣ. Дѣйствительно, и теперь храмъ Михаило-архангельскій внутри весь расписанъ фресками, только большая часть фресокъ относится къ 17 вѣку; но можетъ быть нѣкоторыя уцѣлѣли отъ 12 вѣка.

Въ ширину храмъ, включая боковыя отдѣленія, имѣетъ 36 аршинъ. Толщина стѣнъ самого храма 1 аршинъ 11 вершковъ; боковыя пристройки тоньше.

Окончивъ описаніе древнѣйшаго устройства храма, продолжимъ теперь его исторію.

За Давидомъ Ростиславичемъ, построившимъ Архангельскій храмъ, правилъ Смоленскимъ княжествомъ, племянникъ его Мстиславъ Романовичъ (1198—1215 г.). Въ это время сдѣлался извѣстенъ особенно религіозною жизнію и строгимъ подвижничествомъ преподобный Аврамій, іеромонахъ монастыря «Святого Креста», развалины котораго находятся близъ загородней смоленской церкви Гурія, Самона и Авива, у сѣверо-западнаго угла ограды этой церкви.

Преподобный Аврамій, глубоко изучивши священное писаніе, въ высшей степени краснорѣчиво проповѣдывалъ Слово Божіе, чѣмъ привлекалъ гражданъ; а чрезъ это возбуждалъ зависть въ городскомъ духовенствѣ. По этому оно возвело на него разныя обвиненія: одни находили въ бесѣдахъ его ересь, другіе обвиняли его въ чтеніи «голубиныхъ книгъ» (съ языческою мудростію), за что народъ назвалъ его «пророкомъ». Духовенство хотѣло или «заточить преподобнаго, или *къ сньту*

(позорному столбу) пригвоздить и зажещи, или потопити»[1]). Уже вели преподобнаго на судъ къ епископу Игнатію, куда надлежало пріѣхать и князю съ совѣтниками («вельможами»). Въ это время въ церкви Архангела Михаила, въ 9-й часъ дня, во время службы, вѣроятно, въ присутствіи князя, стоявшаго во храмѣ, преподобный Лука Прусинъ сталъ говорить рѣчь противъ возставшихъ беззаконно на преподобнаго Аврамія. Онъ утверждалъ, что обвинители не справедливо судятъ объ Авраміи и унижаютъ его до такой степени, что хотятъ, какъ волхва, осудить на смерть. Безумно, если епископъ согласится съ ними. Будетъ гнѣвъ Божій въ продолженіе 30 лѣтъ за праведника. Пусть лучше его (Луку) осудятъ вмѣсто праведника!..

---

[1]) Древнѣйшій списокъ житія Аврамія въ Виленской библіотекѣ, рукоп. № 229.

[2]) Трофимовскій въ своемъ «Историко-статистическомъ описаніи Смоленской епархіи» сомнѣвается, что означенное обстоятельство могло быть въ Свирскомъ княжескомъ Михаило-архангельскомъ храмѣ, и говоритъ: «Вѣроятно, въ то время была другая церковь въ Смоленскѣ во имя архангела Михаила, потому что путь отъ монастыря Святого Креста къ епископскому дому не могъ проходить мимо нынѣшней Архангело-Михаиловской церкви» 213 стр. На это слѣдуетъ отвѣтить, что до сихъ поръ нигдѣ, ни въ лѣтописяхъ, ни въ другихъ историческихъ данныхъ, не встрѣчалось фактическаго подтвержденія, чтобы въ Смоленскѣ въ старину существовалъ другой храмъ архангела Михаила, да еще по мѣсту слѣдованія преподобнаго изъ монастыря Св. Креста къ архіерейскому дому, т. е. на Соборную гору. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что «Дворъ Владыченъ» всегда былъ «на Горѣ у Пречистыя Богородицы», и вообще весь этотъ холмъ, или гора въ 12—14 вѣкахъ принадлежалъ епископу, гдѣ жили его клирошане и подвластные ему люди.

Зачѣмъ понадобилось Трофимовскому, чтобы храмъ архангела Михаила находился на пути, по которому всенародно и съ торжествомъ для обвинителей веденъ былъ преподобный?

Лука Прусинъ, какъ означено въ житіи Св. Аврамія (по Калужскому и Смоленскому спискамъ, говорилъ рѣчь въ то именно время, когда вели праведника на судъ. Поэтому если бы храмъ, въ которомъ раздавалось его обличительное слово, былъ на пути движенія народнаго, то едва ли кто, слѣдуя общему влеченію толпы, представляющему главный интересъ момента, вошелъ бы въ Храмъ и остался слушать проповѣдника. Болѣе покойное состояніе гражданъ и настроеніе слушателей возможно только въ болѣе отдаленномъ отъ общаго движенія пунктѣ, каковъ и есть существующій и до сего времени Михаило-архангельскій храмъ, находящійся отъ Соборной горы на разстояніи 3 верстъ. Да здѣсь видна и причина говорить проповѣдь: храмъ былъ княжескій; а князь могъ повліять на рѣшеніе епископскаго суда надъ праведникомъ, невинно осуждаемымъ. Гдѣ же было и говорить рѣчь Лукѣ Прусину въ защиту праведника, какъ не въ придворномъ храмѣ, предъ лицомъ князя, или покрайней мѣрѣ, его совѣтниковъ и княгини?... Такимъ образомъ означенное мнѣніе Трофимовскаго признаемъ несостоятельнымъ.

Результатомъ предупредительной рѣчи Луки Прусина было слѣдующее: „князю и властелемъ умягчи Богъ сердце“ (по Смоленскому списку); “князю же и вельможамъ не обрѣтающимъ вины„ (по Виленскому списку житія Св. Аврамія Смоленскаго): и преподобный не былъ осужденъ на смерть; а только переселенъ былъ въ одинъ изъ окрестныхъ монастырей, именно Богородицкій въ Селищахъ, за 8 верстъ отъ города, и запрещено было ему служеніе литургіи Но и это было несправедливо въ отношеніи къ праведному. Благочестивый священникъ Лазарь (бывшій потомъ преемственно *за Игнатіемъ*, епископомъ Смоленскимъ), когда городъ постигла продолжительная засуха, напомнилъ святителю о запрещеніи послѣдовавшемъ на праведника и лишающемъ его духовнаго утѣшенія. Епископъ Игнатій позвалъ къ себѣ преподобнаго, разрѣшилъ ему служеніе и просилъ помолиться о прекращеніи гнѣва Божія на городъ. Дѣйствительно, по мольбѣ праведника въ тотъ же день, къ вечеру пошелъ дождь.

Упоминаемый святитель Игнатій, по счету (послѣ Мануила, Константина, Меркурія и Симеона) 5-й списокъ Смоленскій, замыслилъ построить церковь каменную во имя своего святаго Игнатія Богоносца и для этого избралъ внѣ города, въ нагорной его части „мѣсто равно, на поставленіе церквей всемогуще воспріяти рядъ монастырскій: и скупи огради овощныя окрестъ его и постави церковицу во имя Богоносца; и потомъ ту раздрушивъ и на ино мѣсто прѣсели, и основа большу и нарѣче во имя Богородицы, положеніе честное ризы и пояса. Бысть въ немъ нѣколико братіе питаемо епископомъ Игнатіемъ“ (по Виленскому списку). Вообще монастырь былъ крайне бѣденъ, какъ и обитель Святого Креста, находившаяся тоже въ нагорной мѣстности, на другой (правой) сторонѣ Днѣпра. Этотъ послѣдній фактъ между прочимъ подтверждаетъ положеніе, что населеніе прежде группировалось главнымъ образомъ у рѣки, пока она была судоходна.

Епископа укоряли за то, что онъ построилъ монастырь

въ такомъ безлюдномъ мѣстѣ. Но старѣйшій изъ протоіереевъ города, по имени Георгій, посовѣтовалъ епископу поставить туда настоятелемъ преподобнаго Аврамія. Такъ и сдѣлано было Игнатіемъ. Съ того времени монастырь этотъ, получившій потомъ названіе Авраміевскаго, возвеличился вплоть до 17-го вѣка.

Михаило архангельскій храмъ, будучи придворнымъ, среди жителей г. Смоленска извѣстенъ былъ еще подъ именемъ *«Свирской церкви»*; это названіе за нимъ удерживается и въ настоящее время. Является вопросъ: откуда произошло это именованіе? Обыкновенно говорятъ, что онъ названъ такъ отъ того, что въ немъ устроенъ былъ (именно въ отдѣленіи жертвенника) придѣлъ во имя св. Александра Свирскаго. Въ „Историко-статистическомъ описаніи Смоленской епархіи" поставленъ даже годъ 1733, въ который будто бы устроенъ былъ придѣлъ въ честь св. Александра Свирскаго (215 стр.) На это нужно сказать слѣдующее: церкви обыкновенно именуются отъ главнаго алтаря храма; но случается, что храмъ получаетъ болѣе популярное названіе отъ мѣстности, гдѣ находится; рѣдко отъ какого либо простого случая. Разъ установившееся названіе неизмѣнно, по традиціи, сохраняется у потомства; и нуженъ какой-либо особый, важный случай, чтобы появилось для храма новое названіе, и оно, присоединившись къ прежнему, воспреобладало бы надъ нимъ. Нашъ храмъ въ древній періодъ имѣлъ только одного патрона, архангела Михаила. Да иначе въ старину и нельзя было, ибо діаконики и жертвеники, гдѣ впослѣдствіи стали устраивать алтари, имѣли свое особое спеціальное назначеніе. При томъ, нужно замѣтить, что Александра Свирскаго еще не было на свѣтѣ, а храмъ нашъ уже существовалъ нѣсколько столѣтій. Преподобный Александръ Свирскій, создавшій Обонежскій монастырь и спасавшійся при Рощинскомъ озерѣ, недалеко отъ рѣки Свири, въ Олонецкой губерніи (потому и названъ Свирскимъ), какъ извѣстно, родился въ 1449 году, умеръ въ 1533 году; а мощи его открылись чрезъ 107

лѣтъ послѣ его смерти, т. е. въ 1640 году [1]). Къ тому времени нашей церкви и ея названію было уже 550 лѣтъ, она успѣла перейти во власть поляковъ. Если послѣ возвращенія ея въ руки православныхъ и былъ сдѣланъ въ жертвенникѣ придѣлъ во имя Св. Александра Свирскаго въ 1733 году,—все же такой малый случай не могъ обусловить иное названіе храма. Притомъ, святой этотъ хотя великій и прославленный на рѣкѣ Свири пустынножитель, но въ Смоленскѣ мало извѣстенъ; кромѣ того, мы рѣшительно не знаемъ, по какому поводу могъ быть устроенъ такой придѣлъ въ этомъ храмѣ. Въ заключеніе скажемъ: позволительно сомнѣваться, былъ ли когда-либо въ этомъ храмѣ придѣлъ въ честь Александра Свирскаго. Въ «Историко-статистическомъ описаніи Смоленской епархіи» сказано объ этомъ голословно, безъ всякаго указанія на источники заимствованія; но есть вѣское доказательство, что такого придѣла не было въ этомъ храмѣ, хотя онъ и называется Свирскимъ. Въ Смоленскомъ архіерейскомъ домѣ, въ Епархіальной библіотекѣ есть планъ города Смоленска, составленный при Императрицѣ Екатеринѣ II въ 1786 году; на немъ, на поляхъ пояснены цыфры, указанныя на планѣ; поименованы и храмы. Наша церковь названа: «Храмъ Архангела Михаила съ придѣлами *Александра Невскаго*, Алексѣя Божія человѣка и Нила Столбенскаго» (имени Свят. Александра Свирскаго нѣтъ). И на антиминсѣ этого алтаря, возобновленномъ въ 1821 году, значится имя Св. кн. Александра Невскаго; и до сего времени празднество въ этомъ придѣлѣ совершается Александру Невскому, а не Свирскому. Итакъ заключаемъ, что у описываемаго нами храма нѣтъ никакой связи и традицій съ Св. Александромъ Свирскимъ. Въ такомъ случаѣ,—откуда же началось его названіе: «Свирскій храмъ»?

Полагаемъ, что это названіе не новое, а на столько же древнѣйшее, какъ и самый храмъ. Дѣло въ томъ, что князья

[1]) «Памятная книга Олонецкой губерніи» за 1868 г. «Обонежскіе пустынножители».

Смоленскіе, заселившіе эту мѣстность: Святославъ Ярославичъ, Всеволодъ Ярославичъ съ сыномъ своимъ Владиміромъ Мономахомъ, Давидъ Святославичъ и сыновья Мономаха: Мстиславъ, Глѣбъ, Изяславъ и друг., — всѣ они попадали сюда на княженіе изъ земли Сѣверской. Каждый князь, являясь въ Смоленскъ, приводилъ съ собою свою дружину. Хотя она составлялась изъ разныхъ элементовъ, но, конечно, въ составъ ея входили многія лица той мѣстности, гдѣ раньше правилъ князь; во всѣхъ исчисленныхъ случаяхъ здѣсь разумѣется все область Сѣверская, или Сиверская. Въ лѣтописяхъ есть указаніе, что отецъ, отправляя сына на княженіе въ другую мѣстность, составлялъ ему у себя, въ своей области, дружину. Но что особенно важно: въ дружину князя, какъ оберегателя земли, требовались преимущественно люди конные; а этому особенно удовлетворяли сиверяне — лучшіе въ то время наѣздники, съ дѣтства привыкавшіе на своихъ «борзыхъ комоняхъ (коняхъ) въ прилегающихъ степяхъ рыскать, какъ сѣрые волки». (Слово о полку Игоревѣ).

Итакъ съ князьями переселялись въ Смоленскъ Сиверяне. Пріѣхавъ въ Смоленскъ, въ отведенную имъ западную окраину города, они, какъ не торговое сословіе, могли селиться и не по берегу Днѣпра. Самое назначеніе ихъ — служить князю опредѣляло ихъ мѣсто заселенія: гдѣ были терема княжескіе, тамъ, конечно, жили и дружинники, т. е. на томъ холмѣ, на которомъ послѣ возникъ Михаило-архангельскій храмъ, и около него. Поселившись въ Смоленскѣ, они не прекращали сношенія со своими соотечественниками, тѣмъ болѣе, что Сиверская область была сосѣдняя со смолянами. Да и сами князья тоже не прерывали сношеній съ Сѣверской землей; долгое время та и другая область находились почти подъ одною властью: такъ Владиміръ Мономахъ сидѣлъ въ землѣ Сиверской, въ Черниговѣ, а сынъ его, который либо: или Мстиславъ, или Изяславъ, — въ Смоленскѣ. При внукахъ Мономаха связь съ Сиверскою землею тоже не прекращалась, такъ: Романъ

Ростиславичъ князь смоленскій женился на княжнѣ Сиверской, дочери Святослава Ольговича. Вообще княжескій дворецъ и дома дружинниковъ представляли собою особый уголокъ въ городѣ, гдѣ ютились сиверяне, и централировались интересы Сиверскіе.

Сюда вышла и одна изъ большихъ дорогъ (о которыхъ мы упомянули раньше) къ торговой пристани Смядынки и въ древній городъ. Эта дорога, шла сюда изъ Чернигова чрезъ Стародубъ, т. е. изъ земли Сѣверской. По ней приходилъ въ Смоленскъ въ 1096 г. Олегъ Святославичъ, бывшій князь Сѣверскій, къ своимъ сиверянамъ и только здѣсь у брата своего Давида Святославича, среди сиверянъ, могъ найти себѣ дружинниковъ, пожелавшихъ помочь ему въ возвращеніи отнятыхъ у него городовъ [1]). По ней ходили Смоленскіе князья въ степи отражать набѣги половцевъ на Русскую землю и прекращать распри и крамолы въ Черниговскомъ княжествѣ. Въ 16-мъ столѣтіи она называлась Черниговскою: въ тридцати поприщахъ, ѣдучи изъ Смоленска *по* означенной *Черниговской дорогѣ*, можно было встрѣтить много каменныхъ изваяній „аки люди стояще, окаменени вси“ („Цвѣтникъ“ Синодальн. библіотеки № 908).

Начало этой дороги въ прежнее время, или выѣздъ по ней изъ Свирской части города, замѣчается у развалинъ бывшаго Спасскаго монастыря, около деревни Чернушекъ; направляется далѣе прямо на Югъ, около земляныхъ укрѣпленій; затѣмъ, дорога видна въ прилегающемъ имѣніи Вишенки г. Тура въ видѣ широкаго просѣка, чрезъ весь лѣсъ. Съ полнымъ разрушеніемъ мѣстности, съ уничтоженіемъ Смядынской пристани, при новомъ распланированіи путей около города, начало чему положилъ еще Сигизмундъ III, запрещавшій ѣздить по преж-

[1]) Сами же Смольняне, когда онъ пріѣзжалъ къ Смоленску въ отсутствіе ихъ князя просить себѣ помощи, не приняли его, потому что онъ имѣлъ обычай приводить на Русь половцевъ, безъ разбора грабившихъ и имущества князей и богатство земцевъ, иногда безучастныхъ въ начатой войнѣ.

нимъ дорогамъ, кромѣ тѣхъ, что онъ установилъ [1]), этотъ въѣздъ сдѣлался лишнимъ и запустѣлъ.

Теперь спрашивается: какъ назвать этотъ районъ въ городѣ, гдѣ группировались преимущественно северяне?—Сиверскій.—Какъ именовать *образовавшуюся къ нимъ* улицу города, и наконецъ, - выѣздъ изъ города, направлявшійся въ землю сиверянъ?—Отвѣтъ тотъ же: Сиверскими, а по сокращенію: *Свирскими*.

Названіе того или другого пункта въ городѣ отъ населенія, которое располагалось въ немъ, бываетъ очень часто: такъ въ Смоленскѣ существовали Крылошанскій конецъ и ворота Крылошанскія, или Клирошанскія (сѣверовосточн. уголъ Смол.); названіе образовалось отъ епископскихъ клириковъ, размѣстившихся здѣсь. Наименованіе улицъ города по мѣстности, въ которую онѣ ведутъ, тоже нерѣдко: въ Ростовѣ былъ чудскій конецъ города, по направленію въ Чудскую землю; въ Дорогобужѣ и до сихъ поръ сохранилось старое названіе улицы: Смоленская; въ самомъ Смоленскѣ есть ворота Молоховскія, по старому Молохвинскія, потому что чрезъ нихъ направлялся путь въ древнюю Молохвинскую волость, гдѣ протекаютъ рѣчки Молохва, Молоховка и Молофа (Краснинскій и Мстиславл. уѣзды).

Вотъ какимъ путемъ образовалось и съ какихъ поръ ведется названіе Свирская церковь. Что это названіе было и въ старину, укажемъ на рукописную лѣтопись, года 24 тому назадъ ходившую по рукамъ въ Смоленскѣ, среди мѣщанъ Крестовоздвиженскаго прихода, теперь неизвѣстно куда утраченную. Въ числѣ свѣдѣній, извлеченныхъ изъ ея содержанія, автору удалось разузнать отъ мѣщанъ слѣдующее: смольяне назывались въ лѣтописи „златоглавыми“ (припомнимъ „златые шеломы“ князей сѣверскихъ въ Словѣ о полку Игоревѣ); кругомъ Смоленска были дремучіе лѣса, въ которыхъ водились

[1]) VI грамота Сигизмунда Смоленска у Мурзакевича въ «Смол. исторіи».

разбойники; говорилось о какомъ то богатомъ и славномъ казакѣ Өедорѣ Блискалкѣ, о *Родницкой* улицѣ, главной въ городѣ. Упомянуто было въ лѣтописи и о *„Свирской церкви“*, по слѣдующему поводу: княжна Евпраксія, дочь князя Өедора Волоколамскаго, племянница Смоленскаго князя Іоанна Александровича, въ первый разъ увидала князя Өедора Краснаго (Красиваго) въ „Свирской церкви“. [1].)

Евпраксія впослѣдствіи сдѣлалась женою Өедора Краснаго. Но прежде чѣмъ вступить ей въ замужество съ Өедоромъ Краснымъ, посватался къ ней богатый и великій князь Московскій Симеонъ Ивановичъ Гордый (1340 – 1352 г), который предъ тѣмъ заставилъ жену свою Анастасію Кейстутовну постричься въ монахини. Не понравился Евпраксіи этотъ гордый Московскій князь; сердце ея запало къ красивому князю Өедору. Тѣмъ не менѣе она принуждена была выйти замужъ за великаго князя. Извѣстенъ фактъ, что она не понравилась князю Симеону Ивановичу, что онъ отослалъ ее въ Смоленскъ, —обо всемъ этомъ разсказывалось въ означенной лѣтописи, какъ и въ другихъ. Но здѣсь мы введемъ изъ нея любопытныя въ бытовомъ отношеніи подробности княжеской жизни, чего нѣтъ въ другихъ источникахъ. Молодая княгиня все время была печальна. Всѣ думали. что она испорчена; стали лѣчить ея отъ порчи: взбрызгивали наговорной водой, приносили изъ церкви воздухи; а однажды вывели её въ садъ, гдѣ она долго лежала, будучи блѣдною. Наконецъ, она поднялась и стала причитать, жалуясь на свою судьбу и упоминая въ то же время Өедора Краснаго. Князь Симеонъ подслушалъ ея слова и вывѣдалъ у ней признаніе въ любви къ Өедору Она открылась, что не пожеланію вышла за него замужъ. Симеонъ Ивановичъ посовѣтовался съ митрополитомъ: можно-ли расторгнуть бракъ? Митрополитъ рѣшилъ, что по безплодію княгини

[1]) Өедоръ красный былъ сынъ Константина Юрьевича, князя Өоминскаго и Ржевскаго („Истор. изслѣд. княжествъ Өоминск. и Ржевскаго“.—Квашнина-Самарина.)

чрезъ годъ можно развестись съ нею. Дѣло это было въ 1345 году. Извѣстно, что Симеонъ не попрепятствовалъ ей потомъ выйти за мужъ за Ѳедора Краснаго. Въ такомъ видѣ сообщены были автору факты извлеченные изъ этой лѣтописи.

Въ дополненіе скажемъ, что посѣщеніе князьями другъ друга, особенно младшими извѣстной области главнаго, или старшаго князя были часты и по дѣлу управленія и обороны княжества, и по семейнымъ дѣламъ; пріѣзжали и для покупокъ въ большой торговый городъ. На послѣднее указываетъ, напримѣръ, грамота Смоленскаго князя Мстислава 1229 года, въ которой есть приписка, что онъ (Мстиславъ Давидовичъ) *не будетъ разбиратъ ссоръ между нѣмцами и людьми того князя, который бы въѣхалъ въ Смоленскъ*; а пусть нѣмцы сами съ нимъ вѣдаются [1]). Очевидно здѣсь идетъ рѣчь о пріѣздѣ для закупокъ товаровъ нѣмецкихъ на Смядыни. Изъ подвластнаго Смоленску города Волоколамска княжна Евпраксія, какъ племянница Смоленскаго князя и рано лишившаяся матери, могла вмѣстѣ съ отцомъ своимъ Ѳедоромъ Святославичемъ не рѣдко гостить въ семействѣ Іоанна Александровича и быть въ Свирской церкви. Что былъ въ Смоленскѣ и князь Ѳедоръ Красный, объ этомъ свидѣтельствуетъ 1339 годъ, въ который по причинѣ ссоры смол. кн. Іоанна Александровича съ братомъ своимъ Дмитріемъ Брянскимъ, жаловавшимся въ Ордѣ на брата за отнятіе имъ у него владѣній,—Ханъ Узбекъ, видя самовольство Іоанна Александровича, хотѣвшаго въ союзѣ съ Гедеминомъ отложиться отъ татаръ, отрядилъ на Смоленскъ великое войско съ воеводою Товлубіемъ во главѣ. Въ этомъ походѣ должны были принять участіе Рязанскій владѣтель Коротополъ, затѣмъ—князья Суздальскій, Ростовскій, Юрьевскій, Друцкой и наконецъ *Ѳедоръ Ѳоминскій или Ржевскій*. Въ виду такой рати, конечно, и всѣ Смоленскіе подвластные Іоанну Александровичу и державшіе его сторону

---

[1]) Бережковъ 93 стр.

князья должны были сплотиться подъ знамя старшаго князя для его защиты. Непріятельское войско пришло къ Смоленску и «*стояло подъ градомъ*,—какъ говорятъ лѣтописи,—*а града невзяша*». Думаютъ, что Товлубій смягченъ былъ дарами. А князья, вмѣсто войны, мирно и братскимъ общеніемъ закончили дѣло. Придворный Свирскій храмъ былъ мѣстомъ, гдѣ они приносили Богу молитвы, что предотвращено было кровопролитіе. На общую молитву въ церковь могли одновременно придти княгини и княжны, въ числѣ ихъ и Евпраксія; а въ числѣ князей былъ Өедоръ Өоминскій, который и есть *Өедоръ Красный*. Итакъ простонародное названіе «Свирская церковь» существовало еще за цѣлыя столѣтія до рожденія святаго Александра Свирскаго.

Такъ какъ эта церковь была придворною, и при ней жили князья; то здѣсь же они и воспитывались и научались истинамъ вѣры. Въ числѣ князей, проведшихъ свое дѣтство въ Смоленскѣ и получившихъ здѣсь начатки истиннаго Богопочитанія, были нѣкоторые святые. Такъ извѣстенъ св. князь *Андрей Смоленскій и Переяславльскій*, удалившійся въ Переяславль-Залѣсскій и подвизавшійся тамъ въ образѣ инока—привратника; это, вѣроятно, современникъ Өедора Ростиславича, сынъ брата его Михаила; онъ, въ отсутствіе главнаго князя, подписался на грамотѣ Смоленскаго князя къ рижскому епископу и ратманамъ: «*а тоу былъ въ Смолъньске на мъсто на княжи на Федорово Анъдрѣй Михайловичъ—князь*»[1]).

Извѣстенъ также св князь *Өедоръ Ростиславичъ Смоленскій и Ярославльскій*, правнукъ основателя Свирскаго храма—Давида Ростиславича; умеръ 1299 году въ Ярославлѣ, мощи его вмѣстѣ съ двумя сыновьями Давидомъ и Константиномъ Өедоровичами открыты въ 1463 году, при великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ III. Тотчасъ же по открытіи мощей снятъ былъ образъ съ нихъ въ тѣхъ одеждахъ, какъ они были най-

---

[1]) Собр. Госуд. Грам. ч. 2 № 3.

дены въ Ярославлѣ, въ Спасскомъ монастырѣ (впослѣдствіи переименованномъ въ Архіерейскій домъ). Въ описываемомъ Свирскомъ храмѣ находится точная копія съ упомянутаго древнѣйшаго образа этихъ святыхъ, интересная въ отношеніи изображенія прежнихъ княжескихъ одеждъ и относительно искусства иконописанія конца 15 вѣка. У Смолянъ святой князь Ѳедоръ Ростиславичъ считался покровителемъ пчеловодства [1]).

Такъ какъ въ этой мѣстности жили князья, здѣсь же останавливались и нѣмцы: отсюда очевидно, что тутъ же заключались князьями и договоры съ Готландомъ, Ганзой и Рижскимъ берегомъ; извѣстны договорныя грамоты: Мстислава Давидовича 1228 г., Ѳедора Ростиславича въ 1284 г., Глѣба Ростиславича, Александра Глѣбовича, Ивана Александровича (1330—1359 г.) и друг. Иные изъ князей не писали новыхъ торговыхъ грамотъ, а только повторяли грамоты предшественниковъ, или же подписывались на прежнихъ, дѣлая иногда какую-либо малую вставку, примѣнительно къ обстоятельствамъ ихъ времени. Вообще исторія этой мѣстности связана съ исторіей князей Смоленскихъ, а потомъ Литовскихъ.

Смоленскіе князья не любили Литву, которая, непосредственно соприкасаясь со Смоленскимъ княжествомъ, дѣлала иногда разрозненными толпами вторженіе въ Смоленскія волости, производила грабежи и уходила въ свои лѣса. Князья мстили Литвѣ за эти набѣги. Впослѣдствіи же, когда Литовцы соединились подъ властію своихъ вождей и образовали сильное государство, въ составъ котораго вошло много русскихъ мелкихъ удѣльныхъ княжествъ, — Смоленскимъ князьямъ пришлось заключать съ Литовскими князьями союзы, особенно противъ татаръ, напр.: съ Гедеминомъ, Ольгердомъ; даже вступали Смоленскіе князья, по принятіи Литвою христіанства,

[1]) «Народ. міровозр.» Щапова.

въ родственныя связи съ литовскими. Съ тѣхъ поръ, конечно, Литовцы болѣе всего стали пріѣзжать въ Смоленскъ для торговыхъ сношеній. Союзы эти вовлекли Смоленскъ въ борьбу не только съ татарами, но даже въ борьбу Литвы съ Москвою, что крайне ослабляло Смоленскихъ князей. Находясь между двухъ враждующихъ земель, князья Смоленскіе должны были склоняться то въ ту, то въ другую сторону и чрезъ это разорять свое княжество; а между тѣмъ каждое изъ враждующихъ государствъ глядѣло, какъ бы самому завладѣть Смоленскомъ и укрѣпиться въ этомъ важномъ пунктѣ. Удѣльные города Смоленскіе одинъ за другимъ переходили то во власть Москвы, то Литвы. Въ разное время у Смоленска числилось много удѣльныхъ городовъ: Витебскъ, Полоцкъ, Пинскъ, Орша, Конось, Минскъ, Красный, Васильевъ, Друцкъ, Мстиславль, Зяславъ, Рославль, Брянскъ, Калуга, Волоколамскъ, Звенигородъ, Можайскъ, Вязьма, Дорогобужъ, Торопецъ и другіе. Мы перечислили только нѣкоторые города, существующіе и по сіе время; но были еще города, которыхъ теперь уже нѣтъ. И князей въ предѣлахъ Смоленскаго княжества иногда было одновременно до 17-ти [1]). Къ концу 14 вѣка во власти Смоленска состояло городовъ уже немного; большую часть изъ нихъ (юго-западные города) подчинила себѣ Литва. *Предѣлы Смоленской земли* около того времени до 1503 г. можно очертить приблизительно только уже такимъ образомъ: вмѣстѣ съ княжествами и владѣніями, тянувшими къ Смоленску въ военно-политическомъ отношеніи, область обнимала нынѣшнюю *Смоленскую губернію*, прибавляя къ ней *часть Псковской* губерніи (Торопецкій уѣздъ, за исключеніемъ юго-западной озерной части и восточную часть Холмскаго уѣзда по р. Ловать); небольшую *часть Тверской* губерніи (западныя пограничныя мѣстности Осташковскаго уѣзда и южныя пограничныя мѣстности Зубцовскаго уѣзда), *губернію Калужскую* и *западныя части Ор-*

---

[1]) «Русск. Свят.» Филарета III, стр. 266.

ловской и Тульской, съ бассейнами верхней Оки, Зуши и нижней Упы включительно [1]).

Наступалъ конецъ самостоятельности земли Смоленской. Князь *Святославъ Ивановичъ* дружилъ съ московскимъ княземъ и участвовалъ въ 1380 году въ Куликовской битвѣ, въ центрѣ арміи Димитрія Ивановича Донского. Въ 1386 году Святославъ Ивановичъ, желая отомстить Литвѣ за полоцкаго князя, сторонника тэже Москвы, Андрея, у котораго Литва отняла Полоцкъ, вступилъ въ 1386 году съ войскомъ въ Литовскій край, собственно въ нынѣшнюю Могилевскую губернію, и началъ опустошать эту мѣстность; съ жителями селеній обходился слишкомъ сурово; наконецъ осадилъ Мстиславль, къ тому времени уже Литовскій городъ; въ войскѣ съ нимъ находились сыновья его Глѣбъ и Юрій. На помощь осажденному городу пришли литовскіе князья: Скиргайло, Витовтъ и другіе. Въ упорной битвѣ литовцы одолѣли; Святославъ былъ умерщвленъ копьемъ на вылетъ, а его сыновья взяты въ плѣнъ, причемъ Юрія Святославича нашли между трупами раненаго и едва живого. Стали лѣчить его, остригли голову, потому что на ней было много ранъ. Побѣдители гнались за русскими до Смоленска, взяли окупъ съ жителей города, возвратили тѣло убитаго князя Святослава Ивановича, который и похороненъ въ Смоленкѣ, вѣроятно, въ своей Свирской придворной церкви. Затѣмъ Скиргайло, вылѣчивши Юрія отъ ранъ, привезъ его въ Смоленскъ къ матери и посадилъ на княженье, потому что за Юріемъ была женою дочка старшей сестры Скиргайла [2]), Глѣбъ же Святославичъ оставленъ былъ въ Литвѣ. Такъ Смоленскій князь возведенъ былъ на свое княженіе, по милости родственника, или *«изъ руки Скиргайла»*, какъ выразилась Тверская лѣтопись [3]).

Пока живъ былъ Скиргайло, Юрій, младшій братъ, сидѣлъ на

---

[1]) „Обл. дѣлен. Лит. государ.“—Любавскаго 237 стр. и

[2]) Огр. изъ кратк. лѣтописи Аврамки изд. 1893 г. стр. 10

[3]) 414 стр. изд. 1863 г.

Смоленскомъ престолѣ. Но къ 1393 г упрочиваетъ въ Литвѣ свою власть Витовтъ Кейстутовичъ, который приходился родственникомъ дѣтямъ Святослава. Витовтъ пожелалъ, чтобъ въ Смоленскѣ сидѣлъ посаженный отъ него князь и при томъ старшій въ родѣ, именно *Глѣбъ Святославичъ*. Хотя Юрій помогалъ Витовту изгнать изъ Витебска Свидригайлу, соперника Витовту на великокняженіе Литовское, однако Витовтъ далъ ему только городъ «Жославль»; а Глѣба Святославича отпустилъ княжить въ Смоленскъ [1]). Юрій, видя неблагопріятность со стороны Витовта рассорился съ нимъ и отправился къ тестю своему, Олегу рязанскому, просить себя помощи. Между тѣмъ и Глѣбъ Святославичъ явившись въ Смоленскъ, имѣлъ, при раздѣлѣ владѣній, большое неудовольствіе отъ удѣльныхъ князей и гражданъ, приверженныхъ Юрію [2]). Витовтъ, услышавъ, объ этомъ, рѣшился воспользоваться смутами, чтобы овладѣть Смоленскомъ. Подъ предлогомъ, что идетъ на Тамерлана, татарскаго хана, помогать зятю своему, князю Московскому Василію Дмитріевичу, Витовтъ съ войскомъ появился въ окрестностяхъ Смоленска. Князь Глѣбъ вышелъ къ нему на встрѣчу. Витовтъ почтительно принялъ Глѣба Святославича; одарилъ его и отпустилъ, чтобы онъ съ прочими князьями явился къ нему, обѣщая, какъ посредникъ, раздѣлить отеческія земли по справедливости. Князья повѣрили и вышли каждый со своими боярами и подарками. Но Витовтъ приказалъ всѣхъ ихъ схватить и отвезти въ Литву, а 28 сентября 1395 года вступилъ въ городъ; «*предъ нимъ несли крыжъ* (*крестъ*) *и свирѣльницы гласяху по литовскому обычаю*». Пробывши нѣсколько дней въ Смоленскѣ и назначивъ тамъ князя Ямонта намѣстникомъ, и въ помощь ему Василія Борейковича, ушелъ со многими плѣнными и богатою добычею въ Литву, а не на татаръ [3]). Такъ, безъ боя, взятъ былъ Смоленскъ литовцами.

---

[1]) Лит. лѣт. по спис. Красинскаго изд 1893 г. стр. 27.

[2]) Мурзак. 114 стр.

[3]) Стриттеръ «ист. Рос Гос.»; изд. 1802 г. стр. 25.

Обращаемъ вниманіе на фактъ несенія предъ Витовтомъ католическаго *крыжа*. Это значитъ, что Витовтъ ко времени взятія имъ Смоленска сталъ совершеннымъ католикомъ. Дѣйствительно, Витовтъ, бывши прежде православнымъ христіаниномъ, неожиданно и въ разрѣзъ русской народности, которая, составляла чуть ли не $^{9}/_{10}$ частей населенія Литовскаго государства, принялъ католичество и началъ дѣлать предпочтеніе латино-польской цивилизаціи. Такъ и въ Смоленскѣ съ намѣстникомъ онъ оставилъ вооруженныхъ людей, въ числѣ которыхъ были поляки; послѣдніе возбудили неудовольствіе гражданъ, граждане подняли возстаніе, потому что, какъ выразился одинъ историческій источникъ: «не могли терпѣти великое налоги отъ невѣрныхъ ляховъ» [1]) Витовту пришлось смѣнить Ямонта и назначить въ Смоленскъ намѣстникомъ русскаго князя Михаила Романовича Брянскаго, или Черниговскаго.

Съ этого времени Смоленскъ и закрѣпился бы за литвою. Но случилась неудача съ Витовтомъ: онъ въ 1399 году имѣлъ битву съ татарскимъ ханомъ Тимуръ-Катлаемъ, къ которой онъ готовился цѣлую зиму и весну. Для битвы собрано было войска болѣе 100 тысячъ человѣкъ; въ ней приняли участіе и Ямонтъ, и бывшій Смоленскій (потомъ Пелынскій) князь Глѣбъ Святославичъ. Эту битву Витовтъ проигралъ, между прочими въ ней погибли и Ямонтъ и Глѣбъ Святославичъ. Но остался еще живъ Юрій Святославичъ, онъ находился въ Рязани у тестя. Послѣ пораженія Витовта, смоляне, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ его, снова подняли возстаніе. Такъ описываетъ историкъ П. Брянцевъ дѣла Смоленскія этого времени: «бояре и народъ, преданные Юрію Святославичу, рѣшили снова возвести этого князя на отцовскій столъ и съ этою цѣлію отправили къ нему въ Рязань пословъ. Въ началѣ 1401 года тесть и зять вмѣстѣ съ другими рязанскими удѣльными князьями подступили къ Смоленску и расположились

---

[1]) Литовск. лѣтопись 32 стр.

вокругъ него лагеремъ. Отсюда Олегъ рязанскій отправилъ въ городъ грамоту, въ которой требовалъ немедленной его сдачи: въ противномъ случаѣ обѣщался долго простоять и все предать огню и мечу. По поводу этого требованія въ Смоленскѣ между боярами произошла распря: одни хотѣли сейчасъ же впустить къ себѣ Олега и посадить на престолъ Юрія (очевидно, этого хотѣла партія, приверженная Юрію, такъ называемая національная); а другіе и слышать объ этомъ не хотѣли (партія Литовская). Къ послѣдней партіи принадлежалъ и намѣстникъ Витовта Романъ Михаиловичъ Брянскій съ братьями. Но первая партія одолѣла: Смоленскъ былъ сданъ, и тогда началась расправа; прежде всѣхъ погибъ Романъ Михаиловичъ, а потомъ перебиты были и тѣ бояре, которые держали сторону Витовта. Утвердивши Юрія въ Смоленскѣ, Олегъ ушелъ домой, разоряя по дорогѣ литовскія владѣнія [1]).

Услышавъ о взятіи Смоленска, Витовтъ немедленно осенью явился съ войскомъ сюда; четыре недѣли простоялъ онъ подъ городомъ, но взять его не могъ и въ декабрѣ 1401 года вернулся домой, заключивъ перемиріе со смолянами. Такъ Юрій Святославичъ опять утвердился на своей отчинѣ. Въ слѣдующемъ году новгородцы заключили съ нимъ миръ, признавъ его княземъ Смоленскимъ [2]). И началась жизнь въ Смоленскѣ по прежнему. Но Юрій не дремалъ; онъ зналъ, что Витовтъ, оправившись, не оставитъ его въ покоѣ, и готовился къ защитѣ. Дѣйствительно раннею весною 1404 года Витовтъ снова явился къ Смоленску съ князьями Ольгердовичами, Корибутомъ, Лугвеніемъ и Свидригайломъ и «со всею силою». На этотъ разъ привезены были Витовтомъ и пушки [3]). Это была новость для смолянъ, и невидавшіе ихъ не мало устрашались. Но извѣстно, что Смоленскомъ завладѣвала нападающая сто-

---

[1]) «Истор. литов. госуд.», 235 стр.

[2]) Лѣтоп. Абрамки 147 стр.

[3]) Лѣтоп. Абрамки 149 стр.

рона только въ отсутствіе тамъ князя; а въ данномъ случаѣ князь былъ на лицо,—князь Юрій, опытный въ битвахъ съ литовцами, знакомый и съ пушками; знакомый, какъ и многіе его дружинники, съ осадой литовцами городовъ, потому что сами участвовали въ войскѣ Витовта при осадѣ имъ въ 1394 году Витебска [1]) Юрій, въ виду пушекъ, не вступалъ съ Витовтомъ въ сраженіе въ открытомъ полѣ; но, запасшись продуктами, защищалъ только городъ со всѣми смолянами; «*Витовтъ же весну всю стоявъ, колико бився и труждався,* [2]) *и пушками бивъ; не може выстоять градъ: бѣ бо Смоленскъ крѣпокъ вельми*» Хотя существовала тамъ партія не довольныхъ Юріемъ за учиненную имъ суровую расправу съ боярами, о которой упомянуто раньше; партія эта желала бы «*держатъ перевѣтъ къ Витовту на князя своего Юрья*» [3]), но въ данный разъ она не могла сдѣлать что-либо въ пользу Витовта изъ страха къ Юрію. Всѣ приступы нападавшихъ отражаемы были безъ измѣны. Витовтъ простоялъ подъ Смоленскомъ до Пасхи, а «*потомъ, по Велицѣ дни, отступи прочь.*» За то «по зажитьямъ [4]) и волостямъ Смоленскимъ много зла учинилъ» [5]). Причиною, заставившею Витовта снять осаду, были тевтонскіе рыцари, которые въ это время вторглись въ его владѣнія [6]).

Хотя Юрій и восторжествовалъ надъ Витовтомъ, однако онъ долженъ былъ убѣдиться, что ему не устоять противъ Литвы, тѣмъ болѣе, что многіе города Смоленскіе, даже Вязьма, опять попали подъ власть Витовта; умеръ и союзникъ Юрія, его тесть Олегъ Рязанскій, огорченный взятіемъ въ плѣнъ литовцами сына его Родослова. Чувствуя себя одинокимъ, Юрій

---

1) Хроника о вел. княз. Литов. 26 стр

2) Говоритъ лѣтопись Абрамки 149 стр.,

3) Лѣт. Абрамки 147 стр.,

4) Загороднимъ имѣніямъ, особенно княжескимъ.

5) Лѣт. Абрам. 149 стр.

6) Истор. Лит. г. 236 стр.

Святославичъ рѣшился искать помощи и защиты у Московскаго князя, къ которому и уѣхалъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Өедоромъ [1]).

Уѣзжая изъ Смоленска, Юрій оставилъ тамъ жену, дружинниковъ и все свое имущество, обѣщая скоро пріѣхать. Но случилось иначе. Витовтъ, узнавъ, чрезъ преданныхъ ему Смоленскихъ людей, что Юрія нѣтъ въ Смоленскѣ, быстро явился съ войскамъ къ Смоленску, окружилъ городъ и прекратилъ подвозъ припасовъ. «*Граждане же, не могущи терпѣти гладо въ градѣ, изнеможеніемъ и отъ всякія истомы, градъ Смоленскъ предаше Витовту. Се бысть послѣднее плѣненіе Смоленску отъ Витовта*» [2]). Произошло это 26 іюня 1404 года «Витовтъ взя градъ и все Смоленское княженіе за себѣ; а княгиню Юрьеву, поимавъ, сосла въ Литовскую землю; а князей Смоленскихъ и бояръ, которые хотѣли князю Юрію добра, тыхъ разведе и расточи, а иныхъ на мученіе преда. Князь Юрій, то слышавъ, съ своимъ сыномъ Өедоромъ, сжалившися въ горести души, побѣжа съ Москвы въ Новгородъ» [3]). Витовтъ отправилъ въ Москву пословъ, чтобы зять его, московскій князь Василій Димитріевичъ, вытребовалъ у подвластныхъ себѣ новгородцевъ Юрія, ссылаясь на то, что «Юрій много зла сотворилъ: брата мнѣ и тобѣ, князя Романа Черниговскаго, убилъ и казну его взялъ, иныхъ князей поби» и т. д. Но московскій князь отвѣтилъ отказомъ, предлагая Витовту самому заявить это требованіе новгородцамъ, мало подчиняющимся Москвѣ.

---

[1]) Говорятъ, что Юрій, при отправленіи въ Москву, взялъ съ собою чтимую икону Смоленской Богоматери. Но это не правда: здѣсь смѣшали личность Юрія Святославича съ другимъ Юріемъ, или Гюргой, сыномъ князя Василія Дмитріевича Московскаго, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

[2]) лѣт. Абрамки 149 стр.

[3]) Лѣт. Абрамки 149 стр. и Тверск. лѣт., изд. 1863 г. 471 стр.

Глава III.

Состояніе княжеской мѣстности и храма въ Литовскую эпоху отъ 1404—1514 г.

Очистивъ городъ отъ враждебныхъ себѣ элементовъ, Витовтъ «*посадилъ тамъ своихъ намѣстниковъ, ляховъ, и тѣмъ ляхамъ преда градъ Смоленскъ держати*» [1]). Заказалъ намѣстникамъ обходиться съ жителями кротко, и милостиво, и «*льготу многу чинити* смоленскимъ людемъ, отводя ихъ отъ князя Юрья» [2]) Литовская лѣтопись упомянула имя одного изъ этихъ намѣстниковъ Витовта: *панъ Дедикольдъ* [3]) который, впрочемъ, скоро переведенъ былъ въ Вильну. Витовтъ надѣлилъ городъ еще землями и далъ гражданамъ особыя льготы и привилегіи, которыя часто подтверждались послѣдующими князьями и королями. Вообще съ этого времени Витовтъ сталъ слишкомъ заботливо относиться къ Смолянамъ. Въ заключеніе всего, далъ городу Магдебургское право.

При новомъ владычествѣ княжеская, или Свирская часть, города переименовалась въ «*форштадтъ*». Одинъ изъ преемниковъ Витовта на великокняженіи Литовскомъ, именно Казимиръ, идя изъ Вильны съ войскомъ на Московскаго князя въ 1445 году, останавливается въ Смоленскѣ «на форштадтѣ» [4]). Названіе это повторялось потомъ въ Польскую эпоху; удержалось и до болѣе поздняго времени: намъ случалось видѣть на документахъ даже времени Императрицы Екатерины II, что названіе «форштадтъ» примѣнено къ Свирской части города (напр: старый планъ

---

[1]) Лѣтоп. Абрамкѣ 149 стр.

[2]) Никонов. лѣт. IV, 310,

[3]) Крас. опис. 30 стр.

[4]) Мурзакев. 141 стр.

владѣній прилегающей къ Смоленску деревни Чернушки); изрѣдка можно услышать это названіе и теперь въ средѣ мѣщанъ Смоленскихъ. Но наряду съ новымъ названіемъ иногда въ литовскую эпоху повторялось (по крайней мѣрѣ примѣнительно къ огражденному пункту при Борисоглѣбскомъ монастырѣ) и старое названіе «городъ.» [1]) А все вмѣстѣ заселенное пространство по Днѣпру кромѣ древняго пункта города, окруженнаго валомъ, стало называться общимъ именемъ польско-литовскимъ: «мѣсто» или място, (miasto) [2]).

Интересенъ фактъ, что князь останавливается на форштадтѣ. Чѣмъ объяснить это?

Намѣстникъ, замѣняя лицо князя, жилъ, какъ это обычно, во дворцѣ княжескомъ. Тамъ онъ производилъ и судъ, какъ видно изъ грамотъ князей [3]). Князь, пріѣхавши въ городъ, останавливается обыкновенно или во своемъ дворцѣ, если онъ есть, или у намѣстника; но въ данномъ случаѣ было одно и то же: дворъ князя, какъ видно изъ предыдущаго, существовалъ въ это время въ Смоленскѣ, онъ перешелъ къ литовцамъ преемственно отъ прежнихъ князей и во время взятія города не былъ разрушенъ, ибо городъ взятъ безъ боя. Кромѣ того, до сихъ поръ неупоминалось нигдѣ, чтобы дворецъ перенесенъ былъ въ часть города, окруженную землянымъ валомъ. Значитъ, дворецъ въ это время находился тамъ, гдѣ и прежде, т. е. во Свирской части города, или — по новому названію: «на форштадтѣ».

Витовтъ, владѣя городомъ и княжествомъ, нѣсколько разъ здѣсь останавливался, иной разъ съ супругой, и жилъ иногда долго. Къ нему пріѣзжалъ сюда въ гости его зять, Московскій князь Василій I Дмитріевичъ въ 1396 году, когда отношенія ихъ были самыя дружественныя. Оба князя пробыли тутъ болѣе мѣсяца, рѣшая дѣла о границахъ владѣній каждаго и

---

1) Хрон. о Лит. кн. стр. 40

2) Хрон. о вел. кн. Лит. стр. 40 пункт. 30

3) „Истор. г. Смол." Мурзакевича, прилож. № 4.

занимаясь пирами и охотою [1]), въ окружающихъ Смоленскъ лѣсахъ, гдѣ водились въ большомъ количествѣ бобры, куницы, выдры, лисицы, вепри, барсуки, бѣлки и т. д. [2]); а изъ птицъ водились тетерева, рябцы, куропатки, орлы, аисты, цапли, гуси, утки и друг. [3]) Отсюда же послана была ими грамота въ Новгородъ съ требованіемъ, чтобы новгородцы прервали союзъ съ Товтовскими рыцарями противъ Литвы, а подчинились бы Витовту; но послы того и другого князя не имѣли никакого успѣха. Тогда же въ Смоленскъ прибылъ и Московскій митрополитъ Кипріанъ условиться съ Витовтомъ о дѣлахъ вѣры. Интересна здѣсь въ бытовомъ отношеніи замѣтка лѣтописи о томъ, какими подарками наградилъ Витовтъ зятя своего, отпуская домой: «Великій князь Витовтъ многіе коштовные (цѣнные) дары подасть ему: ланцухи (цѣпи) золотыи, поясы золотыи; (одарилъ) собольми, камками дорогими (шелковая толстая матерія), суды золотыми и бахматы; вчивъши (почтивши) его розмаитыми (различными) дары: сажоными портищи (полотно), дорогими оксамиты (бархатъ), многоцѣнными камками, и гинъшты въ золотыхъ сѣдлахъ и оу збруяхъ даровавши, отпустилъ его прочь къ Москвѣ» [4]).

Въ 1398 и въ 1418 годахъ, когда Витовтъ тоже былъ въ Смоленскѣ, пріѣзжала къ нему сюда изъ Москвы два раза дочь его, супруга Московскаго князя Василія Дмитріевича, Софья Витовтовна съ дѣтьми. Она и второй сынъ ея, юный *Юрій* (Гюрга), котораго Витовтъ очень любилъ и ласкалъ, испросили позволенія у Витовта взять съ собою въ Москву часть Страстей Господнихъ и чтимую икону Богородицы Одигитріи [5]). Быть можетъ, она въ то время считалась собственностію князей, а не достояніемъ всего города. Раньше мы упомянули

---

[1]) Ист. Никитина.

[2]) Акт. относ. къ исторіи Зап. Р., т. I.

[3]) Рукопись, составл. къ пріѣзду императ. Екатерины II.

[4]) Литов. лѣт. по списку гр. Краснинскаго, 28 стр.

[5]) У Мурзакев. 119 стр.

*

о существованіи чудотворной иконы Богоматери въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, «отчинѣ» и «дѣдинѣ» Смоленскихъ князей, гдѣ могли находиться (какъ и въ княжескомъ Свирскомъ храмѣ) священныя фамильныя княжескія вещи, которыми Витовтъ владѣлъ теперь по-преемству отъ князей. Живя здѣсь, онъ свободно могъ ими распоряжаться, тѣмъ болѣе, что означенный монастырь въ это время, т. е.: при первомъ взятіи Смоленска Витовтомъ [1]), оставался безъ архимандрита, что увидимъ ниже. Но трудно допустить, чтобы Витовтъ, заботившійся о расположеніи къ себѣ гражданъ, могъ свободно взять изъ городского собора, гдѣ властвовалъ епископъ, чтимую икону, составляющую достояніе всѣхъ гражданъ. Въ Москвѣ она находилась 50 слишкомъ лѣтъ и стояла въ Благовѣщенскомъ соборѣ. Въ 1456 году Смоленскимъ епископомъ Михаиломъ икона Одигитріи была возвращена въ Смоленскъ [1]) и поставлена уже, какъ было въ Москвѣ, въ соборѣ же. Съ тѣхъ поръ прославленіе ея и упоминаніе о ней связано съ исторіей Смоленскаго собора [2]).

При Витовтѣ, въ этотъ 2-й періодъ его княженія, гражданамъ Смоленска жилось хорошо, благодаря принятымъ съ его стороны кроткимъ мѣрамъ и благоразумной политикѣ (не такъ потомъ стали относиться къ смолянамъ его ближайшіе преемники). Процвѣтала и торговля, благодаря еще полноводію Днѣпра, благодаря и тому, что Витовтъ очень покровительствовалъ торговлѣ. Въ разныхъ источникахъ упоминаются купцы смоленскіе, разъѣзжающіе въ далекія мѣстности для продажи и закупки товаровъ. Не безъ причины, конечно,

---

1) Юрга (Георгій Васильевичъ) взялъ икону въ 1398 году.

2) Надпись къ рисунку собора Мономаха въ Смолен. истор. музеѣ.

Сдѣлаемъ замѣтку и о другой чудотворной иконѣ Богородицы *Смоленской*, большого размѣра, находящейся теперь въ Надворотной церкви Богоматери: она прежде находилась въ нишѣ; это очевидно, если наблюдать верхнюю часть иконы: доска устроена полукружіемъ. Для такихъ иконъ съ полукружіемъ, или полуциркулемъ вверху, и выложены ниши съ рамкою въ городскихъ воротахъ смоленской каменной стѣны.

Смоленскъ привлекаетъ къ себѣ въ гости особъ княжескаго рода, которыя находятъ удовольствіе жить здѣсь цѣлые мѣсяцы, хотя городъ не былъ столицей княжеской; какъ мы видѣли, пріѣзжалъ сюда и митрополитъ московскій, онъ пробылъ здѣсь цѣлые полтора года [1]). Сообщаемъ еще болѣе важное извѣстіе: въ 1419 году, вслѣдствіе желанія Витовта отдѣлить Литву отъ московской митрополіи, самъ смоленскій епископъ Герасимъ возведенъ былъ въ званіе митрополита кіевскаго; но онъ не ѣдетъ въ Кіевъ, а живетъ въ Смоленскѣ. Значитъ, Смоленскъ былъ въ то время лучше Кіева; это и немудрено: Кіевъ предъ тѣмъ былъ вторично разрушенъ татарами, именно Эдигеемъ, чему Смоленскъ не подвергался.

Около намѣстника (называвшагося и воеводою, и войтомъ), который жилъ въ Смоленскѣ, па форштадтѣ, группировалось и войско; войскомъ впрочемъ завѣдывало особое должностное лицо, называвшееся въ Литовскую эпоху «*Маршалъ*», или Гетманъ [2]). Въ Смоленскѣ можно было собрать много войска. Такъ *Свидригайло Ольгердовичъ*, по смерти Витовта, въ 1430 году, явившись въ Смоленскъ, собралъ здѣсь столько войска, что съ одними только смоленскими ратниками выступилъ въ Литву и на короля польскаго для добыванія себѣ Литовскаго престола [3]), на которомъ, дѣйствительно, и утвердился.

За все время своей власти по 1435 годъ *Свидригайло Ольгердовичъ* велъ постоянную борьбу съ другимъ претендентомъ на Виленскій престолъ—Сигизмундомъ Кейстутовичемъ, братомъ Витовта, за котораго вступился польскій король Ягайло. Смоленское войско помогало ему и въ этой дальнѣйшей борьбѣ. Но онъ отличался мнительностію и суровымъ характеромъ: по одному только подозрѣнію въ измѣнѣ, безъ всякаго разбора дѣла, многихъ бояръ казнилъ, заточалъ въ

---

[1]) Соф. л. 2, 128 стр.

[2]) Брянцевъ 269 стр.,

[3]) Мурзак. 135 стр.

тюрьму или, зашивши въ мѣшокъ, бросалъ подозрѣваемыхъ въ воду. При немъ погибъ смоленскій и кіевскій митрополитъ Герасимъ: Свидригайло только вслѣдствіе подозрѣнія, что онъ сносится съ Сигизмундомъ, приказалъ насильственно схватить Герасима въ Смоленскѣ, привезти въ Витебскъ и тамъ сжечь на кострѣ. Такія крутыя мѣры, конечно, не могли никому нравиться. Не полюбили его и смоляне, особенно за то, что онъ отнялъ отъ Смоленска нѣкоторыя волости [1]). Они отвернулись отъ него и пристали къ партіи Сигизмунда, который и возведенъ былъ на литовскій престолъ въ 1435 году [2]).

Сигизмундъ Кейстутовичъ, утвердившись на престолѣ при помощи польскаго войска, опирался главнымъ образомъ на польскихъ людей и католиковъ, которыми окружилъ себя и держалъ ихъ въ войскѣ. По всему государству въ высшей степени сурово относился къ бывшимъ сторонникамъ Свидригайлы и къ православнымъ. «Бѣ князь лютъ и немилостивъ, и сребролюбецъ, паче человѣкъ; много литовскихъ людей изби». [3]) При немъ намѣстникомъ въ Смоленскѣ былъ вельможа *Янъ Гастольдъ*, а маршаломъ-панъ *Андрей Саковичъ*; ихъ не любили въ Смоленскѣ за поборы и несправедливости, особенно не нравился Саковичъ. Однажды, въ 1439 году, Янъ Гостольдъ позванъ былъ съ нѣкоторыми боярами на сеймъ къ князю въ замокъ Троки, гдѣ жилъ Сигизмундъ; а «держать Смоленскъ» остался панъ Андрей Саковичъ; маршаломъ же былъ назначенъ нѣкто Петрико, католикъ. Случилось однако, что въ началѣ слѣдующаго 1440 года, въ вербное воскресенье Сигизмундъ Кейстутовичъ былъ убитъ неожиданно въ своемъ замкѣ Трокахъ. Поднялась «замятня великая» въ Литовскомъ государствѣ и споры, кого избрать княземъ: сеймъ еще не былъ распущенъ. Въ это время Саковичъ началъ приводить смолянъ къ присягѣ, говоря: «коли князи, паны Литов-

---

[1]) У Никиг. прилож. грам. № 10.

[2]) Истор. лит. г. Брянцева 236 стр.

[3]) Такъ характеризуетъ его лѣтопись смоленскаго монаха Абрамки, 182 стр..

ской земли, кого посадятъ на великомъ княженіи Литовскомъ,—а вамъ бы отъ Литовской земли не отступити; а великаго князя Литовскаго за государя себѣ имѣти, а меня вамъ у себя держати воеводою, докоуль (пока) князь великій сядитъ на Литвѣ, въ Вильнѣ и Трокахъ». И владыка смоленскій, и князи, и бояре, и «мѣстичи» (мѣщане) смоленскіе, и чернь присягнули на этомъ Саковичу и «святость цѣловали», чтобы пана Андрея держатъ у себя воеводою «почестно».

На дѣлѣ вышло однако иначе: чрезъ нѣсколько дней послѣ присяги, именно на Пасхѣ, въ среду «вздумали черные люди смольняне раду (совѣщаніе) собе: кузнецы, кожемяки, шевчики, мясники, котельники». Они рѣшили измѣнить присягѣ, сослать силою изъ города нелюбимаго Саковича. [1]) Зазвонили въ *ратный колоколъ* и стали собираться къ церкви Бориса и Глѣба въ виду дворца, который назывался въ это время «замкомъ», гдѣ жилъ Саковичъ. [2]) Кто вооружился сброей съ сулицами», кто лукомъ со стрѣлами, кто сѣкирой, кто косой [3]), и хотѣли напасть на дворъ Саковича. Панъ Андрей, увидавши вооруженную толпу, собралъ бояръ [4]) и совѣщался, что ему дѣлать. Бояре сказали: «вели, панъ, дворянамъ своимъ въ сброи убираться, а мы съ тобою!... Чи лѣпши тобѣ (ужели лучше для тебя) дасться въ руки черни»? Саковичъ устремился на чернь съ копьями, на коняхъ. Произошла битва въ *городѣ у святого Бориса и Глѣба*. Побили много людей, черни; и побѣгли черные люди отъ пана Андрея. Однако Андрей Саковичъ, убоявшись повторенія мятежа, въ ту же ночь выѣхалъ изъ города съ женою; за нимъ потянулись и его бояре. Послѣ того было большое волненіе въ Смоленскѣ. Чернь «изымала» маршалка смоленскаго Петрика и утопила

---

[1]) Хроника о Литов. княз., изд. 1893 г. стр. 40.

[2]) Истор. г. Смол.—Мурзакевича, 138 стр.

[3]) Хроник. о Лит. кн. 40 стр.

[4]) Бояре и оставшіеся роды прежнихъ мелкихъ князей жили здѣсь, на форштадтѣ, какъ видно изъ грамотъ Кор. Александра 1505 и царя Василія Ивановича III 1514 г.

въ Днѣпрѣ; затѣмъ, избрала себѣ *воеводою* русскаго православнаго *князя Андрея* изъ Дорогобужа - пригорода смоленскаго. [1])

А въ это время въ Вильнѣ бывшіе на сеймѣ князья, паны и бояре избрали (2-го іюля 1440 года) на престолъ Литовскій юнаго *Казимира Ягелловича*. Смоленскіе бояре, покончивъ дѣла на сеймѣ, услыхавъ и о возстановленіи порядка въ Смоленскѣ, возвращались было изъ Литвы домой. Но оказалось, что смоленская чернь возстала не противъ Саковича только лично, какъ нелюбимаго воеводы, а противъ литовскаго владычества вообще, желая водворить русское православное правительство. Черные люди не пустили литовскихъ бояръ въ городъ, и они разъѣхались по своимъ селамъ. Однако скоро собрали своихъ вооруженныхъ людей, соединились и подступили къ городу. Три дня они осаждали городъ; произошла битва: чернь одолѣла бояръ, и они принуждены были снова разъѣхаться [2]). Князь Андрей Дорогобужскій, избранный только чернью, а не всѣмъ смоленскимъ населеніемъ, не желая быть на скользкомъ и шаткомъ посту, отказался отъ званія воеводы. Смольняне въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ обратились къ довольно сильному мстиславльскому православному князю *Юрію Симеоновичу* (по— литовски: Лынквѣневичу) и предложили ему быть *государемъ на Смоленскомъ княженіи* [3])

На предложеніе смоленской черни Юрій согласился: занялъ

---

[1]) Хрон. о вел. кн. Литов., стр. 40.

[2]) Брянцевъ и хроника о кн. лит.

[3]) Хрон. о кн. лит. стр. 40.

Этотъ князь въ правленіе Сигизмунда Кейстутовича, преслѣдовавшаго православныхъ, оставилъ свои волости и нашелъ себѣ безопасное убѣжище въ Новгородѣ. Услышавъ теперь о смерти великаго князя въ Литвѣ, Юрій явился къ новому государю съ просьбой о возвращеніи ему отцовскихъ владѣній. Казимиръ, желая правдою привлечь къ себѣ расположеніе подданныхъ, возвратилъ ему всю его бывшую вотчину: Мстиславли, Кричевъ (Стриттер.: ч. III, 200 стр) «и иныхъ градовъ и волостей не мало» (лѣт. Абрамки 182 стр.). Такимъ образомъ онъ былъ довольно сильнымъ княземъ.

Смоленскъ; въ то же время онъ, «возгордясь», какъ говоритъ лѣтопись, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ и Полоцкъ и Витебскъ.

Угождая черни, Юрій вскорѣ, послѣ занятія Смоленска, приказалъ схватывать нелюбимыхъ ею смоленскихъ бояръ въ ихъ имѣніяхъ, заковывать ихъ въ желѣза, а села роздавать своимъ боярамъ Однако онъ не долго оставался въ Смоленскѣ: шляхта была не на его сторонѣ, а поступокъ съ боярами вооружилъ противъ него ихъ ратныхъ людей; «бяше ему (въ Смоленскѣ) не полезно,—замѣчаетъ лѣтопись Абрамки,—и людямъ на великій мятежъ и на брань».

Между тѣмъ литовское правительство готовило противъ него большое войско. При такихъ обстоятельствахъ Юрій Симеоновичъ, «убоявься, видя свою дерзость, еже не разуміемъ сотвори,—той же осенью бѣжалъ изъ Смоленска на Москву» [1]). Городъ остался безъ правителя. Въ ноябрѣ [2]) пришло къ Смоленску войско литовское, вооруженное пушками, которыми уже обучилось владѣть; сопровождалъ войско и самъ Казимиръ. Трудно было Смолянамъ безъ князя устоять противъ великой рати; впрочемъ они держались двѣ недѣли слишкомъ. Въ концѣ концовъ Казимиръ «городъ и замокъ приступомъ взялъ» [3]), и сурово расправился съ мятежниками: завоеватели «*выжгли Мѣсто церкви и монастыри*» [4]). Изъ монастырей досталось, конечно, больше всего Борисоглѣбскому, находившемуся въ «мѣстѣ», или городѣ, на Смядыни, гдѣ начался бунтъ. «Убили множество людей, иныхъ увели въ плѣнъ» въ Вильну [5]). Плѣнниками были главнымъ образомъ виновные ремесленники: «*кожемяки, шевчики, котельники* и друг. [6]).

---

[1]) Лѣт. Абрамки 182 стр.

[2]) Въ «запусты Филипавы», какъ сказано въ лѣтописи.

[3]) Мурзак. 139 стр.

[4]) Хроник. велик. кн. Литов.: 40 стр.

[5]) Тамъ же.

[6]) Оттого можетъ быть, въ Вильнѣ, бывшей тогда столицею литовскаго государства, и до сихъ поръ изобильны эти ремесла.

Обязавъ оставшихся жителей въ вѣрности Литвѣ, Казимиръ поставилъ имъ воеводою опять того же Андрея Саковича; но онъ скоро выбылъ изъ Смоленска. Это былъ *первый разгромъ* части города на Смядыни [1]).

При тогдашнемъ обиліи лѣсовъ около самаго Смоленска, при полной свободѣ брать ихъ гдѣ кому и что угодно, городъ послѣ погрома могъ скоро опять застроится, какъ и послѣ пожаровъ, бывшихъ часто въ немъ. Казимиръ заказалъ тогда, чтобы князи, и окольничіе, и бояре въ своихъ лѣсахъ, которые имѣютъ около Днѣпра и въ дубравахъ своихъ, не боронили имъ (мѣщанамъ) хоромъ рубити и дворовъ сѣщи, соотвѣтственно давнему обычаю, какъ предъ тѣмъ бывало [2]).

Предыдущій разсказъ о Саковичѣ опредѣляетъ отчасти и пунктъ, гдѣ стоялъ дворецъ намѣстника: онъ находился въ виду Борисоглѣбскаго храма, однако на нѣкоторомъ разстояніи отъ него, ибо Саковичу, чтобы сдѣлать стремительное нападеніе, или натискъ на толпу, пришлось посадить своихъ вооруженныхъ дворянъ на коней. Это соотвѣтствуетъ холму на которомъ стоитъ Свирскій Михаило-архангельскій храмъ. Съ горы изъ дворца видно было, что дѣлается въ долинѣ Днѣпра, у Борисоглѣбскаго монастыря. Заключаемъ: въ 1440 году дворецъ находился на прежнемъ мѣстѣ. И въ 1441 году, во время разгрома «мѣста» Смядынскаго, о разрушеніи дворца не говорится. Въ 1445 году Казимиръ, начавшій войну съ Москвою, снова пріѣхалъ въ Смоленскъ; остановился съ войскомъ на

---

[1]) Здѣсь кстати занести лѣтописное извѣстіе имѣющее отношеніе къ названію мѣстности и оканчивающее ея разореніе: «тое же зимы (1441 г.) вода была вельми великая въ Смоленскѣ: все *мѣсто* была поняла, мало не дошла до Покровской горы» (хрон. о вел. кн. лит. 41 стр.). Покровская гора находится на другой, правой, сторонѣ Днѣпра, противъ Борисоглѣбскаго монастыря: отсюда видно, что разумѣетъ лѣтопись въ тѣсномъ смыслѣ подъ именемъ «мѣсто» именно княжескую часть города на Смядынкѣ; но такъ какъ по долинѣ рѣки и вверхъ были заселенные пункты, которые могли заливаться Днѣпромъ, то подъ именемъ «мѣсто» мы разумѣемъ въ данномъ случаѣ все городское населеніе, расположенное по берегу Днѣпра, исключая древній земляной городъ, или крѣпость.

[2]) Прилож. грамот. у Никитина исторія г. Смоленска № X.

форштадтъ, слѣдовательно,—опять во дворцѣ, на прежнемъ мѣстѣ. Пославши войско въ предѣлы Московскіе подъ предводительствомъ гетмана Кошки, самъ оставался здѣсь въ Смоленскѣ, жилъ два года, пока не получилъ польской короны [1]); руководилъ войною, укрѣплялъ границы своего государства. Обратилъ наконецъ вниманіе и на защиту самаго Смоленска на случай прихода сюда московскаго войска.

Дѣло въ томъ, что Москва стала имѣть притязаніе на Смоленскъ. За годъ предъ тѣмъ Василій II Васильевичъ Темный навелъ татаръ на Смоленскую область, они разграбили Смоленскія владѣнія чуть не до самаго Смоленска [2]). А при слѣдующемъ московскомъ князѣ Иванѣ III Васильевичѣ (1462—1505 г.) у Казимира была постоянная вражда съ Москвою то изъ-за титула, кому называться государемъ Руси; то по поводу перехода Литовскихъ бояръ къ Ивану III; то по поводу ссоръ мелкихъ московско-русскихъ князей съ литовскими (напр. Можайскаго и князей Сѣверскихъ); то по поводу пограничныхъ разбоевъ. Правда до открытой войны при Казимирѣ дѣло не доходило; однако Смоленскъ надо было укрѣплять и держать въ готовности на случай войны, тѣмъ болѣе, что у великаго князя Московскаго, Ивана III, завелись пушки, чего до сихъ поръ не было въ Московскомъ государствѣ [3]). Прежнее огражденіе города и старый способъ защиты отъ нападающихъ въ большомъ числѣ съ новыми огнестрѣльными приспособленіями, очевидно, теперь оказывались слабыми. Пришлось подумать о томъ, какъ удержать за собою Смоленскъ. Въ результатѣ обращено было вниманіе не на форштадтъ, который литовцы сами съ пушками взяли довольно легко, приступомъ; а главнымъ образомъ—на *укрѣпленіе земляного города*. Фор-

---

[1]) Мурзакев. 141 стр.

[2]) Стриттер. 191 стр.

[3]) На стѣны Смоленской крѣпости попали пушки, литыя въ Москвѣ при Иванѣ III въ 1483, 1498—1501 г.г., какимъ-то Яковомъ Фрязиномъ. (Дополн. къ акт. историч. V т. Примѣч. къ пункту 26).

штадъ литовцы постепенно оставляютъ и занимаются укрѣпленіемъ стараго города. Въ 1470 году Казимиръ былъ снова въ Смоленскѣ [1]), безъ сомнѣнія, съ цѣлію обзора, на сколько приспособленъ городъ къ оборонѣ. Въ 1482 году онъ ставитъ въ Смоленскъ (вѣроятно, во всѣ города его) 10 тысячъ ратниковъ [2]); надо думать, что въ числѣ поставленныхъ были уже стрѣльцы и пушкари, такъ какъ несомнѣнно, что литовцы имѣли уже въ Смоленскѣ пушки [3]). Въ 1492 году Казимиръ умеръ, передавъ сыну своему заботу о Смоленскѣ.

Александръ Казимировичъ, дѣйствительно, въ своихъ грамотахъ въ Смоленскъ постоянно наказываетъ и напоминаетъ объ утвержденіи и защитѣ крѣпости города, которая получаетъ въ его грамотахъ названіе *«замка нашего»* [4]), часто посылаетъ сюда войско и самъ пріѣзжаетъ въ Смоленскъ. Благодаря такимъ мѣрамъ, смоленскій замокъ ко времени открытой войны съ Москвою оказался уже достаточно укрѣпленнымъ. Въ 1502 году Иванъ III Васильевичъ послалъ подъ Смоленскъ войско, вооруженное пушками, подъ предводительствомъ сына своего Димитрія съ заказомъ: непремѣнно взять Смоленскъ. Дмитрій Ивановичъ подступалъ къ замку нѣсколько разъ, и хотя неусыпно днемъ и ночью изъ пушекъ старался сдѣлать проломъ, однако не могъ этого сдѣлать и отошелъ ни съ чѣмъ [5]). Значитъ Смоленскъ былъ очень укрѣпленъ.

Не даромъ простой народъ, не знающій исторіи, но побуждаемый народною гордостію, поднималъ споръ: кому приписать устройство столь прочныхъ укрѣпленій Смоленска? Это выражено въ пѣснѣ народной; вопросъ поставляется такъ:

---

[1]) Мурзакев. 141 стр.

[2]) Никитинъ 104 стр.

[3]) Короли особенно дорожили пушкарями, которыхъ привлекали на жительство въ крѣпость разными привилегіями. Такъ въ 1507 году король Сигизмундъ писалъ Смоленскимъ правителямъ: «приняли есмо пушкаря на замокъ нашъ Смоленскъ Саву и зъ братьею его, Осташковыхъ дѣтей; а на поживенье дали есмо имъ корчму вольную тамъ мѣти. И вы бы въ тую корчму не казали никому вступатися: нехай они тамъ корчму держатъ на поживеньѣ собѣ, доколѣ они на томъ замку нашемъ будутъ намъ служити». (Обл. дѣл. Лит. госуд. 509 стр.)

[4]) У Никит. приложеніе грамотъ Александра Каз.

[5]) Мурзак. 144 стр.

„чье построеньице Смоленскъ“?... Выведены спорящими бояре царя Алексѣя Михайловича: русскій бояринъ, князь Милославльскій говоритъ, что Смоленскъ есть «построеньице московское»; а бояре не русской крови утверждаютъ, что онъ есть «построеньице литовско» [1]). Историкъ г. Смоленска Никитинъ подъ указаннымъ 1502 годомъ говоритъ о существованіи тогда въ Смоленскѣ, т. е. въ замкѣ, каменныхъ стѣнъ. Мы сомнѣваемся въ этомъ послѣднемъ фактѣ, допуская это въ отношеніи только форштадта. Вся нагорная сторона древняго города была издавна, еще въ доисторическія времена, обнесена землянымъ валомъ; только береговая часть требовала стѣны, которую соотвѣтственно тогдашнимъ новымъ военнымъ требованіямъ и устроили литовцы, только не каменную, а *деревянную*; и то взяли не весь районъ древняго земляного города, а сузили его въ направленіи къ западу, оставивъ по берегу Богословскую часть безъ огражденія деревянною стѣною. На это есть указаніе въ слѣдующихъ данныхъ: когда Борисъ Годуновъ обводилъ городъ уже каменною стѣною, то пришлось направить нѣкоторыя улицы по новому плану, а затѣмъ, надо было урегулировать ѣзду по нимъ; и вотъ въ 1608 году въ приказѣ воеводъ дѣлаются такія указанія: «*ѣздити въ Смоленску въ старомъ деревянномъ городѣ отъ Крылошевскихъ воротъ на Пятницкія*, находившіяся передъ началомъ Богословской улицы (это граница литовскаго замка по берегу рѣки), *и отъ Днѣпровскихъ—на Духовскія ворота*» [2]). То обстоятельство, что Богословскій районъ города оставленъ безъ огражденія, служитъ доказательствомъ, что здѣсь не было дворца, какъ нѣкоторые предполагаютъ, о чемъ мы упомянули раньше: ибо нельзя допустить, чтобы литовцы (а за ними потомъ и Борисъ Годуновъ) при новыхъ средствахъ войны у непріятелей оставили дворецъ внѣ крѣпости, или замка города. Затѣмъ, приведенныя наши слова наказа даютъ

---

[1]) Ист. рус. слов. Галахова, 21 стр.

[2]) Извлеченіе изъ Акт. ист. II, 416 стр. въ Ист. стат. описаніи Смол. епархіи.

подтвержденіе, что *литовскія стѣны* здѣсь *были деревянныя*. Теперешняя же каменная стѣна въ этомъ пунктѣ, какъ и кругомъ города, есть построеніе, несомнѣнно, Бориса Годунова, потому что тутъ, въ буту ея, залитомъ известью, встрѣчаются въ довольно большомъ количествѣ старыя каменныя ядра малыхъ размѣровъ (нѣсколько собрано въ См. историческомъ музеѣ). Очевидно, что стѣна эта не есть остатокъ литовскаго огражденія, а вся сдѣлана вновь въ то уже время, когда эти каменныя пушечныя ядра, валявшіяся отъ прежнихъ погромовъ, собирались на ряду съ другими камнями и клались въ стѣну, какъ бутъ. Что касается нагорной стороны Смоленска, то литовцы могли здѣсь только возвышать насыпь, которая въ иныхъ мѣстахъ и теперь еще равняется по высотѣ со стѣнами Бориса Годунова, устроенными тотчасъ за нею; могли возобновлять и поправлять деревянныя башни, также и стѣны, устраиваемыя прежде съ особою цѣлію въ видѣ частокола. Башни и частоколъ существовали на земляномъ валу, въ чемъ не трудно убѣдиться изъ разсматриванія его; *на это есть и историческое извѣстіе*, которое мы приведемъ ниже; каменныхъ же стѣнъ во время литовскаго владычества не было въ смоленскомъ замкѣ.

Итакъ надъ укрѣпленіями Смоленска, которыя теперь остались, трудились многіе. Древнѣйшій Смоленскъ есть построеніе доисторическое какого то славянскаго *племени*, можетъ быть,—*смолянъ*, отсюда и Смоленьскъ (старинное и простонародное произношеніе) какъ отъ *словянъ-Словеньскъ*. Въ одной неизданной лѣтописи, хранящейся у автора, упоминается (на листѣ 9-мъ) о переселеніи въ доисторическую пору съ Дуная въ предѣлы Руси племени «смолянъ» [1]). Литва потрудилась

[1]) Въ подтвержденіе существованія племени смолянъ въ Придунайскихъ странахъ мы ссылаемся на слѣдующіе источники: 1) въ «Очеркѣ исторіи Русскаго народа» — Солнцева 1875 г. 4 стр. говорится, что нѣкогда Фракію и Македонію занимали слѣдующія племена: *смоляне*, дреговичи и берзиты (Smolenes, Drehowithes, Bersites); 2) «Историческій атласъ», составленный Павлищевымъ на основаніи изслѣдованій Шафарика, обозначаетъ за Дунаемъ племена; словене и *Смолене*;

въ Смоленскѣ надъ увеличеніемъ насыпи. А возвышающіяся каменныя стѣны, существующія почти 300 лѣтъ, есть «построеньице московское».

Съ переустройствомъ древняго города въ замокъ, намѣстникъ долженъ былъ переселиться туда, чтобы держать замокъ и вообще—весь городъ въ своей власти. Опредѣленной даты, когда совершилось это переселеніе, мы не имѣемъ; но можно догадываться объ этомъ.

Александръ Казимировичъ, дѣлая постоянные наказы своимъ намѣстникамъ «*не вмѣшиваться въ дѣла и скарбъ епископа*», въ одной грамотѣ упомянулъ, что и отецъ его, Казимиръ, тоже «неоднократно писовалъ, ажъ бы они (намѣстники) въ ихъ

---

3) Древнее названіе жителей одного города въ Балканскихъ горахъ, названнаго въ послѣдствіи Шумлою, есть *смолеаны*, или смоляны (смотр. греконѣмецкій лексиконъ Папе σμολεάνοι); 4) Въ предисловіи сочиненія, писаннаго на греческомъ языкѣ, существующаго и въ славянскомъ переводѣ во многихъ спискахъ (есть и въ Смоленскѣ, въ библіотекѣ Собора), именуемаго: «Діоптра» —Филиппа философа 11-го вѣка сказано, что это произведеніе писано *въ предѣлахъ Смоленскихъ*. Калайдовичъ («Іоаннъ—экзархъ болгар.») принялъ было это за русскую мѣстность, и долго по его слѣдамъ ученые продолжали думать, что въ одиннадцатомъ вѣкѣ въ нашемъ Смоленскѣ были такіе ученые, которые въ состояніи были писать большія сочиненія на греческомъ языкѣ. Но прот. Горскій при описаніи «Діоптры» (въ Описаніи славян. рукописей Синодальной библіотеки) отвергъ объясненіе Калайдовича, указавъ за Дунаемъ названную мѣстность, такъ что оказалось: Филиппъ философъ писалъ *не въ нашихъ Смоленскихъ предѣлахъ* т. е. въ Смоленскомъ княжествѣ, а *за Дунаемъ* въ предѣлахъ, именовавшихся тамъ *тоже Смоленскими*; 5) Вообще слѣдуетъ сказать, что въ придунайскихъ странахъ и теперь есть мѣстности повторяющія названіе нашего города.

Что поселилась вѣтвь указанныхъ смолянъ и на Руси,—это видно изъ слѣдующаго: по пространству Смоленской и Витебской губерніи разсѣяно много селеній съ племеннымъ названіемъ: Смоленичи, Смольяны, Смоличи и т. д. съ разными фонетическими и этимологическими варіяціями того же именованія, напр.: Шмолена, Смоляна, Смоляники и проч. Кромѣ того, прибавимъ: какъ отъ *словене* и *поляне* образовались названія: *словаки* и *поляки*, такъ и отъ *смоляне* образовались въ Смоленской же губерніи варіанты въ названіяхъ селеній: Смоляки, Смолики, Смолькова, Смолка и т. д. Такое количество сходныхъ названій указываетъ на существовавшее народное нарѣчіе отличавшееся отъ другихъ нарѣчій и языковъ, бывшихъ по сосѣдству

дѣла (епископскія) не вступалися» [1]). Подобныя наказы литовско-польскихъ князей намекають, съ одной стороны, на политику ихъ въ отношеніи владыки, сильнаго и вліятельнаго лица въ городѣ, а съ другой стороны, указываютъ на то, что интересы воеводъ и владыки часто стали приходить въ столкновеніе. При предшествующихъ князьяхъ этого не замѣчалось и, понятно—почему: намѣстникъ жилъ особо, вдали отъ владыки, въ своемъ «мѣстѣ»; тамъ находились земли и собственность княжескія, которыми онъ распоряжался. А въ древнемъ городѣ князь владѣній не имѣлъ: потому и не было повода къ спорамъ и соприкосновенію имущественныхъ интересовъ. Но чтобы переселиться намѣстнику въ замокъ, надо было устроить тамъ дворецъ; а чтобы построить дворецъ, надо имѣть мѣсто для этого. И вотъ какую «*смѣту*» пишетъ въ 1445 году король Казимиръ своему смоленскому намѣстнику: «писалъ его милость до Ивана Вяжевича, ижъ бы (чтобы) далъ Мисаилу-владыцѣ земли пустой городской на двадцать человѣкъ: началъ бы могъ ихъ посадити, и дворы бы тыи люди могли себѣ збудовати въ огороды; и панъ Иванъ, столько земли обыскавши, далъ». [2]) Дана была земля не въ городѣ, а за городомъ, за рѣчкою Большою Рачевкою. [3]) Указанную «смѣту» Казимира привелъ король Александръ Казимировичъ въ 1497 году 17 Марта въ своей грамотѣ, въ которой добавляетъ, что владыка Мисаилъ «и послѣ него иншіе (другіе епископы) на той землѣ люди посажали» [4]) Изъ этихъ данныхъ видно, что владыкѣ даютъ земли на 20 дворовъ, между тѣмъ ему сейчасъ нѣтъ крайней необходимости имѣть ее въ такомъ количествѣ: только уже слѣдующіе за нимъ (Мисаиломъ) епископы «*посажали*», или населили ее всю своими людьми; между тѣмъ самъ Мисаилъ послѣ «смѣты»

---

[1]) Ист. ст. оп. Смол. епархіи 150 стр. ссылка на ист. акты.

[2]) Ист. ст. опись. см. епархіи стр. 150.

[3]) Ист. Смол. Никитина 107 стр., Акт. З России I. т.

[4]) Ист. ак. п. 166. 1.

состоялъ епископомъ смоленскимъ 29 лѣтъ до 1474 года. Чѣмъ объяснить эту уступку земли владыкѣ, когда онъ и безъ того имѣлъ много владѣній въ городѣ: въ Пятницкомъ и Крымошанскомъ концѣ, на Васильевской горѣ и еще за Днѣпромъ, у Петропавловской церкви? — Объясняемъ такъ: у епископа взяли какой то участокъ земли, а взамѣнъ того, не нарушая правъ епископа, какъ владѣльца, даютъ другой. Для кого взяли?—Для того, кто уступаетъ другое мѣсто: даютъ землю, вмѣсто городской, за городомъ; а тамъ, на свободныхъ мѣстахъ, хозяйничалъ князь Судя по коли-честву замѣны, можно судить и о количествѣ взятаго. Этотъ обмѣнъ участковъ земли при Казимирѣ совпадаетъ какъ разъ съ тѣмъ временемъ, когда, послѣ случая съ Саковичемъ, понадобилось правителю города и области держать замокъ подъ собою и жить въ замкѣ, или древнемъ городѣ, а не на форштадтѣ. Означенныя данныя даютъ возможность предполагать, что *дворецъ* съ этого времени *переносится въ замокъ*. Но чтобы сказать объ этомъ рѣшительно, надо обратить вниманіе на то, что совершается въ эту пору на форштадтѣ.

Свирская церковь при католическихъ правителяхъ перестаетъ, конечно, имѣть значеніе придворной Но если бы тамъ жилъ воевода намѣстникъ, то хотя онъ и исповѣдывалъ католичество, однако въ числѣ его войска могли быть многіе православные, которыми бы могло поддерживаться благосостояніе этого храма и его духовенства. На дѣлѣ сказывается иное: къ 1486 году княженская церковь получила названіе *монастыря*; въ добавокъ, у духовенства ея отняли землю, которая изстари принадлежала ему. Это видно изъ «*Правой королевской грамоты* Смоленскому Архангело-Михаиловскому монастырю на владѣніе селищемъ Макѣевскимъ». Приводимъ эту грамоту въ подлинникѣ:

«Казимиръ, Божіею милостію король польскій и великій князь литовскій, смотрѣли есмо съ паны, радою нашою, того дѣла: и жаловалъ (жаловался) намъ старецъ, на имя Пашко, отъ архимандрита Генадія, служебника святого

Архангела Михаила на Бориса Семеновича, што жъ дей держитъ селищо, нашию церковную святою Архангела Михаила, на имя Макѣевское. И Борисъ Семеновичъ положилъ предъ нами листы наши; а въ листѣхъ нашихъ такъ стоитъ: ижъ есмо тое селищо, на имя Макѣевское, дали отцу Борисову Сеньку Александрову, окольничему смоленскому, до тыхъ мѣстъ, пока быхмо ему индѣ, гдѣ обыскавши, дали якое сельцо. А выпросилъ у насъ тое селищо Сенько Александровъ, не повѣдаючи намъ, абы то было церковное. И мы о томъ перво сего писали до пана Миколая Радивиловича, намѣстника смоленскаго, ажъ бы ся онъ тамъ у Смоленску, о томъ довѣдалъ отъ старыхъ людей, какъ здавна: за великаго князя Витовта и за Жикгмонта тое селищо къ церкви ль слушало къ святому Михаилу, аль какъ наше было поданье (дарственная грамота)? И панъ Миколай предъ нами повѣдалъ, ажъ опытывалъ тамъ у Смоленскѣ о томъ старыхъ людей; и они повѣдали ему, што исъ здавна, за великого князя Витовта и за Жикгмонта, тое селищо, на имя Макѣевское, слушало въ церкви къ святому Архангелу Михаилу. А потомъ, о томъ же дѣлѣ пытали есмо окольничихъ смоленскихъ: князь Олехна Глазынича и Өеодора Алексѣева; и они передъ нами повѣдали тымъ же обычаямъ, ижъ тое селищо церковное изъ вѣку, нижьли вжо (гораздо раньше) какъ мы, будучи господаремъ князствѣ литовскомъ, дали тое селищо Сеньку Александрову. И мы о томъ досмотрѣвшы и довѣдавшыся, ижъ тое селищо – нашия церковная издавна, — и присудили тое селищо къ церкви святому Михаилу по тому, какъ издавна къ церкви слушало. Писанъ у Вильни 1486 года, Мая 24 день, индикта 4. Панъ Олехна Судимонтовичъ, воевода виленскій, канцлѣръ»[1]).

Итакъ, вмѣсто дворца, при Свирской церкви является монастырь: можетъ быть, терема княжескіе преобразились въ келіи монастырскія. Но если и продолжалъ тамъ свое суще-

[1]) Акт. зап. Р. т. I, стр. 106.

ствованіе дворецъ, то сдѣлался уже загороднимъ; при немъ не могло быть прежняго количества населенія, которое бы въ достаточной мѣрѣ поддерживало благосостояніе храма и монастыря: духовенство обѣднѣло, потому и ищетъ себѣ доходовъ хотя бы съ прежней Макѣевской пашни.

И Спасскій монастырь, тоже прилегавшій къ дворцу, за это время испытываетъ нужду: такъ въ 1507 году изъ оставшагося имущества кіевскаго воеводы Путятича по грамотѣ короля этому «общинному», т. е. общежительному, монастырю дано было десять копъ грошей (въ то время грошъ былъ равенъ 13 копѣйкамъ, а копа равнялась 60 грошамъ; всего дано 78 рублей [1]). Подъ тѣмъ же 1507 годомъ въ Спасскомъ монастырѣ настоятелемъ значится игуменъ (слѣдовательно, – монастырь былъ мужской); онъ выпросилъ у короля землю Матѳеевщину въ Смоленскомъ повѣтѣ [2]). А въ послѣдующей грамотѣ короля Сигизмунда 1508 года настоятель названъ архимандритомъ: «Били намъ чоломъ архимандритъ Спаса, Іона, съ братіею и просили въ насъ двѣ службы людей Касплинской волости Смоленскаго повѣта. А повѣдили намъ, штожъ тыи люди намъ даютъ двѣ четверти меду прѣснаго до погреба нашого, и городъ нашъ Смоленскъ робятъ, и хоромы оправляютъ, и послы поднимаютъ, и неводъ на озерѣхъ нашихъ тягнутъ, и двадцать грошей до казны нашое даютъ въ каждый годъ». Сигизмундъ пожаловалъ этихъ людей монастырю и при этомъ освободилъ ихъ отъ всѣхъ повинностей на себя: «нижьли (пусть) тыи люди городъ нашъ Смоленскій маютъ робити подавному, посполу зъ людьми монастырскими» [3]). А монастырскіе люди служили городу наравнѣ съ мѣщанами; послѣ мы укажемъ, въ чемъ состояла служба мѣщанъ [4]).

Такое частое выпрашиваніе себѣ помощи спасскимъ духо-

---

[1]) Памятн. кн. См. губ. 1859 г.; Ист. лит. г. Брянцева 343 стр.

[2]) Ак. Зап. Р. т. II, № 23.

[3]) Акты зап. Россіи 314 стр.; II т.

[4]) Грам. 10 и ст. Никитина.

венствомъ дастъ понять, что оно лишилось многаго въ своихъ матеріальныхъ рессурсахъ, жизнь его измѣнилась къ худшему: оттого, конечно, что придворныя лица, дружинники и вообще рать, доставлявшіе имъ источникъ доходовъ, здѣсь уже не жили.

Будемъ слѣдить теперь за существованіемъ дворца въ замкѣ города; на это есть нѣкоторыя историческія указанія, впрочемъ не прямыя:

Во-первыхъ, къ концу XV вѣка историческіе источники упоминаютъ о существованіи въ Смоленской области нѣсколькихъ дворовъ господарскихъ въ томъ числѣ Государева *двора у городѣ Смоленскѣ.* Онъ является въ такихъ характерныхъ признакахъ: при немъ были амбары, погреба, подклѣти и — только; между тѣмъ при другихъ Дворахъ (загородныхъ) устроены были, кромѣ того, гумна (риги), хлѣвы (стойни) и околы (т. е. другія строенія отдаляемыя отъ дворовъ къ околицѣ). [1]) Отсюда видно, что дворецъ тогда располагался въ Смоленскѣ не широко, а въ скромныхъ размѣрахъ, что скорѣе всего свойственно при размѣщеніи его въ ограниченномъ пространствѣ крѣпости, а не въ Свирскомъ районѣ [2]).

Во-вторыхъ, въ 1495 г., когда княжна московская Елена Ивановна, невѣста короля Александра Казимировича, отправлялась изъ Москвы чрезъ Смоленскъ въ Вильну, то приказано было боярамъ провезти ее чрезъ Днѣпровскій мостъ, который находился передъ Флоровскими воротами въ замокъ смоленскій. Въ Успенскомъ Соборѣ она должна была помолиться иконѣ Богородицы Одигитріи [3]). Затѣмъ, въ дворцѣ былъ и отдыхъ Еленѣ Ивановнѣ на полпути изъ Москвы въ Вильну [4]).

По указаннымъ признакамъ слѣдуетъ думать, что дворецъ находился въ это время въ замкѣ города

---

[1]) «Област. дѣл. Лит. госуд.» 269, 301 и прилож: № 3.

[2]) Кстати замѣтимъ здѣсь, что хлѣбные государевы амбары и погреба были устраиваемы въ крѣпости и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

[3]) Эта икона получила извѣстность въ Москвѣ, когда стояла тамъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ.

[4]) Наказъ московскаго великаго князя Ивана III своимъ боярамъ.

Въ третьихъ, въ 1497 году совершается у епископа съ княземъ опять обмѣнъ владѣній, на этотъ разъ въ бо́льшихъ размѣрахъ. Епископъ Іосифъ Солтанъ уступаетъ своему государю всѣ городскія принадлежащія до того времени церкви Божіей и смоленскимъ владыкамъ владѣнія въ Пятницкомъ и Крылошанскомъ концахъ, на Васильевской горѣ и за Днѣпромъ. Князь же въ добавленіе къ землѣ, на которой поселены были, какъ сказано раньше, владычни люди за Большою Рачевкою, внѣ замка, въ восточномъ направленіи отъ него, даетъ въ общее владѣніе церкви и епископа *участокъ, начиная отъ рѣч. Большой Рачевки по обѣ стороны большой дороги, ведущей къ перевозу, и вверхъ Днѣпра за рѣчку Малую Рачевку*, гдѣ позволено, вмѣстѣ съ прежними людьми, поселить сто двадцать дворовъ [1]. Епископу дозволено было имѣть въ замкѣ только восемь дворовъ съ людьми [2]). Изъ этого видно, что намѣстникъ становится уже почти полнымъ хозяиномъ замка; слѣдовательно, и живетъ въ замкѣ. Для рати, переселившейся туда вмѣстѣ съ нимъ, и понадобились ему владѣнія епископа. Слѣдуетъ здѣсь замѣтить, что литовцы, взявъ отъ епископа Петропавловскую архіерейскую слободу, обвели церковь Св. Петра и Павла каменною стѣною, вѣроятно, со стратегическою цѣлію [3]).

Возвративъ въ 1441 году Смоленскъ подъ свою власть только силой, Казиміръ Ягелловичъ и вообще литовское правительство убѣдилось, что со смолянами, очень измѣнчивыми въ отношеніи своихъ правителей, должно повести дѣло не такъ, какъ оно пошло было при Свидригайлѣ и Сигизмундѣ Кейстутовичѣ: суровая политика не закрѣпляла Смоленскъ за Литвой, а удаляла. Поэтому съ Казиміра возстановляется опять система Витовта.

---

[1]) Акт. относ. къ Истор. Зап. Р., т. I, 1497 г.

[2]) Ист. Никит. 107 стр.

[3]) О стѣнѣ этой упоминается подъ 1609 г. 23 Сентября (Никит. 152 стр.); видна стѣна и въ 1631 году на картинѣ, изображающей осаду Смоленска.

Чтобы привлечь къ себѣ симпатіи граждань, короли Казимиръ, а особенно Александръ Казимировичъ оказываютъ Смолянамъ разныя милости, льготы и ласки, сравнительно большія даже, чѣмъ это было со стороны Витовта; даютъ Смоленску права бо́льшія, чѣмъ другимъ городамъ Литовскаго государства, напр.: возвращаютъ ему селенія, приписанныя было Витовтомъ и Свидригайломъ ко Мстиславлю: «а што Швитригайло отвернулъ было волости отъ Смоленска, тыя волости король, *Александръ Казимировичъ*, привергнулъ къ Смоленску; и што великій князь Витовтъ обернулъ было ко Мстиславлю *смоленскоѣ волости молоховскіе люди*, и тые люди его милость опять привергнулъ къ Молохвѣ по старому», заказалъ чтобы «тыхъ волостей никому не держати, нижьми боярамъ Смоленскимъ» [1]. Распоряжались этими волостями воевода со своими правительственными сотрудниками владыкою, окольничимъ, казначеемъ, также *старостою мѣста смоленскаго* и другими низшими властями напримѣръ: (урядниками), оставшимися отъ удѣльнаго времени [2]. Волости эти доставляли доходъ городу и въ дѣлѣ вооруженія подчинялись Смоленску [3].

Князья литовскіе освобождаютъ смолянъ и гостей Смоленскихъ отъ тамги. Позволено не брать въ Смоленскѣ *взвѣстку* о пріѣздѣ гостя. А что «тферичи и мѣстичи смоленскіе 20 рублевъ грошей дaвали (въ казну за право торговли), и то Его милость (король) имъ таковъ отпустилъ». Александръ Казимировичъ освободилъ смоленскихъ мѣстичей отъ подводъ боярамъ, возложивъ эту обязанность только на тяглыхъ людей· Неплательщиковъ и виновныхъ въ малыхъ дѣлахъ постановлено не сажать *въ доводню* [4]), а отдавать на поруки. Пожа-

---

[1]) Прилож. грамот. у Никитина № X.

[2]) «Област. дѣл. Литовск. госуд.» Любавскаго 267 стр.

[3]) Волостью Молоховскою очень дорожили смоляне. Она, видимо, на равныхъ правахъ со смолянами, составляли основу Смоленской земли, и князь не въ правѣ былъ отдать ее другой земщинѣ, тѣмъ болѣе частному лицу.

[4]) Т. е. подъ арестъ, въ Долговое отдѣленіе.

лованъ Смоленску вѣсъ медовый, соляной, также коромыслъ и друг., т. е. положено плату за мѣру и взвѣшиваніе на городскихъ вѣсахъ брать себѣ, самимъ смолянамъ, а не въ казну [1]). Въ 1500 году Александръ Казимировичъ освободилъ смолянъ на 15 лѣтъ отъ платежа мыта по всему государству какъ по водяному пути, такъ и по всѣмъ дорогамъ: «*ино въ которыхъ мѣщанъ смоленскихъ будетъ листъ мѣстскій* (т. е мѣщанскій) *подъ ихъ печатью мѣстскою: ихъ бы безмытно вездѣ пропускали, доброволъно безъ каждоѣ зачѣпки: по нашимъ* *) *мытамъ, и по князъскимъ* (имѣнія мелкихъ князей), *и по панъскимъ, и по боярскимъ, и по духовнымъ, и по всей отчинѣ нашей*» [2]). Много и другихъ «вольностей», «привилей», и «доброволенствъ» расточалось смолянамъ, чтобы привязать ихъ къ Литвѣ.

Зорко слѣдитъ литовское правительство за своими намѣстниками въ Смоленскѣ: не дѣлаютъ ли они неправды? [3]) Часто смѣняетъ ихъ. Послѣ Саковича извѣстны намѣстники: *Иванъ Вяжевичъ* (1445 г.), *Николай Радзивилъ* (1486 г.), затѣмъ *Иванъ Ильиничъ*, потомъ *Юрій Глѣбовичъ* (1492 г.), послѣ него *Николай Ильиничъ*, затѣмъ *Станиславъ Петровичъ* (1500 г.), далѣе панъ *Юрій Андреевичъ Сологубъ* (1505 г.), потомъ панъ *Юрій Зеновьевичъ* (1507 г.) и наконецъ опять въ 1514 го-

---

[1]) У Никит. X грам.

*) *Мыта*, т. е. мѣста, гдѣ взималась пошлина за проѣздъ по дорогамъ и рѣкамъ. Въ приведенныхъ словахъ грамоты короля не одно и тоже означаютъ мыта *всей отчины нашей* и мыта *наши*. Съ первыхъ доходъ принадлежалъ государству, казнѣ и они были устроены въ *государственныхъ владѣніяхъ*; а со вторыхъ пошлина поступала въ княжескую казну, на содержаніе двора князя, или короля, и его намѣстниковъ: считались *господарскими имѣніями*, напримѣръ устраиваемые князьями загородные дворы, переходящіе по преемству отъ одного князя и намѣстника къ другому. Отъ нихъ надо отличать еще *частныя имущества* князей, составлявшія семейную, или фамильную собственность: извѣстно, напримѣръ, что князья русскіе преимущественно, къ концу удѣльнаго періода пріобрѣтали покупкою отъ другихъ себѣ или кому-либо изъ членовъ своей семьи земельныя владѣнія въ личную собственность. (Любавскій: „Област. дѣл. Лит. г.“).

[2]) Гр VIII у Никит.

[3]) Грам. X у Никит.

ду *Юрій Сологубъ*, отъ котораго сохранилась присяга, при вступленіи его во 2-й разъ въ должность воеводы Смоленскаго [1]).

Короли пишутъ грамоты иногда исключительно только къ жителямъ замка съ увѣщаніемъ служить вѣрно и всячески заботиться: «абы есте, какъ наиболѣй сами разумѣючи, нашего добра посмотрѣли и намъ вѣрнѣ служили... далъ бы Богъ замокъ нашъ Смоленскій будетъ въ цѣлости», обѣщая за это «памятовать всимъ добромъ, ласкою господарскою, жалованьемъ», прибавляя, что князь Казимиръ печется о нихъ «до горла» [2]); а Александръ Казимировичъ въ 1505 году отпускаетъ даже навѣки 100 рублей, которые ежегодно платили жители городского замка за свои владѣнія въ казну [3]). Ласкаютъ и духовенство, дѣлая льготы. Такъ Александръ Казимировичъ въ 1497 г. грамотою подтверждаетъ намѣстнику смоленскому, что люди церковные не подлежатъ его суду и расправѣ, и что онъ не долженъ безъ особой великокняжеской воли налагать на нихъ какія либо подати и поборы. [4]).

Благодаря такимъ мѣрамъ, городъ вообще и торговая часть его «мѣсто», послѣ погрома 1441 года, снова стали процвѣтать. Правда уже не пріѣзжаютъ на Смядынь нѣмцы: ихъ литовскіе князья не любили (Витовтъ предпочелъ имъ въ коммерческомъ дѣлѣ евреевъ, которымъ далъ очень большія права и льготы); за то свободно и во множествѣ ѣдутъ сюда купцы, литовскаго государства. Ѣдутъ изъ Мстиславля, Кричева, Полоцка, Дорогобужа и изъ другихъ городовъ, селъ и мѣстъ литовскихъ, о чемъ упоминается въ грамотѣ Александра 1505 года. Ѣдутъ торговцы и «изъ чужихъ мѣстъ»: упоминаются купцы тверскіе, московскіе, ржевскіе и вяземскіе. Сами смо-

---

[1]) У Любавскаго прил. № 24. Къ концу литов. владычества сдѣлалось обычаемъ назначать вельможу намѣстникомъ въ извѣстную область на малый срокъ

[2]) Прил. грам. у Ник. № VII

[3]) У Никит. грам. X.

[4]) Ист. Никит. 108 стр.

ляне ѣздятъ далеко: въ Мосальскъ, Одоевъ, Дмитровъ (въ 1492 г. они были задержаны въ Дмитровѣ московскими войсками). Торгуютъ въ Смоленскѣ нетолько «мѣстичи» и «торговцы», но даже люди княжескіе, монастырскіе, люди бояръ, напримѣръ: окольничихъ [1]). Извѣстно изъ документовъ, что торгуютъ преимущественно солью, медомъ, воскомъ, рыбой, хлѣбомъ, кожей, всякими мѣхами, пенькой и друг.; вязьмичи привозятъ зимою мясо цѣлыми стягами [2]). Литовскіе купцы, какъ пріѣзжающіе съ запада и съ низовьевъ Днѣпра, останавливаются главнымъ образомъ въ западномъ торговомъ или Смядынскомъ «мѣстѣ». Здѣсь на берегу Днѣпра, при впаденіи въ него рѣчки Кловки, образовался къ этому времени *Троицкій монастырь*, о которомъ мы упомянули раньше; а при немъ устроенъ былъ *«гостинъ дворъ»* [3]). Монастырь этотъ былъ православный, общежительный. О немъ упоминается подъ 1507 годомъ въ королевской грамотѣ дозволяющей дать въ этотъ монастырь, на поминъ души умершаго кіевскаго воеводы Дмитрія Путятича, 10 копъ грошей, какъ и въ Спасскій [4]). Но онъ, безъ сомнѣнія, основанъ гораздо раньше этого года, однако, судя по кирпичному матеріалу, построенъ не прежде знакомства смоленскихъ князей съ литовскими. Король Александръ пожаловалъ на вѣчность, а преемникъ его Сигизмундъ подтвердилъ въ 1523 году монастырю Святой Троицы въ Смоленскѣ кадь меду съ людей данниковъ Демида Майковскаго и его братіи [5]). Въ 1510 году король Сигизмундъ подтвердилъ монастырю Св. Троицы въ Смоленскѣ землю пашную и бортную, *бобровые гоны* и сѣножати, записанные монастырю однимъ изъ его старцевъ Варсонофіемъ Гольцовымъ, а имъ въ свою очередь

---

[1]) Грам. № X у Никитина.

[2]) Грам. X у Никит. и „Истор. г. Вязьмы"—Виноградова.

[3]) Ист. Карамзина VII. 124.

[4]) Акт. ист. I. 369.

[5]) „Обл. дѣл. Лит. госуд." 360 стр.

купленные «съ дозволеньемъ господарскимъ» у одной мѣщанки смоленской. Съ этихъ земель «давали до казны по двунадцати грошей; и то есмо на церковь Божiю монастырю Св. Троицы пожаловали», пишетъ Сигизмундъ [1]) Въ настоящее время монастырь этотъ лежитъ въ развалинахъ. На мѣстѣ бывшаго довольно большого каменнаго храма Св. Троицы въ концѣ прошлаго столѣтiя стоялъ крестъ; теперь же тамъ, на нѣкоторой части развалинъ храма, выстроенъ деревянный домъ. Видны остатки другого длиннаго каменнаго зданiя двухъ-этажнаго. Нижнiй этажъ представляетъ подвалы со сводами,— это конечно и есть остатки складовъ и амбаровъ бывшаго тутъ Гостиннаго двора. Кирпичи и способъ кладки носятъ литовскiй характеръ и схожи съ матерiаломъ замка Трокъ близъ Вильны.

Въ литовскую эпоху развивается торговля и *на восточной окраинѣ* города. Уже во время сомостоятельности Смоленскаго княжества было здѣсь нѣкоторое населенiе. Говоримъ это потому, что тутъ, на пространствѣ двухъ верстъ отъ замка города, вверхъ по лѣвому берегу Днѣпра, ближе къ нагорью примѣчаются *развалины трехъ старинныхъ храмовъ* каменныхъ изъ кирпичныхъ плитокъ, носящихъ характеръ греко-кiевскаго строительнаго искусства. Одинъ изъ нихъ нашелъ авторъ между рѣчками Большой и Малой Рачевками, *на взгорьѣ Выгуповской улицы* въ саду г. Хозярева. Онъ существовалъ еще въ 1634 году и виденъ на картинѣ, изображающей Смоленскъ во время осады его Шеинымъ. А въ описанiи этой осады Гондiусомъ храмъ названъ башнею; но это не башня только, а цѣлый храмъ малыхъ размѣровъ съ тремя олтарями полуциркулями, какъ видно, изъ развалинъ: башня его была не что иное, какъ высокая колокольня. Тутъ жили еще до Литвы *казенные* поселяне, о которыхъ упоминается при отдачѣ этой земли епископу Iосифу Солтану. Для нихъ, вѣроятно, и существовалъ этотъ храмъ.

---

[1]) Тамъ же 453 стр.

Далѣе, *выше Окопской кладбищенской церкви* авторъ нашелъ курганъ, содержащій въ себѣ остатки довольно большого каменнаго храма (теперь внесенъ въ ограду кладбища) изъ такого же кирпичнаго матеріала, какъ и предыдущій. Названіе того и другого не сохранилось. Мѣстоположеніе второго храма совпадаетъ съ указаніемъ на село, принадлежащее княгинѣ Еленѣ Ивановнѣ: владѣнія данныя епископу направлялись за рѣчкою Малою Рачевкою до села, принадлежащаго супругѣ литовскаго князя Александра, великой княгинѣ Еленѣ Ивановнѣ [1]). Село это упоминается, какъ принадлежащее ей, подъ 1497 годомъ, когда она была только еще два года замужемъ, за Александромъ Казимировичемъ, который, очевидно, и подарилъ ей это мѣсто. Конечно, оно въ два года не могло застроиться, а перешло къ ней готовымъ отъ другого владѣльца, еще изъ эпохи до-литовской, вмѣстѣ съ древнимъ храмомъ; оттого въ этомъ храмѣ и кирпичъ не литовской эпохи.

Идя далѣе вверхъ по долинѣ Днѣпра, въ разстояніи отъ второго храма мы найдемъ еще остатки древняго каменнаго храма—грекокіевскаго строительнаго искусства. Въ 1862 году его раскапывали губернаторъ Борозна съ графомъ А. С. Уваровымъ и М. Щипилло (послѣдній и описалъ раскопки въ «Памятной книжкѣ Смоленской губерніи» за 1862 годъ въ видѣ дневника). Изслѣдователи назвали его *храмомъ Св. Екатерины*. Если второй храмъ былъ уже сельскій, тѣмъ болѣе этотъ удаленный отъ города храмъ слѣдуетъ считать принадлежащимъ какому то бывшему здѣсь въ до-литовскую эпоху селу, которое разрушено еще, вѣроятно, до владычества литовскаго, потому что на развалинахъ храма въ эту пору устроена была какая то часовня, что видно изъ дневника раскопокъ.

Такъ какъ объ указанныхъ селеніяхъ въ доселѣ извѣстныхъ историческихъ источникахъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній,

---

[1]) Никитинъ 107 стр.

кромѣ того, что мы сейчасъ упомянули; то можно заключить, что они въ древности не играли большой роли, даже въ торговомъ дѣлѣ, потому что удалены отъ берега судоходной рѣки. Взамѣнъ ихъ развивается городъ по самому берегу Днѣпра. Здѣсь останавливались преимущественно люди, пріѣзжавшіе съ верхняго теченія рѣки; на это есть намекъ въ грамотѣ короля Александра Іосифу Салтану, гдѣ позволяется ему водворять въ отведенномъ мѣстѣ на Рачевкѣ москвичей и тверитянъ, но не литовцевъ [1]). Въ двухъ верстахъ отъ замка города образовался тогда здѣсь *монастырь Духовскій*, который былъ окруженъ каменными стѣнами [2]). Первое упоминаніе объ немъ встрѣчаемъ подъ 1509 годомъ: въ означенный годъ архимандритъ этого монастыря Аѳанасій присутствовалъ на Виленскомъ соборѣ [3]). Нынѣ этотъ монастырь совсѣмъ уничтоженъ и почти все пространство земли, находившееся подъ монастыремъ, распахивается для засѣва хлѣба; но еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія видны были здѣсь остатки строеній; самое большое возвышеніе представляло видъ погребовъ, въ которыхъ, когда выбирали отсюда кирпичъ для строившагося въ крѣпости Смоленскаго Кадетскаго корпуса, нашли желѣзныя двери [4]) Кирпичъ этотъ нѣсколько меньше по размѣрамъ, чѣмъ въ Троицкомъ монастырѣ. Отсюда заключаемъ, что Духовскій монастырь построенъ нѣсколько раньше Троицкаго, ибо въ Смоленскѣ *размѣры* появившагося въ это время *новаго кирпича* [5]), съ приближеніемъ къ польскому владычеству, все болѣе и болѣе *увеличиваются*. Кирпичъ ко времени Владислава IV доходитъ вѣсомъ, какъ однажды это провѣрили, до 1 пуда 5 фунтовъ. Постепенное увеличеніе его

---

[1]) Никитинъ 107 стр.
[2]) Карт. осады Смол. 1634 г.
[3]) Акты истор. I, 525.
[4]) Ист. опис. Смол. епархіи 266 стр.
[5]) Онъ долженъ быть названъ кирпичемъ въ собственномъ смыслѣ, а не кирпичными плитками прежняго образца.

размѣровъ объясняется практическимъ разсчетомъ: чѣмъ крупнѣе кирпичъ, тѣмъ меньше его пойдетъ въ постройку, тѣмъ дешевле она обойдется. Пока наконецъ, не убѣдились, что толстый кирпичъ менѣе проченъ, такъ какъ не весь хорошо выжигается. И пошло производство иначе, именно: началось постепенное уменьшеніе кирпича вплоть до 1812 года; съ этого времени кирпичъ въ Смоленскѣ получаетъ болѣе или менѣе опредѣленный устой.

Появившійся тогда, при литовскихъ князьяхъ, новый способъ выдѣлки кирпича и кладки зданій, видимо, перешелъ въ Смоленскъ чрезъ Литву; этому доказательствомъ служитъ то, что въ развалинахъ зданій съ такимъ кирпичемъ встрѣчаются между щебнемъ остатки полированныхъ плитокъ (вѣроятно кафли) съ латинскими буквами, вытиснутыми рельефомъ. Это новое искусство, явившееся въ Смоленскѣ, по дешевизнѣ своей и сравнительной скорости кладки зданій, сразу отвоевало себѣ первенствующее положеніе, такъ какъ не требовало много извести, которую, обыкновенно прежде, густо смѣшивая съ битымъ щебнемъ или мелкимъ камнемъ, укладывали толстымъ слоемъ между рядами кирпичныхъ плитъ; здѣсь требовалась главнымъ образомъ заливка жидкой известью, которой шло меньше: очевидное преимущество новаго способа передъ старымъ. Съ тѣхъ поръ не возвращались въ Смоленскѣ къ прежнему искусству кладки каменныхъ зданій. Духовскій и Троицкій монастыри выложены по новому способу кладки.

Эти два монастыря служили крайними пунктами, далѣе которыхъ никогда не распространялся городъ, или «*мѣсто*». За ними начинались поселенія «черныхъ людей», загородные *дворы господарскіе*, которыми завѣдывалъ намѣстникъ, и загородныя усадьбы, или мызы служилыхъ людей и епископа; напримѣръ: два близъ лежащія селенія на Есеной рѣчкѣ, къ западу отъ города, — одно принадлежало епископу [1]) другое—

[1]) Уставн. грам. Ростислава Мстисл.

господарю; селеніе Глушицы принадлежало тоже господарю, или королю. Тамъ были устроены подклѣти, погреба, свирни (амбары), гумна (риги), стайни (хлѣва), околы; было помѣщеніе и господарское. Въ концѣ 15 вѣка въ Городской волости, т. е. собственно Смоленской, принадлежали еще господаревы дворы въ Красномъ, Ивановскомъ, Максимовскомъ и на рѣчкѣ Вопцѣ. Отъ нихъ отличается Смоленскій «*государевъ дворъ* у городѣ» [1]). Въ числѣ загородныхъ владѣній упоминается еще селеніе Гнѣздово, гдѣ надъ самымъ Днѣпромъ устроено было каменное зданіе литовской эпохи; Гнѣздово принадлежало кому то изъ служилыхъ людей, а въ польскую эпоху перешло къ католическому епископу [2]). Пишущій эти строки встрѣтилъ въ Гнѣздовѣ красныя глиняныя плитки тоже съ латинскими надписями [3]).

Пространство отъ Духовскаго до Троицкаго монастыря будетъ около 8 верстъ; но на 15 верстъ по теченію Днѣпра до Есеной рѣчки, какъ вторятъ одинъ за другимъ смоленскіе историки, городъ никогда не распространялся. Это была цвѣтущая пора Смоленска. «Исторія Государства Россійскаго» отмѣчаетъ ее годами 1462 и 1533 г., когда особенно усилилась торговля благодаря Троицкому монастырю [4]). Но въ то же время начинаютъ возникать условія, повліявшія въ дальнѣйшемъ на уничтоженіе ея, такъ что съ послѣднимъ годомъ нельзя согласиться.

Со времени знакомства съ нѣмцами стали сплавлять лѣсъ съ истоковъ Днѣпра по Западной Двинѣ къ морю. Въ 1508 году образовавшійся городъ Бѣлый на рѣкѣ Обшѣ, имѣющей

---

[1]) Област. дѣла Лит. госуд. 269, 301 и прилож. № 3.

[2]) Прил. грам. № IX у Мурзакевича.

[3]) Были еще слухи, что во время проведенія Орловско-Витебской желѣзной дороги какъ разъ чрезъ развалины этого зданія, нашли, будто бы, тамъ комокъ воску, въ который втиснуты были какіе то цѣнные камни. Инженеры отправили это въ С.-Петербургъ.

[4]) Карамз. VII 124.

начало въ однихъ источникахъ съ Днѣпромъ; жители этого города занялись особенно гонкою плотовъ въ Ригу. Гнали лѣсъ и по Днѣпру къ югу. Расчищали и выжигали его подъ пашни и ляды; также и увеличивающееся количество населенія требовало бòльшаго потребленія его на нужды. Безпощадная и безпорядочная тогда рубка лѣса, поощряемая даже грамотами князей, вліяла на уменьшеніе рѣкъ, а, слѣдовательно, и на плаваніе торговыхъ судовъ по рѣкамъ вообще и въ частности по Днѣпру. Глядя на теперешній Днѣпръ въ Смоленскѣ и даже въ верховьяхъ впадающую въ него Вязьму, не вѣрится, что онѣ могли представлять изъ себя глубокую водную систему, на которой совершались обширные торговые обороты. А Смядынка и ея бухта совсѣмъ пересохли. Конечно это совершалось медленно, изъ года въ годъ. Въ той же мѣрѣ послѣдовательно уменьшалось и количество торговаго населенія на Смядыни.

Кромѣ того, богатство торговаго сословія, оставшагося на Смядынкѣ безъ надзора со стороны князя и намѣстника, привлекаетъ къ себѣ охотниковъ до чужой собственности. Грабятъ «мѣсто» иногда свои же люди, королевскіе жолнеры, которые должны бы его защищать. Такъ въ 1502 году Александръ Казимировичъ писалъ: «повѣдали передъ нами, што жъ *тое мѣсто наше Смоленское* скажано и *люди вси зграблены отъ служебныхъ* нашихъ (жолнеровъ), *которые* жъ тамъ у *Смоленску, на замку нашомъ, мѣшкаютъ*". Они такъ поживились на счетъ торговаго сословія, или мѣщанъ, что Александръ сочелъ необходимымъ (чтобы какъ-нибудь загладить дѣло) „дать волю мѣщанамъ отъ серебщины и отъ ордынщины и отъ иныхъ нашихъ поплатковъ на шесть лѣтъ; и намъ въ тую шесть лѣтъ давати не надобѣ". [1]) За то Александръ Казимировичъ отнялъ у старосты „*мѣста* смоленскаго" Олисея Лиснева завѣдываніе доходомъ, называемымъ „*вевѣстка*". Этотъ доходъ получался съ пріѣзжающихъ купцовъ чужезем-

[1]) У Никитина прил. грам. № IX.

цевъ, извѣщающихъ о своемъ пріѣздѣ въ Смоленскъ для торговли; а отъ старостива уже давались ежегодно пенязи королю. Король нашелъ выгоднѣе собирать эту подать чрезъ своихъ агентовъ, а не чрезъ старосту мѣщанскаго. [1]) Видно, что эта подать, по своему количеству, заслуживала вниманія; слѣдовательно, пріѣзжавшихъ въ *„мѣсто* смоленское" купцовъ было еще много при Александрѣ Казимировичѣ.

До сихъ поръ намъ не приходилось сказать *о религіозной жизни смолянъ* подъ владычествомъ Литвы, вопросъ, который не выясняется и обходится мѣстными, смоленскими, историками слѣдуетъ положительно рѣшить, что во время литовскаго господства не было стѣсненія православному грековосточному исповѣданію. Правда, по взятіи города Витовтомъ еще въ первый разъ, въ 1395 году, смоленскій *епископъ Михаилъ I-й*, очень образованный человѣкъ своего времени, ѣздившій съ митрополитомъ Пименомъ въ Константинополь и возвратившійся въ Смоленскъ, почти тотчасъ, по вступленіи въ городъ Витовта, оставилъ свою епископію и уѣхалъ въ Московское государство: поступилъ тамъ въ Сергіевъ монастырь, гдѣ и умеръ. За нимъ вскорѣ удалился изъ города *старѣйшій архимандритъ Симонъ*; общее мнѣніе историковъ, что это былъ архимандритъ Борисоглѣбскаго монастыря. Онъ, какъ говорятъ лѣтописи, «оставивъ архимандрію, честь, богачество, славу, отечество, ближнихъ и друзей, странникомъ отправился въ Радонежъ» къ преподобному Сергію, тогда бывшему еще въ живыхъ, и поступилъ къ нему инокомъ; тамъ „онъ удостоился славнаго видѣнія объ ученикахъ"..... [2]) Но эти два лица представляютъ исключительное явленіе, обусловленное субъективнымъ аскетически-религіознымъ настроеніемъ. Въ слѣдующемъ 1396 году московскій митрополитъ Кипріанъ, какъ извѣстно, пріѣхалъ въ Смоленскъ къ Витовту и посвятилъ здѣсь въ день

---

[1]) Област. дѣл. Лит. госуд. 786 стр.

[2]) „Рус. свят. Филарета", Сентябрь 149.

Пасхи православнаго епископа Смоленску *Наассона* (т. е. Іоассона, но не Кассіана, какъ у Филарета). Витовтъ тогда далъ слово не стѣснять православія и признавать Кипріана главою всего православнаго духовенства какъ въ Москвѣ, такъ и въ Литовскомъ государствѣ [1]). Это онъ и исполнилъ. Но по смерти митрополита Кипріана въ 1408 году, естественное желаніе обособить свое государство въ религіозномъ отношеніи и такимъ образомъ освободить его отъ вліянія сосѣдей взяло въ немъ верхъ: онъ посылаетъ въ Константинополь своего кандидата, полоцкаго епископа Ѳеодосія для поставленія въ митрополита литовскаго. Патріархъ на это не согласился и прислалъ митрополитомъ Москвы и всей Руси Фотія. Отсюда возникла непріязнь и вражда одного съ другимъ. Въ 1415 году Витовтъ дѣлаетъ снова попытку поставить въ Литву особаго митрополита и посылаетъ къ патріарху для посвященія *Григорія Цамвлака*, человѣка очень умнаго и оратора. Патріархъ опять не рѣшился раздѣлить Русь. Тогда Витовтъ достигаетъ своей цѣли путемъ поставленія въ митрополиты Григорія соборомъ своихъ подвластныхъ епископовъ: Русь раздѣлилась въ церковномъ отношеніи. Но Цамвлакъ и первые литовскіе митрополиты были православные. Когда же возведенъ былъ на каѳедру митрополичью *уніатъ Григорій Болгаринъ* (1458 г.), задумавшій было соединить православныхъ литовцевъ съ католиками подъ главенствомъ папы; тогда смоленская епископія не подчинилась ему, а признавала своимъ митрополитомъ *Іону Московскаго*. Ксендзы, прелаты и монахи разныхъ орденовъ (бернардинцы, доминиканцы, францисканы) разошлись было по всему государству проповѣдывать единеніе церквей подъ главенствомъ папы, при этомъ совершили много насилій, какъ говоритъ историкъ Брянцевъ; но въ Смоленскѣ пропаганда не имѣла успѣха. Хотя назначались уніатскіе епископы подъ именемъ смоленскихъ, однако они не могли жить въ

---

[1]) Филар. „Рус. свят.", сент. Кипріанъ.

Смоленскѣ, а избрали мѣстопребываніе въ 15 верстахъ отъ Мстиславля, въ Онуфріевскомъ монастырѣ [1]). Въ Смоленскѣ жили только православные епископы, отъ которыхъ состояло въ зависимости все духовенство и вообще дѣло вѣры. Послѣ Іоассона упоминается епископъ *Илларіонъ* [2]), а съ 1404 г. *Севастіанъ* [3]); затѣмъ *Наѳанаилъ* [4]); съ 1417 года *Герасимъ* — епископъ Смоленскій и потомъ митрополитъ; послѣ него *Симеонъ 2-й*; упоминается еще епископъ *Евфимій* [5]); послѣ него *Мисаилъ I*. Такъ было при Витовтѣ, Свидригайлѣ и Сигизмундѣ Кейстутовичѣ. А при Казимирѣ Ягелловичѣ, при Александрѣ Казимировичѣ, наконецъ и при братѣ его королѣ Сигизмундѣ I или Старомъ (съ 1507 г.) хотя въ разныхъ мѣстахъ литовскаго государства и шла борьба исповѣданій; но Смоленска она не касалась. Онъ находился въ исключительномъ положеніи: политическій тактъ князей требовалъ укрѣплять здѣсь привязанность жителей къ литовскимъ государямъ; а религіозное стѣсненіе произвело бы рознь и возбудило тяготѣніе къ единовѣрному господарю московскому, искавшему овладѣть Смоленскомъ. Вотъ почему при этихъ короляхъ постоянно повторяются наказы намѣстникамъ смоленскимъ: „христіанства греческаго закону не рушити, налога на ихъ вѣру не чинити (какъ это было въ другихъ областяхъ Литовскаго государства), въ церковныя земли и воды не вступатися, также и въ монастыри“ [6]). Казимиръ допустилъ даже въ 1477 году, послѣ смерти митрополита Григорія Болгарина, распространявшаго унію, избрать ему преемникомъ въ митрополиты литовскіе русскаго православнаго епископа Смоленскаго, указаннаго раньше, *Мисаила I*. Онъ, будучи сильнымъ противникомъ уніи, получилъ утвержденіе константинополь-

---

1) «Опис.» Смол. епархіи» 82 стр; Акт. З. Р. т. I примѣч. 39.

2) Ист. Карамзина, V примѣч. 254.

3) Многія лѣтописи.

4) Въ Виленской библіот. рукоп. 89, помянникъ лист. 17.

5) Помянникъ Вил. библ. 89 рук.

6) Акт. Зап. Р. I, 359; Муркак. 147 стр. и т. д.

скаго патріарха, а вслѣдствіе этого признанъ былъ и всею западно-русскою церковію [1]). Послѣ него преемниками *на смоленской* епископской *каѳедрѣ* были *Михаилъ II* до 1491 года [2]), затѣмъ *Іоакимъ* до 1493 года [3]); потомъ *Іосифъ* I *Солтанъ*, наконецъ *Варсонофій*. Они всѣ были православные. Тоже и на митрополичьей каѳедрѣ въ Литвѣ послѣ Мисаила, во все время подчиненія Смоленска Литвѣ, были все православные митрополиты: Симеонъ, Іона Макарій святой [4]) и наконецъ съ 1505 г. Іосифъ Салтанъ [5]) бывшій епископъ смоленскій.

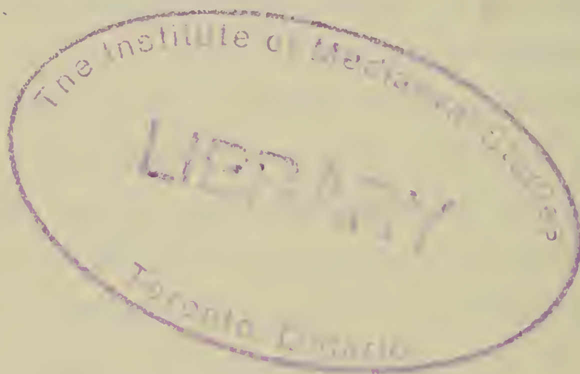
Такимъ образомъ не было времени и возможности въ Смоленскѣ сдѣлать что либо въ пользу уніи и католичества. Храмы и монастыри остаются православными, какъ и Свирскій княжескій храмъ; переписываются для нихъ богослужебныя книги на церковно-славянскомъ языкѣ: такъ при Казимирѣ, въ 1480 г. нѣкто, «Сенко, сынъ Якова, смоленскій дьякъ, по повелѣнію Салтана маршалка (гетмана) литовскаго написалъ Минею мѣсячну за мартъ и апрѣль» [6]). Оффиціальный языкъ былъ русскій, на немъ пишутся и грамоты великихъ князей и королей, какъ мы во все время видѣли изъ цитатъ; переписывается и ведется лѣтопись русская монахомъ Аврамкою по повелѣнію епископа Іосифа Солтана.

Тѣмъ не менѣе духовенство не любило иновѣрныхъ правителей. Это видно изъ многихъ данныхъ: епископы, напримѣръ, ведутъ переписку съ Москвой (Мисаилъ I), сажаютъ у себя на землѣ москвичей (тотъ же Мисаилъ и Іосифъ Солтанъ). Это послѣднее обстоятельство, извѣстное и правительству, могло казаться ему выгоднымъ для Литвы, ибо привлекало торговцевъ московскихъ и тверскихъ въ Смоленскъ и приру-

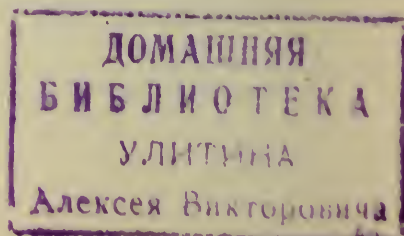
---

1) Брянц. 305 стр.
2) Смол. епарх. вѣд. 1891 г.
3) Большинство истор. источниковъ.
4) Кіевск. Календ. 1874
5) Лѣт. Абрамки
6) Опис. Рук. Мос. Син. библ. III, № 577 и 48.

чало москвичей къ Литвѣ; на самомъ же дѣлѣ эти колонисты служили связью съ родственной по вѣрѣ и обычаямъ Москвой: ко времени взятія Смоленска царемъ Василіемъ III Ивановичемъ являются тамъ «доброхоты» Москвы [1]) содѣйствующіе царю въ его дѣлѣ. Трудно было переживать смоленскому епископу такое разрозненное положеніе между двухъ враждующихъ сторонъ. Онъ могъ вздохнуть свободно, когда совершился кризисъ. Вотъ почему въ 1514 году 1 августа, когда царь и великій князь московскій Василій III, овладѣвъ городомъ, торжественно вступалъ въ него, епископъ Варсонофій, подавая крестъ царю, привѣтствуетъ его слѣдующими глубоко-знаменательными, въ отношеніи народной политики, словами: «Божіею милостію радуйся и здравствуй, *православный царъ* всея Руси, *на своей* отчинѣ и *дѣдинѣ* града Смоленска!» [2])

[1]) Псков. 1 лѣт. 290 стр.
[2]) Ник. 116 стр.

Глава IV.

Состояніе княжеской мѣстности въ эпоху московскаго владычества отъ 1514—1611 г.г.

Чтобы овладѣть укрѣпленнымъ городомъ, царь Василій III Ивановичъ долженъ былъ предпринять въ продолженіе времени около двухъ лѣтъ три похода и три приступа къ Смоленску. Конечно, въ это время страдало населеніе, находившееся за стѣнами, т. е. „мѣсто" вообще. Впрочемъ больше страдала восточная, или Рачевская, окраина: путь москвичей къ Смоленску шелъ по правому берегу Днѣпра съ востока. Тутъ, у Духова монастыря и при впаденіи въ Днѣпръ рѣчки Рачевки, были перевозы, а зимой переѣзды, гдѣ московское войско могло переправиться на лѣвую или Замковую, сторону Днѣпра, прямо въ Рачевское предмѣстье. Здѣсь въ Духовскомъ монастырѣ, огражденномъ стѣнами, также во владѣніи епископа и селѣ Елены Ивановны москвитяне и расположили свой станъ. По крайней мѣрѣ въ 1 разъ, въ 1513 году 19 декабря, почью приступъ сдѣланъ былъ отъ Днѣпра [1]). Но дѣйствовать въ гору и особенно зимою, въ такой мѣсяцъ, когда сильнѣе всѣхъ бываютъ морозы, было не удобно. По этому во 2-й разъ, лѣтомъ 14 іюня, москвичи рѣшили напасть на Смоленскъ съ нагорной, или юго восточной его стороны, т. е. съ *поля*. Здѣсь въ „полѣ" и встрѣтилъ ихъ съ войскомъ воевода смоленскій Сологубъ; но въ виду большой силы непріятеля долженъ былъ уйти въ замокъ и запереться тамъ [2]). А царь хотя „*огненными кулями* стрѣлялъ" [3]), однако не могъ взять

---

[1]) Никит. 112 стр.

[2]) (Ibidem).

[3]) Прибавл. Ипат. лѣт. 366 стр.

города и, съ наступленіемъ холоднаго времени въ декабрѣ, ушелъ обратно въ Москву. На 3-й разъ царь измѣнилъ позицію: онъ рѣшилъ дѣйствовать изъ-за Днѣпра, ибо замокъ съ этой стороны по нагорью почти весь открытъ. Но для приступа мѣшала рѣка, хотя былъ чрезъ нее мостъ у Днѣпровскихъ, или Флоровскихъ воротъ. Позиція выходила удаленною, и трудно было оттуда дѣйствовать съ успѣхомъ на замокъ прежними средствами Для этого рѣшительнаго натиска царь заранѣе напялъ въ Богеміи и Германіи много искусныхъ въ ратномъ дѣлѣ людей, которые пріѣхали въ Россію чрезъ Ливонію [1]). Привезено было къ Смоленску около 300 пушекъ новаго улучшеннаго издѣлія. Іюля 29 числа 1514 года началась пальба въ замокъ изъ-за Днѣпра: „*огненные кули*“, большія и мелкія ядра, окованныя свинцомъ, полетѣли тучею на городъ. Безъ сомнѣнія, эти ядра, какъ уже нѣсколько попортившіяся и угодили потомъ въ бутъ при закладкѣ каменной стѣны Борисомъ Годуновымъ [2]). При отраженіи нападенія Василія Ивановича старыя литовскія пушки разрывались и били своихъ, между тѣмъ какъ новыя московскія пушки мѣтко достигали своей цѣли. Замокъ покрылся густыми облаками дыма, многія зданія горѣли. Все это было такою неожиданностію для того времени, навело такой паническій страхъ на жителей, что они бѣгали въ безпамятствѣ, простирая руки, требуя милосердія. Епископъ Варсонофій съ представителями города вышелъ на мостъ и вступилъ въ переговоры о сдачѣ замка.

Вступивъ въ городъ, государь пошелъ, прежде всего, въ Соборъ помолиться иконѣ Богоматери Одигитріи; затѣмъ, епископъ проводилъ Василія Ивановича во дворецъ въ замкѣ. Но царь, опасаясь „*извѣтовъ*“ отъ литовцевъ-католиковъ, о чемъ

---

[1]) Никит. 115 стр.

[2]) При царѣ Иванѣ IV Васильевичѣ Грозномъ стали извѣстны еще очень большія, мортирныя ядра, которыя тоже попадаются часто въ разныхъ мѣстахъ въ крѣпости города и около нея, но не въ буту стѣны.

сообщили ему „доброхоты", не остановился жить во дворцѣ, а помѣстился гдѣ то внѣ города (въ лагерѣ), только пріѣзжалъ въ замокъ всякій день къ обѣднѣ. Царь не склонился даже на просьбу владыки откушать у него хлѣба соли [1]); а сдѣлалъ самъ обѣдъ Дарилъ многихъ мѣстныхъ жителей соболями, бархатами, касиками, золотыми деньгами, [2]) серебряными ковшами и чарками, камками. И самъ принималъ дары, изъ коихъ *„яже обрѣте красная* (красивое, изящное), *въ* (у) *людей на Москву отосла"* [3]). Это даетъ намекъ, что Смоленскъ по культурѣ стоялъ тогда выше Москвы. А королевскимъ воинамъ дозволилъ свободно выѣхать изъ города, выдавъ на каждаго по рублю; тѣмъ же, которые добровольно записались въ московскую службу, далъ по 2 рубля и по сукну лунскому [4]). Затѣмъ, онъ далъ смолянамъ жалованную грамоту „держать ихъ во всемъ по тому же, какъ ихъ держалъ Витовтъ и иные государи и Александръ Король и Жигмонтъ" [5]). Оставивъ Варсонофія на святительскомъ столѣ и назначивъ намѣстникомъ князя Василія Васильевича Шуйскаго, онъ возвратился въ Москву.

Указанная грамота есть краткій сводъ, или извлеченіе, изъ всѣхъ предшествующихъ привилегій; воспроизводить ея содержаніе—значило бы повторить грамоты великихъ князей литовскихъ. Новаго въ ней только то, что „мѣсто" все переименовано *въ посадъ*, а замокъ названъ *крѣпостью города*, такъ они и стали именоваться съ того времени; но для посада въ иныхъ документахъ, особенно въ лѣтописяхъ, удерживается старинное названіе: *предмѣстье*. Иные изъ людей княжескихъ, боярскихъ, а слѣдовательно,—и сами князья и бояре, живутъ уже въ замкѣ, или крѣпости города. Еще новость слѣдующая:

---

[1]) Пск. I лѣт., 289 стр.

[2]) Арх. лѣт. 183 стр.

[3]) Прб. Ипат. л. 367 стр.

[4]) Никит. 117 стр.

[5]) Грам. 1-я у Мурзакев.

вводится *ямщина* вмѣсто прежней „подвойщины“: „мѣщанамъ и чернымъ людямъ, — пишетъ царь Василій III-й Ивановичъ, — подъ наши гонцы подводъ не давать, а держать подводы нашимъ ямщикамъ, и наемъ давати отъ подводъ потому-жъ, какъ и въ нашихъ земляхъ“.

Ямщики должны были размѣститься по разнымъ направленіямъ выѣздовъ на большія дороги Для мовковскаго, напримѣръ, тракта существовали ямщики за Днѣпромъ по правую его сторону, гдѣ направлялась московская дорога: безъ сомнѣнія, съ этого времени получило свое названіе населеніе «Ямщина», противъ Рачевскаго и Духовскаго перевозовъ Ямщики же по южнымъ дорогамъ должны были поселиться въ городской части Смоленска. Традиціонное въ то время мѣсто для лицъ, промышляющихъ извозомъ, было на Чуриловкѣ. Тутъ въ старину существовали для нихъ многіе удачно приспособленные въѣзды на гору 1) *въ замокъ*; ихъ можно указать два: одинъ отлогій въѣздъ противъ бывшей Богословской башни (теперь противъ Нѣмецкаго кладбища); здѣсь, въ полугорьѣ, земляной валъ пересѣкался воротами. Существовалъ и другой въѣздъ, ровно поднимающійся по оврагу въ самую верхнюю часть замка (около теперешней Королевской крѣпости); тутъ, по указанію стариковъ, существовалъ и колодецъ съ прекрасной родниковой водой, 2) былъ отъ Чуриловки выѣздъ и *за крѣпость* по теперешней Дальней Козинкѣ; тутъ, какъ мы упомянули раньше, существовало въ полугорьѣ даже какое то каменное зданіе, еще княжеской эпохи, по видимому храмъ. 3) Существовало нѣсколько выѣздовъ *на противоположную гору*, на большую дорогу къ Спасскому монастырю. Во всемъ этомъ можно наглядно убѣдиться изъ разсматриванія мѣстности. Послѣдніе спуски, преимущественно верхнія изъ нихъ, служили и переѣздами съ одной горы, или части города, на другую, особенно весною, когда Чуриловка въ нижней части своей разливалась. Подъ 1609 годомъ упоминается о существованіи въ Смоленскѣ *Безо-*

венской сотни. По «Росписи» воеводы Михаила Шеина распредѣлены были «посадскіе люди», соотвѣтственно мѣсту жительства ихъ [1]), въ осадное время «стеречь башни и служить (пушкарямъ) къ наряду на подъемъ и по стѣнѣ». Посадскимъ людямъ *Везовенской* сотни досталось охранять городскую стѣну на пространствѣ пяти башенъ: начиная съ круглой башни, второй отъ Копытецкихъ воротъ, до круглой Богословской [2]), т. е. все западное пространство стѣны. То обстоятельство, что имъ досталось защищать именно этотъ пунктъ надъ Чуриловкой, указываетъ, что они тутъ и жили. Названіе *Везовенская* сотня, очевидно, происходитъ отъ корня словъ: *везу* везти. Естественно, вновь установившемуся «Яму» приладиться къ этой тождественной ему средѣ: иные везовники, везовщики, или возовщики могли преобразиться въ ямщиковъ [3]). Вотъ почему мы развалины теплаго храма на Чуриловкѣ сблизили съ упомянутымъ въ историческихъ источникахъ «Теплымъ храмомъ въ Ямской слободѣ».

Въ связи съ исторіей княжескаго мѣста является вопросъ: *въ какомъ пунктѣ замка*, или крѣпости, *помѣщался литовскій дворецъ*, который теперь по преемству достался царю?— Конечно, на одномъ изъ тѣхъ пунктовъ, которые уступлены были владыкою литовскому князю. При уступкѣ упоминается какая то Васильева гора [4]). Сказать, какая гора въ Смоленскѣ называлась Васильевой, мы не имѣемъ данныхъ. Но на горѣ, которая теперь занята Вознесенскимъ монастыремъ, замѣчается нѣчто особённое. Здѣсь, «подъ монастырскими амбарами, какъ говоритъ г. Трофимовскій сохранились тайники (подземные ходы) имѣющіе два направленія: одно обращено

---

[1]) Исключая людей Пятницкаго конца.

[2]) У Никитина, прилож. грам. № XII.

[3]) На правой сторонѣ Днѣпра, по московской дорогѣ, за Ямщиной, пройдя далеко бывшую городскую заставу, или границу бывшаго посада, мы встрѣчаемъ тоже *Везовеньку* (мыза частнаго владѣльца). Вѣроятно, это названіе того же происхожденія.

[4]) Ист. Никитина 107 стр.

къ сторонѣ Собора, а другое внизъ, къ Днѣпру. При входѣ въ то и другое отдѣленіе—желѣзныя двери» [1]). Слѣдуетъ сообщить при этомъ, что литовскіе князья въ своихъ замкахъ всегда приказывали дѣлать тайные ходы; въ настоящее время эти ходы можно видѣть вездѣ, гдѣ только есть развалины литовскихъ замковъ [2]). Были, напримѣръ, тайники въ Вильнѣ, Могилевѣ, Полоцкѣ и др. Затѣмъ, на картинѣ, изображающей Смоленскъ въ 1609—11 г.г. (приложенной къ памятной книжкѣ Смоленской губерніи за 1865 годъ), на Вознесенской горѣ видно высокое и обширное зданіе, какъ дворецъ въ Трокахъ [3]). Воевода Михаилъ Шеинъ, при взятіи Смоленска поляками, укрылся съ семействомъ въ круглой башнѣ, близкой къ тому мѣсту, гдѣ стояло это зданіе; а Шеинъ, какъ воевода, жилъ, конечно, въ Государевомъ Дворѣ. И до сихъ поръ въ Смоленскѣ сохраняется названіе улицы, идущей отъ Вознесенскаго монастыря къ западной части стѣны: „Королевская улица", получившая названіе отъ королей, владѣльцевъ города. Существовали въ старину здѣсь „Королевскіе пруды", остатки которыхъ кое-гдѣ видны еще въ садахъ южной стороны этой улицы. При устройствѣ Борисомъ Годуновымъ городской каменной стѣны, для спуска воды изъ этихъ прудовъ устроены были также каменныя трубы на нѣкоторомъ углубленіи въ землѣ [4]). Государевъ Дворъ существовалъ въ крѣпости и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Петръ Великій 6 разъ, пріѣзжавшій въ Смоленскъ, останавливался около Вознесенскаго монастыря, конечно, во Дворѣ Государевомъ который традиціонно удерживалъ свое мѣсто. Безъ сомнѣнія и Литовскій „Господаревъ Дворъ", въ который вступалъ теперь царь Василій Ивановичъ III, былъ устро-

---

[1]) Истор. стат. опис. См. епархіи 229 стр.

[2]) Ист. лит. гос. «Брянцева» 273 стр.

[3]) Это зданіе было перестроено въ Польскую эпоху, что увидимъ ниже.

[4]) «Смол. Вѣстн.» 1889 г. № 121: «Древнія каменныя трубы, найденныя въ Смоленскѣ».

енъ тутъ, на Вознесенской горѣ [1]) Историки Смоленска полагаютъ, что и самый женскій монастырь Вознесенскій основанъ былъ Василіемъ III Ивановичемъ; но это ошибка. Царь Василій Ивановичъ передъ взятіемъ Смоленска далъ обѣщаніе построить дѣвичій монастырь въ Москвѣ, а не Смоленскѣ, и притомъ—во имя Пресвятыя Богородицы (Смоленской), да Происхожденія Честнаго Креста, а не Вознесенія Господня [2]) что и исполнено. Смоленскій же дѣвичій монастырь получилъ свое начало послѣ.

По взятіи Смоленска, царь пожелалъ расширить завоеванія и чрезъ мѣсяцъ послалъ свое войско подъ Оршу; но оно измѣной было разбито на голову литовскимъ воеводою, княземъ К. Острожскимъ, хотя было гораздо больше польскаго. Острожскій тотчасъ съ своимъ войскомъ явился подъ Смоленскъ и, надѣясь на связи съ нѣкоторыми гражданами, думалъ овладѣть имъ. Здѣсь произошелъ переполохъ. При такихъ обстоятельствахъ, неблагопріятныхъ для Москвы, смолянамъ трудно было устоять въ вѣрности царю; однако масса населенія осталась вѣрна. Измѣнили только немногіе изъ первостепенныхъ лицъ. Они составили было заговоръ: сдать городъ Острожскому; но намѣстникъ и воевода Василій Васильевичъ Шуйскій своевременно узналъ объ этомъ, заперъ городъ и

---

[1]) На Дворѣ Государевомъ были устроены государевы хоромы и другія квартиры „для служилыхъ людей". Существовалъ, потомъ, плодовитый садъ, разведенный на мѣстѣ бывшихъ прудовъ, спущенныхъ чрезъ проведенныя подземельныя каменныя трубы; но отъ прудовъ часть воды оставили для рыбной сажалки. Императрица Екатерина Великая, вмѣсто стараго деревяннаго дворца, устроила тутъ новый, тоже деревянный дворецъ, существовавшій до 1812 года. Старикъ Якимъ Спитко говорилъ пишущему эти строки, что этотъ дворецъ, устроенный императрицею, онъ видѣлъ въ дѣтствѣ и помнилъ, что дворецъ находился противъ дома Кондырева, теперь принадлежащаго Духовному женскому училищу, похожъ былъ на этотъ домъ съ колоннами; фасадомъ обращенъ былъ къ Вознесенскому монастырю. Въ 1812 году, въ первыхъ числахъ ноября мѣсяца его сожгли французы, вмѣстѣ съ другими сосѣдними зданіями при своемъ бѣгствѣ изъ Москвы. (Брошюра: „Никиф. Адріан. Мурзакевичъ", изд. 1877 г; „Дневникъ" стран. 46-я).

[2]) Продол. Древ. Р. Вивліоѳики ч. V. стр. 142, и Собр. и грам. I т. 416

приказавъ повѣсить на стѣнахъ крѣпости всѣхъ заговорщиковъ, привязалъ къ каждому подарки, какіе кто получилъ отъ царя: ковши, кубки, бархаты и т. д. Острожскій, пылая гнѣвомъ, окружилъ городъ окопами и пушками, долго держалъ его въ осадѣ, писалъ къ гражданамъ увѣщательныя письма; но ничто не помогало. Напротивъ осажденные дѣлали частые вылазки и били отдѣльныя части его войска [1]). Имѣя недостатокъ въ ядрахъ и не предвидя успѣха, Острожскій оставилъ осаду, *разоривъ и разбросавъ* при этомъ *предмѣстье* смоленское. Жители гнались за нимъ и многихъ побили [2]) Болѣе всѣхъ тогда пострадало предмѣстье Свирское, такъ какъ путь слѣдованія Острожскаго на городъ изъ Орши, нападеніе и обратное движеніе Острожскаго были съ этой стороны: москвичи нападали, конечно, больше съ востока, а литва и польское войско съ запада. Это былъ *второй* и очень чувствительный ударъ, или *разгромъ*, бывшей *княжеской мѣстности* (послѣ разгрома, произведеннаго Казимиромъ).

Приведенные факты, т. е. измѣна нѣкоторыхъ бояръ, разгромъ торговой части города, дали мысль царю и великому князю Василію Ивановичу перевести изъ Смоленска въ Москву нѣкоторый, можетъ быть, колеблющійся элементъ гражданъ, какъ прежде Казимиръ Ягелловичъ перевелъ ремесленниковъ въ Вильну. Переселеніе это совершилось въ періодъ времени до 1517 года, когда враждебныя дѣйствія Василія Ивановича съ королемъ Сигизмундомъ I, при которомъ взятъ былъ Смоленскъ, не прекращались. Видимо этимъ распоряженіемъ были не довольны въ Литвѣ и Польшѣ. Настали переговоры о мирѣ. Василій Ивановичъ, отправляя по этому поводу пословъ въ Польшу, счелъ нужнымъ дать имъ такой наказъ: „Если спросятъ: для чего великій князь смолянъ на Москву перевелъ, то отвѣтить: которые люди пригодны наше-

---

[1]) Никит. и Брянцевъ.

[2]) Мурзак. 156 стр.

му государю на Москвѣ, тѣмъ государь велѣлъ на Москву ѣхать; а которые пригожи ему въ Смоленскѣ, тѣмъ велѣлъ въ Смоленскѣ остаться. А которымъ людямъ государь велѣлъ оставаться въ Москвѣ, тѣхъ пожаловалъ: далъ имъ въ Москвѣ дворы и лавки, также далъ имъ помѣстья" [1]). Дарованіе помѣстій указываетъ на бояръ и дворянъ, а дарованіе лавокъ на торговое сословіе, часть котораго тоже „пригодно" было переселить въ Москву; а оттуда прислать въ Смоленскъ другихъ людей. Переселеніе коснулось, вѣроятно, и Свирскаго торговаго сословія: тѣмъ болѣе, что тамъ удобно было послѣ разгрома поселить новыхъ людей.

Далѣе, во все время владычества Василія III Ивановича мы не имѣемъ данныхъ, чтобы судить о состояніи Смядынскаго предмѣстья и его торговлѣ. Послѣ смерти Василія Ивановича, поляки, пользуясь малолѣтствомъ царя Ивана Васильевича, хотѣли было отнять Смоленскъ. Въ 1534 году воевода Сигизмунда князь Александръ Вишневецкій явился сюда съ войскомъ, напалъ было на предмѣстье и хотѣлъ сжечь его; но тогдашній намѣстникъ, князь Николай Оболенскій, не допустилъ Вишневецкаго сдѣлать это [2]). Видно, что предмѣстье послѣ разоренія опять застроилось.

Къ концу царствованія Ивана Васильевича Грознаго, подъ 1576 годомъ, встрѣчаемъ о немъ болѣе полное извѣтіе слѣдующаго содержанія: въ этотъ годъ проѣхали чрезъ Смоленскъ изъ Польши послы австрійскаго императора Максимиліана въ Москву для переговоровъ съ царемъ Иваномъ Грознымъ, преимущественно о Польшѣ. Послами были принцъ Даніилъ Фонъ-Бухау, совѣтникъ императора, и Ганцъ Кобенцель— императорскій канцлеръ. Ѣхали они чрезъ городъ 4 декабря. И вотъ въ какомъ видѣ описали состояніе города въ то время: „Смоленскъ находится между горами; въ немъ много церквей

---

[1]) Истор. Рос. Соловьева V, 381, извлеч. изъ Арх. иностр. дѣлъ Литвы.

[2]) Никит. 122 стр.

и монастырей хорошей архитектуры. Въ монастыряхъ живетъ множество черныхъ монаховъ и монахинь, ведущихъ жизнь весьма строгую и не употребляющихъ мяса въ пищу. По срединѣ города течетъ Борисоенъ (Днѣпръ)", —такъ пишутъ послы въ своихъ мемуарахъ. Чрезъ весь городъ, по улицѣ (продолжается далѣе въ мемуарахъ), гдѣ ѣхали послы, стояли въ два ряда стрѣльцы; но они перебѣгали и становились впередъ: такимъ образомъ строй ихъ казался длиннымъ. Женщины здѣсь до самаго Дорогобужа носятъ въ ушахъ колечки серебряныя и стальныя, смотря по достатку. Послы проѣхали при большомъ стеченіи народа. Въ окрестностяхъ города они встрѣтили много искусственныхъ возвышеній, которыя здѣшніе жители называютъ «курганами» и говорятъ о нихъ, что это древнія гробницы [1]).

Курганы около Смоленска вездѣ есть, но особенно ихъ много встрѣчается около г. Краснаго; кромѣ того, между этимъ городомъ и Смоленскомъ (около селен.: Харькова и Корытни) указываютъ даже и старую дорогу изъ Польши, называемую „Польскій шляхъ". А многія монастыри, какіе видѣли путешественники въ Смоленскѣ, находились во Свирской части города, между ними женскій монастырь—былъ, вѣроятно, Козьмодемьянскій. [2]). Значитъ, путь слѣдованія Бухау и Кобенцеля изъ Польши приходился чрезъ Свирское предмѣстье. Начиная отъ Троицкаго монастыря, (Кловскаго) до городского моста,—это будетъ все одна улица, о которой сказано въ мемуарахъ.

Изъ представленныхъ записокъ иностранцевъ видно, что въ Свирскомъ предмѣстьѣ, въ монастыряхъ находилось множество монаховъ. Это знаменуетъ, что были источники дохо-

---

[1]) Чтен. Общ. Истор. и древн. при Моск. унив. 1863 г. кн. II, Древн. пут. 190 стр.

[2]) Что существовалъ гдѣ то въ Княжеской мѣстности Смоленска женскій монастырь,—объ этомъ свидѣтельствуетъ фактъ супруги князя Давида Ростиславича: „княгиня, видя его (Давида Ростиславича) постригаема, сама въ тотъ же день пострижеся".

довъ съ приходящихъ въ монастыри; слѣдовательно, предмѣстье было опять еще довольно многолюдно въ 1576 году.

Но вотъ вступаетъ на литовско-польскій престолъ король Стефанъ Баторій, энергичный и мужественный. Начались у царя Ивана IV Грознаго распри съ нимъ, сначала, изъ-за титула, а потомъ, изъ-за отнятыхъ Иваномъ Васильевичемъ у предшествующаго короля польскихъ городовъ въ Ливоніи. Стефанъ Баторій отправилъ пословъ въ Москву съ просьбой возвратить захваченные у ливонцевъ города, которыми должна бы владѣть Польша. На эту просьбу царь, по праву завоеванія, отвѣтилъ отказомъ и оскорбленіемъ пословъ, даже самого короля [1]). Рѣшено было поляками мстить за оскорбленіе. И дѣйствительно, началась ожесточенная месть. Царю Ивану Васильевичу Грозному въ это время измѣнило счастье, какъ и самъ онъ перемѣнился въ характерѣ. Три раза Баторій встрѣчался съ царскими войсками и всякій разъ одолѣвалъ, забиралъ даже воеводъ въ плѣнъ. Другая рать польская, подъ предводителемъ Острожскаго, завладѣвала городами Сѣверской области, бывшими подъ властію Москвы.

Дошла очередь и до Смоленска. Къ нему подступила третья рать подъ начальствомъ литовскаго вельможи, оршанскаго старосты Филона Кмита съ цѣлію овладѣть городомъ. Когда же *Кмитъ* не достигъ своей цѣли, то взамѣнъ этого онъ, *разгравилъ жителей и многихъ плѣнилъ*, а оставляя Смоленскъ, *зажегъ предмѣстье* [2]). Въ иныхъ источникахъ прибавляется еще, что онъ взялъ съ собою въ Оршу много богатства [3]). За Кмитомъ погнались изъ крѣпости города воеводы, отняли знамена и 60 легкихъ орудій. Взятые предметы отвезены были въ Москву, за что царь наградилъ воеводъ золотыми медалями [4]). Означенное событіе произошло въ 1579 году.

---

[1]) Ист. лит. г.—Брянцева 383 стр.

[2]) Памятн. кн. Смол. губ. 1863 г. стр. 27; Ист. лит. г. Брянцева 384 стр.

[3]) «Истор. оп. Смол.» составл. къ пріѣзду им. Екатерины.

[4]) Никит. 124 стр. Разумѣть надо *богатства* монастырскаго.

Это былъ третій и *окончательный разгромъ Свирскаго предмѣстья;* но монастыри остались, исключая Козьмодемьянскаго, ближайшаго къ крѣпости: объ немъ прекратились всякія свѣдѣнія.

Какъ бы взамѣнъ торговаго «мѣста» на Смядыни развивается *Посадъ передъ крѣпостью* города за Днѣпромъ. Тамъ было и прежде населеніе, доказательствомъ чему служитъ существованіе храма каменнаго Св. Иліи, стоявшаго даже до 1610 года. Но это населеніе, какъ вообще все Заднѣпровье, не имѣло большого значенія и игнорировалось до времени огнестрѣльнаго оружія. Теперь же туда переносится и «Литовскій гостинъ дворъ» изъ Троицкаго монастыря. Этому содѣйствовало, быть можетъ, начавшееся уже обмеленіе бухтъ Смядынской и Кловской, также въ связи съ этимъ заносъ Троицкой, или Кловской бухты пескомъ, вслѣдствіе чего Днѣпръ отошелъ отъ нея на далекое разстояніе, такъ что уже трудно было входить туда большимъ торговымъ судамъ; но главнымъ образомъ, конечно, вліяли повторяющіеся погромы Смядынскаго, или Свирскаго предмѣстья, вслѣдствіе его безващитности со стороны военной силы. Образовавшійся же вновь посадъ находился подъ прикрытіемъ пушекъ изъ крѣпости города. Кромѣ посада, тамъ въ это время возникла еще у рѣчки Городни, вытекающей съ горъ, изъ-за Петро-Павловской церкви «Новая Загороденская льготная слобода», «посадскіе люди» которой въ осадное время по росписи Шеина должны были охранять двѣ башни: Никольскую и Ворота Пятницкія. А Смядынская торговля, съ нею также и «мѣсто» стали хилѣть и глохнуть; больше уже никогда не поднимались до прежняго своего состоянія.

Царь Ѳеодоръ Ивановичъ, защищая границы своего государства устройствомъ крѣпостей, нашелъ, что въ Смоленскѣ существующее вокругъ города укрѣпленіе не достаточно для защиты отъ польско-литовскаго войска, и предположилъ выстроить въ Смоленскѣ каменную крѣпость. Въ 1589 году, от-

правляя съ этою цѣлью бояръ въ Смоленскъ, дѣлаетъ имъ такой наказъ: «а ѣхали бы есте въ Смоленску *посадомъ*, мимо *гостинъ литовскій дворъ*, да чрезъ Днѣпръ *большимъ мостомъ* въ городъ къ Пречистой Богородицѣ; шли бъ есте къ архіепископу Θеодосію, и у архіепископа есте у молебновъ были; а какъ архіепископъ молебны отпоетъ: и вы бъ у архіепископа Θеодосія благословились къ нашему городовому дѣлу запасовъ пасти» [1]). Изъ этого наказа видно, что передъ крѣпостью города существуетъ посадъ, а въ немъ Литовскій гостинный дворъ, туда идетъ изъ города мостъ, можетъ быть и не одинъ только *большой*... Бояре могли проѣхать къ епископу и краткимъ путемъ чрезъ Рачевское предмѣстье и въ Крылошанскія ворота; но этого не позволяется въ виду показанія народу важности предпринимаемаго дѣла и торжественности обстановки царской миссіи передъ глазами литовцевъ, жившихъ на гостинномъ дворѣ. Отсюда выводъ: главная сила и жизнь города сосредоточивались тогда уже въ этомъ посадѣ. Послѣдовательно развиваясь, посадъ обведенъ былъ потомъ укрѣпленіями и сталъ называться *Новою крѣпостію города* [2]).

Въ 1596 году пріѣхалъ въ Смоленскъ Борисъ Θедоровичъ Годуновъ и назначилъ мѣста для рвовъ, стѣнъ и башенъ каменной крѣпости. Повелъ онъ ее на югѣ тамъ же, гдѣ шла стѣна литовская, тоже (лишь съ малымъ уклоненіемъ) и—по берегу Днѣпра, о чемъ сказано раньше. Желая ввести Авраміевскій монастырь, святыню города, въ составъ крѣпости и воспользоваться прилегающимъ къ нему высокимъ горнымъ кряжемъ, спускающимся до Днѣпра и въ стратегическомъ отношеніи господствующимъ надъ всею мѣстностью, Борисъ Годуновъ на восточной сторонѣ расширилъ огражденіе города, введя въ составъ его долину Авраміевскаго или Зеленаго ручья [3]).

---

[1]) Авт. Арх. 1451.

[2]) Мемуары австрійскаго посла Лизена. Журналъ М. Н. Просв. 1837 г. ноябрь

[3]) Авраміевскій монастырь былъ въ 12 вѣкѣ за городомъ, что видно изъ житія преподобнаго Авраміи и что подтверждается направленіемъ древняго городского вала, огибающаго городъ. Валъ этотъ, видимый и у ограды Авраміевскаго мона-

На западѣ Борисъ Годуновъ убавилъ города, можетъ быть, избѣгая топкихъ родниковыхъ мѣстъ побережья, а, можетъ быть, давая возможность болѣе свободнымъ сношеніямъ горожанъ одной стороны Днѣпра съ другою. Доведя стѣну до уклона съ горы къ Богословской церкви, онъ круто, почти подъ прямымъ угломъ направилъ ее по нагорью этой части города, оставивъ Богословскій, или по тогдашнему—Пятницкій конецъ, подъ защитою только одного крыла древнѣйшаго городского вала. Поэтому Пятницкій конецъ не считается уже крѣпостію города, а, какъ встрѣчное огражденное мѣсто, названъ былъ тогда *острогомъ* [1]). Крѣпость такую обширную, которая имѣетъ болѣе 6 верстъ въ окружности выстроили очень скоро, въ 4 года. Она имѣла 38 башенъ четыреугольныхъ, круглыхъ и грановитыхъ *), въ нихъ устроены обыч-

стыря, оставлялъ монастырь за собою; далѣе направлялся прямо на теперешнюю Георгіевскую улицу; шелъ по нагорью Зеленой долины (тутъ замѣтенъ еще старинный въѣздъ въ городъ, около дома г. Титова); затѣмъ, онъ шелъ по спуску за Георгіевскою церковію къ рѣчкѣ Гуриловкѣ, такимъ образомъ выходитъ, что монастырь Авраміевскій, дѣйствительно, былъ внѣ вала; уже послѣ ввели монастырь въ составъ земляной крѣпости города присыпкою новаго вала къ прежнему городскому. Эта сравнительно поздняя, уже историческаго времени присыпка тоже видна въ оградѣ монастыря, примыкая къ древнѣйшему валу подъ прямымъ угломъ ко внѣшней сторонѣ его.

[1]) Никит. 153 стр.

---

*) Мы перечислимъ названіе башенъ Смоленской крѣпости (на основаніи «Росписи» ихъ Шеинымъ, также Гурою Вахрамѣевымъ, «Достопамятности Смоленска» и брошюры: «Никиф. Адр. Мурзакевичъ»).

На южной сторонѣ:

1. **Копытинская** 4 угольная съ бывшими проѣзжими воротами, впослѣдствіи заложенными.

2. Маленькая 4 угольная, въ послѣдствіи получившая названіе **Бублейка**.

3. **Тупинская** круглая, послѣ получила названіе **Громовая**; въ ней теперь помѣщается губ. архивъ.

4. Малая 4 угольная, названная послѣ **Донецъ**.

5. Козодавлевская, или Касандаловская круглая, взорвана въ 1812 году французами, называлась Артишевской.

6. Малая 4 угольная безыменная, взорвана въ 1812 г.

7. Молоховская съ большими проѣзжими воротами; за нею съ заго-

ныя бойницы въ 3 яруса: подошвенный, средній и верхній; въ стѣнахъ между башнями амбразуры—тоже для боя. Вышиною стѣна по большей части въ 6 саженъ, а толщиною въ $2^1/_2$ сажени; на ней зубцы по ту и другую сторону, а сверху существовала на всемъ пространствѣ на зубцахъ кровля. За стѣною были выкопаны рвы. Послѣдній пунктъ, гдѣ оканчи-

---

родной стороны существовалъ бастіонъ на 80 саженей, за которымъ былъ ровъ съ подъемнымъ мостомъ. На бастіонѣ стояли пушки, да въ городѣ, у Молоховскихъ воротъ, подъ шатромъ ставились тоже пушки. Башня эта взорвана въ 1812 году, и на мѣстѣ ея устроена церковь.

8. Малая 4 угольная, называвшаяся **Маховая**; теперь въ ней помѣщается губерн. архивъ.

9. Грановитая кра ивая башня, разбитая Шеинымъ въ 1632 году; на мѣстѣ ея былъ насыпанъ бастіонъ, который сталъ называться «крѣпость Ковалье»; а гдѣ была выломана каменная стѣна, устроили валъ длиною на 15, а шириною на 6 саженей. При императорѣ Петрѣ I подъ валомъ находилась караульня и погребъ для складыванія пороха.

10. Малая 4 угольная Антифоновская, по ветхости разобрана въ 1819 году.

11. **Ефстафьевская** круглая, послѣ стала называться **Брикарева**.

12. **Еленевская**, или Ельнинскія ворота, впослѣдствіи названы **Никольскими** воротами.

13. Малая 4 угольная, впослѣдствіи названная **Зимбулка**.

14. **Долгочевская** и Долгоченская, круглая, послѣ называлась **Шамбелка**.

На восточной сторонѣ:

15. Малая 4 угольная, получившая названіе **Воронина**.

16. **Заалтарная**, Переименовавшаяся въ **Золотарню**, а послѣ названа Бѣлуха, башня круглая.

17. **Аврамієвская** съ заложенными теперь воротами, въ ней помѣщается архивъ.

18. **Городецкая**, потомъ названа Веселухой и наконецъ стали называть ее **Орелъ**, башня круглая.

19. **Позднякова** 4 угольная, послѣ названа **Роговкой**.

20. **Лучинская** круглая, теперь называется Веселухой.

21. Стефанская и Голыневская 4 угольная взорвана въ 1812 году.

22. Крылошевская и Клирошанская, съ существовавшими въ ней большими воротами, называвшимися Рачевскими, по ветхости разобрана въ 1782 году.

вали ее въ 1601 году наскоро и спѣшно, уже осенью, была юго-восточная сторона, которая въ 1611 году послужила лучшимъ мѣстомъ для пролома, какъ сдѣланная не прочно. Кирпичи стѣны гораздо больше литовскихъ. Впрочемъ въ ней встрѣчаются кирпичи идущіе уже къ уменьшенію размѣра; но ихъ слѣдуетъ отнести ко времени двоецарствія, начиная съ

На сѣверной сторонѣ:

23. Кастеровская, Костыревская, круглая Крылошевская тоже, называлась еще Черепаховая; была разобрана въ 1833 году и взамѣнъ ея въ 1835 г. устроена новая, меньшихъ размѣровъ, по приказанію имп. Николая I.

24. Лазаревская 4 угольная, или Лазаревскія ворота; взорвана въ 1812 году.

25. Семенская, или Волковская, послѣ называлась Стрѣлка; на мѣстѣ ея устроенъ архивъ окружн. суда.

26. Флоровскія и Днѣпровскія ворота; въ этой башнѣ висѣлъ набатный колоколъ, бывшій, вѣроятно, прежде вѣчевымъ (а особый ратный колоколъ находился въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ). На этой же башнѣ помѣщена была большая икона Богоматери, писанная въ 1602 году. По устроеніи на этой башнѣ, до половины разобранной, деревянной церкви въ 1728 году, икона эта была поставлена въ новоустроенномъ для нея храмѣ надъ воротами, оттого и стала называться Смоленской иконой Богородицы Надворотней. 1795 году, вмѣсто деревяннаго, устроенъ былъ каменный храмъ, который потомъ былъ расширенъ.

27. Городецкая круглая, «межъ Флоровскихъ и Пятницкихъ водяныхъ воротъ»; взорвана въ 1722 году по неосторожности канонира.

28. Водяная и «Воскресенная тожъ», или Пятницкія водяныя ворота; башня была малая 4 угольная. Въ 1808 году обращена была въ тюремную церковь, потомъ взорвана французами; въ 1815 возобновлена и опять устроена въ ней церковь, которую освятили 9 октября 1816 года.

29. Иворовская, или Иверовская, Верзенова и Верзина тожъ; башня была круглая, разобрана была въ 1782 году.

30. Пятницкая съ большими проѣзжими воротами; по ветхости разобрана послѣ французовъ.

31. Микулинская, Никулинская, или Никольская круглая, взорвана въ 1812 году.

32. Богословская круглая, на сѣверозападномъ углу стѣны; взорвана французами при выходѣ ихъ изъ Смоленска.

1692 года. Тогда употреблено много матеріала для поправки Смоленской крѣпости.

Устройство стѣны имѣло значеніе для Западнаго, или Свирскаго, предмѣстья. Годуновъ въ разныхъ мѣстахъ ея сдѣлалъ въ башняхъ ворота. Ворота служатъ указателями, какое изъ предмѣстій болѣе нуждалось въ сношеніи съ крѣпостію, а слѣдовательно,—въ какой сторонѣ за нею было больше населенія. Днѣпровскую часть стѣны Годуновъ надѣлилъ пятью воротами: (Пятницкія, Пятницкія водяныя, Флоровскія, Лазаревскія (Духовскія) и Крылошанскія). Это служитъ новымъ

На западной сторонѣ.

33. Изъ 4 угольныхъ третья отъ Копытинскихъ воротъ, взорвана въ 1812 году.

34. Коломинская, а послѣ сдачи въ ней Шеина названа Шейновскою, была круглою. По ветхости разобрана въ 1830 году.

35. **Малая** безыменная, изъ 4 угольныхъ считалась второю отъ Копытинскихъ воротъ. Названа послѣ Гуркина, вѣроятно отъ Гура Вахрамѣева завѣдывавшаго починкой городской стѣны въ 1692 году при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ. Башня эта существуетъ и до сего времени.

36. Грановитая, или вторая изъ круглыхъ отъ Копытенскихъ воротъ, подъ нее поляками изъ сосѣдняго оврага подведена была мина, которая и взорвала эту башню вмѣстѣ съ сосѣднимъ валомъ; послѣ того устроена здѣсь земляное укрѣпленіе названное Королевскою крѣпостію.

37. Башня безыменная изъ 4 угольныхъ первая отъ Копытенскихъ воротъ, разобрана была, вѣроятно, еще во время польскаго владычества, потому что въ докладѣ Гура Вахрамѣева царямъ, говорится, что «у Королевскаго пролому каменной стѣны нѣтъ на 62-хъ саженяхъ съ полусаженью и четью аршина»; а теперь нѣтъ стѣны еще на большее пространство, такъ что тутъ были непремѣнно 2 башни.

и 38. Круглая, первая отъ Копытинскихъ воротъ стояла тамъ, гдѣ городовая стѣна дѣлала «колѣно»; въ 1692 году этой башни уже не было.

Изъ нихъ 17 погибли безслѣдно, 5 возстановлены въ другомъ видѣ, а остальныя существуютъ до настоящаго времени. Крупнымъ шрифтомъ отмѣченныя башни суть теперь уцѣлѣвшія.

Итакъ всѣхъ башенъ было 38, а не 36, какъ вторятъ одинъ за другимъ смоленскіе историки.

доказательствомъ, что Задн̀ѣпровскій посадъ, развившійся передъ крѣпостью въ ущербъ Смядынскаго мѣста, былъ тогда уже очень оживленнымъ пунктомъ. На югѣ Годуновъ устроилъ двои ворота: Молоховскія и Копытинскія. А что касается западной части стѣны, то здѣсь на всемъ ея протяженіи не сдѣлано было ни однихъ воротъ, но устроены только калитки, или такъ называемыя: „форточки" для пѣшеходовъ. Чѣмъ объяснить это,—сказать трудно; можетъ быть, тѣмъ, что эта сторона направлена въ непріятельскую сторону, откуда болѣе всего можно ожидать наступленія польско-литовскаго войска; а ворота есть главное мѣсто подступа къ стѣнѣ: такимъ образомъ гарантировалось чрезъ это лишнее количество нападеній съ этой стороны. Означенное обстоятельство изолировало западное предмѣстье и должно было имѣть значеніе въ смыслѣ неудобства жизни для сношеній съ крѣпостью тѣхъ посадскихъ жителей, которые жили за стѣною по Чуриловкѣ, особенно жителей Везовенской Сотни; и нагорные въѣзды ихъ въ крѣпость оказались теперь излишними и ненужными. Это былъ новый ущербъ всему Западному предмѣстью.

Въ царствованіе Бориса Годунова постигло Россію страшное *бѣдствіе неурожая*. Для утоленія голода жители начали употреблять грубую и необычную пищу, которая породила болѣзни, моръ, особенно въ Смоленскѣ и его уѣздѣ. И безъ того уменьшавшееся количество жителей Западнаго предмѣстья должно было еще болѣе потерять въ своемъ составѣ. Все клонилось къ упадку. Наконецъ настала знаменитая въ лѣтописяхъ 20-ти мѣсячная осада г. Смоленска Сигизмундомъ III (1610—1611 год.). Главная тяжесть войны легла на это предмѣстье.

Послѣ смерти царя Бориса Годунова въ 1605 году, настало *Смутное время* въ Московскомъ государствѣ. Тогда завладѣлъ московскимъ престоломъ при помощи поляковъ Лжедимитрій, который далъ отцу своей невѣсты сендомирскому воеводѣ Мнишку грамоту на Смоленское княженіе и на всю

Сѣверскую область, и „позволилъ въ нихъ костелы ставить и монастыри римскіе“ [1]). Видно уже что ожидало бы Смоленскъ, если бы онъ попалъ подъ власть Мнишка. Мало того сендомирскій воевода Мнишекъ далъ на польскомъ сеймѣ клятву именемъ своего зятя Димитрія (Лжедимитрія 1-го) отдать Польшѣ Смоленскъ и Сѣверскую землю [2]). Но Лжедимитрій скоро былъ убитъ въ Москвѣ, и въ 1606 году объявленъ былъ царемъ бывшій бояринъ, князь *Василій Ивановичъ Шуйскій*. При немъ явился новый самозванецъ, укрѣпившійся въ селѣ Тушинѣ въ 12 верстахъ отъ Москвы по Волоколамской дорогѣ, онъ, поддерживаемый преимущественно поляками, началъ играть большую роль въ государствѣ. Пользуясь этими смутами, Сигизмундъ III захотѣлъ силой возвратить себѣ Смоленскъ, „древнюю собственность Литвы“ [3]), тѣмъ болѣе, что ратные люди смоленскіе, въ количествѣ 3 тысячъ ушли на помощь къ царю, воевавшему съ Тушинскимъ самозванцемъ. Литовскіе вельможи тоже очень желали возвратить Смоленскъ Литвѣ и сильно содѣйствовали въ этомъ королю: напримѣръ, велижскій староста Александръ Корвинъ-Гонсѣвскій, литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга и другіе. Гонсѣвскій, пользуясь Московскими неурядицами, вторгался въ Смоленскую область и насильно приводилъ жителей къ присягѣ королю, иногда обольщая ихъ разными королевскими льготами и милостію [4]); несогласившихся на присягу королю или грабилъ, или уводилъ въ плѣнъ [5]). А Сигизмунда увѣрили литовскіе магнаты, что смоляне вслѣдствіе московскихъ безпорядковъ, непремѣнно отзовутся въ его пользу, какъ только онъ явится передъ Смоленскомъ; что тамошній воевода Михаилъ Борисовичъ Шеинъ охотно сдастъ ему городъ.

---

[1]) Госуд. грам. II—246; Карамз. XII, примѣч. 9.

[2]) „Гер обор. Смол.“ 35 стр. въ Пам. кн. См. 1864—1865 г.г.

[3]) Пам. кн. Смол. г. 1864 г. Гер. обозр. 18 стр.

[4]) Никит. гл. III.

[5]) Д. И. Иловайскій: Смутн. время 144 стр.

И вотъ въ первыхъ числахъ сентября 1610 г. перейдя границу, Сигизмундъ отправляетъ въ Смоленскъ *универсалъ*, или манифестъ, въ которомъ заявляетъ, что по смерти послѣдняго Рюриковича, царя Өедора Ивановича, стали московскими государями люди не царскаго рода, и не по Божію изволенію, но собственною волею, насиліемъ, хитростью и обманомъ, что онъ, какъ царь христіанскій и *наиближайшій родичъ Московскаго государства*, вспомнилъ свойство и братство съ природными старинными государями Московскими, сжалился надъ гибнущимъ государствомъ ихъ: и теперь идетъ съ большимъ войскомъ не для того, чтобы проливать кровь русскую, но чтобы оборонять русскихъ людей, стараясь болѣе всего о сохраненіи православной русской вѣры. Поэтому смоляне должны встрѣтить его съ хлѣбомъ-солью, и тѣмъ положить всему дѣлу доброе начало; а въ противномъ случаѣ войско королевское никого не пощадитъ [1]) А въ Польше Сигизмундъ объявилъ, что началъ войну преимущественно для славы Божіей, для распространенія католической религіи [2]).

16 сентября 1610 года (по сентябрьскому стилю того времени) Сигизмундъ пришелъ подъ Смоленскъ; но обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Смоляне отвѣчали королю, что у нихъ данъ Пречистой Богородицѣ обѣтъ: «за православную вѣру, за святыя церкви, за царя и за царское цѣлованіе всѣмъ помереть; а литовскому королю и его панамъ отнюдь не поклоняться» [3]) Причиною была, конечно, старинная вражда Смолянъ къ полякамъ: «Смоляномъ поляки грубны искони, вѣчныя непріятели, что жили съ ними поблизу, и бои съ ними бывали частые, и Литву на боехъ побивали» [4]).

Еще со времени Годунова, въ ожиданіи войны съ Литвою, заготовлялись въ крѣпости въ амбарахъ и «погребахъ» разные

---

[1]) соч. Нѣмцевича прим. № VII и у Д. Ив. Иловайскаго
[2]) «Гер. обозр. Смол» 9 стр.
[3]) Гер. обзор. 8 стр.
[4]) Изборн. А Попова 353.

запасы, которыхъ ко времени прихода подъ Смоленскъ Сигизмунда накопилось довольно большое количество. Воеводы Смоленскіе Шеинъ и князь Петръ Ив. Горчаковъ, также дьякъ Никонъ Алексѣевъ чрезъ довѣренныхъ имъ людей и лазутчиковъ узнавали о всѣхъ движеніяхъ въ Литвѣ. Хотя ушли отъ нихъ ратные люди на помощь царскому войску: но Шеинъ взамѣнъ ихъ собралъ многихъ вооруженныхъ людей со всѣхъ становъ и волостей Смоленскаго уѣзда [1]) убѣгая отъ Литвы явились къ нему изъ окрестностей многіе дворяне и дѣти боярскіе; засѣли въ крѣпости и посадскіе люди. Шеинъ распорядился, какъ мы видѣли раньше, кому какое мѣсто крѣпости защищать и что дѣлать въ осадное время; размѣстилъ по стѣнѣ пушки, тюфяки и разныя пищали, для которыхъ имѣлся въ большомъ количествѣ порохъ и разныхъ размѣровъ чугунныя и каменныя ядра. Устроилъ передъ въѣздными воротами блокгаузы (въ родѣ тѣснаго ряда деревянныхъ избъ), для удержанія натисковъ непріятеля. За тѣмъ, по совѣщанію съ дворянами и гражданами, выжегъ посады и слободы вокругъ крѣпости города и мужественно ожидалъ врага. Въ то время сгорѣли всѣ постройки на рѣкѣ Чуриловкѣ, такъ что тамъ послѣ осады стали строиться вновь. Сигизмундъ расположился съ войскомъ въ Свирскомъ предмѣстьѣ, въ монастыряхъ Троицкомъ, Борисоглѣбскомъ Архангельскомъ и Спасскомъ [2]). Всего войска у него собралось тогда: 5000 пѣхоты, 12000 конницы въ числѣ которой были гусары, 1000 запорожскихъ казаковъ и неопредѣленное число татаръ литовскихъ [3]); еще 1400 человѣкъ нѣмецкаго войска [4]) которыми завѣдывали Вейгеръ и Нейкирхъ. Изъ другихъ выдающихся полководцевъ и совѣтниковъ короля были: литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга, главный зачинщикъ похода къ Смо-

---

[1]) Никит. 150 стр.

[2]) Историкостатист. опис. Смолен. епарх.—214 стр.

[3]) Геройск. обозр. 8 стр.

[4]) Никит. 152 стр.

ленску, два брата Потоцкихъ: Яковъ и Стефанъ, литовскій гетманъ Жолкевскій, затѣмъ Кастелянъ Перемышльскій Каменецкій, мальтійскій кавалеръ Новодворскій, капитанъ королевской пѣхоты венгерецъ Маркъ, еще Стадницкій, и наконецъ,—маршалъ литовскаго войска Дорогостайскій. Послѣдній долженъ былъ дѣйствовать на крѣпость изъ-за Днѣпра, перевезя туда пушки [1]). Тамъ же расположился и Новодворскій. Всѣхъ пушекъ у Сигизмунда при началѣ осады было 30, о чемъ сообщилъ Шеину пойманный близь Петропавловской церкви нѣмецъ изъ польскаго войска [2]). Послѣ прибавилось количество пушекъ, ибо король посылалъ за ними изъ-подъ Смоленска въ Ригу [3]). Войско въ открытыхъ мѣстахъ окопало себя шанцами особенно Дорогостайскій [4]). Въ Спасскомъ монастырѣ поставлены были 4 пушки; здѣсь размѣстился со своимъ отрядомъ Левъ Сапѣга, пришедшій подъ Смоленскъ еще раньше короля. Заняли особымъ таборомъ и Духовскій монастырь запорожскіе казаки.

9-го октября Шеинъ и помощникъ его, другой воевода Горчаковъ, доносили царю, что литовцы поставили за рѣчкою Чурильнею (при началѣ Свирской улицы) туры и изъ пушекъ бьютъ по Богословской улицѣ [5]). Но пальба осажденныхъ была гораздо дѣйствительнѣе: у нихъ было 170 орудій [6]). Это заставило непріятеля выйти изъ Спасскаго монастыря и прекратить блокаду отъ рѣчки Чурильны. Сапѣга, ушедшій оттуда, велѣлъ построить себѣ домъ въ Днѣпровской долинѣ, далѣе отъ крѣпости города. Итакъ, при самомъ началѣ, осада пошла не удачно; пришлось ограничиваться обѣимъ сторонамъ только перестрѣлкой.

---

1) Геройск. обор. стр. 10 и 33; историкостатист. см. См. епарх. 259 стр.
2) Никит. 152 стр.
3) 20 вопросный пунктъ короля, послѣ взятія Смоленска.
4) Никит. 163 стр.
5) Никит. 254 стр.
6) 24-й отвѣтъ Шеина Сигизмунда.

Архіепископъ смоленскій Сергій часто понуждалъ Шеина «чинить промыслъ надъ непріятелемъ, доставать языковъ и пускать людей на вылазки» [1]); но Шеинъ не хотѣлъ этого, думая отсидѣться. Настала зима. Непріятелъ рѣшилъ вести тайные подкопы, чтобы взорвать крѣпость. Дѣйствовала при этомъ, главнымъ образомъ, нѣмецкая пѣхота. Но подкопы не удавались, потому что осажденные имѣли при стѣнахъ въ глубинѣ земли «тайные подслухи и ходы,» откуда узнавали мѣста тайной работы непріятельской; сами дѣлали подкопы и взрывали непріятельскіе ходы контрминами на воздухъ. Изъ тайныхъ подслуховъ несомнѣнно извѣстны: одинъ въ круглой башнѣ угловой за Авраміевскимъ монастыремъ, (по прежнему названію Заалтарная) и еще отъ круглой угловой Богословской спустился подземный ходъ на Богословскую улицу; есть и другіе подземные ходы, по увѣренію и разсказамъ старожиловъ Смоленскихъ.

Въ то время, какъ Сигизмундъ держалъ Смоленскъ въ осадѣ, его лагерь, т. е. Свирское предмѣстье, въ силу обстоятельствъ дѣлается оживленнымъ пунктомъ, гдѣ обсуждаются дѣла чрезвычайной государственной важности, которыя направляли тогда теченіе жизни всей Руси. И вотъ какіе сцены и явленія совершались здѣсь.

Тушинскіе поляки, которые старались возвести на русскій престолъ второго Лжедимитрія, заслышавъ о приходѣ короля на Русь, взволновались и стали кричать, что Сигизмундъ пришелъ за тѣмъ, чтобы отнять заслуженныя ими у царя Димитрія (какъ они называли самозванца) награды, и воспользоваться выгодами, которыя они пріобрѣли своею кровію и трудами; въ заключеніе, порѣшили преслѣдовать достиженіе цѣли, уже близкой къ осуществленію, и не оставлять своего царя Димитрія. Составили конфедераціонный актъ и отправили къ королю. Пріѣхавъ въ Свирское предмѣстье тушинскіе коми-

---

[1]) 5 отвѣтъ Шеина Сигизмунду.

сары Мархоцкій и Рожинскій съ товарищами правили посольство сперва передъ Сигизмундомъ, потомъ передъ рыцарствомъ Рѣчь, произнесенная передъ королемъ, при почтительныхъ формахъ, была самаго непочтительнаго содержанія: тушинцы объявили, что король не имѣлъ никакого права вступать въ Московское государство и лишать ихъ награды, которую они пріобрѣли у царя Дмитрія за свои труды.

Сигизмундъ съ своей стороны отправилъ въ Тушино своихъ пословъ, пана Тышкевича, пана Казановскаго да Стадницкаго съ товарищами. Они должны были внушать полякамъ, что имъ гораздо приличнѣе служить природному своему государю, чѣмъ иноземному искателю приключеній, и что они прежде всего должны заботиться о выгодахъ Польши и Литвы. Король обѣщалъ имъ вознагражденіе изъ казны Московской, въ томъ случаѣ, когда соединенными силами Москва будетъ покорена; при этомъ поставилъ условіемъ, что они будутъ получать жалованье съ того времени, какъ соединятся съ его войскомъ. Начальныхъ же людей обнадеживалъ богатыми наградами не только въ Московскомъ государствѣ, но и въ Польшѣ.

И русскимъ тушинцамъ обѣщалъ сохраненіе ихъ вѣры, обычаевъ, законовъ, имущества и богатыя награды, если они предадутся ему.

На призывъ Сигизмунда отозвались панъ Зборовскій—одинъ изъ предводителей тушинскаго лагеря, Янъ Сапѣга, который осаждалъ Троицко-Сергіевую лавру съ 7 тысячнымъ корпусомъ, и даже одинъ изъ потомковъ прежнихъ хановъ, проживавшихъ въ Касимовѣ. Они отправили соединенное посольство въ лагерь подъ Смоленскъ, изъявили королю преданность и перестали радѣть Лжедмитрію. Силы самозванца ослабились. Кромѣ того, царь Василій Ивановичъ Шуйскій, видя свое критическое положеніе, вступилъ въ союзъ со шведскимъ королемъ Карломъ IX, который былъ врагомъ поляковъ; опасаясь ихъ владычества въ Россіи, король Швеціи охотно подалъ помощь царю Василію Шуйскому. Наемный шведскій отрядъ въ 5000 че-

ловѣкъ соединился съ царскимъ войскомъ, надъ которымъ начальствовалъ племянникъ царя, молодой герой Михаилъ Васильевичъ *Скопинъ Шуйскій.* Скопинъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ побилъ самозванца, и тѣмъ привлекъ къ себѣ народныя симпатіи, особенно московскихъ жителей. Самозванецъ, переодѣвшись въ крестьянское платье, убѣжалъ изъ Тушина въ Калугу, гдѣ нашелъ однако радушный пріемъ; лагерь его былъ уничтоженъ. Уже Скопинъ-Шуйскій началъ готовиться къ новому походу противъ поляковъ, подъ Смоленскъ. Осажденные смоляне просили у царя помощи, чтобы избавить женъ и дѣтей ихъ отъ угрожающаго плѣна [1]); но царь въ смутныхъ обстоятельствахъ до сихъ поръ не могъ помочь имъ, а только присылалъ имъ милостивыя грамоты [2]). Приготовленіе Скопина къ походу замедлилось.

Сигизмундъ, видя, что чрезъ его приходъ подъ Смоленскъ выигрываетъ только царь, а не Самозванецъ, во время смуты, котораго Польша могла бы поживиться большими пріобрѣтеніями владѣній отъ Московскаго государства, между прочимъ и Смоленскомъ, Сигизмундъ рѣшилъ послать подъ Москву часть своего войска; но уже съ новою мыслію: попытать *завладѣть Москвою* въ свою пользу. Мысль эту подали королю русскіе тушинцы, отъ которыхъ 31 января 1610 года прибыли послы въ станъ королевскій; во главѣ посольства стоялъ Михайло Салтыковъ, по прозванію Кривой, съ сыномъ Иваномъ; князь Вл. Рубецъ Масальскій и дьякъ Ив. Грамотинъ. Послы торжественно представлены были королю, и всѣ четверо послѣдовательно держали одну рѣчь о томъ, что тушинцы расположены къ королю; благодарили его за обѣщанныя милости, и наконецъ объявили, что въ Московскомъ государствѣ желательно имѣть царемъ королевича Владислава, если только король сохранитъ ненарушимо греческую вѣру и не коснется древнихъ правъ и вольностей московскаго народа.

[1]) Никон. 155 ст.

[2]) Герой. обор. 9 стр.

Нельзя было не порадоваться полякамъ этой новой и чрезвычайно важной мысли. Спѣшно принялись за детальную разработку ея подъ руководствомъ подканцлера Крыскаго, и уже 4 февраля готовы были условія, на которыхъ Владиславъ могъ быть признанъ царемъ московскимъ. Всѣхъ пунктовъ условія было 18; изъ нихъ отмѣчаемъ слѣдующіе: 1) чтобы Владиславъ вѣнчался на царство въ Москвѣ отъ русскаго патріарха по старому обычаю. Но король прибавилъ къ этому пункту отъ себя, что это условіе будетъ исполнено, когда водворится совершенное спокойствіе въ государствѣ; 2) чтобы вѣра греческаго закона оставалась неприкосновенною. Если люди римской вѣры захотятъ приходить въ церковь греческую, то должны приходить со страхомъ, а не съ гордостію, не въ шапкахъ; псовъ съ собою въ церковь не водили бы и не сидѣли бы въ церкви не въ положенное время. Король прибавилъ, чтобъ и для поляковъ былъ выстроенъ костелъ, въ который русскіе должны входить съ благоговѣніемъ; 3). Постановляли чтить русское духовенство наравнѣ съ католическимъ. Другіе болѣе важные въ государственномъ отношеніи пункты слѣдующіе: между государствами московскимъ, литовскимъ и польскою короною быть оборонительному и наступательному союзу противъ всѣхъ непріятелей; между сближенными государствами должна быть вольная торговля; русскіе купцы могутъ свободно ѣздить чрезъ Польшу и Литву и т. д. [1]) Сигизмундъ хотѣлъ было воспользоваться этою присягою и при посредствѣ тушинскихъ пословъ потребовалъ отъ Шеина сдачи Смоленска; но напрасно Салтыковъ склонялъ его къ этому, ссылаясь на новый договоръ: Шеинъ оставался вѣренъ присягѣ царю [2])

Отправляя гетмана Жолкевскаго подъ Москву пытать счастія въ пользу Польши, король не могъ ему отдѣлить отъ себя много войска: онъ далъ ему только 2000 всадниковъ 1000 пѣхотныхъ воиновъ [1]). Но при тогдашнемъ броженіи и

---

[1]) Пам. кн. См. г. 1864—65 г.г. Герой. обор. 13 и 38 стр.

[2]) Смут. время—Д. Иловайскаго 155 стр.

[3]) Никит. 156 стр.

колебанiи умовъ къ разнымъ претендентамъ на Московское царство, и эта рать многое значила, тѣмъ болѣе, что она имѣла за собой, опору въ войскѣ королевскомъ, у Смоленска. Случилось еще къ тому же, что молодой герой Скопинъ-Шуйскiй, начавшiй уже дѣло освобожденiя Руси отъ враговъ, 23 апрѣля 1610 года, послѣ одного пира, скончался отъ сильнаго кровотеченiя изъ носу; по общему тогда мнѣнiю, смерть приключилась эта отъ чаши вина, поднесенной ему теткою его Екатериною, дочерью Малюты Скуратова [1]), завидовавшей его славѣ. Воеводой царскаго войска былъ назначенъ братъ царя, Дмитрiй Шуйскiй. Онъ стоялъ уже съ войскомъ подъ Можайскомъ. Жолкевскiй, идя подъ Москву, усиливалъ свою рать разнымъ вольнымъ элементомъ; достигъ до стана Шуйскаго и 24 iюня разбилъ его совершенно подлѣ села Клушина, около селенiя Царево Займище (между Вязьмою и Можайскомъ). Потомъ, вступилъ въ переговоры съ княземъ Елецкимъ и Валуевымъ, защищавшими Царево Займище, и склонилъ ихъ присягнуть королевичу Владиславу, какъ сдѣлалъ Салтыковъ.

Въ то же время Самозванецъ опять явился изъ Калуги и расположился станомъ въ селѣ Коломенскомъ, принимая присягу отъ многихъ воеводъ и бояръ, не желавшихъ служить Василiю Шуйскому.

Поднялась Москва и украинскiе города, приписывая смерть Скопина Шуйскаго и бѣдствiя государственныя царю. Видя нелюбовь къ себѣ народа, царь Василiй Ивановичъ 17 iюля оставилъ престолъ и его насильно постригли въ монахи. Настало *междуцарствiе*. Управленiе государствомъ временно перешло въ руки Верховной Думы, состоявшей изъ бояръ и патрiарха.

Въ Москвѣ стали разсуждать, кого избрать царемъ. Но тутъ возникало сильное несогласiе: многiе еще желали имѣть

---

[1]) Берх. Цар.. Мих Өед. 29 стр.

царемъ Тушинскаго Дмитрія; патріархъ Гермогенъ настаивалъ, что-бы царь былъ выбранъ изъ русскихъ бояръ и князей; а Верховная Дума, подъ предсѣдательствомъ Ѳ. Ив. Мстиславскаго, *пожелала возвести на престолъ* сына Сигизмундова, *Владислава*. Въ то время подступилъ къ Москвѣ гетманъ Жолкевскій, и партія польскаго принца одержала верхъ. Вступили съ Жолкевскимъ въ переговоры и согласились 27 августа присягнуть Владиславу; однако — на условіяхъ, чтобы онъ принялъ православіе и женился на православной; а царская власть была бы ограничена боярскою думою подъ вліяніемъ высшаго духовенства. Жолкевскій, радѣя принцу, прогналъ изъ-подъ Москвы самозванца и, по предложенію бояръ, ввелъ свое *польское войско въ Столицу*, гдѣ подписалъ условія договора Москвы съ Сигизмундомъ, не имѣя точныхъ инструкцій, а только руководясь условіями договора его съ Салтыковымъ.

11 сентября отправлено было изъ Москвы торжественное *посольство* для врученія Сигизмунду грамоты объ избраніи его сына на престолъ, а Владиславу царскихъ принадлежностей. Въ качествѣ великихъ пословъ были митрополитъ Филаретъ Никитичъ Романовъ и князь Василій Голицынъ; вмѣстѣ съ ними отправлены были архимандритъ Евфимій, также знаменитый троицкій келарь Аврамій Палицынъ, окольничій князь Мезецкій, думный дворянинъ Василій Сукинъ, думный дьякъ Томило-Луговскій и приличная свита, всего около 460 человѣкъ. [1])

Между тѣмъ *Сигизмундъ* надумалъ иное: онъ послалъ къ Жолкевскому въ Москву торговаго человѣка Ѳедора Андронова съ письмомъ, въ которомъ требовалъ, *чтобы государство Московское было упрочено за нимъ самимъ*, а не за сыномъ его.

Московскіе послы съ дороги отъ 18 сентября писали въ Москву, что королевскія войска, вопреки договору, осадили

---

[1]) Въ допол. къ Дѣяніямъ Петра I ссылка на рукоп. Филарета.

Осташковъ и разоряютъ его окрестности. Отъ 30 сентября писали въ Москву, что многіе русскіе дворяне пріѣзжаютъ къ королю подъ Смоленскъ и по волѣ королевской, присягаютъ уже не одному королевичу, но и самому королю; и король ихъ за это жалуетъ: даетъ грамоты на помѣстья и вотчины. А тѣмъ, кто уже присягнулъ королевичу, велитъ опять присягнуть себѣ; кто же не хочетъ,—тѣхъ сажаютъ подъ стражу. Сообщали послы и то, что Сигизмундъ нѣсколько разъ посылалъ къ смолянамъ, чтобы они присягнули ему вмѣстѣ съ сыномъ; но смоляне не согласились: и король теперь «промышляетъ» надъ ихъ городомъ всяческими мѣрами [1]).

Дѣйствительно, въ это время Сигизмундъ дѣлалъ къ городу два *приступа*: въ первый разъ 12 сентября «къ Авраміевскимъ воротамъ на восточной сторонѣ и къ другимъ» (вѣроятно Крылошанскимъ,—тоже на востокѣ, а не къ Копытинскимъ, которыя находятся уже на юго-западѣ, чрезъ двои ворота отъ Авраміевскихъ). Король, внявъ совѣту придворныхъ, желавшихъ употребить хитрость, рѣшился напасть на этотъ пунктъ крѣпости внезапно и *ночью*. Для этого дѣла назначенъ былъ отрядъ пѣхоты подъ начальствомъ рыцаря Новодворскаго, который славился ратнымъ искусствомъ и неустрашимостью. Сдѣлано распоряженіе, чтобы королевскіе трубачи, при взрывѣ воротъ, дали сигналъ, по которому ставшее не вдалекѣ войско должно было устремиться чрезъ проломъ въ крѣпость. Новодворскій въ сопровожденіи нѣсколькихъ своихъ воиновъ пробирался тихо, въ темнотѣ ночной, державши рукою огромную петарду и согнувшись, по причинѣ тѣсноты прохода и закоулковъ между стѣною и деревянными срубами (блокгаузами), устроенными для прикрытія воротъ. Не взирая на эти затрудненія, онъ подошелъ къ однимъ воротамъ и прислонилъ доску съ петардою (мѣдный болванъ съ зельемъ); подошелъ потомъ къ другимъ, Авраміевскимъ, взорвалъ ихъ и вломился въ городъ съ нѣсколькими досятками воиновъ. Жители въ ужасѣ искали

[1]) Геройск. обор. 19 стр.

убѣжища въ церквахъ. Смоленскъ былъ бы покоренъ; но оттого ли, что трубачи не исполнили приказа, или что сильный взрывъ заглушилъ звукъ сигнала,—вспомогательный отрядъ не подоспѣлъ во время. Впрочемъ и мѣстность здѣсь, по причинѣ глубокаго оврага и удаленія отъ главнаго стана, была не благопріятна для осаждающихъ, да и блокгаузы мѣшали приближаться и видѣть, что за ними дѣлается. Осажденные ободрились; они вытѣснили враговъ, положивъ однако на мѣстѣ не болѣе 20 человѣкъ, ибо въ темнотѣ стрѣляли на удачу. Это описалъ Нѣмцевичъ, основываясь на запискахъ Жолкевскаго и Машкевича. У Машкевича есть добавленіе, что венгерецъ Маркъ, капитанъ королевской пѣхоты, не хотѣлъ итти въ проломъ или по недостатку мужества, или по условію съ непріятелемъ, и тѣмъ остановилъ успѣхъ дѣла [1]). Разрушенныя ворота смоляне завалили камнями, пескомъ, и усилили тутъ стражу.

Уже при самомъ началѣ осады, какъ намъ извѣстно, Сигизмундъ пытался овладѣть Пятницкимъ острогомъ; наконецъ, ночью 26 сентября взялъ таки его. Думать надо, что въ то время разбитъ былъ каменный храмъ, находившійся при впаденіи рѣчки Чуриловки въ Днѣпръ и упоминаемый нами раньше. Въ слѣдующую ночь поляки всѣми силами приступили къ Большимъ Пятницкимъ и Флоровскимъ воротамъ Это второй приступъ Сигизмунда къ крѣпости. Смоляне, вслѣдствіе предварительнаго взятія врагами острога, удвоили бдительность въ этомъ мѣстѣ. Тутъ произошло сильное кровопролитіе, окончившееся счастливо для осажденныхъ. Непріятель вездѣ былъ отбитъ [2]).

Сапѣга нерѣдко дѣлалъ попытки обольстить смолянъ обѣщаніемъ разныхъ льготъ и милостей отъ короля; но осажденные оставались непреклонными [3]).

---

[1]) Карам. XII, 442 примѣч.

[2]) Геройск. Обор. 10 стр.

[3]) Д. Иловайск. „Смутн. вр.“.

Все это совершаемо было Сигизмундомъ въ ожиданіи прибытія торжественнаго посольства изъ Москвы, приглашающаго его сына править всѣмъ Государствомъ Русскимъ, въ томъ числѣ и Смоленскомъ. Можно уже предвидѣть, какъ отзовется Сигизмундъ на предложеніе пословъ. Впрочемъ съ ихъ пріѣздомъ пальба и приступы къ крѣпости на время прекратились.

Послы пріѣхали къ Сигизмунду подъ Смоленскъ, въ Свирское предмѣстье 7 октября. Хотя они были встрѣчены съ приличными почестями; но ихъ не впустили въ королевскій станъ, и, вмѣсто покойнаго и удобнаго жилища, имъ разбили въ верстѣ отъ стана, въ нежиломъ мѣстѣ нѣсколько (14—19) палатокъ. Въ первые два дня они пробыли почти безъ пищи [1]), и далѣе содержаніе имъ давалось самое скудное, такъ что они были едва сыты, а лошади ихъ околѣвали отъ голода. На жалобу объ этомъ польскіе пристава отвѣтили: король самъ терпитъ недостатокъ, и это явленіе обыкновенное въ военное время [2]). Мѣсто стоянки пословъ, по преданію, слышанному авторомъ отъ 96 лѣтняго старика Якима Ивановича Снитко, мать котораго тоже долго жила, указывается за деревней Чернушками не доходя послѣдняго кронверка передъ Краснинской дорогой, въ виду Копытецкихъ воротъ и Королевской крѣпости. Это будетъ соотвѣтствовать тому, что послы видѣли взрывъ Грановитой башни [3]), о чемъ будетъ сказано ниже; также и тому обстоятельству, что они чрезъ лазутчиковъ сносились съ крѣпостью города.

Главнымъ дѣломъ пословъ было возвратиться въ Москву съ Владиславомъ и добиться того, чтобы король ушелъ изъ-подъ Смоленска и изъ Россіи.... Но каково же было ихъ удивленіе, когда паны радные на первомъ же съѣздѣ, 10 октября, объявили, что король непремѣнно хочетъ взять Смоленскъ, а потомъ итти въ Москву для истребленія самозванца, и, успо-

[1]) Мурзакевич. 163 стр.

[2]) Берх. цар. Мих. Ѳед. 42 стр.

[3]) Никит. 159 стр.

*

конивъ государство, посадить уже на московскій престолъ сына своего.

12 числа была назначена имъ аудіенція у короля. Послы говорили по очереди рѣчи, содержаніемъ которыхъ было общее желаніе всѣхъ россіянъ имѣть царемъ королевскаго сына Въ отвѣтъ на эти рѣчи говорилъ канцлеръ Левъ Сапѣга слѣдующее: «Всемогущій Богъ устроилъ чины великіе: монархи, короли также и цари; не велѣлъ никому изъ низшихъ чиновъ (иже есть—сенаторы, рыцари и слуги) искать свыше своей мѣры, государской чести. А кто не по своему достоинству чего доступитъ: и его Всемогущій Богъ караетъ. Такъ покаралъ Бориса Годунова, не потерпѣлъ князя Василія Ивановича Шуйскаго, которому лучше было бы находиться въ холопѣхъ, нежели государства искать. Жигимондъ—король есть наияснѣйшій великій государь: и можетъ успокоить государство и добрую згоду учинить». Затѣмъ, послы и посольскіе дворяне были допущены къ королевской рукѣ; а маршалъ донесъ королю о дарахъ, какіе привезло ему посольство. Отвѣтъ же на предложеніе москвитянъ и Русской земли отложенъ до другого времени [1])

Начались споры въ королевскомъ Совѣтѣ соглашаться на просьбу пословъ отпустить королевича въ Москву, или нѣтъ? Споры эти затянулись надолго изъ-за малой причины, которую другіе государственные дѣятели игнорировали бы, потому что чрезъ это пріобрѣталось бо́льшее.

Въ самомъ дѣлѣ, король своимъ появленіемъ подъ Смоленскомъ сдѣлалъ слишкомъ многое и чрезвычайное, чего и не предполагалось при выступленіи въ походъ. Благоразуміе требовало только воспользоваться результатами, которые сами собою шли въ руки королю и Польшѣ, тѣмъ болѣе, что Верховная Дума перестала потомъ настаивать, чтобы Владиславъ сейчасъ же, по принятіи престола, вступилъ въ православіе;

---

[1]) Берх. цар. Мих. Оед. 43 стр.

даже имѣла, затѣмъ, намѣреніе отдаться во всемъ на волю короля, о чемъ будетъ изложено ниже. Надъ этимъ важнѣйшимъ моментомъ, рѣшающимъ дальнѣйшую судьбу обоихъ государствъ, задумывается всякій. Что затемнило умъ короля и спасло такимъ образомъ Русь, ея православіе и народность въ ущербъ Польшѣ?—Въ Высшемъ Промышляющемъ дѣйствіи видны средства, чрезъ которыя направилось теченіе дѣлъ совершенно неожиданно въ иную сторону, именно: *рыцарская честь* поляковъ, стоявшихъ здѣсь безплодно съ самимъ королемъ уже болѣе года, играла, безъ сомнѣнія, главную роль.

Канцлеръ Левъ Сапѣга, отчаявшись въ возможности взять Смоленскъ, былъ сначала въ числѣ тѣхъ, которые соглашались отпустить королевича въ Москву; но перемѣнилъ мнѣніе, когда королева прислала ему письмо Приводимъ отрывокъ изъ письма королевы Констанціи Льву Сапѣгѣ: «Ты начинаешь терять надежду на возможность взять Смоленскъ и совѣтуешь королю на время отложить осаду: заклинаемъ тебя, чтобы ты такого совѣта не подавалъ, а вмѣстѣ съ другими сенаторами настаивалъ на продолженіи осады! здѣсь *дѣло идетъ о чести* не только королевской, но и цѣлаго войска» [1]). Канцлеръ Сапѣга послѣ того сталъ внушать Сигизмунду, что присяга, данная московскимъ народомъ подозрительна: москвичи могутъ передумать и обмануть; а Шеинъ со смолянами, вѣроятно, хочетъ предаться самозванцу и оттягиваетъ только время. Когда король уйдетъ изъ-подъ Смоленска, то все будетъ потеряно для Польши: не только Москва, но и Смоленскъ съ Сѣверскими областями — «древнее достояніе Литвы». Гораздо лучше продолжать начатое и не упускать того, что уже въ рукахъ; а взявши свое, вести съ торжествомъ Владислава въ Москву. Историкъ Берхъ утверждаетъ еще, что хитрые іезуиты, управлявшіе волею Сигизмунда, опасались,

---

[1]) Геройск. обор. 39 стр. Пам. кнж. См. г. 1861—65 г.

что Россія, присоединенная къ Польшѣ, ослабитъ могущество католическихъ властей; что братья Потоцкіе, главные вожди подъ Смоленскомъ, завидовали славѣ гетмана Жолкевскаго, посланнаго въ Москву, трудами котораго только Москва и преклонилась предъ Польшей: поэтому сами желали выказать подвигъ взятіемъ Смоленска; наконецъ, утверждаетъ Берхъ, что Сигизмундъ лично оскорбился тѣмъ, что обошли избраніемъ въ цари его самого [1]). Всѣ эти страсти и слабыя свойства души соединились здѣсь: и Рѣчь Посполитая приняла дѣйствіе въ ущербъ прямымъ своимъ выгодамъ.

На слѣдующей сессіи 17 октября Сапѣга, въ рукахъ котораго, со времени присяги русскихъ королевичу, сосредоточилось вѣдѣніе московскими дѣлами, объявилъ желаніе Сигизмунда, чтобы москвичи и смоляне «цѣловали крестъ» вмѣстѣ съ королевичемъ и королю; при этомъ Сапѣга началъ укорять пословъ нашихъ: зачѣмъ они раздѣляютъ отца съ сыномъ и не оказываютъ королю должной почести? [2]). Послы отвѣчали, что они слѣдуютъ данному имъ наказу, писанному съ гетманскаго согласія: «на чемъ гетманъ Жолкевскій крестъ цѣловалъ за себя и за васъ, пановъ, на томъ мы и стоимъ; но чтобы королю крестъ цѣловать, того не только въ наказѣ нѣтъ, но и въ мысляхъ у всего народа не бывало: какъ же намъ безъ совѣта всей земли это сдѣлать? [3]) При томъ и вы, избравъ Сигизмунда на царство, не цѣловали крестъ отцу его Ягану, королю Шведскому» [4]).

На третьемъ съѣздѣ (20 октября) происходили такія же пренія; но, въ дополненіе прежняго, паны, соотвѣтственно обѣщанію короля, данному тушинцамъ, начали требовать, чтобы россіяне выдали жалованье всему польскому войску, не исключая и семитысячнаго корпуса Яна Сапѣги, служившаго

---

[1]) Берхъ цар. Мих. Ѳед. 18 стр.
[2]) Берхъ 45 стр.
[3]) Геройск. обозр. 21 стр.
[4]) Берх. 45 стр.

Самозванцу, и осаждавшаго съ упорствомъ святыню москвитянъ, Троицко-Сергіеву Лавру. Послы наши сильно оспаривали такое домогательство; но паны, сказали имъ: «если вы на сіе не согласитесь, то вѣкъ здѣсь останетесь!» и вышли изъ собранія. Въ тотъ же день король послалъ въ Москву грамоту къ боярамъ слѣдующаго содержанія: «по договору вашему съ гетманомъ Жолкевскимъ, велѣли мы князей Василія, Димитрія и Ивана Шуйскихъ отослать въ Литву, чтобы они тутъ, въ Московскомъ государствѣ, смуту не дѣлали. По этому приказываемъ вамъ, чтобы вы отчины и помѣстья ихъ отобрали на насъ, господаря» [1]). Около этого же времени пожалованы были королемъ предсѣдатель Верховной Думы Ѳ. И. Мстиславскій — въ конюшіе, а Ю. И. Трубецкой — въ бояре [2]).

23 октября король приказалъ позвать пословъ въ свое собраніе и объявить имъ его именемъ, что онъ жалуетъ сына своего на царство; но отпуститъ только его по окончаніи Сейма, которому онъ въ Польшѣ приказалъ собраться; желаетъ, чтобы и послы были на немъ. На прочіе пункты, которые предложило посольство отъ Москвы, король отвѣчалъ: I) въ крещеніи и женитьбѣ царевича воленъ Богъ; II) съ папою король ссылаться о вѣрѣ не будетъ; III) плѣнныхъ велитъ выдать; IV) о казни отступниковъ отъ вѣры быть по тому, какъ сказано въ польскомъ наказѣ. Рѣшеніе другихъ пунктовъ представляетъ Сейму. Когда же Смоленскъ сдастся и присягнетъ ему, то онъ пойдетъ истребить самозванца; а потомъ, возвратясь, дастъ посламъ царевича, и тогда они съ нимъ изъ Польши отправятся въ Москву. Въ слѣдъ за этимъ Сапѣга-канцлеръ началъ доказывать митрополиту Филарету, что такъ-какъ царевичъ уже крещенъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, то второму крещенію быть не должно. Но умный архипастырь опровергъ доводы Сапѣги. Предъ окончаніемъ засѣданія, Сапѣга опять началъ требовать, чтобы

---

[1]) Геройск. обор. 18 стр.

[2]) Берхъ 54 стр.

послы приказали Шеину присягнуть королю и сдать Смоленскъ [1]). «Мы хотимъ, — говорилъ Сапѣга, — чтобы Смоленскъ цѣловалъ крестъ и королю *для одной только чести.*» — Честь королю, — отвѣтили послы, — большая будетъ отъ всего свѣта, если онъ Московское государство успокоитъ ... тогда не только Смоленскъ, но и все Россійское государство будетъ за сыномъ его» — «Много уже пустого, — говорили паны, — мы слышимъ отъ васъ; скажите одно: хотите ли послать къ смолянамъ, чтобы они государю нашему *честь* сдѣлали, крестъ поцѣловали?» [2]) Послы отвѣчали отказомъ. — «Когда такъ, — закричали паны, — то конецъ терпѣнію и Смоленску! На васъ падетъ пепелъ его и кровь жителей» [3]).

Приведеніе этой угрозы тотчасъ въ исполненіе замедлилось извѣстіемъ о пріѣздѣ изъ Москвы въ королевскій станъ гетмана Жолкевскаго, главнаго виновника договора.

Заслышавъ о плохомъ успѣхѣ посольства, гетманъ рѣшился самъ ѣхать къ Сигизмунду, чтобы уладить дѣло Именемъ Владислава поручилъ онъ начальство надъ войсками въ Москвѣ Александру Гонсевскому съ наказомъ наблюдать тишину и спокойствіе. Москва провожала его торжественно: крыльца и кровли домовъ были усѣяны народомъ. По приказу короля, гетманъ заѣхалъ въ Волоколамскій монастырь и взялъ оттуда царя Вас. Ив. Шуйскаго, снявъ съ него монашеское одѣяніе; взялъ и братьевъ его съ собою [4]). 30 октября гетманъ имѣлъ съ ними торжественный въѣздъ въ станъ короля; бывшій царь В. И. Шуйскій сидѣлъ въ бѣлой парчевой одеждѣ и высокой шапкѣ (шлыкѣ). Гетманъ тотчасъ поспѣшилъ къ королю въ надеждѣ, что онъ убѣдитъ его исполнить договоръ; однако не имѣлъ успѣха, а долженъ былъ потомъ дѣйствовать даже противъ своего желанія и искренности.

---

[1]) Берхъ 46 стр.

[2]) Геройск. сборн. 20 стр.

[3]) Берхъ 47 стр.

[4]) Берхъ 49 стр

2 ноября было назначено засѣданіе, уже въ присутствіи Жолкевскаго. Канцлеръ возобновилъ прежнія требованія сдать Смоленскъ и присягнуть Сигизмунду; но послы отражали требованія Сапѣги договоромъ, выставляя въ свидѣтели гетмана: «Какъ же намъ изъ статей, заключенныхъ временнымъ московскимъ правительствомъ съ гетманомъ Жолкевскимъ, можно перемѣнить что-нибудь безъ совѣта со всею Землею?. . Чтобы Смоленскъ отдать королю,--этого не только въ статьяхъ, но и въ поминѣ ни у кого не было!... Ты, гетманъ, не разъ говорилъ всѣмъ намъ, что какъ скоро мы пріѣдемъ къ королю, то Его Величество тотчась же отъ Смоленска со всѣмъ войскомъ отойдетъ въ Польшу». Жолкевскій долго съ панами разговаривалъ по-латыни; наконецъ, сталъ отрекаться, что онъ не обѣщалъ того, чтобы Его Величеству отойти отъ Смоленска; а совѣтовалъ только послать о томъ съ челобитіемъ... «Да какъ мнѣ своему государю приказывать?.. Кромѣ того, грамота, что послана изъ Москвы въ Смоленскъ,— продолжалъ онъ,—была у меня; но въ ней писано то, что вы хотѣли, а я писать не приказывалъ и не заказывалъ... Теперь вамъ непремѣнно надобно для королевской чести, уладить дѣло такъ, чтобы смоляне отца съ сыномъ не раздѣляли и крестъ цѣловали обоимъ. Если же вы этого смолянамъ не прикажете, то наши сенаторы говорятъ, что *король за честь свою станетъ мстить*; а мы за честь государя своего померетъ готовы, и потому Смоленску быть худо. Не упрямьтесь, исполните волю королевскую!... А какъ Смоленскъ сдастся, тогда объ уходѣ королевскомъ договоръ напишемъ». [1]) Сапѣга прибавилъ далѣе, что король не только не желаетъ зла россіанамъ, но покорныхъ изъ нихъ награждаетъ, напримѣръ: Милославскаго пожаловалъ въ конюшіе, и Трубецкаго въ бояре. [2]) Послы Жолкевскому отвѣчали: «Помни Бога и душу свою, Станиславъ Станиславовичъ! въ записи данной Елецкому и Валуеву

---

[1]) Геройск. обор. 21 стр.

[2]) Берхъ 54 стр.

(подъ Царевымъ Займищемъ), прямо написано, что когда смоляне крестъ королевичу поцѣлуютъ; то король отойдетъ отъ Смоленска, порухи и насильства городу не будетъ; всѣ порубежные города будутъ къ Московскому государству по прежнему». Заказали дьяку Луговскому читать договоръ гетмана Жолкевскаго. Но Сапѣга не далъ ему читать и закричалъ: «Вы этимъ позорите гетмана! Если впредь объ этой записи станете говорить, то вамъ будетъ худо».—«Хотя бы и помереть, а правду говорить»! отвѣчалъ Томило-Луговскій: «вы эту запись ставите ни во что, а мы и теперь и впредь ею защищаться будемъ». Другіе паны запальчиво кричали, что послы пріѣхали какъ челобитчики, а не указчики ихъ государю: «Мы о Смоленскѣ послѣдній разъ вамъ говоримъ: если вы не заставите смолянъ королю и королевичу крестъ цѣловать, то крестное цѣлованіе съ гетмана сошло; Его Величество и мы *Смоленску* больше терпѣть не будемъ; *не останется камень на камнѣ*! съ нимъ сдѣлается то же, что съ Іерусалимомъ». Послы выразили желаніе отправить гонца въ Москву и, обращаясь къ канцлеру, говорили: «Ты, Левъ Ивановичъ, самъ бывалъ въ послахъ,—такъ знаешь: можно ли послу сверхъ наказа что-нибудь сдѣлать? Ты былъ посломъ отъ государя къ государю; а мы посланы отъ всей земли: какъ же мы смѣемъ безъ совѣта всей Земли русской сдѣлать то, чего нѣтъ въ наказѣ?» Обращаясь къ Жолкевскому, просили его употребить всѣ усилія для спасенія Смоленска: «не скажетъ ли весь народъ, что, при насъ до твоего пріѣзда подъ Смоленскъ, король не приступалъ къ городу; а какъ ты пріѣхалъ,—Смоленскъ взяли?» Гетманъ далъ слово хлопотать о гонцѣ и о томъ, чтобы къ городу не было приступовъ. Тутъ Жолкевскому дали еще понять, что митрополитъ Филаретъ сердится на него за то, что онъ привезъ подъ Смоленскъ сверженнаго царя Василія Ивановича и представилъ его къ королю въ свѣтскомъ платьѣ. Жолкевскій подошелъ къ митрополиту съ оправданіями: «я,—говорилъ онъ,—взялъ бывшаго

царя, чтобы предупредить на будущее время народное смятеніе Къ тому же онъ въ Волоколамскомъ монастырѣ почти умиралъ отъ голода. А что привезъ я его въ свѣтскомъ платьѣ, то онъ самъ не хочетъ быть монахомъ: постригли его не волею; а невольное постриженіе противно и вашимъ и нашимъ церковнымъ уставамъ». Филаретъ отвѣчалъ: «вѣдь ты настоялъ, чтобы его отослать въ Іосифовъ монастырь!... Не слѣдовало ни его самого, ни братьевъ отвозить въ Польшу: ты вѣдь далъ слово, да и въ запискѣ утверждено, чтобы въ Польшу и Литву ни одного русскаго человѣка не вывозить и не ссылать; ты на томъ крестъ цѣловалъ, и крестное цѣлованіе нарушилъ».

На слѣдующій день послы, боясь за Смоленскъ, поѣхали къ Жолкевскому напомнить ему объ его обѣщаніи. А онъ, будто отъ себя, объявилъ имъ, что для спасенія Смоленска остается еще средство: если не желательно, чтобы смоляне присягали королю; то можно впустить въ крѣпость польское войско, какъ сдѣлано въ Москвѣ. Можетъ быть, король на это согласится. Послы въ отвѣтъ прочли ему статью договора, чтобы ни въ одинъ городъ не вводить польскаго войска, и настаивали послать гонца въ Москву.

На другой день гетманъ объявилъ, что король соглашается на отправленіе гонца въ Москву; но прежде требуетъ, чтобы въ Смоленскъ были введены его ратные люди [1]). Послы отвѣчали, что если бы они и желали исполнить означенное требованіе, то Михаилъ Шеинъ и смоленская шляхта никакъ не согласятся на это [2]). Безъ сомнѣнія, посламъ было извѣстно настроеніе умовъ смолянъ, когда они говорятъ такъ рѣшительно за нихъ, осажденныхъ. Значитъ, между тѣми и другими были сношенія. Это тѣмъ болѣе надо утверждать, что съ послами пріѣхали и находились теперь при митрополитѣ Филаретѣ и князѣ Голицынѣ смоленскія «дѣти боярскія», усердно служив-

---

[1]) Геройск. обор. 22 стр.

[2]) Берхъ 55 стр.

шія Шуйскому до его низверженія и имѣвшія родныхъ среди осажденныхъ смолянъ.

Гонецъ не былъ отправленъ; а посламъ объявлено было, чтобы они пріѣхали къ гетману 18 числа ноября. Явившись къ Жолковскому въ назначенный срокъ, они встрѣтили у него полное собраніе пановъ, которые просили ихъ впустить въ Смоленскъ польскія войска. Канцлеръ указывалъ на то, что онъ Шеину не вѣритъ и подозрѣваетъ его въ тайныхъ сношеніяхъ съ Самозванцемъ [1]) Послы отвѣчали: «Ручаемся Вамъ душами за боярина Шеина, что онъ не измѣнитъ своей чести, чтобы служить бродягѣ; ручаемся и за гражданъ: они искренно, вмѣстѣ съ Россіею присягнутъ Владиславу» [2]). Гетманъ убѣждалъ пословъ тѣмъ, что «*королю стыдно* отступить, не взявши Смоленска; это для него безчестіе: онъ возьметъ его силой и медлитъ только изъ уваженія къ моему ходатайству. *Сѣкира лежитъ у корене*!...» заключилъ Жолкевскій. А паны прибавили: «увидите, что будетъ завтра надъ Смоленскомъ!»

Послы просили, чтобы дали имъ, покрайней мѣрѣ, посовѣтоваться съ митрополитомъ, котораго не было на этомъ съѣздѣ по болѣзни. Согласіе дано. Пріѣхавши въ свой станъ, послы держали совѣтъ. Филаретъ говорилъ: «Того никакими мѣрами учинить нельзя, чтобы въ Смоленскъ королевскихъ людей впустить: если разъ и немногіе королевскіе люди въ Смоленскѣ будутъ, то намъ Смоленска не видать. А если король и возьметъ Смоленскъ приступомъ, мимо крестнаго цѣлованія, то положиться на судьбы Божіи, только-бы намъ своею слабостію не отдать города». Голицинъ обратился, потомъ, за совѣтомъ къ дворянамъ и ко всѣмъ посольскимъ людямъ, въ томъ числѣ и къ смоленскимъ къ боярскимъ дѣтямъ: «Если Смоленскъ возьмутъ приступомъ, то они, послы отъ патріарха, бояръ и всѣхъ людей Московскаго государства, - не будутъ ли въ проклятіи и ненависти»? Всѣ отвѣ-

---

[1]) Берхъ 55 стр.

[2]) Карамз. XII.

чали: «хотя бы въ Смоленскѣ были наши матери, жены, и дѣти, то—пусть бы погибли! Не отдавайте ляхамъ вѣрнаго города. Знайте, что вы и отдать его не можете: защитники Смоленска не послушаютъ васъ, какъ измѣнниковъ; они скорѣе всѣ умрутъ, а не сдадутся». [1])

20 ноября прислалъ Гетманъ сказать посламъ, что король желаетъ получить рѣшительный отвѣтъ; если этого не будетъ сдѣлано, то завтра послѣдуетъ приступъ. Филаретъ и Голицинъ передали свой отвѣтъ литовскимъ панамъ.

Тогда обнаружилось, что значило выраженіе: «сѣкира лежащая у корене»,—это была *большая мина*, подложенная подъ стѣну города около югозападнаго угла чрезъ новый подкопъ, котораго не замѣтили смоляне, потому что онъ веденъ былъ изъ глубины оврага.

21 ноября все войско подступило къ крѣпости города; зажгли означенную мину, дѣйствіе которой такъ было сильно, что ею взорвана была цѣлая грановитая башня, 10 саж. городской стѣны и часть древняго земляного вала, находившагося рядомъ, внутри крѣпости, за стѣною. Но защитники города бодрствовали. Три раза поляки съ нѣмцами и казаками устремлялись въ этотъ проломъ и возобновляли приступъ; однако всякій разъ были отражаемы въ глазахъ Сигизмунда, гетмана и нашихъ пословъ съ великою потерею [2])

Означенный проломъ Шеинъ спѣшно и ловко задѣлалъ абшнидомъ, въ видѣ земляного вала, устроеннаго полукружіемъ съ выступомъ внутрь крѣпости. Этотъ новый валъ и теперь виденъ, въ Лопатинскомъ саду. Послѣ, по взятіи города, король сдѣлалъ къ нему новую присыпку тоже полукружіемъ, но на внѣшнюю сторону: такъ что явилось такимъ путемъ особая цитадель, или небольшое укрѣпленное мѣсто, почему оно и называется *Королевская крѣпость*. Въ ней для тайнаго выхода изъ города устроенъ былъ внизу каменный корридоръ, ко-

---

[1]) Геройс. оборон. 24 и у Никит. 150.

[2]) Берхъ 56 стр.

торый и до сихъ поръ сохраняется. Вслѣдствіе вынутія земли для этихъ валовъ, изъ окружающаго пространства, образовалось здѣсь (въ Лопатинскомъ саду) озеро.

Послѣ неудачныхъ приступовъ осада превратилась въ блокаду и обстрѣливаніе; но безъ всякаго успѣха. А Шеинъ со смолянами продолжалъ сидѣніе въ осадѣ. Смоленскіе перебѣжчики увѣряли въ польскомъ станѣ, что въ городѣ у нихъ голодъ и моровое повѣтріе (цынга отъ недостатка соли); что самъ воевода Шеинъ хотѣлъ, будто бы, сдать Смоленскъ королю, но архіепископъ Сергій не допустилъ до этого; что міръ съ воеводою. будто бы ходилъ однажды уговаривать архіепископа къ сдачѣ; но тотъ снявъ съ себя облаченіе и положивъ посохъ, объявилъ, что готовъ принять муку, но церкви своей не предастъ, и охотнѣе допуститъ умертвить себя. чѣмъ изъявить согласіе на сдачу города. Народъ, увлеченный этими словами, отложилъ свое намѣреніе, и, надѣвъ на Сергія опять облаченіе, поклялся стоять противъ поляковъ до послѣдней капли крови. Воевода предлагалъ сдѣлать вылазку, разсчитывая на возможность пораженія непріятелей, такъ какъ у него могли найтись не одинъ десятокъ тысячъ лицъ, способныхъ выступить ратію изъ города, но и на это теперь архіепископъ уже не согласился, подозрѣвая Шеина въ намѣреніи вывести людей изъ города и „ударить челомъ“ королю [1]). Такъ воевода болѣе и не желалъ дѣлать вылазку, чтобы его не подозрѣвали въ измѣнѣ. Родственники смолянъ, бывшіе въ королевскомъ обозѣ украдкой изрѣдка привозили соль и другіе запасы изъ королевскаго обоза [2]); нѣкоторые удальцы ухитрялись украдкой бѣгать въ лѣсъ за хворостомъ для топки печей [3]). Вотъ и вся помощь, какую получали смоляне во время осады. Голодъ и моръ продолжались; тѣмъ не менѣе смоляне, предостерегаемые другъ другомъ, мужественно держались, выжидая, „на чемъ прикажетъ имъ стать Русская земля“.

---

[1]) „Геройск. обор.“ 15 стр.

[2]) 22-й отвѣтъ Шеина королю при взятіи города.

[3]) У Д. И. Иловайскаго: «Смутн. вр.».

Геройское отраженіе Шеинымъ мужественнаго приступа поляковъ 21 ноября заставило Сигизмунда быть уступчивѣе. 4 декабря дано было знать посламъ, что король не желаетъ проливать невинной христіанской крови вмѣстѣ съ виновною и соглашается на отправленіе гонца въ Москву. Тѣмъ временемъ, пока еще гонецъ не отправился, паны *пытались подъйствовать на второстепенныхъ пословъ*. Они обѣщаніями, ласками и угрозами склоняли ихъ приказать смолянамъ „цѣловать крестъ королю и королевичу" или впустить королевскихъ людей въ Смоленскъ. Членовъ посольсгва соблазняло желаніе уѣхать домой, чтобы избавиться отъ тягостнаго положенія, въ которое они были поставлены: нѣкоторые изъ нихъ, дѣйствительно, тайно подходили къ стѣнамъ Смоленска доносить Шеину о сверженіи царя Василія, о занятіи Москвы поляками и убѣждали сдать городъ; но Шеинъ не внималъ никакимъ увѣщаніямъ. Впрочемъ большинство и второстепенныхъ пословъ не измѣнило главнымъ. Такъ думный дьякъ Томило-Луговскій, къ которому преимущественно отъ лица короля обращались съ означенною просьбою, отвѣчалъ: „Какъ мнѣ это сдѣлать и вѣчную клятву на себя навести? Я присланъ отъ московскаго государства въ челобитчикахъ: и мнѣ первому соблазнъ ввести!... Государеву дѣлу въ томъ прибыли не будетъ: знаю я подлинно, что подъ Смоленскъ и лучше меня подъѣзжали и королевскую милость сказывали, да они и тѣхъ не слушали; а если мы теперь, въ видѣ посольства, подъѣдемъ, и объявится въ насъ ложь, то они впередъ еще крѣпче будутъ, и никого уже слушать не станутъ" [1]).

Рѣшено было отпустить гонца 7 декабря съ тѣмъ, чтобы чрезъ 2 недѣли онъ возвратился съ полнымъ наказомъ, а для лучшаго выполненія королевской цѣли, съ нимъ долженъ былъ отправиться королевскій каморникъ (камергеръ) Исаковскій. Паны опять склоняли было второстепенныхъ пословъ бросить главныхъ и уѣхать въ Москву, чтобы тамъ дѣйствовать въ

[1]) Геройск. обозр. 26 стр.

пользу короля. Нѣкоторые изъ нихъ, дѣйствительно, должны были составить свиту гонца, въ томъ числѣ отъ лица митрополита Филарета отпущенъ былъ троицко-сергіевскій келарь Аврамій Палицинъ. Имъ Сигизмундъ роздалъ подарки и награды [1]), конечно, желая задобрить.... Но не склонилъ ихъ тѣмъ король въ свою пользу: они, видѣвшіе хитрость и лукавство его придворныхъ, явились въ Москвѣ рьяными противниками интересовъ короля, особенно Аврамій Палицинъ. За то вѣрнымъ слугою королю было Московское временное правительство, или Верховная Боярская Дума. Въ ней засѣдали приверженцы Сигизмунда. награжденные отъ него: Ѳ. И. Мстиславскій, получившій отъ короля даже похвальную грамоту за содѣйствіе ему въ подчиненіи Москвы Польшѣ, Юрій Трубецкой и еще Кривой Салтыковъ—Михайло, бывшій у короля въ станѣ 31 января 1610 года посломъ отъ русскихъ тушинцевъ. Они, по проискамъ пановъ, готовы были даже *самого короля призвать на царство* московское [2]). Но этого не случилось: Совѣтъ Боярской Думы рѣшилъ только просить короля, чтобы онъ немедленно отпустилъ Владислава на царство, отлагая даже крещеніе, или принятіе православнаго вѣроисповѣданія, до времени его воцаренія [3]).

Посламъ, митрополиту Филарету и кн. Голицину, Верховная Дума написала, чтобы они понудили осажденныхъ жителей Смоленска цѣловать крестъ королевичу и королю и сдать городъ полякамъ. Въ такомъ же духѣ написана была особая грамота и къ Шеину со смолянами. Акты эти долженъ былъ подписать и патріархъ. Когда къ нему обратились съ просьбою объ этомъ, то Гермогенъ рѣшительно отказался подписать ихъ, не взирая на притѣсненія и на то, что Кривой-Салтыковъ грозилъ ему ножемъ [4]). Въ такомъ видѣ 23 декабря привезены были грамоты подъ

---

[1]) Берхъ 57 стр.

[2]) Геройск. обор. 26 стр.

[3]) Никит. 161 стр.

[4]) Берхъ 57 стр.

Смоленскъ. Когда прочитали ихъ послы, то митрополитъ сказалъ, что исполнить ихъ нельзя, потому что онѣ писаны не только безъ вѣдома всей Земли, но и безъ согласія патріарха и Освященнаго собора; а между тѣмъ въ нихъ пишется о дѣлѣ духовномъ, о крестномъ цѣлованіи королю вмѣстѣ съ королевичемъ. Послы тайно дали знать и Шеину, чтобы онъ не соглашался на выполненіе посланной къ нему грамоты.

Почти одновременно съ грамотами пришло въ Смоленскъ извѣстіе о смерти самозванца, который былъ убитъ ногайскимъ княземъ Петромъ Урусовымъ 11 декабря. Со смертію Лжедимитрія у Сигизмунда не было предлога идти въ Московское государство очищать тамъ города, потому что единственнымъ кандидатомъ на московскій престолъ былъ сынъ его Владиславъ; не было предлога и говорить, что Шеинъ призываетъ къ себѣ самозванца на выручку; не было поэтому основанія и держать Смоленскъ въ осадѣ. Напрасно онъ тратилъ время изъ-за чести, раздутой въ слишкомъ важное дѣло, въ переговорахъ безплодныхъ и унизительныхъ для своего достоинства.

Тѣмъ временемъ въ Москвѣ начинается народное и чисто національное движеніе: патріархъ Гермогенъ разрѣшилъ всѣхъ отъ клятвы Владиславу, если онъ не явится въ Москву и если не приметъ православной вѣры; Аврамій Палицинъ началъ разсылать воззванія по городамъ, приглашая возстать за вѣру и государство. Жители городовъ писали другъ къ другу, призывая одни другихъ къ освобожденію отечества. Составлена даже была особая присяга; въ ней, между прочимъ, сказано: «за вѣру и и Московское государство стояти, королю и королевичу польскому креста не цѣловати; на польскихъ и литовскихъ людей стояти за одно.... А буде на кого пришлютъ съ Москвы бояре, и пѣню или казнь надъ кѣмъ учинить велятъ: и намъ за тѣхъ людей стояти и не выдавати» [1]. И жители Смоленской обла-

[1]) Берхъ 65 стр.

сти писали городамъ жалобу на дѣйствія поляковъ: «вѣра поругана, церкви Божія разорены. Гдѣ наши жены, дѣти, братья, родственники и друзья? .. Кто изъ насъ хошлъ въ Литву и Польшу выкупать своихъ матерей, женъ и дѣтей, и тѣ свои головы потеряли. Собранъ былъ Христовымъ именемъ окупъ,—и то все разграблено» и т. д. [1]) Уже многіе русскіе, служившіе королю, оставляли его и уходили служить отечеству. По мѣстамъ, въ Смоленской области стерегли поляковъ и истребляли ихъ, когда представлялся къ тому удобный случай [2]). А Сигизмундъ все стоялъ подъ Смоленскомъ и не думалъ отправлять своего сына въ Москву.

27 декабря позваны были послы къ панамъ. «Вы все отговаривались,—сказали паны,—что нѣтъ у васъ изъ Москвы о Смоленскѣ указа: теперь получили и указъ. Что скажете о боярской грамотѣ»? При этомъ канцлеръ Сапѣга прочиталъ боярскую грамоту и добавилъ: «видите! о чемъ мы говорили съ вами на съѣздахъ,—это самое Духъ Святой внушилъ вашимъ боярамъ: они въ тѣхъ же самыхъ словахъ велятъ вамъ исполнить, чего мы отъ васъ требовали. Значитъ самъ Богъ открылъ имъ это»! Голицинъ отвѣтилъ: «въ правдѣ ихъ указа слушаться я буду и радъ дѣлать, сколько Богъ помощи подастъ; но бояре должны дѣлать надъ нами праведно, а не такъ, какъ они дѣлаютъ. Отпускали насъ къ великимъ государямъ бить челомъ патріархъ, бояре и всѣ люди Московскаго государства, а не одни бояре: отъ однихъ бояръ я и не поѣхалъ бы! А теперь они такое великое дѣло пишутъ къ намъ одни, мимо патріарха, освященнаго собора и не по совѣту всѣхъ людей Московскаго государства. Это ихъ не добро къ намъ, да и ко всѣмъ людямъ Московскаго государства. Думаемъ, что отъ того кровь христіанская прольется вновь, и будетъ въ томъ великое сомнѣніе и скорбь..... Да скажите, паны радные: что отвѣчали смоляне и Шеинъ на

[1]) Геройс. обор. 40 сгр.

[2]) Никит. 161 стр.

эту боярскую грамоту»?—«Смоляне закоснѣли въ своемъ упорствѣ: они боярскихъ грамотъ не слушаютъ», говорили паны. —А какъ же насъ то они послушаютъ, когда боярскихъ грамотъ не послушали? Ясно видно, что въ Москвѣ сдѣлано не какъ слѣдуетъ». Паны выходили изъ себя, кричали на пословъ, грозили имъ; но твердость пословъ не поколебалась [1]) А Шеинъ на требованіе пановъ отвѣтилъ, чтобы выполненъ былъ договоръ Гетмана Жолкевскаго [2]).

Настало холодное время. Пословъ не звали на съѣздъ около мѣсяца Та и другая сторона придумывала въ это время новыя средства къ сдѣлкѣ. Голицинъ, уступая давленію сверху отъ Боярской Думы, придумалъ въ началѣ января 1611 года слѣдующее: уговорить смолянъ впустить къ себѣ въ городъ небольшой отрядъ польскаго войска, человѣкъ 50, съ тѣмъ, чтобы король не требовалъ отъ нихъ присяги на свое имя и не медленно снялъ бы осаду. Паны при этихъ условіяхъ требовали впустить 700 человѣкъ ратныхъ людей: „иначе вы,—говорили паны посламъ,—обезчестите короля. Онъ стоитъ подъ Смоленскомъ почти полтора года, а тутъ, какъ на смѣхъ, впустятъ 50 человѣкъ!“ [3]).

Сигизмундъ между тѣмъ писалъ въ Москву, что Владиславъ скоро будетъ, и отъ его имени посылалъ указы, въ которыхъ настаивалъ, чтобы Боярская Дума приказала посламъ и Шеину впустить ратныхъ людей въ Смоленскъ и «цѣловать крестъ королю съ королевичемъ».

23 января пріѣхалъ подъ Смоленскъ новый посолъ Иванъ Мих. Салтыковъ, съ наказами, чтобы *смоляне во всемъ отдались на волю королевскую*, и чтобы послы немедленно исполнили приказъ боярскій, иначе имъ будетъ худо. Когда Салтыковъ предъявилъ смолянамъ грамоту Думы, то они отвѣчали, что если впредь пришлютъ къ нимъ съ такими вор-

[1]) Гер. обор. 28 стр.
[2]) Никит. 160 стр.
[3]) Геройск. обор. 29 стр.

скими грамотами,—они велятъ застрѣлить посланнаго. „Есть при королѣ послы отъ всего Московскаго государства: чрезъ нихъ и должно говорить съ нами!"

30 января снова позваны были великіе послы на съѣздъ, гдѣ они встрѣтили Салтыкова, который предъявилъ имъ грамоту Верховной Думы. Послы сказали, что и эта грамота недѣйствительна, ибо на ней нѣтъ подписи патріарха. Поэтому имъ остается одно: продолжать договоръ о впускѣ въ Смоленскъ королевскихъ людей, при чемъ они надѣются, что смолянамъ позволятъ не присягать на имя короля, какъ это было не давно обѣщано. Паны стали отрекаться, что такого обѣщанія не было, что это—клевета. Тогда Филаретъ предложилъ имъ отпустить пословъ въ Москву и просить на мѣсто ихъ другихъ, если замѣчается въ послахъ не правда. На это предложеніе уже не паны, а Салтыковъ въ гнѣвѣ сталъ говорить: „Вы, послы, должны вѣрить панамъ, ихъ милости,—они не солгутъ!... Его Величеству стоять подъ такимъ *лукошкомъ* (Смоленскомъ) два года и, не взявши его, прочь отойти,—стыдно! Вы, послы, сами должны бы вступиться за *честь королевскую* и велѣть смолянамъ цѣловать крестъ королю" [1]).

Несговорчивость пословъ и смолянъ заставили Сигизмунда быть еще болѣе уступчивымъ: 7-го февраля позвали снова пословъ и объявили имъ, что король, милосердуя о смолянахъ, жалуетъ ихъ: позволяетъ присягнуть одному королевичу; но чтобы не оскорбить и королевской чести, надобно впустить въ Смоленскъ, покрайней мѣрѣ,—700 человѣкъ: если же послать туда, напримѣръ, 100 ратныхъ людей, то Шеинъ велитъ ихъ или въ тюрьмы посадить, или побить. Рѣшено: войти посламъ въ переговоры со смолянами о введеніи въ ихъ городъ королевскихъ людей безъ опредѣленія числа.

Послы едва могли уговорить ихъ на впущеніе 250 человѣкъ. Въ совѣтѣ королевскомъ было составлено условіе сдачи

---

[1]) Герейск. обор. 39 стр.

города, состоящее изъ 12 статей, и послано было смолянамъ 15 марта 1611 года. На нѣкоторыя изъ этихъ статей смоляне не могли согласиться. Такъ, напримѣръ, они, гарантируя свою безопасность, поставляли условіями: 1) чтобы въ числѣ впущенныхъ 250 человѣкъ были 30 изъ смоленскихъ дворянъ, находящихся за городомъ, и изъ другихъ чиновъ смоленскихъ людей; 2) чтобы королевскіе люди были введены не сразу всѣ, а на половину: одна часть передъ уходомъ короля, дня за 2; а другой половинѣ вступить въ городъ послѣ отхода короля съ войскомъ изъ-подъ Смоленска; 3) чтобы литовскіе люди пребывали въ Смоленскѣ только до прихода королевича на Московское государство, а не безусловно; 4) король объявлялъ, что „выморочныя и порожнія" помѣстья, которыя отъ него розданы королевскимъ дворянамъ и боярскимъ дѣтямъ, оставить за тѣми, кому они пожалованы; но смоляне не соглашались на это и требовали, чтобы всѣ розданныя владѣнія, также помѣстья вдовъ и малолѣтнихъ дѣтей дворцовыя села, архіепископскія вотчины, монастырскія и церковныя земли были возвращены къ прежнему владѣнію; а новымъ владѣльцамъ чтобы во всѣхъ тѣхъ помѣстьяхъ было отказано; 5) Сигизмундъ постановлялъ, что онъ считаетъ Смоленскъ за Московскимъ государствомъ только впредь до особаго соглашенія Короны польской съ послами Московскаго государства; смоляне соглашаются на это, но съ условіемъ, чтобы онъ еще до впуска королевскихъ людей въ Смоленскъ, вывелъ изъ Смоленскаго уѣзда всѣхъ своихъ литовскихъ и польскихъ людей и очистилъ отъ нихъ всѣ помѣстья; 6) король желалъ, чтобы ключи отъ городскихъ воротъ были двои: одни на ночь хранились у королевскаго приказнаго человѣка, а другіе чтобы относимы были воеводамъ; смоляне потребовали, чтобы ключи были только у однихъ воеводъ смоленскихъ; 7) всѣмъ стрѣльцамъ и дворянамъ, служившимъ королю, дозволяется въѣхать въ Смоленскъ къ своимъ семействамъ; смоляне соглашаются на это, но чтобы ими завѣдывалъ воевода Москов-

скаго государства, а не королевскій приказный человѣкъ, который можетъ имѣть власть только надъ литовско-польскими людьми; 8) Король требуетъ съ города вознагражденіе за долговременное стоянія и за военные убытки; смоляне извиняются въ этомъ своею бѣдностью и тѣмъ, что такое дѣло лежитъ на обязанности цѣлаго государства; 9) Шеинъ съ товарищами долженъ обязаться немедленно выдать королю всѣхъ измѣнившихъ ему и бѣжавшихъ въ Смоленскъ; эта статья осталась безъ отвѣта [1]) и т. д...

Вотъ что болѣе существенно и характерно въ договорѣ той и другой стороны. Осторожные смоляне уничтожали Сигизмунду возможность завладѣть городомъ для Литвы. Конечно, онъ не могъ съ этимъ согласиться.

Поэтому 26 марта Филаретъ Никитичъ и Голицынъ съ товарищами были позваны на переговоры. Паны исключили статью о вознагражденіи за военные убытки; а послы обѣщались уговорить гражданъ впустить весь польскій отрядъ (250 человѣкъ) въ городъ дня за три до Сигизмундова отступленія, если онъ опредѣленно назначитъ день и напишетъ его въ договорной грамотѣ. Но тутъ пришла вѣсть неожиданная изъ Москвы [2]).

Александръ Гонсевскій, оставленный въ Москвѣ начальникомъ польскаго войска, не умѣлъ, какъ его предшественникъ, гетманъ Жолкевскій, сдерживать столкновенія между москвичами и поляками; нерѣдко возникала тамъ драка и отдѣльныя стычки; вообще тѣ и другіе относились враждебно другъ къ другу. А города, переписывавшіеся между собою, составили наконецъ земское ополченіе, вооруженное огнестрѣльнымъ оружіемъ и длинными торчами копій. 8 марта 1611 года уже стоялъ подъ Москвою энергичный Прокопій П. Ляпуновъ, думный дворянинъ, съ ратными людьми рязанскими и сиверскими; съ нимъ соединились служившіе прежде у тушинскаго самозванца казацкіе отряды подъ предводительствомъ князя Трубецкаго,

[1]) Никит. 166—167 стр.

[2]) Геройс. об. 31 стр.

атамана Ив Заруцкаго и другихъ; сюда поспѣшили служилые люди и ополченцы изъ другихъ городовъ на спасеніе отечества. Это ополченіе и взяло себѣ силу въ государствѣ. Верховная боярская Дума распалась. Какъ начальство надъ этимъ войскомъ, такъ и управленіе государственными дѣлами, по общему приговору, вручено было тремъ вождямъ: князю Димитрію Трубецкому, Ивану Заруцкому и Прокопію Ляпунову. 19 марта москвитяне завязали битву и начали тѣснить поляковъ. Непріятели спаслись тѣмъ, что зажгли городъ въ разныхъ мѣстахъ, и пожаръ обратилъ въ пепелъ почти всю Москву; уцѣлѣли только Кремль и Китай-городъ, въ которыхъ крѣпко засѣлъ польскій гарнизонъ и мужественно выдерживалъ осаду. Патріархъ Гермогенъ, за разрѣшеніе клятвы Владиславу, посаженъ былъ ими въ монастырское Чудовское подземелье.

Эти то непріятныя для обѣихъ сторонъ извѣстія и привезены были въ Смоленскъ въ концѣ марта 1611 года.

8 апрѣля на съѣздѣ канцлеръ Сапѣга поставилъ вопросъ: «Какъ всему дѣлу помочь и кровь унять?» Послы отвѣчали: «Теперь мы и сами не знаемъ, что дѣлать. Посланы мы отъ всей Земли и отъ патріарха; но слышимъ отъ васъ, что этотъ начальный намъ человѣкъ теперь у васъ подъ стражею. Московскаго государства бояре и всякіе люди пришли подъ Москву и съ королевскими людьми бьются... *Кто мы теперь такіе, отъ кого посланы?—не знаемъ.* Кто насъ отпускалъ, тѣ, какъ вы говорите, умышляютъ противное нашему посольству. И съ Смоленскомъ теперь мы не знаемъ, что дѣлать. Если смоляне узнаютъ, что королевскіе люди, которыхъ москвичи впустили къ себѣ, выжгли Москву; то побоятся, чтобы и съ ними не случилось того же, когда они впустятъ къ себѣ королевскихъ людей» [1]).

Дѣйствительно, послы, по-мимо своей воли и неожиданно, потеряли свою силу, или полномочіе, какъ въ сознаніи ихъ самихъ,

---

[1]) Гер. об. 31 стр.

такъ и въ глазахъ Сигизмунда. Но они могли имѣть большое значеніе для короля въ качествѣ важныхъ военноплѣнныхъ, особенно митрополитъ Филаретъ Никитичъ и В. Голицынъ, ибо въ Москвѣ заговорили объ избраніи государя опять изъ русскихъ бояръ, а кандидатами при этомъ имѣлись въ виду молодой сынъ Филарета Никитича, т. е Михаилъ Өедоровичъ, и князь Вас. Вас. Голицынъ. Тотчасъ за извѣстіями о послѣднихъ московскихъ событіяхъ, пословъ окружили ротою жолнеровъ, т. е. взяли подъ караулъ [1]). А 12 апрѣля имъ дали знать, что на слѣдующій день ихъ повезутъ чрезъ Минскъ и Вильну въ Польшу. Послы возражали, что на это имъ не было приказа изъ Москвы и что имъ нечѣмъ подняться въ путь; но ихъ не слушали, а приказали быть готовыми плыть въ суднѣ по Днѣпру. Когда же посольскіе люди стали переносить туда вещи и запасы господъ своихъ, то польскіе пристава перебили слугъ, запасы велѣли выбросить изъ судна, а лучшіе взяли себѣ. Ограбленныхъ пословъ и дворянъ повезли всѣхъ вмѣстѣ въ одномъ суднѣ, гдѣ находились солдаты съ заряженными ружьями. Въ дорогѣ послы терпѣли во всемъ крайнюю нужду [2]). Въ Вильнѣ и Варшавѣ ихъ держали тоже подъ стражею. Жолкевскій, видя непорядокъ въ дѣйствіяхъ Сигизмунда, не захотѣлъ участвовать въ дальнѣйшей осадѣ Смоленска, и раньше пословъ уѣхалъ въ свое имѣніе. Когда ихъ везли мимо его владѣній, онъ оказалъ имъ вниманіе: велѣлъ спросить ихъ о здоровьѣ [3]).

Послѣ отъѣзда пословъ, Сигизмунду въ виду того, что дѣла царевича плохо пошли въ Москвѣ, оставалось, во что бы то ни стало, взять силою Смоленскъ, чтобы не наложить на себя позорнаго укора въ безтолково и безполезно утраченномъ времени, не достигши даже главной цѣли похода, не смотря на московскія неурядицы. Поэтому онъ рѣшилъ усилить при-

[1]) Берх. 63 стр.

[2]) Геройс. обзр. 32 стр.

[3]) „Смутн. вр.“—Д. Иловайск. 204 стр.

ступы къ Смоленску; а предавшихся ему смоленскихъ уѣздныхъ дворянъ, заподозрѣнныхъ въ неискренности къ нему велѣлъ всѣхъ порубить [1]).

Шелъ уже 20-й мѣсяцъ осады.

Вслѣдствіе мора, происшедшаго отъ тѣсноты и недостатка нѣкоторыхъ жизненныхъ продуктовъ, изъ осажденныхъ едва ли осталась половина въ живыхъ, которые, опасаясь жестокостей со стороны Литовцевъ, не хотѣли сдаться и ожидали избавленія изъ Москвы. Городъ при тогдашнихъ военныхъ средствахъ все-же трудно было взять непріятелю.

Но вотъ въ станъ Сигизмунда явился смоленскій бѣглецъ Андрей Дѣдешинъ. Онъ тайно ушелъ изъ Смоленска и указалъ непріятелямъ слабый пунктъ крѣпости, гдѣ стѣна была сложена на скоро осенью и недостаточно прочно. Нужно сказать, что крѣпость поведена была сначала въ направленіи стороны литовской (западная часть), потому что она и устраивалась въ защиту отъ литовцевъ; затѣмъ, особаго вниманія требовали мѣста трудныя для ея устройства: по уклонамъ съ горъ и по берегу Днѣпра (въ послѣднемъ пунктѣ, чтобы устойчиво сдержать эту твердыню, закладывали бутъ мѣстами слишкомъ глубоко, болѣе 2 саженей); южная же сторона и прилегающая къ ней часть восточной, какъ находящіяся на ровномъ пространствѣ, представляли менѣе трудностей для устройства и менѣе заботы о защитѣ, такъ какъ направлялись не въ сторону непріятелей; кромѣ того здѣсь былъ высокій валъ, замѣнявшій на прежнихъ обычаяхъ крѣпость. Потому окончаніе стѣны отложено было на эту сторону города: Дѣдешинъ въ таборахъ у короля сказалъ Сигизмунду, что градъ дѣланъ въ осень и худъ *„съ другую сторону отъ табора“*, или королевскаго стана [2]), т. е. на восточной сторонѣ, гдѣ за стѣной внутри крѣпости тянулся валъ до Авраміевскаго монастыря, за которымъ его уже не было. Юго-восточный полукругъ крѣ-

---

[1]) Мурзак 166 стр.

[2]) Лѣтопись о мятеж. 218 стр.

ности до указаннаго монастыря и сдѣлался теперь главнымъ пунктомъ нападенія непріятелей Къ тому времени доставлены были Сигизмунду изъ Риги пушки большого калибра и мортиры. Непрестанною пальбою обрушили тутъ часть стѣны. И вотъ какъ описывается рѣшительный приступъ осаждающихъ къ Смоленску въ „Историческихъ извѣстіяхъ о геройскомъ сопротивленіи смолянъ полякамъ“, составленныхъ Іос. Дубицкимъ и Н. Толпыгою, на основаніи разныхъ источниковъ, преимущественно польскихъ (Кобежицкаго, Стебельскаго, Нѣмцевича, Кулеши, Пагнина, Машкевича, Нарушевича и друг.).

3 іюня 1611 года Яковъ Потоцкій (главный начальникъ надъ осаднымъ войскомъ), и кастелянъ Каменецкій съ нѣсколькими тысячами отборныхъ казаковъ атаковали восточную часть города. Стефанъ Потоцкій и Нейкирхъ съ пѣхотнымъ полкомъ Вайера (или Вейгера) подступилъ къ восточной и южной сторонамъ. А маршалъ литовскій Монвидъ Дорогостайскій, также Варооломей Новодворскій, мальтійскій кавалеръ, подошли къ сѣверной сторонѣ (изъ Пятницкаго острога). Въ полночь 3 іюня Потоцкій во главѣ соединившейся конницы дворянской и казаковъ—первый ворвался чрезъ проломъ и стѣну въ крѣпость, взобрался по лѣстницамъ и на валъ (за стѣною); въ то же время полкъ Вейгера овладѣлъ стѣною съ другой стороны. Стоявшіе справа отъ Потоцкаго, русскіе дрались съ величайшимъ ожесточеніемъ и самоотверженіемъ. Успѣхъ дѣла былъ сомнителенъ. Но скоро Нейкирхъ также взобрался по лѣстницамъ на стѣну, гдѣ начался кровопролитнѣйшій бой. Штурмующіе утвердились на части стѣны, а русскіе продолжали защищаться въ башняхъ и внутреннихъ укрѣпленіяхъ. Въ одно время поляки поколебались было; но тутъ помогъ Дорогостайскій. Онъ нашелъ прежнюю мину близъ Днѣпровскихъ воротъ и, взорвавъ стѣну, рѣшилъ битву въ пользу нападающихъ. Чрезъ открывшуюся брешь онъ проникъ въ городъ съ королевскими тѣлохранителями, за нимъ послѣдовалъ Новодворскій со своими ратными людьми. Явилась возможность (при отвле-

ченіи силъ защищающихся въ другую сторону) и Потоцкому пробивать себѣ путь по улицамъ города [1]). Главная битва, или скорѣе—рѣзня, происходила на тогдашней главной въѣздной улицѣ Родницкой, шедшей по оврагу почти прямо отъ Днѣпровскихъ воротъ къ Молоховскимъ; здѣсь погибло нѣсколько тысячъ дворянъ смоленскихъ. Оттого эта улица послѣ и переименована въ Рѣзницкую. Жители долго еще бились на стѣнахъ крѣпости, въ улицахъ и домахъ; но поляки вездѣ одолѣвали. Начался пожаръ. Иные изъ жителей искали себѣ спасенія въ храмахъ и совершали моленія. Звуки колоколовъ, пѣніе въ церквахъ, крики и вопли женъ и дѣтей, стоны сражавшихся, трескъ отъ пальбы и горящихъ зданій—все сливалось. Непріятели стремились къ главному храму Богоматери, гдѣ заперлись болѣе трехъ тысячъ [2]) гражданъ и купцовъ съ ихъ семействами и богатствомъ, надѣясь послѣ битвы испросить себѣ пощаду; но подъ храмомъ, въ нижнемъ этажѣ зданія, или въ „погребѣ", хранились военные припасы, а главное—порохъ, котораго въ началѣ осады было 8,500 пудовъ [3]). Нельзя точно опредѣлить, кто именно: непріятели по указанію Дѣдешина [4]) или сами смоляне [5]) зажгли оставшіеся еще запасы пороха подъ соборомъ 1,500 боченковъ [6]),—извѣстно только, что всѣ находившіеся тамъ, купцы и знатныя семейства, взлетѣли на воздухъ [7]). Тогда же погибли мощи святого Меркурія Смоленскаго, находившіяся при главномъ входѣ въ Соборъ съ сѣверной стороны [8]) Взрывъ былъ такъ силенъ, что находив-

---

[1]) Памят. кн. См. губ на 1864—65 гг. II час. 33 стр.

[2]) Памятн. кн. Смол. губ. за 1863 годъ «Списокъ еписк.».

[3]) Показаніе Шеина Сигизмунду, 24 отвѣтъ.

[4]) Рукопись, составл. къ пріѣзду имп. Екатерины въ Смол.

[5]) Никиг. 167 стр.

[6]) Стебельскій.

[7]) Въ «лѣтописи о мятежахъ» сказано такъ: «единъ же смолянинъ кинулся въ погребъ; погребу же бывшу подъ тѣмъ Соборнымъ храмомъ съ пороховою казною: и то зелье зажгоша, и храмъ соборный пречистыя Богородицы разорвался, и людей всѣхъ побиша, кои въ той церкви быша 219 стр.

[8]) Житіе Меркурія по рукоп. Смол. семин. библіотеки.

шіеся около собора, на горѣ люди иные покрыты были землею, щебнемъ и камнями цѣликомъ. Такъ чрезъ 16 дней, по взятіи города, поляки, искавшіе уцѣлѣвшихъ вещей на мѣстѣ погрома, на Соборной горѣ, услышали человѣческій голосъ, выходящій изъ-подъ камней; разрыли это мѣсто и нашли мужчину и женщину еще живыхъ; женщина отъ прикосновенія воздуха тотчасъ умерла, а мужчина отведенъ былъ въ станъ короля, гдѣ тоже умеръ вскорѣ, принявъ пищу [1]. Однажды при раскопкѣ земли подъ фундаментъ дома на окраинѣ горы найденъ былъ въ одѣяніи и вооруженіи остовъ всадника, сидящаго на конѣ. очевидно, засыпаннаго внезапно въ томъ положеніи, въ какомъ онъ былъ въ моментъ взрыва.

Мѣсто взорваннаго собора полагали тамъ же, гдѣ стоитъ теперешній холодный соборный храмъ; но оказалось, что онъ находился нѣсколько дальше, въ югозападномъ направленіи: авторъ случайно, при разрываніи въ 1892 году земли для водопровода, подмѣтилъ *остатки южной стѣны храма*, толщиною въ сажень, тамъ, гдѣ находится палисадникъ предъ архіерейскими покоями; стѣна, состоящая изъ старинныхъ кирпичныхъ плитокъ, шла прямо на востокъ и оканчивалась противъ прохода изъ владѣній архіерейскаго дома на соборную площадку [2]. Сообщили еще автору о видѣнныхъ остаткахъ старинной кладки зданія, когда устраивали соборную лѣстницу съ часовнею. Если тутъ шла *сѣверная стѣна*, то храмъ былъ слишкомъ обширенъ: онъ вмѣщалъ въ себѣ весь теперешній теплый Богоявленскій соборъ съ излишкомъ. А если вѣрить рисунку, изображающему соборъ Мономаха, хранящемуся въ Смоленскомъ музеѣ, то означенный соборъ былъ и слишкомъ высокъ: въ пять рядовъ свѣта съ высокимъ фронтономъ; а въ длину 5 нефовъ, снаружи обозначенныхъ пилястрами. Въ надписи къ рисунку онъ названъ „огромнѣйшимъ и великолѣпнымъ“. Пятое, или запад-

---

[1]) Карамз. XII, 771.

[2]) «Смол. Вѣстникъ» 1892 г. № 124.

ное отдѣленіе — сквозное; въ немъ видны лѣстницы и звонница съ нѣсколькими колоколами. Съ западной части входъ не главный, а въ низъ, въ пороховую казну. Верхній этажъ — не во всю ширину зданія, но въ половину крыши: сдѣланъ послѣ деревянный; на немъ повторенъ нижній фронтонъ, на которомъ изображенъ святой Меркурій съ копьемъ и краснымъ щитомъ въ рукахъ [1]). Соборъ имѣлъ 7 куполовъ съ главами, средній куполъ значительно больше другихъ. Около собора шла ограда съ 4 башнями по угламъ.

Отъ страшнаго взрыва Успенскаго собора пожаръ еще болѣе усилился; жгли, конечно, и непріятели защищающихся въ домахъ жителей, которые не видя нигдѣ спасенія, такъ какъ уже все было потеряно, нерѣдко бросались сами въ огонь, чтобы избѣжать жестокости враговъ, и погибали въ пламени. Городъ представилъ собою почти сплошное пепелище съ трупами. Кое-гдѣ только, преимущественно въ удаленіи отъ центра, уцѣлѣли зданія; между прочимъ уцѣлѣлъ дворецъ, нѣкоторые храмы и Авраміевскій монастырь, изъ котораго мощи преподобнаго Аврамія, „какъ схизматика", католиками съ пренебреженіемъ были вынесены и скрыты въ неизвѣстномъ мѣстѣ [2]).

Михаилъ Борисовичъ Шеинъ былъ послѣдней развязкой этой кровавой борьбы. Въ виду пылавшаго города, Шеинъ ушелъ съ семействомъ въ малую круглую Коломинскую башню, находившуюся недалеко отъ Богословской (теперь противъ Тупого переулка на Казанской улицѣ), и мужественно противился полякамъ, желая умереть въ битвѣ. Только слезы жены, дочери и малолѣтняго сына перемѣнили его намѣреніе; онъ сложилъ мечъ и сдался Потоцкому Якову вмѣстѣ съ семействомъ и окружавшими его дворянами, изъ которыхъ поляки „многихъ побиша" [3]). Отсюда Шеина взяли и повели въ станъ

---

[1]) «Червленые», т. е. красные щиты были у русскихъ дружинниковъ 12 и 13 вв., какъ видно изъ Слова о полку Игоревѣ.

[2]) Мурзакев. 168 стр.

[3]) Лѣт. о мят. 219 стр.

короля, гдѣ заковали въ цѣпи Башня Коломинская, съ тѣхъ поръ названа была Шеиновскою.

Сигизмундъ, торжествуя побѣду, три дня угощалъ въ лагерѣ подъ Смоленскомъ своихъ сподвижниковъ; и, будучи въ восторгѣ отъ успѣховъ Потоцкаго, далъ ему грамоту на староство Брацлавское, оставшееся послѣ смерти брата его Яна незамѣщеннымъ; наконецъ, велѣлъ увѣковѣчить это событіе медалью, на которой было бы изображено завоеваніе Смоленска [1]).

Затѣмъ, начались строгіе и пытливые допросы короля Шеину, состоявшіе изъ 27 пунктовъ, напр.: „въ какой надеждѣ, послѣ сдачи столицы, не хотѣлъ сдать Смоленска на имя королевское? Что замышлялъ дѣлать послѣ, если бы отсидѣлся въ Смоленскѣ? Кто совѣтовалъ и помогалъ тебѣ такъ долго держаться? Отъ кого получалъ вѣсти изъ Польши и Литвы? Сколько было доходовъ отъ волостей смоленскихъ до осады и куда они дѣлись? Не закопаны ли гдѣ-нибудь въ Смоленскѣ деньги? и т. д..... На каждый изъ вопросовъ Шеинъ давалъ обстоятельный отвѣтъ.

Всѣ эти сцены, также означенные выше съѣзды, или собранія вельможъ, бояръ и митрополита, торжественный пріемъ разныхъ комиссаровъ и гонцовъ, рѣшеніе упомянутыхъ важнѣйшихъ дѣлъ для Московскаго государства, тотъ или другой исходъ которыхъ намѣчалъ дальнѣйшій строй жизни обоихъ враждовавшихъ государствъ,—вообще *вся эта эпопея совершалась* въ Смоленскомъ *Свирскомъ предмѣстьѣ*, въ виду уцѣлѣвшей отъ древнихъ поръ и до нашего времени святыни его Михаило-архангельскаго княжескаго храма. Вотъ свидѣтелемъ какихъ событій было, и какое имѣетъ значеніе для Руси Свирское предмѣстье. Въ немъ, благодаря умной, строго-раз-

---

[1]) Это потомъ и исполнено. Копія съ экземпляра этой медали есть въ Смоленскомъ музеѣ: на лицевой сторонѣ ея изображенъ портретъ Сигизмунда, на обратной взрывъ Успенскаго соборнаго храма.

судительной и твердой политикѣ пословъ, *предрѣшился вопросъ: быть или не быть Московскому государству за Литвою.*

Послѣ допросовъ, отправили Шеина въ Варшаву вмѣстѣ съ другимъ смоленскимъ воеводою, княземъ Горчаковымъ и архіепископомъ Сергіемъ, раненымъ въ лицо во время приступа къ городу враговъ [1]). Съ ними взято въ плѣнъ 2700 человѣкъ, уцѣлѣвшихъ храбрыхъ защитниковъ Смоленска [2]), въ числѣ которыхъ было болѣе 300 боярскихъ дѣтей [3]). А съ печальною вѣстію о взятіи Смоленска „прибѣжа въ московскіе полки, подъ Москву, Юрій Потемкинъ“ [4]).

---

[1]) Истор. ст. опис. Смол. епарх. 90 стр.
[2]) Геройск. обоз. 2 стр.
[3]) Никит. 168 стр.
[4]) Лѣт. о мят. 219 стр.

Глава V.

Состояніе княжеской мѣстности и храма въ польскую эпоху отъ 1611—1654 г.г.

Послѣ взятія города, Сигизмундъ жилъ въ Свирскомъ станѣ болѣе мѣсяца, дѣлая распоряженія въ своемъ новомъ пріобрѣтеніи. Ему было о чемъ позаботиться, такъ какъ, кромѣ города, пріобрѣталась цѣлая область: надо было вездѣ положить порядокъ всему, соотвѣтственно своей политикѣ. Преимущественное вниманіе останавливалъ на себѣ городъ: Сигизмундъ распорядился, конечно, задѣлать стѣну въ разломанныхъ мѣстахъ; устроилъ также, какъ выше сказано, Королевскую крѣпость. Но главное—городъ былъ пустъ: надо было заселить его по прежнему, чтобы онъ съ достоинствомъ носилъ свое имя города; надо было позаботиться и удержать этотъ спорный пунктъ за собою. А гдѣ взять жителей?

Во время стоянки войска королевскаго подъ городомъ, явились въ станъ, или таборъ короля, разные поставщики припасовъ для войска: мясники, рыбаки, торговцы овсомъ, сѣномъ и другіе сидѣльцы, промышлявшіе разнымъ товаромъ; необходимы были также для войска ремесленники. Хотя Сигизмундъ, собираясь на Сеймъ, имѣющій быть въ ноябрѣ того же 1611 года, и распустилъ часть своей рати, утомленной осадою; однако, въ виду неопредѣленнаго положенія съ Москвой, долженъ былъ оставить сильный «отрядъ въ Смоленскѣ осадныхъ людей» [1]), подъ начальствомъ Александра Корвинъ-Гонсѣвскаго. За недостаткомъ жилья, войско въ крѣпости приспособило себѣ для теп-

---

[1]) Лѣтоп. о мятеж. 219 стр., 2 изд.

лаго помѣщенія башни, доказательствомъ чему служатъ находимыя въ башняхъ печныя польскія кафли. Означенные купцы, сидѣльцы и ремесленники нужны были и для этого оставшагося войска: они то, какъ видно изъ грамоты Сигизмунда 1611 года отъ 4 ноября, *„и вознамѣрились имѣть свое жительство въ городѣ и внѣ его, на обѣихъ сторонахъ рѣки“* [1]). По водвореніи спокойствія, стало возвращаться на свои мѣста въ предмѣстья и уцѣлѣвшее ничтожное количество прежнихъ жителей. Иные изъ нихъ были, вѣроятно, изъ отсидѣвшихся съ Шеинымъ въ крѣпости и какъ-нибудь сохранившихся; другихъ застало нашествіе врага внѣ дома; иные, можетъ быть, не пожелали запереться въ городѣ и укрывались гдѣ-либо, напримѣръ: въ лѣсахъ, какъ говоритъ нижеслѣдующее преданіе, имѣющее аналогію съ 1812 годомъ. Авторъ записалъ со словъ 96 лѣтняго старца, Як. Ив. Сиитко, упоминаемаго раньше, такой разсказъ, слышанный имъ отъ матери: жители Свирской улицы, мѣщане, укрывавшіеся въ количествѣ пятнадцати человѣкъ во время осады въ лѣсу, по взятіи города возвратились на свои мѣста [2]). Когда Сигизмундъ III выѣзжалъ изъ стана въ Польшу чрезъ рѣчку Кловку, то лошади его съ экипажемъ стали вязнуть въ этой рѣчкѣ. Жители, увидавши это, поспѣшили на помощь и вытащили экипажъ. Сигизмундъ спросилъ ихъ: «Кто вы таковы?» —Мы здѣшніе граждане.—«Чего вы желаете отъ меня за вашу услугу?—Земли. —«Я дамъ вамъ землю за Кловкой. Сколько вамъ нужно?» Они указали на какую то березу, стоящую вдали, обозначая этимъ пространство земли, какое имъ желалось получить для хозяйства.—«Пусть будетъ это ваше! Я дамъ вамъ на это бумагу». И дѣйствительно, прислалъ имъ хартію, или свитокъ, на владѣніе землею пахотною въ нѣсколько *уволокъ* и сѣнокосною

[1]) Прилож. грам. у Мурзакевича № 2.

[2]) Д. И. Иловайскій подтверждаетъ, что передъ нашествіемъ поляковъ большинство окрестныхъ жителей бѣжало со скотомъ въ лѣса, гдѣ однако непріятельскіе фуражиры отыскивали ихъ и отнимали у нихъ скотъ. «Смут. врем.» 147 стр.

въ нѣсколько *морговъ* [1]). Старикъ говорилъ еще, что эта бумага хранится во 2 департаментѣ; но и, помимо того, фактическимъ подтвержденіемъ существованія этой грамоты служатъ и теперь большія чрезполосныя владѣнія нѣкоторыхъ Свирскихъ мѣщанъ, идущія традиціонно отъ предковъ.

Думаемъ, что означенныя указанія исчерпываютъ весь составъ населенія Смоленска на первыхъ порахъ, послѣ погрома. Насколько ничтожно было населеніе предмѣстій и въ дальнѣйшее продолженіе польской эпохи видно изъ того, что даже чрезъ 45 лѣтъ, въ 1656 году, всѣхъ мѣщанъ съ ремесленниками и ямщиками, включая въ это число вдовъ и недорослей, въ посадѣ, что противъ крѣпости, на другой сторонѣ Днѣпра насчитывалось только 200 человѣкъ [2]). Но вѣдь это былъ главный посадъ въ то время; онъ, можетъ быть, и не былъ выжженъ передъ приходомъ короля, потому что былъ за рѣкою и, благодаря стѣнамъ, былъ безопасенъ для крѣпости города; по крайней мѣрѣ объ немъ не говорится въ грамотахъ (какъ о другихъ посадахъ), что послѣ погрома тутъ жители стали селиться вновь. О другихъ посадахъ сказано, что «послѣ войны, на рѣчкахъ Рачевкѣ и Чуриловкѣ, и то подъ самою городовою стѣною, стали торговые люди *на старыхъ мѣщанскихъ земляхъ селиться вновь*» [3]) Что и здѣсь населеніе было малочисленно, доказательствомъ служитъ то, что эти вновь заселенныя предмѣстья подъ самою стѣною въ послѣдстви (къ 1656 году) получили названіе просто *слободокъ* [4]).

Днѣпръ у Смоленска въ то время былъ болѣе или менѣе судоходенъ; по нему плавали «великія суда кіевскія», такъ называемыя «меньшія судна», «чалнъ великій», «челникъ» и лодки; пріѣзжали московскіе и вяземскіе купцы сухимъ путемъ и водою, не говоря уже о своихъ литовскихъ торгов-

---

[1]) *Уволокъ*, воловъ (Wlok) земли заключалъ въ себѣ 19 десятинъ; а *моргъ* (Morg) 1452 сажени, (Межевая инструкція 1754 года, глава 33), съ морга получалось прежде 5 возовъ сѣна.

[2]) Грам. № XI у Мурзакевича.

[3]) Грамот. № XII въ прилож. къ истор. Мурзакевича.

[4]) Та же грамота.

цахъ [1]). Слѣдовательно, Смоленскъ могъ бы еще оживиться торговлею. Причинъ, вслѣдствіе которыхъ не развилась въ Смоленскѣ въ то время торговая часть города, можно указать много. Главная изъ нихъ та, что Сигизмундъ все вниманіе свое обратилъ на крѣпость города, желая ее заселить, застроить, поднять матеріальное благосостояніе и «сдѣлать украшеніемъ города», какъ говорится въ грамотахъ.

Еще на сеймѣ, созванномъ въ 1611 году по поводу избранія на московскій престолъ Владислава и по поводу взятія Смоленска, онъ пишетъ въ Смоленскъ грамоту, по которой жалуетъ этому «*благополучно* отъ рукъ непріятеля *освобожденному*» городу привилегіи и вольности, именно: 1) далъ гражданамъ Тевтонское магдебургское право [2]), по которому они «освобождались отъ всѣхъ вообще властей и отъ всякаго начальства всѣхъ чиновниковъ, какимъ бы именемъ они ни именовались; а подчинилъ ихъ одному только начальству Смоленскаго войска, во главѣ котораго былъ поставленъ *войтъ*, благородный Афонасій Геронимъ Цехановичъ, наукъ и философіи магистръ». Войтъ былъ собственно высшій блюститель порядка; но «для разбирательства судебныхъ дѣлъ и тяжбъ» учрежденъ былъ *магистратъ* изъ выборныхъ гражданъ, получившихъ названіе бургомистровъ, ратмановъ и лавниковъ. Обыватели должны были ежегодно, какъ и въ г. Вильнѣ, выбирать въ эти должности между собою въ началѣ новаго года по согласію всего общества людей честныхъ, и, по учиненіи имъ присяги, поручать имъ право производить судъ. Магистратъ завѣдывалъ всѣми мѣщанами съ ихъ домами, пахотными землями, совсѣмъ владѣніемъ, товарами и ремесленничествомъ; «если бы и дворяне какіе-нибудь имѣли въ городѣ дома или другія какія владѣнія, то долженствуютъ тоже состоять подъ

---

[1]) Грам. № XI у Мурзак.

[2]) Точнѣе: возстановилъ это право, такъ оно при Витовтѣ существовало уже въ Смоленскѣ, только мы не имѣемъ данныхъ о подробностяхъ его примѣненія тогда здѣсь.

*

властію Смоленскаго городоваго магистрата и нести городскія тяжести»; даже иногородные купцы, сидѣльцы, перекупщики обязаны объявлять магистрату о своемъ пріѣздѣ и «зависѣть отъ него въ разсужденіи своихъ товаровъ». Магистратъ производить долженъ «неукоснительное правосудіе какъ своимъ обывателямъ, такъ и иногороднимъ, по предписанію *только магдебургскаго*, а не другого *права*» [1]). Этимъ отстранялись, конечно, старыя власти и традиціи судовъ московскихъ, а для иногороднихъ и иностранцевъ отстранялся и «Общій судъ»— совмѣстный изъ выборныхъ отъ «гостей» и выборныхъ мужей отъ горожанъ. Такія новости не могли нравиться пріѣзжимъ.

2) Установивши 2 ярмарки въ продолженіе каждаго года и два еженедѣльныхъ базара, Сигизмундъ пожаловалъ Смоленску вѣсы, локоть (аршинъ), бочку, медовую мѣру («медвицу»), и мясные ряды, т. е. подать и плата за вѣсы и измѣреніе должны были идти въ пользу города; пожаловалъ также торговыя пошлины съ сельдей и всякой рыбы, скота, лошадей, повозокъ съ судовъ, съ продажныхъ вещей [1]). Такимъ образомъ все, кромѣ испеченнаго хлѣба, обложено было пошлинами, шедшими въ общую казну разореннаго и обѣднѣвшаго города. Пошлины опредѣленно обозначались грамотами. Это уменьшало иногороднымъ выгоды пріѣзда въ Смоленскъ для торговли

3) Еще болѣе ограничивало выгоды и разсчеты пріѣзжающихъ то обстоятельство, что «купцамъ другихъ городовъ (польско-литовскихъ) и прочихъ чьихъ либо и всѣмъ пріѣзжающимъ въ Смоленскъ подданнымъ польской короны и иностранцамъ не было вольно никакихъ товаровъ *продавать и покупать*, а только *самимъ смоленскимъ мѣщанамъ и у однихъ только смоленскихъ мѣщанъ*, кромѣ съѣстныхъ припасовъ, да во время 2-хъ главныхъ четыренедѣльныхъ ярмарокъ предоставляется свободная продажа, покупка и мѣна со всякими людьми, пока таковыя ярмарки продолжаться будутъ» [2]).

---

[1]) Грам. № 2 у Мурзак.

[2]) Грам. № 3 у Мурзак.

Такимъ образомъ смоленскіе мѣщане были посредниками въ обмѣнѣ товаровъ; а всѣ остальные торговые люди отданы были въ полный ихъ произволъ.

4) Но главное, Сигизмундъ приказываетъ въ 1611 году: «тѣ, которые пожелали бы заниматься въ городѣ Смоленскѣ отличнѣйшею торговлею, должны *внутри* города (т. е. крѣпости) производить и распродавать товары, съ коихъ положена пошлина [1]); а въ 1613 году подтверждаетъ: «товары *только въ крѣпости*, а не на предмѣстьѣ и форштатѣ имѣютъ быть слагаемы» [2]). Можно ли при такихъ условіяхъ развиваться торговлѣ въ предмѣстьяхъ смоленскихъ?

5) Мало того, въ 1625 году Сигизмундъ пишетъ: «предоставляемъ на вѣчныя времена для нашего города Смоленска, чтобы московскіе товары, Вяземскимъ трактомъ въ государство наше привозимые, не индѣ гдѣ, какъ только въ самомъ Смоленскѣ складываемы и продаваемы быть имѣютъ. При томъ, дабы купцы нашего королевства, кои Смоленскимъ трактомъ въ прочіе наши пограничные города или куда либо въ тамошнія стороны будутъ ѣздить, *не миновали Смоленска* и товары *по деревнямъ* въ убытокъ казнѣ и потерю для города тайно *не покупали*» [3]). Этимъ стѣснялась торговля уже по всей области.

Указанныя распоряженія клонились къ тому, чтобы направить всѣ источники доходовъ, весь трудъ страны въ *крѣпость*, дабы оживить ее, а проще говоря: загладить слѣды своего произведеннаго, можетъ быть, и не намѣренно полнѣйшаго азіатскаго варварства.

Но жизнь скорѣе готова была развиться въ предмѣстьяхъ, чѣмъ въ крѣпости, которая къ тому же еще на ночь запиралась. Напримѣръ, въ форштатѣ около 1625 года и раньше, по прежнимъ обычаямъ, по старымъ путямъ завелась было торговля;

---

[1]) Грам. № 2 Мурз.

[2]) Грам. № 3

[3]) Грам. № 6.

явились ремесленники, завелись всякіе питейные дома, въ стѣнахъ монастырей стали складывать товары. Но Сигизмундъ прекратилъ это предписаніемъ: «чтобы нигдѣ на форштатѣ не были торги, складываемы товары; также мастерства и всякіе питейные домы ни подъ какимъ видомъ не существовали бы! А дозволяемъ прозводить оныя въ крѣпости, подъ смотрѣніемъ замковаго начальства [1]). Такимъ образомъ торговцамъ и ремесленникамъ форштата по неволѣ приходилось или переселяться въ крѣпость, или переходить въ положеніе крестьянъ, «черныхъ людей», не имѣющихъ права промысла и торговли въ Смоленскѣ и другихъ правъ мѣщанскихъ. Впрочемъ эти свирскіе торговцы и образовались, вѣроятно, главнымъ образомъ изъ монастырскихъ крестьянъ исключая развѣ тѣхъ, которымъ, какъ указано раньше, Сигизмундъ далъ уволоки и морги земли. Могли еще здѣсь въ форштатѣ поселиться и завести торговлю дворяне и шляхта; но Сигизмундъ указаннымъ постановленіемъ и ихъ *лишилъ* возможности вести здѣсь торговлю, промыслы и вообще *правъ мѣщанства*. Вотъ почему по взятіи города царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, когда бургомистры стали перечислять бывшихъ при королѣ смоленскихъ мѣщанъ, не ввели въ свой счетъ населеніе форштата [2]), хотя оно существовало.

Мало того Сигизмундъ въ форштатѣ «уничтожилъ даже старую дорогу отъ верхняго теченія Есяной рѣчки къ Днѣпру около Спасскаго монастыря, упоминаемую раньше, также дорогу въ форштатъ по берегу Днѣпра, проложивъ новую: отъ средняго теченія Есяной рѣчки къ воротамъ Молоховскимъ и Копытенскимъ, «чтобы обманно не обходили крѣпость; а

---

[1]) Грам. 6 у Мурзак. Нѣкоторою льготою, относительно примѣненія этихъ распоряженій пользовались только жители Заднѣпровскаго посада, вѣроятно, потому, что этотъ посадъ входилъ въ составъ крѣпости и былъ подъ ближайшимъ наблюденіемъ замковаго начальства; кромѣ того, льгота давалась этимъ жителямъ за «службу ихъ городу», что будетъ указано ниже.

[2]) Грам 12 у Мурзак.

кто минуетъ ее, тотъ противенъ будетъ волѣ короля» и у того дозволяется отобрать товары [1]).

Въ заключеніе нанесена была окончательная гибель форштату слѣдующимъ распоряженіемъ 1625 года: «повелѣваю,— пишетъ король,—какъ и прежде предъ симъ мы повелѣли, уничтожить на посадахъ крѣпости (т. е. ограды при монастыряхъ и церквахъ), а распространять оныя въ городѣ» [2]). Помѣшали ему эти ограды не тѣмъ, что онѣ, могли послужить для враговъ военными крѣпостями, а, болѣе всего, тѣмъ, что въ нихъ, какъ въ пріютномъ мѣстѣ, складывались товары. Сила этого распоряженія пала главнымъ образомъ на форштатъ, такъ какъ здѣсь болѣе другихъ посадовъ было монастырскихъ или церковныхъ крѣпостей, въ которыхъ, по старымъ обычаямъ, торговцы начали было складывать товары. Ко времени 1634 года уже не было въ форштатѣ ни при одномъ изъ монастырей оградъ, что очевидно изъ Картины осады Смоленска Шеинымъ. Но при Петропавловской церкви и Духовскомъ монастырѣ, стоявшихъ внѣ форштата, онѣ остались, впрочемъ первая церковь отдана была архіепископу, который и жилъ тутъ, конечно, не занимаясь торговлею и складомъ товаровъ, что главнымъ образомъ заставляло Сигизмунда разрушать эти каменныя огражденія.

Изъ этого видно, что король намѣренно дѣйствовалъ въ ущербъ предмѣстью, чтобы заселить и обогатить крѣпость, «сдѣлать ее украшеніемъ города», какъ онъ выражался.

Изъ другихъ его распоряженій, клонящихся къ той же цѣли, заслуживаютъ вниманія слѣдующія: 1) раздаетъ даромъ на вѣчныя времена пляцы (мѣста) въ крѣпости всякому, кто бы пожелалъ тамъ выстроить домъ каменный или деревянный, лишь бы онъ былъ красивъ; 2) чтобы была бо́льшая возможность строиться и чтобы городъ имѣлъ дрова, Сигизмундъ жалуетъ въ 1623 году всему городу Смоленску, въ крѣпости

[1]) 6 грамота у Мурзак.

[2]) Таже грамота у Мурзак.

только находящемуся, на вѣчныя времена лѣсу 100 уволокъ; къ этому въ общую пользу и для украшенія города въ 1625 году прибавлено еще 70 уволокъ; а «за пожалованный имъ лѣсъ ничего не платить, и никакихъ налоговъ намъ и наслѣдникамъ нашимъ на нихъ не налагать». 3) всѣхъ, кои въ крѣпости жительствовать будутъ, король освобождаетъ отъ подводъ подъ извозъ чиновниковъ и королевскихъ посланцовъ. 4) Дозволяется гражданамъ производить рыбною ловлю на 7 миль по Днѣпру вверхъ города и внизъ. 5) Чтобы развить коммерческое дѣло среди смоленскихъ мѣщанахъ, дозволилъ имъ (для сношенія съ г. Ригой) на рѣкѣ Каспле, на пристани (въ селѣ Каспле) устроить амбары для поклажи привозимыхъ водою товаровъ и складыванія отправляемыхъ въ Ригу. Съ этою цѣлію отведены были мѣщанамъ пляцы. Всѣхъ мѣстъ или пляцовъ, роздано сто шестьдесятъ, всѣ по привилегіямъ Сигизмунда въ разное время [1]). 6) Для развитія и покровительства ремесленничеству въ замкѣ, король образовалъ особыя общества, „цѣхи". 7) Даетъ своимъ должностнымъ лицамъ, живущимъ, конечно, въ крѣпости, и бургомистрамъ особыя владѣнія, уволоки, безвозмездно по смерть. 8) Отводитъ городу пространные выгоны для пастьбы скота. 9) Наконецъ, жалуетъ мѣщанамъ, „урядамъ русскимъ", на вѣчныя времена въ Бережнянской волости 30 уволокъ земли съ крестьянами и всѣми принадлежностями; однако—съ тѣмъ, чтобы со всякой уволоки платилось въ казну по 48 грошей литовскихъ. По раздѣлѣ этихъ уволокъ и съ крестьянами, владѣлецъ, исправно вносящій подать, воленъ былъ заложить и продать свой участокъ, впрочемъ только смоленскому же мѣщанину. Такимъ образомъ Сигизмундъ образовалъ особое оригинальное сословіе: *мѣщанъ-господъ*, существовавшихъ преемственно до самаго освобожденія крестьянъ.

Для украшенія крѣпости Сигизмундъ проектируетъ въ 1611 году выстроить каменную ратушу съ башнею, а на ней

---

[1]) Мурзакев. грам. 10.

часы; чтобы всегда при ратушѣ (городскомъ общественномъ домѣ) былъ часовой мастеръ и трубачъ; въ 1625 году обязалъ еще городское управленіе содержать у себя ткача, котляра и слесаря. Приказываетъ, чтобы устроены были каменная баня, мельница, бумажный заводъ, суконная фабрика на Днѣпрѣ, у городской стѣны; но устроены такъ, чтобы это не препятствовало судоходству. Затѣмъ повелѣваетъ выстроить каменныя лавки въ городѣ, мясные ряды въ приличномъ мѣстѣ, домъ для складки и чищенія воску, „домъ для привозимыхъ товаровъ“, а другой *„гостинный домъ“* для выгоды пріѣзжихъ и для складыванія товаровъ“. Все это мы извлекли изъ грамотъ Сигизмунда.

Нѣкоторые изъ этихъ предположеній осуществились, чему содѣйствовалъ и самъ король, подаривъ (въ 1623 г.) городу 10 кирпичныхъ заводовъ. Напримѣръ, дѣйствительно, была выстроена каменная ратуша съ башнею на тогдашней верхней площади города, гдѣ теперь Сѣнная площадка; на башнѣ находились городовые часы, а на часовомъ колоколѣ была слѣдующая надпись Si Deus pro nobis, quis contra nos? [1]). Старикъ Як. Снитко говорилъ, что ратуша прежде была въ томъ домѣ, въ которомъ помѣщается теперь женская гимназія; мѣсто это принадлежало, часть его и теперь еще принадлежитъ, городу. Можно утверждать, что осуществилась и постройка каменныхъ лавокъ на той же площади города, гдѣ еще въ недавнюю пору были небольшіе каменные ряды стариннаго устройства, именовавшіеся Галлереею (въ простонародьѣ; „Галдарейка“). Несомнѣнно, устроена была каменная баня, традиціонно удерживающаяся и до сихъ поръ на Днѣпрѣ у стѣны, подъ бывшими Пятницкими воротами; а за ней на сваяхъ у Пятницкаго ручья была мельница, существовавшая, какъ говорилъ старикъ Снитко, до нынѣшняго

---

[1]) По взятіи Смоленска царемъ Алексѣемъ Михаиловичъ, городовые часы были сняты и подарены царемъ въ любимый имъ Савинъ Сторожевскій монастырь, въ которомъ, быть можетъ, и понынѣ находятся («Достопамят. смолен. Н. Мурзакевича въ «Чтен. общ. древн. при Моск.» уп 1816 г. № 2).

столѣтія; весной ее всю затопляло по самую крышу. Послѣднимъ владѣльцемъ ея былъ нѣкто Быкинъ. О судьбѣ другихъ приказовъ короля, напримѣръ: о бумажной и суконной фабрикѣ,—ничего не извѣстно; можетъ быть, иные изъ нихъ остались только проектами.

Столько мѣропріятій употреблялось Сигизмунтомъ III для заселенія крѣпости, но дѣло это подвигалось чрезвычайно медленно: еще на памяти у всѣхъ была печальная судьба прежнихъ ея обитателей; изъ опасенія повторенія подобнаго же бѣдствія, тѣмъ болѣе, что съ Москвою продолжалась еще война, не многіе шли жить въ крѣпость и вообще въ Смоленскъ. Сигизмундъ въ продолженіи почти всего своего владѣнія этимъ городомъ только все зазываетъ въ крѣпость жителей. Каждая грамота его сопровождается желаніемъ, обнаруживаемымъ какимъ-нибудь изъ слѣдующихъ выраженій: «чтобы городъ Смоленскъ внутри былъ возстановленъ и распространенъ» (грам. 1611 г.); «чтобы болѣе пригласить къ поселенію въ семъ городѣ людей, дабы онъ могъ быть укрѣпленъ и украшенъ» (1613 г.); «чтобы городъ въ крѣпости основанный, удобнѣе былъ выстроенъ» (1623 г.); «желая всего, что только служитъ къ лучшему для замка нашего Смоленска, дабы въономъ поселились жители и на всякій случай были безопасными» (грам. 1625 года) и т. д. Эти выраженія показываютъ, что крѣпость заселялась медленно, благодаря или привилегіямъ, щедро расточаемымъ, или же вслѣдствіе принужденій, какъ упомянуто было о жителяхъ форштата. Лучшимъ доказательствомъ тому, что главнымъ образомъ выгоды привлекали мѣщанъ жить въ крѣпости города, служитъ слѣдующій фактъ: иные изъ нихъ, занимаясь торговлею, въ тоже время могли получать жалованье отъ казны, записавшись у ротмистровъ въ Пѣхотный Замковый баталіонъ. И это терпимо было до 1625 года, конечно, въ видахъ того, чтобы привлекать въ замокъ больше жителей [1]. Только къ концу царствованія

[1]) Грам. № 6 у Мурзак.

ВИДЪ ГОРОДА СМОЛЕНСКА ВЪ 1627 ГОДУ.

Сигизмунда образовался городъ, и то съ малымъ населеніемъ, особенно въ пространствѣ отъ Копытенскихъ до Авраміевскихъ воротъ.

Сохранилась картинка, изображающая Смоленскъ, приложенная къ «Памятной книжкѣ Смоленской губерніи «за 1864—65 года и озаглавленная такъ: «*Видъ г. Смоленска 1609 1610 и 1611 г.г.*», т. е. во время осады Сигизмундомъ. Этотъ заголовокъ путаетъ дѣло. На картинкѣ видна уже устроенною Королевская крѣпость; городъ, хотя и скудно, но уже заселенъ и распредѣленъ на участки. Между тѣмъ *въ 1611 году* Королевская крѣпость, или *цитадель, только строилась;* а пустое пространство сгорѣвшаго города Сигизмундъ въ этотъ годъ *только еще приказалъ «раздѣлить* (распланировать) *на извѣстныя части, или кварталы*» для будущихъ построекъ [1]) Застроивался же онъ, какъ мы видѣли, очень медленно. Слѣдовательно, указанный заголовокъ картинки не вѣренъ. Однако, несомнѣнно, она изображаетъ Смоленскъ во время Сигизмунда III и до 1632 года, потому что на ней нѣтъ Шеинова пролома, сдѣланнаго въ этотъ годъ, во время приступа Шеина къ Смоленску, въ южной части стѣны. Тамъ стоитъ еще круглая башня, (а не земляной бастіонъ, который устроенъ тотчасъ послѣ разрушенія башни). Къ какому же году относится этотъ видъ Смоленска?— Въ отвѣтъ на это обращаемъ вниманіе на существующій мостъ чрезъ Днѣпръ, изображенный на этой картинкѣ Онъ устроенъ на четырехъ быкахъ противъ Днѣпровскихъ воротъ и имѣетъ двѣ части: одна крытая въ видѣ длинной непрерывной галлереи для пѣшеходовъ, а другая—безъ крыши, видимо, назначалась для ѣзды; передъ мостомъ большое укрѣпленіе, въ которомъ помѣщается храмъ деревянный, вѣроятно, костелъ. Повелѣніе построить мостъ дано было Сигизмундомъ въ 1625 году, 29 апрѣля [2]). Слѣдовательно, картинка изображаетъ Смоленскъ не въ 1609 году, а въ какой либо изъ го-

[1]) Грам. № 2 у Мурзак.
[2]) Грам. 6-я у Мурз.

довъ послѣ 1625, однако еще до 1634 года, потому что отъ этого года существуетъ другой видъ Смоленска, сдѣланный по приказанію Владислава и во многомъ различающійся отъ перваго. Мостъ хотя и деревянный, но такой сложный, что онъ не могъ быть сдѣланъ въ одинъ годъ: надо удѣлить на устройство его хоть 2 года. Такимъ образомъ, означенный *видъ Смоленска относится* не ранѣе какъ *къ 1627 году.* Такъ его и будемъ называть; заголовокъ же, сдѣланный издателями, означенной «Памятной книги», мы отстранимъ.

На картинкѣ виденъ уже польскій каѳедральный соборъ, устроенный по приказанію короля на мѣстѣ взорваннаго, и часть развалившейся каменной ограды съ остатками башенъ; но одна башня уцѣлѣла отъ погрома. Устройство собора подтверждаетъ тоже, что картина не можетъ быть отнесена къ 1611 году. Соборъ сдѣланъ былъ каменный съ деревяннымъ верхомъ [1]): надо время для его устройства; при томъ каѳедральный соборъ предполагаетъ назначеніе бискупа въ Смоленскъ А для кого же онъ будетъ назначенъ, когда область въ началѣ владычества польскаго была еще съ русскимъ православно-греческимъ исповѣданіемъ, исключая немногихъ шляхтичей, которымъ Сигизмундъ еще при осадѣ раздавалъ «маетности» въ Смоленскомъ уѣздѣ? При томъ, и городъ былъ вначалѣ еще пустъ. Надо время, чтобы собрались католики, по крайней мѣрѣ, въ крѣпости города.

Хотя бывшій смоленскій архіепископъ Сергій, томившійся въ плѣну, и былъ отстраненъ отъ должности; но его замѣнилъ пока русскій архіепископъ, нѣкто *Андрей,* по прозванію – *Золотой-Квашинъ.* Однако этотъ архіепископъ былъ уже уніатъ, и уніатъ рьяный. Въ видахъ Сигизмунда ему предстояло подготовить почву для распространенія католичества въ Смоленской области. Онъ дѣйствительно, далъ присягу привести къ уніи всѣхъ Смолянъ [2]). Хотя Андрей не жилъ въ

[1]) Мурзак. истор. 139 стр.

[2]) Истор. Соловьева X 119 стр.

опустошенномъ Смоленскѣ (мѣсто пребываніе его неизвѣстно); тѣмъ не менѣе слѣды его вліянія очевидны во многихъ уніатскихъ богослужебныхъ книгахъ, особенно требникахъ и типиконахъ встрѣчающихся по церквамъ Смоленской губерніи [1]).

«Историко-статистическое описаніе Смоленской епархіи» говоритъ, что въ это время были неоднократныя возмущенія смолянъ противъ притѣсненій ихъ религіи и частныя переселенія православныхъ въ предѣлы Московскаго государстеа [2]).

При Сигизмундѣ III окончательно введена была унія въ Польско-литовской государствѣ. Уже многіе монастыри и церкви были обращены въ уніатскіе; тоже, какъ видно, стали дѣлать и въ Смоленскомъ краѣ. Но этого мало, при Сигизмундѣ, ревностномъ католикѣ, случилось около 1617 года еще нововведеніе въ Рѣчи Посполитой: въ помощь уніатамъ на той же основѣ и съ тою же цѣлію учрежденъ былъ тамъ уніатскимъ митрополитомъ Іосифомъ-Вельяминомъ Рутскимъ (изъ села Руты) орденъ *Базиліанъ*. Такъ описываетъ историкъ П. Брянцевъ основаніе ордена: „До церковной уніи всѣ русскіе монастыри въ Рѣчи Посполитой устроены были по уставу Свят. Василія Великаго. Каждый изъ нихъ былъ независимъ другъ отъ друга и подчинялся только своему настоятелю и своему епархіальному владыкѣ. Въ такомъ видѣ всѣ они мало-помалу перешли въ руки уніатовъ. Вельяминъ Рутскій, получившій окончательное образованіе въ Римѣ и обнимавшій широкимъ взглядомъ положеніе дѣлъ уніатской церкви, получивши власть митрополита литовскаго, задумалъ всѣ эти монастыри соединить какъ бы въ одинъ общій монастырь и изъ всѣхъ уніатскихъ иноковъ образовать одно общество и братство по образцу братства іезуитскаго. Съ этою цѣлію онъ въ 1617 году созвалъ въ имѣніе свое Новогродовичи (Минской губерніи) на съѣздъ всѣхъ настоятелей уніатскихъ монастырей и пригласилъ сюда нѣсколькихъ ученыхъ и опытныхъ іезуитовъ для совѣщанія

---

[1]) Одинъ экземпляръ доставленъ авторомъ въ Румянцевскій Музей, и въ Смоленскомъ музеѣ хранится одинъ экземпляръ.

[2]) 91 стр.

Съѣздъ имѣлъ 10-ть засѣданій, на которыхъ постановлено было слѣдующее: а) все уніатское монашество должно соединиться въ одно общество подъ названіемъ „Ордена Базиліанъ"; б) орденъ Базиліанъ управляется особымъ генераломъ, или начальникомъ ордена, который называется *протоархимандритомъ,* съ четырьмя ассистентами; в) генералъ и ассистенты выбираются изъ среды самого ордена на общемъ съѣздѣ настоятелей всѣхъ уніатскихъ монастырей и въ присутствіи митрополита, который имѣетъ при этомъ два голоса; г) орденъ независимъ отъ епархіальныхъ начальниковъ (митрополита и епископовъ), онъ подчиняется одному папѣ и отъ одного его получаетъ распоряженія; д) всѣ уніатскіе епископы избираются только изъ базиліанъ; е) распоряженія митрополита относительно назначенія лицъ на высшія уніатскія духовныя должности совершаются не иначе, какъ съ согласія протоархимандрита и его ассистентовъ; *при каждомъ епархіальномъ архіереѣ находится одинъ изъ членовъ Базиліанскаго ордена,* по назначенію протоархимандрита; з) члены ордена Базиліанъ считаютъ членовъ ордена Іезуитовъ своими братьями по духу, цѣли и дѣйствію; и) въ орденъ имѣютъ право поступать католики; і) протоархимандритъ, также его ассистенты, настоятели монастырей и вообще всѣ высшія лица администраціи Базиліанскаго ордена не иначе опредѣляются на свои мѣста, какъ предварительно получивши образованіе на западѣ, въ іезуитскихъ школахъ; к) *воспитаніе уніатскаго юношества находится въ рукахъ базиліанъ,* и никто не имѣетъ права получить въ уніатской церкви мѣсто священника, если раньше не будетъ обучаться въ уніатскихъ школахъ» [1]). Такое устройство Базиліанскаго ордена явно показываетъ, что онъ основанъ былъ съ цѣлію олатынить Унію.

Архіепископъ Андрей Золотой-Квашинъ сошелъ со сцены. На мѣсто его указомъ Сигизмунда III назначенъ былъ Смо-

---

[1]) Истор. Лит. госуд. 431 стр.

ленскимъ архіепископомъ заслуженный уніатскій епископъ *Левъ Кревза*, по прозванію—Ржевусскій. Онъ былъ не только уніатъ, но до назначенія на Смоленскую каѳедру состоялъ *протоархимандритомъ* ордена базиліанъ и много потрудился вмѣстѣ съ Іосифомъ Рутскимъ для его устройства. Таковъ именно и нуженъ былъ въ Смоленскъ архіепископъ въ видахъ Сигизмунда; ему то и ввѣрено было управленіе всѣми дѣлами церкви и духовенства около 1619 года. Такъ какъ архіепископу въ крѣпости негдѣ было жить, то дана была ему грамота короля на владѣніе Смоленскою церковью Св. Петра и Павла *«во уваженіе архіепископа Леона Кревзы»*. [1]) Онъ, явившись въ Смоленскъ, сталъ присоединять къ Базиліанскому ордену монастыри, обращая ихъ изъ православныхъ *въ базиліанскіе*; между ними преображены были Пустынскій и въ Смоленскѣ *на Кловкѣ Троицкій монастырь*. [2]) Памятникомъ пребыванія Льва Кревзы при Петропавловской церкви служитъ обширная каменная пристройка къ старинному зданію этого храма, приспособленная теперь подъ придѣлы церкви; [3]) утверждаютъ еще, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, что изъ этой пристройки по направленію къ юговостоку, къ рѣчкѣ Городнѣ былъ скрытый на нѣкоторой глубинѣ земли каменный ходъ; уцѣлѣли еще въ храмѣ отъ этой эпохи двѣ въ высшей степени художественныя религіозныя католическія картины италіанской живописи и другія. Левъ Кревза подготовилъ почву и для католическаго бискупа (епископа), котораго съ теченіемъ времени Сигизмундъ также назначилъ въ Смоленскъ.

Первымъ римско-католическимъ епископомъ въ Смоленскѣ былъ *Петръ Парчевскій.* При немъ строился польско-като-

---

[1]) Истор. Филарет. IV, 65; «Ист. ст. опис. См. епар.» 90 стр.

[2]) «Бѣлорус. и Литва» Батюшкова 338

[3]) Верхній этажъ на этой пристройкѣ и колокольня сдѣланы отъ 1753—757 г. смол. купцомъ Андреемъ Сысоевымъ; тогда же заложены камнемъ древнія узкія окна и прежнія двери. («Достоп. г. Смол.» и «Рукоп. къ пріѣзду имп. Екатерины II»).

лический соборъ. А временно, какъ говоритъ преданіе, слышанное авторомъ отъ многихъ лицъ, пока въ строившемся соборѣ не началось богослуженіе, Свирская [1]) Михаило-архангельская церковь служила польскимъ соборнымъ храмомъ; нѣкоторыя лица въ подтвержденіе этого ссылаются даже на какой-то существовавшій большихъ размѣровъ (раскладывавшійся обыкновенно на полу) видъ Смоленска, но въ 60-хъ годахъ посланный потомками историка Мурзакевича въ Одессу вице-президенту «Одесскаго общества исторіи и древностей» г. Мурзакевичу. На этомъ планѣ названъ Свирскій храмъ соборнымъ костеломъ. Очень вѣроятное предположеніе, что еще во время долгой стоянки подъ городомъ Сигизмунда, онъ, какъ очень набожный католикъ, пользовался этимъ храмомъ для своей молитвы. Не даромъ одна фреска именно этого храма, въ видѣ аллегоріи Іерихонскихъ стѣнъ, отмѣтила событіе осады взрывомъ грановитой башни и части Смоленской крѣпостной стѣны, приподнятыхъ отъ своихъ мѣстъ и летящихъ кверху. Сигизмундъ въ 1611 году, пожаловавши городу Магдебургское право, вмѣстѣ съ тѣмъ назначилъ для Смоленска гербъ и печать, изображающіе святаго Архангела Михаила, одѣтаго въ желѣзныя латы и держащаго въ правой рукѣ обнаженный мечъ, а ногами попирающаго крылатаго дракона (польская аллегорія Москвы); драконъ изображенъ на красномъ фонѣ. Можетъ быть, этотъ гербъ (заимствованный Сигизмундомъ отъ другихъ городовъ), въ приложеніи къ Смоленску, стоитъ въ связи съ наименованіемъ Михаило-архангельскаго храма. Кстати здѣсь сказать, что старый гербъ Смоленска на печатяхъ былъ слѣдующій: княжеская шапка, лежащая на большихъ княжескихъ креслахъ съ подножіемъ и подписью кругомъ: «печать великаго княжества Смоленскаго» [2]). Такое изображеніе на печати

[1]) Она перестала быть монастырскою, потому что православная монашествующая братія должна была на ряду съ другими жителями предмѣстья, передъ приходомъ Сигизмунда, сжечь свои кельи и жилища и уйти кто куда могъ, спасая свою жизнь.

[2]) „Чтенія въ Императ. обществѣ исторіи и древност. россійскихъ 1846 г." Достопамятности г. Смоленска стр. 15.

явилось, вѣроятно, по уничтоженіи самостоятельности Смоленска. А въ 14 вѣкѣ на договорѣ Смоленскаго князя Александра Глѣбовича около 1330 года привѣшена свинцовая печать съ изображеніемъ воина съ копьемъ въ правой рукѣ и щитомъ въ лѣвой [1]); предполагаемъ, что это свят. Меркурій Смоленскій, патронъ и оберегатель города, какъ онъ изображенъ былъ на фронтонѣ стараго собора. [2]) А еще въ болѣе древнюю эпоху 13 вѣка «на договорѣ Смоленскаго князя Өедора Ростиславича около 1284 года встрѣчается на печати на одной сторонѣ *изображеніе животнаго*»; въ такомъ случаѣ это будетъ первичная печать, до установленія культа св. Меркурію Смоленскому. А на другой сторонѣ печати обозначалось имя князя и владыки (т. е епископа). Такъ напр.: въ 1284 году встрѣчаются слѣдующія слова: „печать великаго князя Өедора и владыки Перфилія". (ibidem).

По взятіи и опустошеніи Смоленска, католическое духовенство вначалѣ ютилось около Михаило-архангельскаго храма, пока не устроило себѣ жительства въ крѣпости. Для бискупа Петра Парчевскаго былъ сдѣланъ домъ за соборнымъ холмомъ, гдѣ теперь находится нынѣшній (не древній на Кловкѣ) Троицкій монастырь. Тамъ существовала уже во время Сигизмунда группа строеній; говоримъ это основываясь на картинкѣ 1627 года. На соборномъ же холмѣ стоитъ одинокимъ только Соборъ; тоже было въ 1634 году, какъ видно

---

[1]) Красноперова „Очеркъ промышлен. и торг. Смол. кн.".

[2]) Прославленіе, или канонизація мученика Меркурія Смоленскаго могли совершиться только въ 14 вѣкѣ, ибо въ 13 вѣкѣ онъ былъ еще живъ и принялъ мученическую кончину между 1238 и 1247 годами 15 августа, оберегая градъ Смоленскъ отъ враговъ, по нѣкоторымъ историческимъ даннымъ: отъ литвы, по другимъ отъ татаръ (смотр. у Буслаева). Благодарные смоляне похоронили его въ соборной церкви Успенія пресвятыя Богородицы «*по лѣвую сторону входящ(е)ую въ церковь близъ клироса*» (т. е. при главномъ входѣ, который былъ устроенъ съ сѣвера, какъ и слѣдовало ожидать по мѣсторасположенію тогдашняго Собора, и *поставили надъ гробомъ оружія его*: *мечъ, копіе и щитъ* (житіе св. Меркурія въ семинар. библіот.). Съ мечемъ при бедрѣ, съ копьемъ въ правой рукѣ и щитомъ—въ лѣвой этотъ святой и изображаемъ былъ.

изъ картины обороны Смоленска. Бискупъ Петръ Парчевскій не пожелалъ, значитъ, жить въ одиночествѣ.

Такъ какъ издревле между Соборнымъ холмомъ и теперешнимъ Троицкимъ монастыремъ существовалъ глубокій ровъ, проѣздъ изъ Родницкой улицы въ долину Георгіевскаго ручья, [1]) то отъ дома епископа на соборный холмъ былъ перекинутъ мостъ чрезъ ровъ. Мостъ былъ устроенъ, какъ обнаружило разслѣдованіе на каменныхъ устояхъ [2]).

Къ концу польскаго владычества остался въ Смоленскѣ только одинъ епископъ, именно католическій Петръ Парчевскій, подписывавшійся вмѣстѣ съ другими высшими должностными лицами на грамотахъ [3]).

О бискупѣ Петрѣ Парчевскомъ извѣстно то, что ему принадлежало мѣстечко Гнѣздово въ 9 верстахъ отъ города надъ Днѣпромъ; тамъ, въ древнѣйшемъ земляномъ городкѣ устроенъ былъ костелъ. Однажды бискупъ незаконно завладѣлъ 200 моргами сѣнокосовъ, пограничныхъ съ его имѣніемъ, но по привилегіямъ принадлежавшихъ городу; объ этомъ магистратъ поднялъ жалобу, и бискупъ долженъ, былъ, по рѣшенію короля, заплатить городу убытки. Около 1641 года Парчевскій ѣздилъ въ Римъ къ папѣ [4]). Во время его отсутствія исправлялъ должность назначенный особо помощникъ—епископъ, или суффраганъ, изъ фамиліи *Гильзенъ;* встрѣчается много подписей Гильзена на цер-

---

[1]) Ровъ этотъ носилъ названіе „Сухой ровъ"; а нынѣшній „Георгіевскій ручей" въ старину назывался рѣчкой Гуриловкой.

[2]) Впрочемъ устои, судя по ихъ кирпичамъ, —сравнительно поздняго происхожденія. Петръ Великій, часто бывая въ Смоленскѣ, велѣлъ отъ Собора проложить улицу чрезъ Троицкій монастырь: оттого теперь колокольня отдѣлена улицею отъ самаго монастыря. Проѣзжая однажды со свитой по означенному мосту, который до того времени служилъ больше для пѣшеходовъ, чѣмъ для ѣзды, Петръ Великій, какъ говоритъ преданіе, едва не провалился въ ровъ. Вѣроятно, по поводу этого факта и устройства улицы мостъ получилъ болѣе прочные устои. Послѣ ровъ и мостъ были засыпаны.

[3]) Прилож. грам. у Мурзакевича.

[4]) Грам. 9-я у. Мурз.

ковныхъ документахъ бывшихъ костеловъ Смоленской области. Послѣ Парчевскаго онъ сдѣлался его преемникомъ на каѳедрѣ и послѣднимъ бискупомъ смоленскимъ. Въ его время къ бискупству Смоленскому принадлежало еще имѣніе Освей (Витебской губ. Дриссенскаго уѣзда), которое, послѣ отдѣленія Смоленска отъ Польши, перешло въ семейство Гильзеновъ съ титуломъ графства Римско освейскаго [1]).

При этихъ епископахъ населеніе крѣпости представляло изъ себя на половину католиковъ и на половину уніатовъ. Быстрымъ успѣхамъ въ пользу Западной церкви содѣйствовалъ Сигизмундъ, назначивъ оффиціальнымъ языкомъ языкъ польскій и лишивъ православныхъ возможности быть выбираемыми въ городскія общественныя должности [2]). Не мало дѣйствовала въ томъ же духѣ и школа, вообще дѣло воспитанія, попавшія въ руки, съ одной стороны, католическаго духовенства, а съ другой, — за отсутствіемъ русскаго православнаго епископа, во власть базиліанъ.

На помощь базиліанамъ явились въ Смоленскъ ихъ союзники *іезуиты*, игравшіе большую государственную роль при Сигизмундѣ III; въ Смоленскѣ они завели, школу. За іезуитами потянулись въ Смоленскъ и *доминиканцы*, имѣвшіе пріютъ и въ Вильнѣ. Доминиканцы поселились въ уцѣлѣвшемъ отъ погрома Авраміевскомъ монастырѣ и учредили тамъ училищный кляшторъ [3]). Но имъ не посчастливилось въ Авраміевскомъ монастырѣ, да и училище оказалось лишнимъ, послѣ того какъ іезуиты, эти важные руководители въ дѣлѣ воспитанія, учредили въ Смоленскѣ школу. Монастырь, какъ видно изъ картинъ Смоленска 1627 и 1634 годовъ, существовалъ еще въ томъ видѣ, какъ перешелъ изъ рукъ православныхъ: храмъ съ 5 главами и колокольней въ русскомъ стилѣ. Но послѣ 1634 года, можетъ быть, по скудости средствъ къ

---

[1]) Сообщ. г. Шадурскій, читавшій документы на владѣніе этимъ имѣніемъ.

[2]) Грам. 2 у. Мурзак.

[3]) Мурзак. 180 стр.

содержанію былъ упраздненъ; по крайней мѣрѣ въ 1650 году упоминается только мѣсто упраздненной Авраміевской церкви [1]). Этому соотвѣтствуетъ и то, что при вторичномъ возвращеніи Смоленска Россіи царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ здѣсь найденъ былъ владѣлецъ уже свѣтскій, нѣкто Вонлярлярскій будовничій, имѣвшій здѣсь какую-то каменную конторку, стоявшую въ монастырскомъ саду; а подъ нею—погребъ [2]). Значитъ, храмъ не только былъ упраздненъ, но и разобранъ. Этому содѣйствовало, вѣроятно, и то обстоятельство, что онъ не соотвѣтствовалъ костелу ни по устройству, ни по виду своему. Также разобрана была къ 1634 году какая то церковь въ русскомъ стилѣ, находившаяся въ полугорьѣ къ Днѣпру, подъ соборомъ, уцѣлѣвшая отъ погрома и тоже видимая на картинкѣ 1627 года. [3]) А еще раньше разобранъ былъ обширный каменный старинный храмъ на мѣстѣ, гдѣ теперь (въ срединѣ развалинъ этого бывшаго храма) помѣстилась Воскресенская церковь [4]). Разрушенъ былъ также храмъ Николы Полетѣлаго (вѣроятно: Полутѣлаго) на Богословской улицѣ, подъ бывшей Никольской башней, за Пятницкимъ ручьемъ, и друг.

Взамѣнъ доминиканскаго училища при бывшемъ Авраміевскомъ монастырѣ возникъ *Училищный кляшторъ* при бискупскомъ домѣ, гдѣ нынѣшній Троицкій монастырь. Къ 1634 году появился тамъ даже малый каменный храмъ, видимый на картинкѣ Смоленска въ означенномъ году, продолжающій свое

---

[1]) «Бѣлорус. и Литва» Батюшкова 250 стр.

[2]) Истор. ст. оп. См. епар. 270 стр.

[3]) Она видна и на Картинѣ, изображающей соборъ Мономаха. Такъ какъ церковь стояла недалеко отъ Днѣпровскихъ, или Флоровскихъ воротъ, поэтому можно думать, что именовалась Флоровкою. А въ такомъ случаѣ Лазаревскія ворота въ Крылошанскомъ концѣ, быть можетъ, названы отъ церкви св. *Лазаря*, Семенскія (Симонскія) отъ свят. *Симона*, имя котораго носилъ 4-й епископъ Смоленскій. Первые русскіе епископы любили ставить церкви въ честь своихъ святыхъ патроновъ. И Лазаревская, и Симоновская церкви тоже видны на картинкѣ, изображающей Соборъ Мономаха.

[4]) Автору случилось читать въ одной рукописи, что при Воскресенской церкви, бывшей въ старину въ Смоленскѣ, состояло 5 священниковъ.

существованіе и до сего времени. Какой орденъ монаховъ поселился при бискупѣ,—историки смоленскіе говорятъ различно, притомъ смѣшиваютъ исторію Кловскаго монастыря съ исторіею этого *Училищнаго кляштора* при бискупскомъ домѣ, потому что впослѣдствіи упомянутый кляшторъ унаслѣдовалъ имя Троицкаго монастыря на Кловкѣ. Мурзакевичъ, [1]) а за нимъ и Никитинъ [2]). назвали учрежденный кляшторъ *Бернардинскимъ*, не опредѣляя, къ какому пункту Смоленска относится это названіе. Въ «Историко-статистическомъ описаніи смоленской епархіи» [3]), также въ «Исторіи русской іерархіи» новоучрежденный кляшторъ названъ тоже *Бернардинскимъ*» и это названіе отнесено къ старому монастырю; но извѣстно, что Кловскій монастырь былъ преобразованъ въ Базиліанскій. Авторъ брошюры: «Никифоръ Адріановичъ Мурзакевичъ» назвалъ кляшторъ *Католическимъ доминиканскимъ училищнымъ, монастыремъ* и усвоилъ это названіе пункту въ крѣпости города, т. е. новому Троицкому монастырю, гдѣ до преобразованія семинаріи жили префекты, или инспекторы семинаріи [4]).

Трудно безъ новыхъ историческихъ источниковъ разобраться въ этой разнородной комбинаціи фактовъ. Видно только, что установилась связь между однимъ пунктомъ и другимъ, и исторія ихъ пошла совмѣстно. Замѣтимъ здѣсь, что, по уставу Базиліанскаго ордена, при мѣстномъ епископѣ (въ данномъ случаѣ разумѣется бискупъ) долженъ былъ находиться представитель отъ базиліанъ, въ качествѣ совѣтника; на обязанности базиліанъ лежало дѣло воспитанія юношества. Въ городѣ жили и католики и уніаты. Для католическихъ дѣтей служили воспитателями іезуиты, устроившіе съ этою цѣлію школу; а для уніатскаго юношества учителями были въ училищномъ кляшторѣ при бискупскомъ домѣ троицкіе базиліане.

---

[1]) 180 стр.
[2]) 171 стр.
[3]) 258 стр.
[4]) 10 стр.

При этихъ обстоятельствахъ они должны были устроить тамъ колонію, или пристанище, инокамъ своего монастыря, тѣмъ болѣе, что Троицкій Кловскій монастырь, вслѣдствіе своей реформы, вслѣдствіе прекращенія торговли въ форштатѣ и уменьшенія населенія кругомъ него, терялъ прежнее значеніе, бѣднѣлъ, и монахи находили интересъ лучше жить внутри города, чѣмъ вдали отъ него, въ запустѣломъ мѣстѣ.

Іезуиты обставили себя всѣхъ лучше. Сигизмундъ былъ шведскій королевичъ, вызванный на престолъ въ Польшу 20 лѣтъ. Воспитанный въ строго-католическомъ духѣ, молодой король, какъ только явился въ Польшу, сразу попалъ въ руки іезуитовъ, которые опутали и окружили его. И въ Смоленскѣ они успѣли выманить себѣ у Сигизмунда то, что преемственно перешло къ королю отъ царя: размѣстились въ крѣпости города въ томъ пунктѣ, гдѣ существовалъ дворецъ; тамъ они устроили кляшторъ деревяннаго строенія, при которомъ и существовала школа. Неразрывно съ этимъ завладѣли нѣкоторыми землями королевскими съ крестьянами. Есть извѣстіе, что кляшторъ этотъ въ началѣ 17 вѣка былъ богатъ и довольно благоустроенъ; крестьянъ за нимъ было 93 души, а земли усадебной, пахатной и сѣнокосной считалось огромное количество [1]). Іезуитовъ, какъ близкихъ къ королю, чтили въ Смоленскѣ даже бискупы. На ихъ праздники совершались религіозныя процессіи крестныхъ ходовъ, при большомъ стеченіи народа съ бискупомъ во главѣ, отъ тогдашняго бискупскаго дома въ ихъ кляшторъ. И теперь еще въ день Вознесенія Господня (по простонародному «Ушествіе») совершающійся крестный ходъ изъ нынѣшняго Троицкаго монастыря въ Вознесенскій, устроенный на мѣстѣ іезуитскаго кляштора, простой народъ называетъ католическимъ словомъ: «протесія» (процессія), а хоругви именуетъ «протасы».

Перейдемъ теперь къ изображенію состоянія храмовъ и

---

[1]) Памят. кн. Смол. губ. на 1860 г., „Смол. Вознесен. дѣвичій монастырь“ — А. Макаревскаго.

монастырей въ бывшей Княжеской мѣстности города. *Спасскимъ монастыремъ,* въ то время завладѣли іезуиты. Этотъ монастырь и по именованію своего храма подходилъ къ названію ихъ ордена. Они сдѣлали его своимъ загороднымъ владѣніемъ. Въ 1630 году, по приказанію Сигизмунда, королевскій землемѣръ Адамъ Заремба, провѣрялъ для нихъ земли Спасскаго монастыря и сдѣлалъ имъ раздѣльный актъ земли; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ перемѣнилъ для нихъ прежніе концы [1]). Храмъ этого монастыря въ описываемое время не былъ въ запустѣніи; это видно, во-первыхъ, изъ состава его развалинъ: въ одномъ изъ кургановъ его послѣ древней каменной кладки примѣчаются еще остатки зданія, выложеннаго изъ кирпича польской эпохи. Нужно думать что это звоница, устроенная при католическомъ богослуженіи. Затѣмъ, сохранился въ Смоленскѣ одинъ изъ колоколовъ этой эпохи, подаренный указанному храму, а гораздо послѣ, по упраздненіи его, перенесенный на соборную колокольню. На немъ польская надпись, въ переводѣ на русскую транскрипцію, сколько можно разобрать, гласитъ слѣдующее: „коштомъ и накладомъ славетнего пана Ивана Семеновича Водовозовича, мѣщанина Головчинскаго; надалъ тотъ звонъ до церкви Преображенія Спаса на честь и хвалу Бога. Року 1636“. Вѣсомъ колоколъ 31 пудъ 30 фунтовъ. Крестьяне деревни Чернушекъ, размѣстившіеся на развалинахъ этого монастыря, по преданію, указываютъ надъ рвомъ, на пригоркѣ, мѣсто, гдѣ когда-то въ старину былъ колокольный заводъ [1]). Мѣсто это они называютъ „звонолитье“. Передается Чернушенскими крестьянами еще легенда изъ временъ польскихъ, что ксендзъ, завѣдывавшій этимъ храмомъ, желая скрыть богатства, приказалъ дѣлать тайный подвалъ; по окончаніи секретной работы, онъ заперъ въ немъ много сокровищъ въ бочкахъ вмѣстѣ съ одиннадцатью рабочими,

---

[1]) Документъ находится у крест. Королькова въ дер. Чернушкахъ.

[2]) Въ эпоху императоровъ лили колокола Никольскій и Соборный уже не здѣсь, а въ другихъ мѣстахъ Смоленска.

строившими этотъ подвалъ, или погребъ; одинъ изъ рабочихъ, двѣнадцатый, какъ-то случайно ускользнулъ изъ монастыря и убѣжалъ въ свою землю, гдѣ сообщилъ и записалъ о бывшемъ происшествіи. Это узнали казаки, которые потомъ пріѣзжали въ Смоленскъ, и долго здѣсь рылись, разыскивая сокровища. По сказанію крестьянъ, мѣсто подвала приходится на горѣ, противъ другой горы „лобъ на лобъ". И такъ Спасскій храмъ преображенъ былъ въ польскій костелъ.

Борисоглѣбскій храмъ остался не разрушеннымъ, но монастыря при немъ уже нѣтъ. Этотъ храмъ поляки не могли передѣлать въ католическій, потому что онъ посвященъ въ честь чисто-русскихъ святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, которыхъ не признаетъ католическая церковь. Вѣроятно, храмъ стоялъ нѣкоторое время въ запустѣніи за отсутствіемъ вокругъ него жителей; послѣ стали появляться сюда поселенцы, преимущественно шляхтичи, «отъѣхавшіе» сюда изъ другихъ городовъ, напримѣръ: изъ Москвы, что увидимъ далѣе.

Что касается *Михаило-архангельскаго, Свирскаго храма*, то съ перемѣной въ немъ богослуженія изъ православнаго на римско-католическое должно было что либо измѣниться въ обстановкѣ его внутри; но внѣшность осталась прежняя. Большія передѣлки производить было еще не время: Смоленскъ былъ спорный пунктъ, и обращалось болѣе вниманія на крѣпость города; да и не было надобности передѣлывать: старинное греческое устройство его, заимствованное отъ базиликъ,—открытый олтарь не отдѣленный отъ храма глухою стѣною,—съ переходами изъ одного олтарнаго отдѣленія въ другое, очень подходили къ обстановкѣ римско-католическаго богослуженія. Снятъ былъ, конечно, иконостасъ, лишній для католической обстановки; въ женскомъ отдѣленіи, или на хорахъ, появился, безъ сомнѣнія, органъ, который долженъ былъ имѣть большіе резонансы въ храмѣ, вслѣдствіе существованія голосовиковъ и многихъ сводовъ. Судить о другихъ преобразованіяхъ храма въ это время,—нѣтъ никакихъ данныхъ, не-

ключая развѣ того, что фундаментъ солеи, очень приподнятый, сложенъ изъ кирпичей, относящихся ко времени Сигизмунда. Приподнятая солея сверху уложена, какъ и весь алтарь, известковымъ плитнякомъ, можетъ быть, изъ разрушенной части городской стѣны. Съ поднятіемъ солеи сдѣлано повышеніе и всего пола храма чрезъ насыпку земли, на которую положенъ непосредственно деревянный полъ. Земля подсыпана въ храмѣ на 2 аршина. Она содержитъ въ себѣ разные остатки: культурные, органическіе и кости человѣческіе; видно, что земля нѣсколько разъ перемѣшивалась, и не представляетъ уже изъ себя первичнаго слоя, какъ бы слѣдовало ожидать, если бы она положена была при созиданіи храма. При рытьѣ канавъ для бута, во время основанія храма, землю отсыпали во внѣ зданія, кругомъ фундамента. Оттого около храма — бугоръ съ сѣверной, восточной и отчасти южной сторонъ; а на западѣ неожиданно является выемка и покатость отъ храма. Эта выемка обнаруживаетъ, что земля въ храмъ взята, именно, съ запада, съ кладбища, вмѣстѣ съ остатками умершихъ. Такое неуважительное отношеніе къ могиламъ погребенныхъ могло явиться только съ переходомъ храма въ руки другихъ хозяевъ, для которыхъ эти могилы, явившіяся, вѣроятно, когда здѣсь былъ монастырь, не имѣли традицій и были чужды. Что около этой, церкви жили поляки, — *доказательствомъ служатъ* попадающіяся въ районѣ ея холма польскія кафли разноцвѣтныхъ рисунковъ [1]).

Сдѣлаемъ теперь очеркъ политическаго благосостоянія Смоленска.

Оно во время Сигизмунда III было весьма шаткое. Русскіе, утративъ Смоленскъ, не отказались отъ мысли снова

---

[1]) Авторъ собралъ въ Смол. историко-археологическомъ музеѣ множество разнообразныхъ цвѣтныхъ изразцовъ смоленскихъ, такъ что хронологически опредѣляется приблизительно ихъ послѣдовательность.

присоединить его подъ свою державу; между тѣмъ и Польша, завладѣвъ Смоленскомъ, пыталась распространить свою власть и на все Московское государство. Поэтому на первыхъ порахъ происходили постоянныя столкновенія и стычки въ предѣлахъ Смоленской земли и даже въ предѣлахъ самого Смоленска.

Поступокъ Сигизмунда со Смоленскомъ и уходъ короля съ войскомъ изъ Свирской стоянки окончательно разстроили дѣло Владислава въ Москвѣ. Тамъ народная партія стала направлять умы къ тому чтобы, возвести на престолъ Михаила Өедоровича, сына митрополита Филарета. Это дало поводъ Сигизмунду итти съ войскомъ подъ Москву. О походѣ этомъ сохранились въ народѣ преданія, между прочимъ о скрытыхъ Сигизмундомъ, во время бѣгства его изъ подъ Москвы, многихъ сокровищахъ подъ Горѣлымъ Городищемъ на средней Московской дорогѣ [1])

Между тѣмъ какъ Владиславъ продолжалъ носить титулъ царя всея Руси, чеканилъ даже деньги съ этимъ именемъ [2]), москвитяне въ 1613 году 11 іюля *вѣнчали на царство Михаила Өедоровича*. Къ тому времени бывшій царь Василій Ивановичь Шуйскій уже умеръ, также братъ его Димитрій Ивановичъ и нѣкоторые другіе плѣнники; они, помѣщенные въ Литвѣ, въ Густынскомъ замкѣ, не перенесли тяжести плѣна, и смерть ихъ ускорилась. «*Повелѣша ихъ*, продолжаетъ повѣствованіе одна лѣтопись: *положити на пути, кои изо всѣхъ государствъ пришли дороги; и, поставя надъ ними столпъ каменный себѣ на похвалу, а Московскому государству на укоризну, подписаху на столпѣ всѣми языками, что сей столпъ сдѣланъ надъ царемъ Московскимъ и надъ бояры*» [3]). А воевода смоленскій Михаилъ Борисовичъ Шеинъ

---

[1]) Двѣ такихъ записи разныхъ редакцій, читанныя авторомъ, содержатъ въ себѣ подробнѣйшія обозначенія мѣстъ съ перечисленіемъ скрытыхъ предметовъ и говорятъ объ одномъ и томъ же.

[2]) въ Смол. Музеѣ есть нѣсколько экземпляровъ.

[3]) Лѣт. о мятежахъ 199 стр. изд. 2-е.

находился въ заключеніи гдѣ то въ Пруссахъ. Томился въ плѣну и отецъ новаго государя, митрополитъ Филаретъ Никитичъ. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ посылалъ было въ Литву игумена Ефрема и Ѳедора Желябовскаго съ грамотами отпустить отца на Москву. Но Левъ Сапѣга воспрепятствовалъ этому, даже въ отвѣтѣ митрополита сыну «повелѣлъ грамоту писати *безъ царскаго* именованія, просто». Митрополитъ же Филаретъ сказалъ на это Сапѣгѣ: «Не могу просто написати безъ царскаго именованія: боюся отъ Бога наказанія. Что ему (Михаилу Ѳедоровичу) Богъ далъ, а мнѣ — како отняти, коли Богъ его нарече царемъ?» [1]).

Послѣ того государь Михаилъ Ѳедоровичъ послалъ подъ Смоленскъ «многую рать» подъ предводительствомъ князя Димитрія Мастрюковича черкасскаго. Эта рать овладѣла Вязьмою, Дорогобужемъ и Бѣлою; а затѣмъ подступила подъ Смоленскъ «и тѣсноту великую дѣлаша литовскимъ людямъ,» у которыхъ въ крѣпости было мало запасовъ. Оршанскій староста пытался пройти въ Смоленскъ, чтобы доставать туда провіанту, но Черкасскій не пропустилъ его [2]).

Между тѣмъ въ крѣпости въ это время начался великій голодъ, поляки едва держались: «за недѣлю-же времени, и Смоленскъ сдали бы» [3]). Черкасскій этого не зналъ, увлекся завоеваніемъ литовскихъ городовъ и посадовъ; а другихъ воеводъ, своихъ помощниковъ, разослалъ ставить острожки по дорогамъ и дѣлать засѣки, чтобы не пропускать Литву къ Смоленску. Но въ одномъ отрядѣ русскіе подъ начальствомъ Новосильцева и Тухочевскаго вели себя не трезво: литовскіе люди побили ихъ на голову, умертвивши болѣе двухъ тысячъ; а сами убѣжали подъ Смоленскъ съ запасами, и «Смоленскъ съ тоя поры укрѣпишася» [4]) Послѣ того, русскіе воеводы отступили отъ

---

[1]) Лѣт. о мятеж. 284 стр.

[2]) Значить, князь Димитрій Мастрюковичъ съ войскомъ занималъ западное, или Свирское, предмѣстье города.

[3]) Лѣт. о мят. 287 стр.

[4]) Лѣт. о мят. 287 стр.

Смоленска по направленію Московской дороги. Не доходя до села Твердилицъ, они укрѣпились въ какомъ то острожкѣ, ожидая помощи изъ Москвы. Помощь, дѣйствительно, шла въ видѣ рати конной и пѣшей, но около Дорогобужа на Словежѣ была побита. Прегражденъ былъ такимъ образомъ путь къ Москвѣ русскимъ людямъ, сидѣвшимъ въ острожкѣ. «Слышауу же подъ Смоленскомъ воеводы, что королевичъ (Владиславъ) изъ Литвы идетъ къ Смоленску, а помочи себѣ ни откуду не чаяху, покиня острогъ, пошли прочь;» при встрѣчѣ съ непріятелемъ еще разъ многіе русскіе люди были побиты [1]).

Владиславъ, дѣйствительно, явился въ Россію, прошелъ до Можайска, наконецъ, подкрѣпленный гетманомъ запорожскимъ Сагайдачнымъ, подступилъ къ Москвѣ, потомъ къ Троицкой лаврѣ, но безуспѣшно. Та и другая сторона склонилась, наконецъ, *къ миру*, который заключенъ былъ 1518 года 1-го декабря на $14^1/_2$ лѣтъ въ деревнѣ *Деулинѣ*, близь Троицко-Сергіевой лавры. По условіямъ договора Владиславъ отказался отъ царскаго титула, а Михаилъ Ѳедоровичъ отъ титула князя Смоленскаго, Черниговскаго и другихъ городовъ, перешедшихъ къ Литвѣ; совершился при этомъ обмѣнъ плѣнныхъ: возвращена была свобода митрополиту Филарету, воеводѣ Шеину и другимъ.

Деулинское перемиріе не успокоило русскихъ, имъ было жаль Смоленска, уступленнаго полякамъ. Но вотъ послѣдовала смерть Сигизмунда III въ 1632 г., 30 апрѣля: хотя срокъ перемирія съ Польшей еще не истекъ; но царь пожелалъ воспользоваться междуцарствіемъ въ Рѣчи Посполитой, пока тамъ составится Сеймъ, пока изберутъ новаго короля.

Государь Михаилъ Ѳедоровичъ сдѣлалъ въ половинѣ 1632 года огромныя приготовленія къ упорной борьбѣ: собралъ «стольниковъ и чашниковъ, и городовыхъ дворянъ, и московскихъ, и дѣтей боярскихъ, и рейтаръ, и драгуновъ; донскихъ,

[1]) Лѣт. о мятеж. 287 и 305 стр.

терскихъ и яицкихъ казаковъ и стрѣльцовъ» [1]) были въ его войскѣ и татары [2]). Кромѣ того, царь нанялъ иноземныхъ солдатъ въ Англіи, Голландіи и Швеціи; вызвалъ изъ заграницы искусныхъ генераловъ и инженеровъ; закупилъ большое количество оружія, пороха [3]). Находилось въ войскѣ и нѣсколько французовъ. Всѣхъ «людей было тысячъ за сто и болѣе» [4]). съ сильною для тогдашняго времени артиллеріею [5]) Пушки были отъ 48 футовъ (самое меньшее) и до 60 фунтовъ, а одна пушка называемая «единорогомъ,» вѣсила 70 фунтовъ Главнокомандующимъ всего войска былъ назначенъ возвратившійся изъ плѣна доблестный воевода Шеинъ; вторымъ воеводою поставленъ князь Прозоровскій; затѣмъ иностранцы: Карлъ Яковъ, Карлъ Губертъ, Дамій, Матиссонъ, Десли, Фоксъ и другіе [6]).

Сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряженія для начатія военныхъ дѣйствій, царь Михаилъ Ѳедоровичъ отправилъ эту рать подъ Смоленскъ въ половинѣ августа 1632 года.

Уже въ началѣ октября получено было въ Москвѣ пріятное извѣстіе о взятіи городовъ Серпейска и Дорогобужа; а въ ноябрѣ и декабрѣ царскія войска взяли Бѣлую, Невель, Рославль, Почепъ, Трубчевскъ и Себежъ. Наконецъ рать подступила и къ Смоленску.

Обложивши городъ со всѣхъ сторонъ, москвитяне устроили въ разныхъ мѣстахъ укрѣпленія, чтобы прервать осажденнымъ выходъ изъ города и сообщеніе со своими. Укрѣпленія носили слѣдующія названія: ретраншементы простые и двойные и съ банкетами, рогатки, шанцы, частоколы, редуты, апроши,

---

[1]) Лѣтоп. о мят. 343 стр.

[2]) „Изображеніе атаки и обороны Смол. 1634 г.,“ составлен. Вильгельмомъ Гондіусомъ въ 1637 году; переводъ издан. въ С.-Петербургѣ типографіею Жернакова въ 1847 году.

[3]) „О Россіи подъ держ. дома Романовыхъ“—Вейдемейера, стр. 38

[4]) Лѣтоп. о мят. 343 стр.

[5]) Всѣхъ пушекъ было болѣе 125: эта цифра означена въ результатѣ осады Смоленской, но еще во время осады многія пушки перешли въ руки непріятелей.

[6]) „Изображ. осады См.“—Гондіуса.

батареи, простыя и съ ложементами; введены были въ употребленіе туры простыя и съ одеждою для безопаснаго сообщенія съ траншеями. Устроенные были въ разныхъ мѣстахъ мосты, а для прикрытія ихъ ровелины. Имѣя много свободнаго времени при осадѣ города и владѣя инженерами, русская армія нѣкоторыя свои укрѣпленія устроила очень искусно; напримѣръ: иныя батареи сдѣланы одна надъ другою, такъ что изъ верхней батареи можно было свободно стрѣлять изъ пушекъ, не причиняя вреда своимъ стрѣлкамъ—пищальникамъ (съ ружьями), находящимся въ нижней и средней батареѣ.

Особеннаго вниманія требовала западная, или Свирская часть города, какъ въѣздъ въ Смоленскъ изъ Польши, откуда могла быть помощь осажденнымъ. Здѣсь, начиная отъ Троицкаго монастыря на Кловкѣ вплоть до Молоховскихъ воротъ, устроенъ былъ непрерывный рядъ укрѣпленій и военныхъ пунктовъ съ разнообразными цѣлями. Перечислимъ ихъ: еще за рѣчкою Кловкою устроенъ былъ шанецъ, охраняемый полковникомъ Китти, имѣвшимъ подъ своимъ начальствомъ разные полки, но больше здѣсь было англичанъ. Укрѣпленія этого шанца, при началѣ осады, зимою состояли изъ снѣгу, а потомъ,—изъ дерна; шанецъ находился на горѣ, на встрѣчу ѣдущимъ по дорогѣ, расположенной по берегу Днѣпра, и обнималъ своимъ вѣдѣніемъ большой районъ мѣстности за Кловкою. Отъ него до Днѣпра сдѣланъ былъ валъ для скрытой ходьбы за водою.

Затѣмъ, слѣдовала рѣчка Кловка Она въ то время имѣла такой видъ: была запружена въ двухъ мѣстахъ плотинами, такъ что вода ея разливалась на большое пространство. Для перехода и переѣзда изъ лагеря Китти чрезъ Кловку устроены были два моста, изъ нихъ верхній мостъ былъ сдѣланъ изъ фашинъ (связки хворосту), постланныхъ по болоту. Видно, что рѣчка Кловка имѣла запруду съ давнихъ поръ, а не со времени осады Смоленска Шеинымъ, ибо для осаждающихъ не было цѣли преграждать ея теченіе

и такимъ образомъ строить себѣ препятствіе для непосредственныхъ сношеній одной части своего войска съ другою, а, затѣмъ, чрезъ нее, какъ чрезъ препятствіе, дѣлать особый мостъ и проходъ изъ фашинъ. У Гондіуса этотъ разливъ Кловки названъ loca paludis (болотистое мѣсто).

Въ Троицкомъ монастырѣ поставлено было нѣсколько пушекъ для пораженія издали непріятелей и очищенія отъ нихъ прилегающихъ полей и луговъ. Потомъ, начиная отъ Троицкой церкви, на протяженіи около квадратной версты въ направленіи къ Борисоглѣбскому монастырю расположился обширный станъ князя Прозоровскаго. Здѣсь устроены были тоже два моста, но уже чрезъ Днѣпръ. На правой сторонѣ Днѣпра эти мосты прикрывались каждый особымъ ровелиномъ. Передъ самой церковію Бориса и Глѣба, ближе къ Смядынской бухтѣ, расположился станъ маркитантовъ; тамъ и доселѣ видна большая выкопанная яма, вѣроятно, остатокъ погреба маркитантовъ.

Весь этотъ лагерь съ южной стороны, начиная отъ Троицкаго монастыря по берегу озера Кловскаго, (за которымъ находился большой лѣсъ въ оврагахъ и на холмахъ), затѣмъ, съ востока, по Смядынкѣ, окруженъ былъ укрѣпленіемъ *„по Московскому обычаю"* вплоть до Борисоглѣбскаго колодца.

Свирская Михаилоархангельская церковь тоже служила опорнымъ пунктомъ осаждающаго войска. А между нею и Спасскимъ монастыремъ на обширномъ полѣ расположился станъ полковника Карла Губерта, родомъ француза, фамиліи Де-Атель. Онъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ разнородныхъ иностранцевъ, преимущественно французовъ и вооруженныхъ по-нѣмецки москвитянъ; въ его отрядѣ находилась также рота нѣмецкихъ пищальниковъ. Этотъ станъ былъ весьма искусно укрѣпленъ. Слѣды этого стана видны еще и теперь въ означенномъ пунктѣ. Главная часть его заросла теперь кустарникомъ; но еще можно прослѣдить остатки длинныхъ канавъ, валы, расположенные большими четыреугольниками, а мѣстами и лагерныя ямы.

Далѣе, на юго-западѣ, начиная отъ Спасскаго монастыря и кончая верховьемъ оврага Чуриловки, сдѣлана была непрерывная линія габелоновъ, или рогатокъ. Габелоны устроены были изъ длинныхъ сосновыхъ бревенъ, снабженныхъ твердо укрѣпленными крестъ на крестъ частыми заостренными кольями, которые были сплетены такъ прочно, что не легко ихъ было разрушить. На внѣшней ихъ сторонѣ. тамъ, гдѣ устроены были эти габелоны, примѣчается мѣстами отстатки канавы. Среди этихъ рогатокъ изрѣдка помѣщены были особыя крѣпостцы деревянныя и земляныя, послѣднія и до сихъ поръ очевидны. Такъ у самой деревни Чернушекъ, надъ верховьемъ рва главнаго рукава Смядынки, устроенъ былъ деревянный шанецъ, преграждавшій проселочную дорогу и предостерегавшій внезапное нападеніе поляковъ со Спасскаго (теперь Чернушинскаго) поля. Идя далѣе по старой большой дорогѣ (теперь выходящей только на Краснинское шоссе), встрѣтимъ земляные остатки большого Каморнаго шанца, оригинальной фигуры, много похожей на какіе-то окопы, находящіеся за восточнымъ предмѣстьемъ, именно: за древнею Шейновкою, на горѣ, въ лѣсу. Надъ истоками р. Чуриловки, перейдя Краснинское шоссе, увидимъ остатки треугольнаго земляного шанца.

Такимъ образомъ границы всего древняго Свирскаго предмѣстья, или форштата, даже съ его выгонною землею, были защищены, можетъ быть, по пунктамъ прежняго его укрѣпленія.

Въ низу оврага, по которому бѣжитъ рѣчка Чуриловка, при началѣ теперешней Свирской улицы расположился станъ полковника Дамія съ двумя тысячами воиновъ. Это *первый станъ Дамія.* Выше него по горѣ устроенъ былъ *равелинъ* въ теперешнихъ садахъ домовладѣльцевъ; отъ равелина внизъ, къ колодцу, существующему и до сихъ поръ (у Свирской дамбы), шли траншеи для безопаснаго добыванія воды изъ колодца. Выше ровелина, надъ нынѣшнею улицею Ковальскою была устроена *батарея* о трехъ пушкахъ для разгрома круг-

лой угловой башни Богословской; при этой батареѣ по обоимъ флангамъ находились ложементы для карауловъ. Эту батарею и до сихъ поръ можно наблюдать на самой угловой вышкѣ горы за садами домовладѣльцевъ Ковальской улицы [1]).

На мѣстѣ бывшаго монастыря Козьмодемьянскаго расположился *торговый лагерь съѣстныхъ продуктовъ*; отъ него шелъ ложементъ, обращенный къ Днѣпру для покровительства переправѣ и плаванію по рѣкѣ въ предѣлахъ форштата.

На всемъ пространствѣ рогатокъ отъ деревяннаго шанца, находившагося при началѣ рва Смядынки, за Спасскимъ монастыремъ, до Молоховскихъ воротъ были учреждены пикеты, состоявшіе изъ нѣсколькихъ тысячъ русской конницы [2]).

Два раза приходили подъ Смоленскъ небольшіе польскіе отряды на выручку своихъ, но они были разбиваемы и прогоняемы. Чтобы ускорить взятіе Смоленска, Шеинъ повелъ, какъ прежде поляки, подкопы. Главный подкопъ велся къ юговостоку отъ Молоховскихъ воротъ подъ третью за ними башню, которая была круглая, «красиво и художественно выстроена». Подкопъ начался за 300 шаговъ отъ крѣпости, изъ-за высокаго укрѣпленнаго кургана, съ котораго безпрестанно палили въ это время; наконецъ, положили подъ башню 100 мѣшечковъ пороху и зажгли; взрывъ былъ такъ силенъ, что камни отлетали на 400 шаговъ; отъ этого многіе погибли изъ московскаго отряда, придвинутаго въ намѣреніи воспользоваться проломомъ.

Осажденные при извѣстіи о веденіи подкопа заняли старый валъ, который находился позади стѣны и составлялъ прежнее укрѣпленіе города. «На этомъ валу *по обычаю московскому*, былъ весьма искусно устроенъ *ложементъ съ деревяннымъ частоколомъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подъланы огромные срубы для помѣщенія батарей*», т. е.

---

[1]) И теперь эта батарея у мѣстныхъ жителей называется «батарейка».

[2]) Картина осады Смоленска, находящаяся въ музеѣ, и объясненія къ ней, составлен. въ 1637 г. Гондіусомъ для Радзивилла.

прежнія башни. Этимъ отчасти опредѣляется, каково было устройство смоленскихъ укрѣпленій, прежде сооруженія стѣнъ, и что значитъ выраженіе: «по московскому обычаю». Не страшась ни подкоповъ, ни пролома стѣны, пробитаго выстрѣлами изъ московскихъ пушекъ, осажденные силой защищали этотъ валъ. Кстати здѣсь замѣтить, что у осажденныхъ фигурировали еще 2 *каменныя пушки*, изъ которыхъ они палили въ москвитянъ огромными камнями [1]).

Испытавъ неудачу завладѣть городомъ посредствомъ подкопа, Шеинъ оставилъ этотъ способъ, ограничившись только осадой, хотя на восточной сторонѣ начатъ былъ другой подкопъ.

Уже 8 мѣсяцевъ осажденные томились голодомъ и готовы были сдаться. Но въ августѣ 1633 года подоспѣлъ на помощь осажденнымъ Владиславъ, выбранный въ короли послѣ смерти отца.

Вступивъ на престолъ, Владиславъ рѣшилъ спасти Смоленскъ. Самъ, предводительствуя 20 тысячами поляковъ и разныхъ иностранцевъ, явился къ осажденному городу и расположился станомъ у рѣчки Есяной. Всѣ пути къ Смоленску были преграждены русскими войсками; но Владиславъ, чтобы упредить сдачу города и подбодрить осажденный гарнизонъ, нашелъ средство извѣстить его о своемъ прибытіи посредствомъ удачной хитрости: полякъ, знавшій хорошо мѣстность, преобразясь въ кустарникъ, передвигался между лѣсомъ и кустами около города, проникнулъ въ крѣпость и передалъ горожанамъ все порученное. Затѣмъ къ королю прибыло 15 тысячъ казаковъ и еще нѣсколько запоздавшихъ сборами отрядовъ [2]). Послѣ короля главнымъ предводителемъ былъ князь *Христофоръ Радзивилъ* съ сыномъ своимъ *Янушемъ*; изъ другихъ начальниковъ извѣстны: Казановскій, полковникъ Абрамовичъ, Вейръ, Сапѣга и др.

---

[1]) У Гондіуса въ объясненіи картины осады № 32—36. Впослѣдствіи часть вала здѣсь была срыта и на мѣстѣ разрушенной башни сдѣланъ высокій бастіонъ.

[2]) Никитинъ 176 стр.

Съ приходомъ короля все перемѣнилось. Развѣдавъ положеніе дѣлъ и размѣщеніе русскаго войска, Владиславъ составилъ прекрасный *планъ дѣйствій*. Переправившись чрезъ Днѣпръ у Есяной рѣчки, онъ повелъ наступленіе на осаждающее войско съ правой стороны Днѣпра: тамъ оно было слабѣе и числомъ и укрѣпленіями. Противъ мостовъ стана Прозоровскаго, отчасти противъ стана Дамія онъ устроилъ ложементы, затѣмъ — батареи, и частыми выстрѣлами изъ пушекъ онъ прекратилъ какъ для Прозоровскаго, такъ и для Дамія сообщеніе со своими, находившимися на другой сторонѣ рѣки подъ предводительствомъ Матиссона и расположенными по горѣ Покровской; занялъ Петропавловскую церковь. Потомъ, двигаясь постепенно впередъ и отвоевывая у Матиссона его позиціи, король и князь Радзивилъ приблизились къ городскому мосту чрезъ Днѣпръ, провели туда цѣлый полкъ войска, провезли также пороху и жизненныхъ припасовъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что причины быстраго успѣха здѣсь поляковъ заключались въ томъ: 1) что польскіе стрѣлки снабжены были *лопатами и заступами* для скорѣйшаго построенія редутовъ, оттого могли подъ прикрытіемъ конницы приближаться къ непріятелю на весьма незначительное разстояніе, оттого и бой здѣсь былъ больше рукопашный; 2) съ Радзивиломъ въ этомъ пунктѣ было 6 полковъ конныхъ; между тѣмъ какъ у русскихъ расположено было здѣсь очень мало конницы, [1]) и она, видя превосходство надъ собою непріятельской конницы, убѣгала, оставляя стрѣлковъ и пищальниковъ на произволъ судьбы.

Хотя стрѣлки жарко встрѣчали враговъ; но рѣшительный бой на пространствѣ $^1/_4$ мили обнаружилъ перевѣсъ враговъ: русскіе стрѣлки какого-то отряда Матиссона всѣ были изрублены и умерщвлены мечами и пиками. Матиссонъ долженъ

---

[1]) Русская конница, какъ мы видѣли, располагалась главнымъ образомъ въ пространствѣ между Спасскимъ монастыремъ и Молоховскими воротами, по направленію юго-западныхъ дорогъ.

*

былъ отходить далѣе и далѣе къ востоку, оставляя свои позиціи, что болѣе и болѣе укрѣпляло враговъ. А пушкари, спѣшно мѣняя мѣста, оставляли свои орудія, иногда бросали ихъ въ воду [1]). Наконецъ Матиссонъ, стѣсненный въ своихъ дѣйствіяхъ, долженъ былъ соединиться съ главнымъ станомъ Шеина въ восточномъ предмѣстьѣ, у Духовскаго монастыря, и очистилъ такимъ образомъ врагамъ почти всю заднѣпровскую сторону.

Завладѣвъ посадомъ, т. е. сѣверною частію города и мостомъ, поляки, уже опираясь на крѣпость, начали наступать на лѣвый берегъ Днѣпра, прежде всего,—на *станъ Дамія*, расположившійся было сначала предъ крѣпостью, при впаденіи рѣчки Чуриловки въ Днѣпръ. Дамій долженъ былъ уйти ближе къ стану Прозоровскаго, на пригорокъ, возвышающійся надъ бывшимъ Козьмодемьянскимъ монастыремъ, т. е. къ торговому лагерю съѣстныхъ продуктовъ, для охраненія его. Это 2-й станъ Дамія.

Затѣмъ, король задумалъ прервать сообщеніе Прозоровскаго съ Шеиномъ и направилъ главную силу своего войска на этотъ новый, 2-й станъ Дамія. Запорожскіе казаки съ литовскимъ полковникомъ Абрамовичемъ и полковникомъ Вейеромъ, построившись въ боевой порядокъ, учинили нападеніе на позиціи Дамія, завладѣли и среднею частію Большого, или Чуриловскаго оврага, также окружающими его высотами. Московскіе стрѣлки сильно отражали нападеніе полковника Вейера. Вышли также сюда изъ своихъ пикетовъ и стоянокъ многіе хорошо вооруженные конные русскіе отряды; они построились въ полѣ, у Спасскаго монастыря и деревяннаго шанца; имъ пришлось неоднократно вступать въ бой съ запорожцами и вообще съ разными казачьими отрядами, бывшими въ войскѣ поляковъ. А въ это время съ крѣпости осажденные, получивъ порохъ, весьма мѣтко стрѣляли въ

[1]) Одна старинная пушка, повидимому, того времени, найденная въ озерѣ на Покровской горѣ, находится въ Смоленскомъ музеѣ.

москвитянъ изъ большихъ пушекъ. Полковникъ-же Абрамовичъ и Вейеръ напирали на станъ Дамія.

Сраженіе, начавшееся утромъ 25 числа августа 1633 года продолжалось до полудня съ одинаковымъ упорствомъ. Абрамовичъ и Вейеръ во все время не получали отъ короля подкрѣпленія, такъ какъ король занятъ былъ дѣйствіями противъ главнаго стана Шеина. Явился на помощь полякамъ только Сапѣга, начальствовавшій надъ собственною своею ратью конныхъ копейщиковъ. Онъ напалъ на станъ Губерта, но былъ сильно атакованъ непріятелемъ. Будучи окруженъ множествомъ москвитянъ, Сапѣга потерялъ знамя; тѣмъ не менѣе успѣлъ пробиться сквозь ряды непріятелей и съ честію возвратился къ своимъ. Послѣ полудня поляки отступили, но Дамій оставилъ и 2-й станъ. Русскіе держались еще въ *церкви Свирской Архангела Михаила.*

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней король послалъ въ сопровожденіи конницы, бывшей подъ предводительствомъ Януша Радзивила, свой полкъ, снабженный пушками, занять эту церковь. Янушъ выполнилъ порученіе короля, т. е. дѣйствительно, изгналъ русскихъ изъ этого поста. Но не надолго: многіе русскіе отряды поспѣшили на помощь своимъ; а когда стала приближаться къ Свирской церкви конница изъ стана Прозоровскаго, то польская кавалерія начала отступать: а потому полкъ Януша, занявшій церковь, припужденъ былъ оставить ее и уйти въ Большой оврагъ.

Послѣ того, король замышлялъ сдѣлать новое нападеніе. Объ этомъ узнали въ станѣ Прозоровскаго и извѣстили Шеина. Онъ, вѣроятно, потому, что опасался быть отрѣзаннымъ отъ своихъ, приказалъ Прозоровскому, Губерту и Дамію оставить устроенныя ими позиціи и приблизиться къ его стану.

Этотъ неразумный приказъ произвелъ панику въ рядахъ русскихъ. Спѣшно собираясь уходить, они вездѣ оставляли много труповъ и больныхъ. Прежде чѣмъ выйти изъ своего лагеря, Прозоровскій приказалъ *взорвать церковь св. Троицы*

(т. е. Троицкій базиліанскій монастырь). Церковь эта на картинѣ осады и представлена на половину уже разрушенною. И потянулось русское войско вдоль линіи рогатокъ, или габелоновъ, къ стану Шеина, огибая Большой оврагъ - Чуриловскій, которымъ уже владѣли непріятели. Оставлены были всѣ укрѣпленныя становища, шанцы, и деревянный шанецъ, и крѣпостца, или Каморный шанецъ. Прозоровскій близъ стана Губерта, „на спускѣ горы“, (т. е. на склонѣ горы), по причинѣ крутизны моста и дурной дороги, сдѣлавшейся скользкою отъ дождя, бросилъ даже свои двѣ малыя пушки и ушелъ въ Треугольный шанецъ, находившійся, приблизительно, противъ Копытенскихъ воротъ [1]), гдѣ остановился и началъ укрѣплять новый станъ [2]). Скоро Прозоровскимъ оставленъ былъ и этотъ станъ.

А противъ Молоховскихъ воротъ стоялъ Карлъ Яковъ, далѣе—маршалъ Лесли; но и они послѣ того какъ Шеинъ узналъ, что Король предложилъ Радзивилу напасть на эти лагери, получили приказъ оставить свои позиціи и присоединиться къ главному стану Шейна. Радзивилъ, не знавши этого, назначилъ для указанной экспедиціи утро 4 сентября. Выступивъ съ разсвѣтомъ въ 3-мъ часу ночи, польскій отрядъ увидалъ страшное пламя въ лагерѣ Карла Якова, а потомъ увидѣли усиливающееся пламя въ лагерѣ маршала Лесли. Это значило, что Карлъ Яковъ и Лесли спѣшно оставили свои лагери, шанцы, всѣ траншеи и даже батарею [3]), не смотря на то, что всѣ означенныя сооруженія сдѣланы были крѣпко и правильно. Самъ Владиславъ дивился, почему русскіе такъ скоро ихъ оставили. Здѣсь непріятель нашелъ значительную артиллерію и множество жизненныхъ припасовъ [4]).

---

[1]) Гондіусъ №№ 140—152.

[2]) Оставленіе Прозоровскимъ своего лагеря и взрывъ церкви Троицкаго монастыря совершилась въ дождливую ночь съ 29 на 30 августа (Никит. 181 стр.).

[3]) Гондіусъ № 153.

[4]) Никит. 182 стр.

Такимъ образомъ городъ освободился отъ осады съ трехъ сторонъ. Оставалось освободить только восточную сторону и вытѣснить непріятеля отъ Смоленска.

Владиславъ послѣ того атаковалъ уже армію самого Шеина, принудилъ ее снять осаду и защищаться въ окопахъ. Дѣлая на нее стремительныя нападенія, онъ, кромѣ того, какъ это было съ русскимъ войскомъ и раньше, въ тылу преградилъ ей сообщеніе по Днѣпру и занялъ Дорогобужъ. Шеинъ пытался выйти изъ *окоповъ,* чтобы рѣшительнымъ дѣломъ окончить борьбу; но усилія его были безполезны: войска упали духомъ. Между подчиненными Шеину воеводами, особенно между иностранными генералами нашей арміи возникло такое несогласіе, что Лесли, умный, справедливый и преданный Россіи человѣкъ, въ присутствіи Шеина застрѣлилъ англійскаго генерала Сандерсона, начальствовавшаго 3 тысячами англичанъ, находившихся въ нашей службѣ. Открылись повальныя болѣзни, побѣги изъ полковъ, особеннно казаковъ на ихъ родину, на которую напали тогда Крымскіе татары. Войско Шеина такъ уменьшилось въ числѣ отъ болѣзней, побѣговъ, отчасти и морозовъ, что оно ожидало себѣ спасенія только въ помощи изъ Москвы. Царь выслалъ къ нему въ подкрѣпленіе князей Черкасскаго и Пожарскаго; но они не рѣшились идти далѣе Можайска. Шеинъ заключилъ капитуляцію, покрывшую его безславіемъ; а по возвращеніи въ Москву былъ казненъ [1]).

Судя по „Объясненію“ Гондіуса, можно видѣть, что нѣкоторые иностранцы въ этой борьбѣ не были искренни: они, какъ наемные люди, только внѣшнимъ образомъ отбывали чужое дѣло, избѣгая опасностей и самопожертвованія; а для предупрежденія этого сносились съ противниками, въ рядахъ которыхъ были тоже разные иностранцы, т. е. свои люди.

---

[1]) Напоминаніемъ въ Смоленскѣ объ этой осадѣ служитъ названіе деревни „Шеинъ-острогъ“ и церковь „въ Окопахъ“ во имя образа Нерукотвореннаго Спаса.

Владиславъ увѣковѣчилъ это событіе осады картиною. Онъ приказалъ своему королевскому рѣзчику упоминаемому Вильгельму Гондіусу выгравировать на 16 доскахъ, величиною въ листъ бумаги видъ Смоленской крѣпости, осадныя работы россіянъ, также свои и Радзивила подвиги во кругъ крѣпости Смоленска. Эта картина, экземпляръ которой есть въ Смоленскомъ музеѣ, хотя не детально вѣрна, относительно оріентированія мѣстности; тѣмъ не менѣе по ней можно судить о состояніи Смоленска при началѣ правленія Владислава до *1637 года*, въ которой *закончилась работа Гондіуса.*

Руководясь этой картиной, мы и опишемъ тогдашнее состояніе крѣпости и бывшей княжеской мѣстности въ Смоленскѣ. По картинѣ видно, что населеніе крѣпости къ тому времени значительно увеличилось, особенно въ юговосточномъ углу ея, также и въ другихъ. Явились даже новые костелы, напримѣръ: возникъ костелъ на взгорьѣ сѣверозападномъ, вѣроятно, гдѣ теперь Казанская церковь [1]); явился еще іезуитскій кляшторъ на Вознесенской горѣ, котораго на прежней картинкѣ еще не было. Верхнія части нѣкоторыхъ городскихъ зданій (башенъ и храмовъ) передѣланы. Прежняго королевскаго и княжескаго замка уже не существуетъ (вѣроятно по ветхости разобранъ); взамѣнъ его въ той мѣстности видно какое то большое трехъэтажное деревянное зданіе, это думаемъ, — дворецъ Сигизмунда III, а за нимъ вмѣсто большого озера замѣтенъ садъ.

Къ 1637 году уничтоженъ и *средній валъ въ городѣ.* Мы упоминали о существованіи въ Смоленскѣ, какъ и вообще въ старыхъ городахъ, съ доисторическихъ временъ Оболонья, т. е мѣста между двумя валами. О крайнемъ валѣ, составлявшемъ границу укрѣпленій Смоленска и въ болѣе позднюю пору, намъ приходилось говорить нѣсколько разъ. Но существовалъ еще въ Смоленскѣ, до описываемаго времени,

---

[1]) Говоримъ это потому, что около Казанской церкви было прежде кладбище, и при копаніи земли попадаются съ костями нагрудные католическіе крестики съ латинскими надписями.

болѣе древній валъ внутренній, тянувшійся по срединѣ города [1]). Онъ виденъ еще на картинкѣ 1627 года; тянулся по срединѣ верхней части города. Начинаясь на востокѣ у верховья Зеленаго ручья, гдѣ ограда Авраміевскаго монастыря, валъ шелъ къ западу, приблизительно, по теперешней улицѣ Козловская гора; въ Козловскомъ оврагѣ онъ пропадалъ, а на другой сторонѣ оврага снова появился. Далѣе, пересѣкая улицы, онъ имѣлъ перерывы для проѣзда Дойдя до Почтовой площади, онъ круто повернулъ сначала къ сѣверу, а потомъ къ сѣверозападу (гдѣ нынѣ домъ г. Цапенко) и направился по окраинѣ оврага за теперешнею Воскресенскою церковію; наконецъ спустился къ Днѣпру къ Пятницкимъ воротамъ, оставляя Пятницкій ручей за собою. На картинѣ, изображающей Смоленскъ въ 1637 году, этого вала уже нѣтъ. Значитъ, онъ передъ тѣмъ временемъ кончилъ свое существованіе. Произошло это, вѣроятно, еще по инициативѣ Сигизмунда III, который предписывалъ Смоленскому городовому правленію: «дабы между прочими нуждами городскими о семъ наипервѣе магистратъ имѣлъ попеченіе, чтобы *горы*, въ городѣ находящіяся между каменными стѣнами и положеніе города безобразящія, также рвы, отъ протоковъ дѣлающіеся, всякій годъ, сколько возможно издержкѣ, дозволять, дабы *равняемы были поволъно*, безъ угнетенія» [2]).

---

[1]) Первичное ядро, изъ котораго развился Смоленскъ—это Соборный холмъ, первоначальный городокъ. Онъ былъ тоже окруженъ валомъ. Это наглядно видно отъ теперешняго Троицкаго монастыря, т. е. съ материка, къ которому холмъ примыкалъ: неожиданно Соборный холмъ поднимается на нѣсколько саженъ въ высоту, сравнительно съ прилегающимъ материкомъ, съ которымъ натурально онъ долженъ бы равняться. Для устройства каменнаго архіерейскаго дома на томъ холмѣ вырывали землю на 5 саженей въ глубину, чтобы дойти до грунта, какъ передавалъ автору протоіерей Илья Васильевъ со словъ своихъ дѣдовъ. Слѣдовательно, по окраинамъ холма земля насыпная, т. е. валъ, или городокъ. Около городка, какъ укрѣпленнаго мѣста, подъ его сѣнію, и ютилось населеніе въ долинахъ, по берегу Днѣпра, пока не окружило себя послѣдовательно, по требованію обстоятельствъ жизни, еще другими рядами валовъ. Внутренній валъ и есть первый городъ.

[2]) Грамота № 6 въ прил. къ ист. Мурзакевича.

Въ *форштатѣ* Спасскій и Борисоглѣбскій храмы уцѣлѣли послѣ осады, но не были передѣланы въ православные. Со стороны Владислава, столь же ревностнаго католика, какъ и отецъ его Сигизмундъ III, послѣ того, какъ онъ закрѣпилъ за собою Смоленскъ путемъ такой знаменитой побѣды надъ московскимъ воеводою Шеинымъ, невозможно было ожидать какого либо послабленія католичеству въ пользу восточной церкви. Въ 1635 г Владиславъ передалъ епископство Смоленское уніатамъ съ монастырями, церквами и принадлежащими къ нимъ имуществами [1]). Собственно передано было все въ вѣдомство уніатскаго митрополита Іосифа *Вельямина Рутскаго* [2]), который былъ основатель Базиліанскаго ордена. И стали переходить (иногда вооруженной силой обращаемы были) православныя церкви Смоленской области въ уніатскія. Къ 1639 году во всемъ Смоленскомъ уѣздѣ, даже въ Дорогобужскомъ вездѣ было прекращено богослуженіе по православно-греческому обряду. Въ 1640 году *московскій отъѣжчикъ* Павелъ Салтыковъ билъ челомъ королю отъ себя и отъ лица другихъ русскихъ, обитавшихъ въ форштатѣ, чтобы имъ позволили *устроить въ Смоленскѣ хотя одну православную церковь*, во имя Бориса и Глѣба. Рѣчь идетъ о возобновленіи Смядынскаго храма, запустѣвшаго, значитъ, послѣ стоянки въ немъ Прозоровскаго, который, вѣроятно, пользовался имъ для православнаго богослуженія. «Если же,—писалъ Салтыковъ,— не позволятъ устроить въ Смоленскѣ православной церкви, то намъ, всей шляхтѣ православной вѣры, изъ Смоленска и Дорогобужа отъ мала до велика ѣхать туда, гдѣ православная вѣра свободна» [3]). Церковь православную во имя св. Бориса и Глѣба «*устроить*» (собственно—открыть) король не позволилъ, а властители преобразили ее въ уніатскій храмъ. Владиславъ IV умеръ въ 1648 году 20 мая, и ходатайства о

[1]) «Бѣлор. и Литв.».—Батюшкова 238 стр.

[2]) Ист. Филар IV стр. 78.

[3]) Исторія Соловьева X, 119.

возобновленіи этой церкви въ православную повторились. Въ 1650 году 12 января король Янъ Казиміръ возвратилъ было православнымъ церковь Борисоглѣбскую и мѣсто упраздненной Аврамієвской церкви; но это не приведено въ исполненіе [1]).

Троицкій монастырь на Кловкѣ, послѣ взрыва его въ ночь на 30 августа 1633 года болѣе не возобновлялся. Это послужило еще большимъ поводомъ его базиліанскимъ монахамъ окончательно пристроиться въ крѣпости города. Прежняя колонія сдѣлалась метрополіею, а метрополія со своими земельными угодьями и крестьянами явились въ качествѣ вспомогательныхъ источниковъ доходовъ для содержанія *новаго Троицкаго монастыря*.

Что касается *Свирской церкви*, то она, послѣ этой осады на картинѣ оказывается пострадавшею отъ бомбандированія, на ней сбитъ верхъ: глава широкая во весь фонарь, повреждена крыша и часть подкаморъ. Особенно пострадалъ югозападный уголъ, что примѣчается въ самомъ зданіи, напримѣръ: въ фонарѣ югозападное окно оказывается теперь длиннѣе на аршинъ и шире на четверть аршина, сравнительно съ другими фонарными окнами; очевидно, оно было разбито и задѣлано, не соотвѣтственно съ другими; пробитъ даже сводъ нефа этой части, что наблюдается изъ разсматриванія его на хорахъ: видна задѣлка этого свода другими кирпичами. Храмъ попорченъ при атакѣ его Янушемъ Радзивиломъ и при отраженіи этой атаки войсками изъ лагеря Губерта и изъ стана Прозоровскаго, когда храмъ переходилъ отъ одного непріятеля къ другому. Послѣ поврежденія пришлось поправлять его, потому что въ форштатѣ, по очищеніи города отъ непріятелей, продолжали ютиться жители. Тогда то, т.е. послѣ 1637 года, и началась капитальная ремонтировка храма какъ снаружи, такъ и внутри его, По многимъ даннымъ внутри храма можно заключать, что передѣлка его совершилась подъ вліяніемъ изуитовъ. Прослѣдимъ за *переустройствомъ* его сначала *извнѣ*.

[1]) Бѣл. и Лит.—Батюшкова 250 стр.

Iезуиты, бывшіе въ Смоленскѣ главными руководителями и католичества, и базиліанъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Уніи, чтятъ четыреконечный крестъ; а Свирская церковь въ основѣ своей очень приспособлена была для перемѣны ея въ такую форму. Она имѣла алтарный выступъ и съ боковъ двѣ готовыхъ основы для возведенія на нихъ высокихъ надстроекъ; оставалось сдѣлать пристройку только съ западной стороны, чтобы вышла форма креста.

Перестраивавшіе храмъ, чтобы создать изъ него означенную фигуру, преддверія преобразили въ высокія боковыя отдѣленія самаго храма, путемъ надстройки. Чтобы сдѣлать эти надстройки на старыхъ основахъ, строители, сколько нужно было, отсѣкли среднія пилястры главнаго зданія храма [1]) и повели новыя стѣны по линіи этихъ пилястръ. Мѣсто отсѣченныхъ пилястръ служило пунктомъ связи стараго зданія съ новымъ. Высота надстроекъ обусловилась симметріею ихъ съ высотою діаконика и жертвеника, которые не приподняты въ высоту, ибо и безъ того были довольно высокими (старые строители не могли ихъ сдѣлать низкими сравнительно съ алтаремъ, выходящимъ слишкомъ высоко). Дѣлая эти надстройки, архитекторы тѣмъ самымъ закрывали среднее окно нижняго яруса храма, отъ чего свѣтъ въ храмѣ уменьшался бы. По этому они въ каждой пристройкѣ выложили новое окно, соотвѣтственно закрываемому. Окна выложены очень большія круглыя, больше сажени, но и послѣ того храмъ терялъ много свѣта, потому что много преграждался доступъ лучей во храмъ древнею его стѣною; при томъ, такъ какъ эти пристройки очень высоки, то въ верхней своей части онѣ оказались совершенно изолированными отъ помѣщенія самаго храма. Поэтому приходилось высѣкать древнюю стѣну, начиная съ средняго окна второго, или верхняго яруса оконъ, чтобы ввести пристройки непосредственно въ составъ храма, и дѣлать въ пробитой стѣнѣ арку, или сводъ. А чтобы новая арка имѣла лучшій

---

[1]) Отсѣчка ихъ видна еще надъ южной пристройкой.

устой и не окончилась раньше новаго окна въ пристройкѣ, то строители сдѣлали распоры, или разводы арки, поведши ихъ съ того мѣста, гдѣ старая арка стѣны храма, направлявшая въ предверія, начинала дѣлать крутой поворотъ кверху. Такимъ образомъ боковыя отдѣленія открыты теперь почти во всю ширину и вышину со средины храма. Взамѣнъ утраченныхъ оконъ верхняго свѣта, строители пробили надъ крышей той и другой пристройки, въ старой стѣнѣ, подъ главной кровлею, по одному новому окну круглому.

Ломая стѣны въ срединѣ зданія, тамъ, гдѣ на верху находились подкамеры, или бочки, архитекторы могли опасаться, что тяжесть этихъ бочекъ можетъ подавить и проломить стѣну въ срединѣ; поэтому явилась необходимость сбить эти подкамеры, служившія только украшеніемъ храма, а не для удобства въ немъ. А если сняты были подкамеры на срединѣ зданія, то не симметрично было оставлять ихъ по угламъ и на другихъ сторонахъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ были повреждены во время бомбандированія храма. Такимъ образомъ строителями были сбиты всѣ бочки, и, послѣ того, крыша храма получила новый видъ: скатъ на четыре стороны. А пилястры, или полуколонны, стоятъ теперь не цѣлесообразно, т. е. не поддерживая никакой тяжести.

Пристроено и западное отдѣленіе во храмѣ, которое нужно было для католическаго богослуженія, чтобы помѣщать тамъ музыку. Что это отдѣленіе сдѣлано не при основаніи храма, а послѣ,—объ этомъ свидѣтельствуетъ матеріалъ, изъ котораго оно сложено: кирпичъ его одинаковъ съ другими боковыми надстройками. При устройствѣ этого отдѣленія было бы не симметрично и безцѣльно оставить вѣжу, или башенку на юго-западномъ углу, назначавшуюся для входа на хоры. Этотъ ходъ можно было устроить уже въ западномъ отдѣленіи. Строители, дѣйствительно, и устроили его тамъ, въ видѣ винтообразной лѣстницы, вращающейся около столба; такъ устроена лѣстница, можетъ быть, въ подражаніе такой же лѣстницѣ,

бывшей въ вѣжѣ. Такъ какъ это отдѣленіе предназначалось быть двухъ-этажнымъ, и въ немъ должны быть два свода, то чтобы прочнѣе связать это зданіе съ древнею стѣною храма, архитекторы сдѣлали къ ней прикладку изъ новаго кирпича; шириною прикладка болѣе полуаршина. Нужно было пробить и отверстіе, или арку, для непосредственнаго сообщенія съ храмомъ второго этажа въ этомъ отдѣленіи, предназначавшагося для хоръ, гдѣ долженъ былъ помѣщаться органъ; для этого воспользовались среднимъ окномъ второго яруса.

Всѣ другія окна въ храмѣ поляки тоже передѣлали, именно: во-первыхъ, нижній рядъ оконъ изъ постепенно суживающихся изнутри зданія и щеловидно выходящихъ наружу они сдѣлали болѣе широкими какъ изнутри, такъ и извѣ; окна вышли съ двумя отливами, такъ что узкое мѣсто осталось только въ срединѣ отверстія окна. Передѣлка оконъ замѣтна по неровности высѣченныхъ стѣнъ и потому, что мѣстами вставлены другіе кирпичи. Расширеніемъ оконъ имѣлось, конечно, въ виду дать больше пропуска лучей солнца въ храмъ и большее удобство и упору вставить рамы снаружи зданія. Мѣсто гдѣ были въ древнѣйшее время вставлены оконныя рѣшотки, и теперь обозначается ямками въ нижнемъ рядѣ (юговосточныхъ) оконъ, если смотрѣть изнутри зданія. Во всѣхъ нижнихъ окнахъ есть рѣшотки, въ видѣ пересѣкающихся желѣзныхъ прутьевъ; въ мѣстахъ ихъ пересѣченій находятся желѣзныя колечки. Эти рѣшотки суть польскихъ временъ, потому что онѣ вставлены въ окнахъ, сдѣланныхъ поляками. Далѣе, верхній рядъ оконъ, вмѣсто древнихъ круглыхъ, поляки сдѣлали подъ фасонъ нижнихъ продолговатыхъ, но рѣшотокъ въ нихъ не вставили. Ни въ одной своей пристройкѣ поляки не положили желѣзныхъ связей. Этимъ онѣ отличаются отъ древнѣйшаго зданія.

Сдѣлавши пристройки и поправки, строители воспроизвели пилястры на углахъ своимъ боковыхъ отдѣленій; надъ пилястрами сдѣлали поясокъ въ видѣ тесьмы, къ которой присоединены квадратики, а отъ нихъ—подвѣски, спу-

скающіяся, какъ бы конецъ шнурка. Всѣхъ деталей выкладки пилястръ новые строители не высчитали: одного угла не достаетъ сравнительно съ древними такими же пилястрами. Сбивши на діаконикѣ и жертвеникѣ подкамеры, строители, взамѣнъ этого, сдѣлали у нихъ верхъ подъ симметріею съ боковыми своими пристройками. Надъ дверью сѣверной пристройки выложили углубленіе, или мѣсто для картины и иконы, съ рамкою; тоже и на южной сторонѣ, но оно прикрывается кровлею позднѣйшей пристройки, относящейся къ 18 столѣтію, о чемъ будетъ сказано ниже.

Разнообразіе кирпича и вообще некрасивый, нестройный видъ храма послѣ передѣлокъ и пристроекъ потребовали штукатурки его извнѣ. При этомъ, быть можетъ, замазаны какія либо стѣнныя изукрашенія, надписи, даты. Послѣ того стѣны снаружи были окрашены вохрою, а потомъ когда то свѣтло-синею краскою (известь съ кобольтомъ).

Мы прослѣдили за внѣшними передѣлками храма, но смѣна богослуженія требовала *внутренней его реформы.*

О прежнихъ украшеніяхъ княжескаго храма золотомъ и серебромъ не можетъ быть и рѣчи. Они, при вражескихъ нападеніяхъ съ той и съ другой стороны, давно разошлись въ разныя мѣста: мы видѣли, какъ свободно Витовтъ распоряжался даже чтимыми иконами; затѣмъ, староста Оршанскій грабилъ два раза Свирское предмѣстье. и т. д.

При занятіи Свирской церкви католиками, все соотвѣтствующее византійско-русскому вкусу, обстановкѣ, обрядамъ и обычаямъ, и чуждое римско-католическому исповѣданію, было, конечно, изгнано. Передѣлка храма потребовала штукатурки стѣнъ его внутри. Всѣ древніе храмы въ Смоленскѣ были изукрашены фресками и цвѣтною живописью по свѣжему, сырому грунту штукатурки. Это постоянно наблюдается въ развалинахъ древнихъ Смоленскихъ храмовъ. Михаилоархангельскій храмъ, какъ придворный, въ свое время былъ изукрашенъ въ этомъ же родѣ и, конечно, въ высшей степени,

такъ какъ Давидъ Ростиславичъ стремился превзойти искусствомъ и украшеніемъ своего храма другихъ строителей. Однако мы теперь видимъ, что Свирскій храмъ расписанъ въ новомъ стилѣ, подъ мраморъ разныхъ цвѣтовъ съ зелеными, темными и розовыми разводами, или жилками. Очевидно, поляками сдѣлана особая грунтовка для этой живописи. Можетъ быть, когда либо подъ польской штукатуркой откроется и старая разрисовка храма 12 вѣка. Конечно, въ боковыхъ отдѣленіяхъ ожидать этого нельзя, такъ какъ они не относятся къ древнѣйшему времени.

Начнемъ *описаніе* польскихъ *фресокъ* съ алтаря. Тамъ стѣны росписаны въ видѣ колоннъ красноватаго мрамора съ базисами и капителями въ римскомъ вкусѣ. Онѣ, въ количествѣ двѣнадцати, симметрично расположены и упираются въ искусственно изображенный карнизъ: въ общемъ это производитъ торжественное впечатлѣніе портика базилики. Въ сводѣ олтаря представлена сфера съ облаками, въ срединѣ Богъ-Отецъ.

Въ олтарѣ и самомъ храмѣ есть бордюры, искусно наведенные красками,— въ іезуитскомъ вкусѣ. Кромѣ того, по мраморному фону на стѣнахъ въ разныхъ мѣстахъ, не исключая и боковыхъ пристроекъ, встрѣчаются раковидные завитки съ съ черною каймою: и это, по объясненію графа А. С. Уварова, который осматривалъ этотъ храмъ,—напоминаетъ іезуитскій стиль.

Опишемъ теперь *стѣнныя* фресковыя *картины въ самомъ храмѣ*. Онѣ всѣ въ рамкахъ, искусственно наведенныхъ то черною, то бѣлою красками, съ закругленіемъ на верху на нѣкоторомъ отступленіи отъ верхнихъ угловъ. Во-первыхъ, цѣлая группа картинъ верхняго яруса въ аркахъ сводовъ представляетъ изъ себя сюжеты, заимствованные изъ «Откровенія» Іоанна Богослова.

Прежде всего, картина 1-я на южной аркѣ, передъ польской пристройкой. Здѣсь изображенъ самъ апостолъ и еван-

гелистъ Іоаннъ Богословъ на островѣ Патмосѣ, на берегу моря; предъ нимъ открываются видѣнія, которыя изображены на трехъ олтарныхъ аркахъ и на противоположной сѣверной. Лицо его обращено на эту перспективу видѣній. Этотъ сюжетъ—польской эпохи. Но, далѣе по «Откровенію», неожиданно предъ евангелистомъ явилось на небѣ великое знаменіе: Жена, облеченная въ солнце, т. е. Богоматерь. (Апокал. 12 гл. 1 ст.). Это изображеніе Богоматери не польской эпохи, но нарисовано въ дальнѣйшую пору, или покрайней мѣрѣ, возобновлено послѣ въ русскомъ стилѣ.

Опишемъ *надолтарныя фрески*: 2-я картина находится въ боковой аркѣ, надъ входомъ въ жертвенникъ. Она изображаетъ первое видѣніе еванг. Іоанна Богослова: онъ увидѣлъ семь золотыхъ свѣтильниковъ и посрединѣ ихъ мужа, подобнаго Сыну человѣческому, облеченнаго въ длинную одежду іудейскихъ царей и первосвященниковъ, а по персямъ опоясаннаго золотымъ поясомъ; глава Его и волосы—какъ волна, ноги—подобны халколивану. Онъ держалъ въ десницѣ семь звѣздъ и т. д. Когда св. Іоаннъ Богословъ увидѣлъ Его, то палъ къ ногамъ Сына человѣческаго, какъ мертвый. (Апокал. 1 гл., 12—20 ст.). Эта картина, кажется,—болѣе древняго стиля, чѣмъ изображеніе самаго евангелиста Іоанна Богослова, означенное на 1-й картинѣ.

3-я картина въ главной аркѣ надъ иконостасомъ. Голосъ, говорившій съ Іоанномъ Богословомъ, позвалъ его смотрѣть другое видѣніе. Изображенный и на этой картинѣ Іоаннъ Богословъ сидя наблюдаетъ, что предъ нимъ открывается на небѣ: стоялъ тамъ престолъ, а на немъ сидящій Богъ-Отецъ; съ одной стороны Его изображенъ голубь, т. е. Духъ Святый; а ниже—Богъ Сынъ. Онъ спускается съ высоты и хочетъ раскрывать книгу съ 7-ю печатями (послѣ вскрытія каждой печати будутъ особыя видѣнія); соотвѣтственно количеству печатей, отъ престола исходятъ семь свѣтильниковъ огненныхъ, горящихъ. По сторонамъ престола, на особыхъ сидѣньяхъ—старцы (число ихъ

24), которые всѣ въ золотыхъ вѣнкахъ и имѣютъ или гусли, или золотыя чаши, полныя оиміама, (послѣднія означаютъ молитвы святыхъ). Вокругъ престола четыре крылатыхъ животныхъ, символически изображающихъ евангелистовъ: левъ (еванг. Лука), телецъ (Маркъ), животное съ человѣческимъ лицомъ (Матѳей) и орелъ (Іоаннъ). Каждое изъ животныхъ воздаетъ славу, честь и благодареніе Сидящему на престолѣ слѣдующими словами „Святъ, Святъ, Святъ Господь Богъ Саваоѳъ!“ (Апокалип. 4 и 5 гл.)

Эти слова, исходящія изъ устъ четырехъ животныхъ, помѣщены каждое особо, въ отдѣльныхъ кружкахъ, по разнымъ мѣстамъ храма, на самыхъ изгибахъ малыхъ арокъ. Слово „Святъ“ повторено 12 разъ, такъ какъ животныхъ 4, и каждое изъ нихъ произноситъ это слово 3 раза (4×3=12). Далѣе, на среднихъ широкихъ аркахъ, поддерживающихъ куполъ, въ такихъ-же кружкахъ помѣщено продолженіе славословія и восклицанія: „Господь“ (арка предъ амвономъ), „Богъ“ (лѣвая, или сѣверная арка), „Саваоѳъ“ (южная арка); въ заключеніе (и совершенно неожиданно) помѣщено слово греческое „Θεός“ (на западной аркѣ). Указанныя слова всѣ одновременны по начертанію и украшеніямъ. Но въ западномъ отдѣленіи храма, на хорахъ, встрѣчается еще повтореніе слова: „святъ, святъ“ уже другими красками, съ другимъ фономъ и ободкомъ кружка, съ подражаніемъ предыдущему начертанію, но въ худшемъ видѣ. Кромѣ того, еще два раза повторено „Святъ“ въ еще болѣе худшемъ видѣ, слишкомъ малярно. Послѣднее явленіе уже не гармонируетъ съ общимъ сюжетомъ и, видимо, сдѣлано послѣ, безъ соображенія дѣла.

4-я картина въ южной аркѣ, надъ иконостасомъ изображаетъ дальнѣйшее откровеніе Іоанна Богослова. Онъ видитъ сильнаго ангела, сходящаго съ неба, облеченнаго облакомъ; надъ головою его радуга, лицо его—какъ солнце, ноги—какъ столпы огненные (Апокал. 10 гл.).

Эти три картины подъ №№ 2, 3 и 4, на нашъ взглядъ,

древнѣе I-й картины по стилю. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ этого служитъ то обстоятельство, что на каждой изъ перечисленныхъ надолтарныхъ фресокъ еванг. Іоаннъ Богословъ повторяется. Такимъ образомъ 1-я картина, изображающая его сидящимъ на островѣ Патмосѣ, оказывается по сюжету и въ системѣ этихъ трехъ фресокъ лишнею, ибо ему, наблюдающему видѣнія, приходится въ тоже время и дѣйствовать по поводу каждаго открывающагося явленія: выходитъ, что онъ сидя наблюдаетъ самъ за собою, какъ онъ дѣйствуетъ. Поэтому думаемъ, что 1-я картина есть послѣдующая польская подставка къ древнему сюжету. Еще можно привести одно косвенное доказательство: часть штукатурки подъ фрескою № 2 когда-то опала и обнаружила прямо кирпичную кладку надолтарной стѣны, которая какъ мы указали, не была передѣлываема. Слѣдовательно, эта картина находится на одной груптовкѣ извести, а не на двухъ, какъ-бы слѣдовало ожидать, если бы она была написана надъ другою заштукатуренною фрескою.

5-я картина, находящаяся въ среднемъ сводѣ сѣверной стѣны, представляетъ другое видѣніе изъ Откровенія Іоанна Богослова (6-я глава, 12—14 стих.): Спаситель, или Ангелъ снимая послѣдовательно печати, снялъ, наконецъ, шестую печать, и евангелистъ Іоаннъ увидѣлъ слѣдующее видѣніе: было землетрясеніе, солнце и луна омрачились, звѣзды попадали на землю, и небо скрылось, свившись, какъ свитокъ. Эта картина очень умѣстна по содержанію въ узкомъ завиткѣ свода.

Далѣе, въ Откровеніи еванг. Іоаннъ Богословъ видитъ 7 различныхъ ангеловъ, которые и изображены по разнымъ мѣстамъ колоннъ храма, нѣкоторые изъ нихъ съ трубами [1]). Но особенно выдѣляются изъ ряда другихъ два ангела, помѣщенные надъ аркой, или разводомъ, ведущимъ въ сѣверную при-

---

[1]) Мы не помѣтили ихъ цифрами.

*

стройку. Назовемъ ихъ картиной 6-й. Эти два ангела представлены летящими съ трубами; а по направленію звуковъ, исходящихъ у нихъ изъ трубъ, написаны слова нѣмецкія: «lobe, lobe » (хвали, хвали!) Объяснить существованіе и время написанія этой картины трудно, такъ какъ она является въ храмѣ совершенно изолированной отъ другихъ: стиль и краски ея совершенно особаго характера. Являлось желаніе объяснить существованіе этой фрески въ княжескомъ храмѣ въ связи съ посѣщеніемъ его нѣмцами вь княжескую эпоху: нѣмцы приходили смотрѣть на этотъ храмъ, дивились его устройству, украшеніямъ, и, конечно, хвалили какъ храмъ, такъ и строителя его Давида Ростиславича. Но это было бы слишкомъ отдаленное объясненіе. Гораздо лучше будетъ слѣдующее толкованіе такъ какъ колеръ красокъ описываемый фрески кажется слишкомъ свѣжимъ, сравнительно съ другими, даже съ фресками русскаго писанія; то какой-нибудь поздній живописецъ, взявъ сюжетъ картины изъ нѣмецкой лицевой библіи и рабски слѣдуя оригиналу, воспроизвелъ рисунокъ такъ, какъ онъ былъ въ указателѣ, даже съ нѣмецкими словами.

7-я картина на предолтарной колоннѣ, надъ правымъ клиросомъ. Здѣсь изображенъ Спаситель въ терновомъ вѣнкѣ съ надписью: «Ecce homo».

8-я картина надъ лѣвымъ клиросомъ Скорбящая Божія матерь, въ сердце Ея устремлены съ двухъ сторонъ 7 мечей (съ одной стороны 4, съ другой 3) внизу надпись: «Mater dolorosa»

На лицевой сторонѣ этихъ колоннъ: на правой, или южной колоннѣ изображенъ пророкъ Давидъ въ вѣнцѣ и съ арфою въ рукахъ,—это 9-я картина; налѣво 10-я картина: другой который-то пророкъ (Исаія). Кромѣ того, на южной сторонѣ храма, у самаго иконостаса, надъ нижнимъ окномъ, осталось изображеніе польскаго письма, или 11-я картина: Святой Меркурій Смоленскій, родомъ римлянинъ, патронъ Смоленска. 12-я картина, противоположная сейчасъ указан-

ной, на сѣверной стѣнѣ у иконостаса: Святитель Василій Великій, патронъ базиліанъ. Означенная картина была поправляема, вѣроятно, въ предположеніи, что это есть Аврамій Смоленскій, другой кромѣ св. Меркурія, патронъ и покровитель древняго города; но преподобный Аврамій Смоленскій, по житіямъ его, долженъ быть блѣденъ лицомъ, постникъ, съ черною бородою и «плѣшивъ». Здѣсь же представлена совсѣмъ другая личность.

На западной стѣнѣ, надъ выходомъ изъ церкви, подъ хорами, помѣщена 13-я картина: явленіе Іисуса Христа Лукѣ и Клеопѣ по воскресеніи, когда они пришли въ Еммаусъ, въ горницу одного жителя этого города, гдѣ былъ узнанъ ими Христосъ въ преломленіи хлѣба [1]). Картина любопытная, какъ образецъ польской религіозной живописи, художественная, по выполненію идеи, и оригинальная, по представленію восточной обстановки и типовъ въ польскомъ національномъ духѣ.—Выше надъ нею другая 14 картина, польскаго-же письма: Лѣстница, видѣнная Іаковымъ во снѣ; она-одной кисти съ предшествующею. Въ верху, въ самомъ сводѣ средней арки, 15 картина: Спаситель—картина одной кисти съ изображеніемъ Богородицы на фрескѣ № 1.—Въ боковыхъ аркахъ, во-первыхъ, въ югозападной 16 картина: Іоаннъ Предтеча; во-вторыхъ, въ сѣверозападной 17-я картина: Богоматерь. Такимъ образомъ, западная стѣна вверху представляетъ сюжетъ, именуемый: «Деисусъ», только разныхъ стилей: Богоматерь и Предтеча—польскаго писанія, а Іисусъ Христосъ—русскаго поздняго рисованія.

Переходимъ теперь къ *боковымъ* польскимъ *отдѣленіямъ* храма. Несомнѣнно они расписаны во одно время съ храмомъ. Это видно изъ одинаковыхъ украшеній, бордюровъ, рамокъ; и стиль писанія одинъ и тотъ же. Каждое отдѣленіе расписано по всѣмъ тремъ стѣнамъ, открывающимся для глаза изъ сре-

---

[1]) Луки 24 гл. 28—31 стр.

дины храма; нѣкоторыя стѣны имѣютъ даже по двѣ картины, размѣщенныя одна подъ другою. Сюжеты здѣсь строго подобраны: южная пристройка переноситъ насъ во сферу жизни Моисеева закона и изображаетъ только сцены Ветхозавѣтныя; а сѣверное отдѣленіе переноситъ нашу мысль въ созерцаніе дѣла Искупленія рода человѣческаго

А) *Южное отдѣленіе.* На восточной стѣнѣ, вверху, 18-я картина: Ветхозавѣтный змій на древѣ. На той же сторонѣ, ниже, въ направленіи къ стѣнамъ города, другая, 19 картина, о которой мы упомянули раньше: Паденіе стѣнъ Іерихонскихъ, причемъ видъ башенъ и стѣнъ Іерихона подобны стѣнамъ Смоленска. На южной стѣнѣ представлена одна 20-я большая картина, раздѣляющаяся окномъ; вверху: принятіе Моисеемъ закона на Синаѣ; внизу продолженіе—ея: евреи у подошвы Синая смотрятъ вверхъ, ожидая возвращенія своего Вождя. На западной стѣнѣ картина 21-я: Первосвященникъ Ааронъ изображенъ во весь ростъ въ полномъ одѣяніи съ кадильницей въ рукѣ; наглавіе его похоже на папскую тіару. Надъ этимъ изображеніемъ вверху 22 картина: *жертвенникъ*, а при немъ агнецъ; сбоку направляется рука, держащая ножъ и готовая заклать жертву. Очевидно, картина напоминаетъ о жертвоприношеніи Авраама.

Б) *Сѣверное отдѣленіе.* На сѣверной стѣнѣ картина 23: состязаніе отрока Іисуса съ первосвященниками іудейскими во храмѣ. (Луки 2 гл.); у Него раскрытая библія съ еврейскими письменами. Надъ нею другая, 24 картина: Христосъ съ четыреконечнымъ крестомъ въ одной рукѣ и чашею въ другой,—символика дѣла Искупленія. На восточной сторонѣ 25 картина: Пастырь Добрый (Іоанна 10 гл.), при чемъ не безразлично прибавить, что Пастырь представленъ въ среднемъ возрастѣ, съ русыми волосами; Онъ сидитъ и держитъ ягненка на колѣняхъ, а одною ногою отталкиваетъ волка, устремляющагося на ягненка. Вверху 26-я картина: книга съ 7-ю печатями, надъ которою развивается знамя по-

бѣды; на фонѣ картины уцѣлѣли греческія слова въ 3 строки: Η *καινη διαθηκη του Κυριου* (Новый завѣтъ Господа), первая и третья строки едва примѣтны. На западной стѣнѣ картина 27-я: Видѣніе апостоломъ Петромъ сходящаго съ неба сосуда съ нечистыми животными (Дѣян. 10 гл.).

Изъ обозрѣнія картинъ замѣтить можно, что Польша не безучастно отнеслась къ выбору сюжетовъ въ идеѣ о смѣнѣ религіи.

Реформа храма должна была коснуться и *иконъ*. Изъ древнѣйшихъ иконъ уцѣлѣлъ только очень большой образъ Іерусалимской Богоматери, о которомъ будемъ говорить особо, и еще развѣ – Знаменіе Богоматери, образъ, находящійся во 2-мъ ярусѣ иконостаса сверху. Весь теперешній иконостасъ представляетъ изъ себя большое собраніе иконъ разныхъ школъ иконописи, даже живописи; нѣкоторыя изъ иконъ были поновлены. Видно, что иконостасъ, при переходѣ храма въ руки православныхъ, составлялся путемъ собиранія иконъ отовсюду, гдѣ можно было ихъ найти; между прочимъ составители иконостаса воспользовались и образами уніатскими, также и образами бывшими въ этомъ храмѣ во время католическаго въ немъ богослуженія.

Изъ польскихъ священныхъ изображеній слѣдуетъ указать на два ряда восьмигранниковъ, находящихся въ верхнемъ тяблѣ иконостаса. Они должны изображать собою праотцевъ, нѣкоторые изъ нихъ въ коронахъ, между ними два женскихъ лица; найдутся въ числѣ ихъ и пророки. Изображеніе ихъ живописное и не въ цѣлый ростъ, а по грудь. Всѣхъ изображеній 16. При каждомъ изъ нихъ есть свитки съ письменами. Копію съ этихъ оригинальныхъ надписей мы помѣстили въ концѣ книги.

Если найти ключъ къ чтенію этихъ письменъ, то уяснятся и литеры, ихъ и языкъ; отсюда, можетъ быть, и время ихъ написанія.

Вотъ что замѣчательно въ этихъ иконахъ: на *фонѣ* двухъ

изъ нихъ, по другую сторону отъ свитковъ, изъ-подъ послѣднихъ красокъ *просвѣчиваютъ славянскія слова.* На одной картинѣ подъ № 12 (гдѣ святой изображенъ въ коронѣ) даже читается, сколько можно видѣть издалека, именно—съ хоръ: „праотцъ Двдъ“. Можетъ быть, подъ слоемъ поздней краски скрываются древнія изображенія, а, можетъ быть, иная грамота свитковъ. Но, вѣроятно, какъ прежде на доскѣ (собственно сплочено для одного образа три доски) было изображеніе праотца Давида, такъ и по возобновленіи образа онъ удерживаетъ ту же личность. А отсюда можно выводить заключеніе, что текстъ указаннаго свитка, во всякомъ случаѣ относится къ писанію Давида, частнѣе—къ тѣмъ изреченіямъ его, съ какими онъ обычно изображается на иконахъ, напримѣръ, первыя строки Псалтири: «*Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ*» и т. д.; или еще обычный текстъ на древнихъ иконахъ, особенно на тѣхъ, гдѣ пророкъ Давидъ изображается съ кіотомъ: «*Воскресни, Господи! Ты и кіотъ святыни Твоея*». Это можетъ служить исходной точкой къ разъясненію странныхъ письменъ. Впрочемъ славянская надпись на образѣ могла существовать и одновременно съ этими оригинальными и необычными на Руси письменами, какъ пояснительный указатель русскимъ людямъ, кто этотъ святой; но послѣ какой-либо неразумный маляръ, желая удалить съ иконы излишнюю пестроту, закрасилъ ее, оставивъ только надпись свитка.

Второе тябло иконостаса сверху представляетъ собою особый типъ иконописи. Пророки и цари (послѣдніе въ коронахъ) изображены здѣсь во весь ростъ и тоже со свитками, или хартіями въ рукахъ, еще съ атрибутами, присоединяемыми ко многимъ изъ нихъ [1]). Замѣчательно, что здѣсь изображеніе

[1]) Обычные атрибуты, или эмблемы, помѣщаемые у нихъ въ рукахъ: Соломонъ—съ храмомъ, Захарія—со свѣтильникомъ, Ааронъ—съ желѣзомъ; Даніилъ имѣетъ камень въ рукѣ, Исаія—клещи, Іосія—лѣстницу, Гедеонъ—руно, Іезекіиль—домъ съ 3 окнами и дверью и т. д.

пророка Давида повторилось,—это служитъ доказательствомъ, что Свирскій иконостасъ составлялся путемъ случайнаго собиранія, а не систематическаго предначертанія иконъ для этого огромнаго иконостаса. «Историко-статистическое описаніе Смоленской епархіи» называетъ надписи на хартіяхъ этихъ святыхъ затѣйливымъ шрифтомъ (216 стр.). Но не затѣйливымъ шрифтомъ онѣ написаны, а мелкими церковно-славянскими буквами кириллицы, притомъ переписанными по старому грунту; и самыя иконы были поновляемы. Ихъ ни по стилю, ни по надписямъ нельзя считать польскими.

Между вторымъ и третьимъ ярусами иконостаса вставлены мелкія восьмигранныя картины, изображающія священныя историческія событія, вѣроятно, изъ Ветхаго Завѣта.

Третій рядъ большихъ иконъ представляетъ изъ себя очень разнообразный подборъ образовъ апостоловъ и другихъ святыхъ, нѣкоторые изъ нихъ тоже съ хартіями и атрибутами: апостолъ Петръ—съ ключемъ, ап. Павелъ—съ мечемъ. Несомнѣнно, что въ числѣ ихъ найдется нѣсколько образовъ польской иконописи, напримѣръ: св. Николай Чудотворецъ и апостолъ Ѳома—близко граничатъ, по физіономіи, съ польскимъ національнымъ типомъ.

Между третьимъ рядомъ иковъ сверху и мѣстными иконами нижняго яруса помѣщены тоже малыя восьмигранныя картины, стиля—иконописи; содержатъ онѣ двунадесятые праздники и другія священныя событія новозавѣтной исторіи,—работа художественная.

Мѣстныя иконы, находящіяся теперь въ иконостасѣ, всѣ—позднѣйшее пріобрѣтеніе храма, послѣ 1812 года.

Отъ Польской эпохи сохранился еще малый образъ Богородицы со спящимъ у Ней на рукахъ Младенцемъ [1]).

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что около 1840 года принесено было въ даръ церкви (Ульяною Семен. Шулешкиною) живописное изображеніе (Солермской) Богоматери на полотнѣ, натянутомъ на рамку. Это—художественная живопись въ стилѣ Рафаеля; изображеніе украшено старинною фольговою ризою.

Глава VI.

Состояніе княжеской мѣстности и храма со времени возвращенія Смоленска царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ подъ Россійскую державу въ 1564 г. до 1812 г.

Какъ мы видѣли, жители смоленской области насильно были втягиваемы поляками унію и католичество; но еще больше эта система примѣняема была со стороны Польши къ Малороссіи. Послѣдняя еще съ 14 вѣка томилась подъ игомъ Польши, и въ продолженіе 17 вѣка была почти въ постоянной кровопролитной борьбѣ съ поляками изъ-за православія. Между тѣмъ Московское государство въ царствованіе Михаила Ѳедоровича и сына его Алексѣя Михайловича успѣло возстановить свои силы; войско получило новое лучшее устройство, будучи обучаемо по европейскому образцу офицерами, вызванными изъ заграницы. А Малороссія, напрягая свои силы въ борьбѣ, дошла до послѣдней крайности. Чтобы не быть подъ властію Польши казаки рѣшились отдаться во власть или нехристямъ—туркамъ, которые, по крайней мѣрѣ, не стѣсняли свободу вѣроисповѣданія, или добровольно перейти въ подданство Москвы. Послѣдній исходъ былъ лучше, потому что Московское государство было единовѣрное. Тогдашній малороссійскій гетманъ Богданъ Хмѣльницкій прибѣгнулъ къ покровительству царя Алексѣя Михайловича. Послѣ нѣкотораго колебанія въ такомъ серіозномъ дѣлѣ и неудачнаго по результатамъ посольства царя въ Польшу, съ цѣлію заступничества за Малороссію, Алексѣй Михайловичъ рѣшилъ, наконецъ, принять на себя титулъ «Государя всея Великія и *Малыя* Россіи» и приготовился утвердить за собой Малороссію вооруженной силой.

Преемникъ Владислава король Янъ Казиміръ, узнавъ объ этомъ, объявилъ Россійскому царю войну. Алексѣй Михайло-

вичъ собралъ армію въ 200 тысячъ, намѣреваясь нанести Польшѣ окончательное пораженіе. Самъ царь принялъ главное начальство надъ войскомъ. Армію раздѣлилъ на 4 части: одна часть направилась на литовско русскіе города по Двинѣ, другая пошла на Брянскъ и Могилевъ, третья—вооружившіеся казаки защищали Украину, а четвертая, въ количествѣ 70 тысячъ, предводительствуемая самимъ Алексѣемъ Михаиловичемъ, подошла къ Смоленску и остановилась на *Дѣвичьей горѣ*, гдѣ нынѣ устроена усадьба г. Шембеля [1]) Военные запасы царя были огромные. Разсказываютъ, что когда, при губернаторѣ Никол. Ив. Хмѣльницкомъ (1829—1837 г.), прокладывали шоссе близъ означенной усадьбы, то нашли въ горѣ погребъ, въ которомъ было большое количество бѣлыхъ каменныхъ ядеръ разнаго размѣра,—очевидно, остатокъ запасовъ лагеря царя Алексѣя Михаиловича.

Первымъ тремъ частямъ арміи русской польско-литовскіе города сдавались одинъ за другимъ. Коронный гетманъ Радзивилъ пытался было удержать стремленіе царскихъ полковъ; но въ Бѣлоруссіи (недалеко отъ Орши) былъ два раза разбитъ: вся артиллерія и лагерь литовскій достались русскимъ.

А Смоленскъ не сдавался, не смотря на то, что царь стѣснилъ его со всѣхъ сторонъ. Малороссійскій гетманъ Богданъ Хмѣльницкій отрядилъ подъ Смоленскъ два полка: нѣжинскій и черниговскій и далъ позволеніе итти съ этими полками всѣмъ желающимъ; полки находились подъ начальствомъ наказнаго атамана Золотаренки. Это казачье войско, успѣвшее завладѣть нѣкоторыми городами, явилось на помощь къ царю. И

---

[1]) Въ Смоленскѣ и теперь удерживается это названіе горы. Она лежитъ къ востоку отъ Смоленска, на правой сторонѣ Днѣпра верстахъ въ 3-хъ отъ города. Противъ нея, на другой сторонѣ рѣки, у деревни Шеинъ Острогъ лежитъ другая гора Молодецкая, въ видѣ коносообразнаго холма. Эти названія, по аналогіи со встрѣчающимися съ такими-же названіями горъ—«городковъ» въ другихъ мѣстностяхъ, идутъ съ доисторическихъ временъ. Примѣнительно къ Смоленскимъ упомянутымъ горамъ, авторъ слышалъ народное объясненіе слѣдующее: будто прежде на одну изъ нихъ собирались для игрищъ дѣвицы, а на другую—молодцы.

вотъ 16 августа 1654 года назначенъ былъ первый приступъ къ крѣпости города. Пушкари успѣли сдѣлать проломъ въ стѣнѣ, а храбрые казаки Золотаренко въ присутствіи царя изъ пролома быстро вскакивали на стѣны; но, не смотря на всѣ усилія русскихъ, первый приступъ былъ отбитъ [1]). Царь продолжалъ штурмовать крѣпость. Осажденные, услышавъ, что русскіе завладѣли многими городами, лишились надежды получить себѣ помощь, и 10 сентября вступили въ переговоры съ русскими. Явились въ лагерь къ царю съ челобитной о покорности судья Галимонтъ, нѣкоторые изъ шляхты, мѣщанъ, казаковъ, пушкарей и пѣхоты. 18 сентября была изготовлена и подписана царемъ, съ приложеніемъ большой печати, предупредительная грамота царя, подтверждающая смолянамъ всѣ прежнія права [2]). Далѣе, обсуждались условія сдачи города, и 3 октября назначенъ былъ торжественный въѣздъ царя Алексѣя Михаиловича въ крѣпость города [3]). Безъ сомнѣнія, царь въѣзжалъ въ Смоленскъ, приблизительно, при такой же обстановкѣ, при которой онъ отправлялся изъ Москвы въ Смоленскъ. Обстановка его была изумительно роскошная: выѣзжая изъ Москвы подъ Смоленскъ, государь сидѣлъ въ великолѣпной каретѣ, обтянутой алымъ бархатомъ; на верху кареты было пять главъ изъ чистаго золота. Одѣяніе кучеровъ и сбруя были тоже бархатныя. За обыкновенными знаменами несли знамя представлявшее золотого орла, за которымъ шло 6 лошадей, такъ великолѣпно украшенныхъ, что даже ноги были унижены жемчугомъ. Самъ Алексѣй Михаиловичъ былъ окруженъ 24 гусарами; одѣяніе его было унизано жемчугомъ. На головѣ онъ имѣлъ остроконечную шапку, а въ рукахъ крестъ и золотую державу, покрытою жемчугомъ [4]). При вступленіи царя въ крѣпость города, королевское войско должно было оставить ее. Польскіе полки, выходя изъ Смоленска,

---

[1]) Никитинъ 192 стр.

[2]) Прил. грам. у Мурзак. № 10.

[3]) Мурзак. истор. 175 стр.

[4]) О Россіи подъ державою дома Романовыхъ 60 стр.

вынуждены были класть у ногъ царя оружіе и знамена, какъ прежде войско Шеина предъ Владиславомъ [1]). Такимъ образомъ униженіе русскихъ подъ Смоленскомъ при Шеинѣ загладилось этимъ позоромъ польскаго войска. Войдя въ городъ, Алексѣй Михаиловичъ подтвердилъ привилегіи гражданъ и должностныхъ лицъ; затѣмъ приказалъ мѣщанамъ «рубить тарасы» [2]), чтобы крѣпко задѣлать проломъ стѣны; велѣлъ также укрѣпить стѣну бастіонами и палисадами [3]) Оставивъ часть войска въ Смоленскѣ подъ главнымъ начальствомъ Григорія Гавриловича *Пушкина*, приказалъ остальному войску возвратиться на зиму въ Россію, располагая весною начать новыя военныя дѣйствія противъ Польши.

Не всѣ шляхтичи польскаго войска ушли въ Польшу; многіе изъ нихъ остались въ Смоленскѣ, особенно изъ тѣхъ, которые имѣли дома въ городѣ. И такихъ было много. Въ подтвержденіе приводимъ уцѣлѣвшій въ копіи тогдашній списокъ домовъ и владѣній въ крѣпости по теперешней Георгіевской, а прежде Московской улицѣ [4]). Списокъ помѣщенъ былъ въ «Переписныхъ книгахъ» 1659 года:

«Въ городѣ Смоленску *на Московской улицѣ*, идучи отъ Егорья къ Оврамьеву монастырю по правой сторонѣ: 1) дворъ Смоленскаго *шляхтича* Григорья Медвѣцкаго. У него дѣтей: Остафей, да Лукъянъ. Длина земли 17-ть сажень по воротамъ, и по огорору 7 сажень. Владѣетъ покупчей року 153 (1655 года) и по данному листу отъ пристава Буйнецкаго; 2) Дворъ стрѣльца Иванова (изъ приказу Дурышкина) Гришки Васильева: У него сынъ Васька. Длина того двора 16 саженей; въ концахъ по 8 саженъ безъ четверти. 3) Дворъ *шляхтича* Ѳилиппа Веселовскаго. У него шуринъ Михаи-

---

[1]) Никитинъ 192 стр.

[2]) Прил. грам. № 19 Никитина.

[3]) Никитинъ 103 стр.

[4]) *Московскою* называлась, эта улица по тому, что она служила выѣздомъ изъ верхней части города на Москву чрезъ Авраміевскія ворота и отлогій спускъ отъ нихъ на Рачевку, и далѣе за Московскую дорогу.

ло Трембицкой. Длина того двора 18 саженей; поперегъ по воротамъ тоже 18; позадъ двора по огороду 20 саженъ. 4) Дворовое мѣсто пустое *шляхтича* Семена Корсака; а напередъ его то мѣсто бывало гайдука Наумки Никитина, Длина 20 саженъ, поперегъ во обѣихъ концахъ по 7 саженъ. 5) Дворъ Смоленскаго *шляхтича* Дороѳѣя Красовскаго. У него дворникъ Андрюшка Васильевъ. Длина тому двору 20 саженъ, поперечнику во обѣихъ концахъ по 7 сажень. Владѣетъ по купчей польской 136 (1628) году. 6) Дворъ Смол. мѣщанина Ивашки Ѳедотова у него сынъ Васька. Длина тому двору 15 саженъ, поперегъ по воротамъ 10 саженъ, въ другомъ концѣ позадь двора 9 сажень. 7) Огородное мѣсто смоленскаго мѣщанина Ефрема Клѣментьева. Длинна 16 саженъ, поперекъ 7 саженъ. Владѣетъ по кончей со 161 (1656) года. 8) Дворъ смоленскаго мѣщанина Ѳедки Трофимова, длина и со огородомъ 14 сажень. 9) Дворъ смол. *шляхтича* Семена Корсака. Длина двора 34 сажени; поперекъ по воротамъ 20 сажень; въ другомъ концѣ по огороду 22 сажени. 10) Дворъ смоленской *шляхтянки* Даниловы жены Лодяты Анны Алексѣевы дочери. Длина 24 сажени, поперегъ по воротамъ 18 саженъ, позадъ двора 11 саженъ Подали сказку, что тотъ дворъ данъ по Государеву указу во 164 (1656) году, а данная сгорѣла. 11) Позадь Ѳилипова двора Веселовскаго, въ Спасовскомъ переулкѣ дворъ *шляхтича* Станислава Руменчевскаго. У него дворникъ Власко Власовъ сынъ Рудометъ. Длина того двора 24 сажени, отъ переулка по воротамъ 15 саженъ, въ другомъ концѣ тожъ. Владѣетъ по польской купчей 1646 году. Наконецъ 12) межъ двора Григорья Лыкошина огородное мѣсто *шляхтича* Петра Лярскаго будовничего. Длина 24 сажени Поперечнику по воротамъ 8 сажень, позадь двора въ другомъ концѣ 10 сажень. Владѣетъ по купчей року 160 (1652 года.) [1]).

---

[1]) Листы изъ Переписныхъ книгъ Василія Ѳедора сына Ельчина, хранятся въ См. Ист. Музеѣ.

Изъ приведеннаго списка видно, что *составъ* владѣльцевъ дворовъ, или домовладѣльцевъ, въ крѣпости представлялъ изъ себя тогда главнымъ образомъ *шляхтичей литовско-польскихъ*, которые рѣшили остаться въ подданствѣ Московскому государству; нѣкоторые изъ шляхтичей служили въ рейторахъ. Были еще дома мѣщанъ, дома стрѣльцовъ московскихъ разныхъ приказовъ; много поставлено было въ крѣпости казаковъ, особенно Донскихъ. Послѣдніе размѣщались главнымъ образомъ около теперешней Казанской церкви, на спускахъ къ Пятницкому ручью; тамъ образовалась даже особая улица *Донщина*, существовавшая до 1812 года. [1]). Донскіе казаки размѣщены были и смежно съ другими жителями, ниже Московской, или Георгіевской улицы, упомянутой раньше, по «Крутому боярагу,» [2]), т. е. на спускахъ къ Гуриловскому и Зеленому ручьямъ. [3]).

Что касается *посадовъ*, то въ главномъ посадѣ за Днѣпромъ, передъ стѣною, по возвращеніи города къ Москвѣ, было только, какъ раньше сказано, 200 домовъ мѣщанъ. Существовало еще населеніе 1) у Петропавловской церкви между рѣчками Городнею и Склянной; 2) были еще жители тотчасъ за стѣною, у рѣчки Рачевки, и 3) въ западномъ предмѣстьѣ, тоже за стѣною, саженяхъ въ 10-ти, не доходя до рѣчки Чуриловки (рѣчь идетъ о Богословской улицѣ, отчасти и о Козинкѣ). Они въ первую перепись при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ не вошли въ число мѣщанъ, а поэтому стали назы-

---

[1]) Въ этотъ годъ 12 августа въ ней сгорѣло до 20 дворовъ („Ник. Андріан. Мурзакевичъ“, изд. 1877 г. 42 стр.).

[2]) Допол. къ Ак. ист. Археогр. ком.: V, 78

[3]) Тутъ еще до Сигизмунда, при царѣ Борисѣ Годуновѣ существовала церковь св. Георгія. (Ист. ст. опис. Смол. епарх. 161 стр.). Она видна и на картинѣ, изображающей первый Смоленскій соборъ; вѣроятно, была деревянная и погибла въ общемъ пожарѣ города въ 1611 году; по крайней мѣрѣ, ее не видно на картинахъ ни 1627, ни 1634 годовъ. Къ 1659 году ее вновь устроили деревянную Донскіе казаки. Пришлось потомъ расширить ее стрѣльцамъ, размѣщеннымъ здѣсь въ большомъ числѣ, вмѣсто казаковъ, такъ что при ней до 1812 года было два священника.

ваться «льготными людьми» (слободками). Число этихъ льготныхъ людей не извѣстно; но посадскіе мѣщане, упомянутые 200 человѣкъ, съ одной стороны, тяготясь обременительной службой городу (постановленіемъ всяческихъ подводъ, гонцовъ часто безплатно, доставкой во Дворъ Государевъ дровъ, удѣлкой хоромъ царскихъ, крѣпостной стѣны, поправкой улицъ и друг.); съ другой стороны, завидуя особому положенію льготныхъ людей, стали просить царя приписать этихъ слободскихъ льготныхъ людей къ посаду въ мѣщане для совмѣстной съ просителями службы городу. Новый смоленскій воевода, бояринъ князь Борисъ Александр. *Репнинъ*, по указу государя 1656 года, «переписалъ въ слободкахъ Чуриловкѣ и Рачевкѣ крестьянскіе и бобыльскіе дворы захребетниковъ и подсосѣдниковъ и пашню и сѣнные покосы»; приписалъ по грамотамъ къ посаду; отвелъ имъ выгоны и приказалъ бурмистрамъ обложить ихъ податью и службой съ мѣщанами вмѣстѣ.

Кромѣ того, были еще основаны въ польскую эпоху разными служилыми людьми деревни и починки на мѣщанскихъ выгонныхъ, пашенныхъ и другихъ земляхъ. Этими поселками служилые люди и владѣли на правахъ частной собственности; ихъ царь велѣлъ съ крестьянами и бобыльскими дворами и землями переписать на свое имя и причислить тоже къ посадамъ. [1])

А *за* рѣчкой *Чуриловкой* въ посадѣ потомки прежнихъ жителей, пожалованныхъ королемъ Сигизмундомъ III уволоками и моргами, стали называться оригинальнымъ названіемъ: *жителями Чуриловской слободки въ посадѣ*, или форштатѣ. Въ 1794 году перечислены фамиліи этихъ старинныхъ мѣщанъ: Михаилъ и Кондратій Кошеловы, Иванъ Любавкинъ, Николай Пулѣкинъ, Василій Шматиковъ, Фока Пептюховъ, Тимофей Черниковъ и Аксинья Кошелева,— «*потомки живщихъ при королѣ въ Смоленску на Посадѣ, слободѣ Чури-*

[1]) Прил. грам. у Никит. № 19.

ловкъ». Они просили себѣ выпись на владѣемую землю: пахотную 11-ть уволокъ, да пустовскую 2 волока, сѣнокосную 115 копенъ да 15 морговъ. По справкѣ подтвердились ихъ права, и дана имъ выпись съ переложеніемъ уволокъ и морговъ на десятины, съ опредѣленнымъ указаніемъ мѣста владѣнія: «По обѣ стороны рѣчки Кловки по мѣрѣ пашни—пахатной земли 61-а десятина въ полѣ, а въ дву—по тому же; да пашенной же земли перелогу и лѣсомъ заросло 30 десятинъ; сѣнныхъ покосовъ по берегу Днѣпра и по рѣчкѣ Кловнѣ на 115 копенъ» [1]).

Отъ слободы Чуриловки на посадѣ въ то время различалась *Слободка Свирская*, на томъ же посадѣ, дальше первой слободы. (Планъ владѣній деревни Спасской, или Чернушекъ). Преданіе сохранило слѣдующее извѣстіе, записанное авторомъ со словъ указываемаго раньше старика Якима Снитко: во Свирскую при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ переселены были изъ Москвы 6 семействъ мѣщанъ; фамиліи ихъ не сохранились въ памяти. Жили они около самой Свирской церкви, по проулку, направляющемуся въ Чернушки.

Отъ старинныхъ смоленскихъ Свирскихъ мѣщанъ, предки которыхъ жили въ Смоленскѣ еще до короля, различаются еще какіе то мѣщане, называвшіеся иногда *крестьянами*, жившіе тоже въ посадѣ въ *Чуриловской* слободѣ, ближе къ Кловкѣ. Въ 1668 году перечислены имена нѣкоторыхъ изъ нихъ: Артемій Степановъ, Иванъ Леоновъ, Макаръ Ѳедоровъ, Василій Кристоповъ, Данила Ѳедоровъ и Яковъ Борисовъ. Они подчинялись войту Андрюшкѣ Борисову, что увидимъ ниже.

Въ дальнѣйшемъ направленіи по форштату, не доходя, впрочемъ, до бывшаго Троицкаго монастыря, образовалась въ польскія времена такъ называемая *прожиточная пустошь Кловка*, именовали ее также *Жигимонтова пустошь*. Она по

---

[1]) Выпись мѣщанамъ Смоленскаго Намѣстн. Верхняго Земск. Суда изъ 2 департамента 1794 г. іюля 12,—хранится въ Музеѣ.

королевскому привилью отдана была шляхтичу Даниле Легензе, который продолжалъ владеть ею и при царе Алексее Михаиловиче. Въ 1668 году пустошь Жигимонтова по отказной записи перешла къ зятю Легензы, Ивану Мисковскому. Эту отказную запись составлялъ на месте посланной отъ воеводы смоленскаго некто Бурцовъ. Онъ, «недоезжая той пустоши взялъ съ собою, въ качестве свидетелей («послуховъ») изъ Смоленска съ посаду Чуриловской слободы мещанъ, имена которыхъ только что были перечислены, съ войтомъ Андреемъ Борисовымъ, потому что «та пустошь Жигимонтова сошлась со Смоленскою мещанскою землею смежно». Въ «отказной записи», составленной Бурцовымъ, значилось следующее: «На той пустоши селище, да дворовое пустое место панское, да сажалка (прудъ), да на речке Кловке и на устье ручья — старая плотина, вверхъ по ручью — малая плотина старая-жъ; да выше большiя плотины, межъ речки Кловки и межъ ручья — лугъ, сенные покосы копенъ на 100. А вверхъ по Кловке лесъ и пашня». Въ 1670 году Мисковскiй продалъ половину своего владенiя полуголове московскихъ стрельцовъ Ивану Шапкину (нижнюю, стрельцовъ часть, где были плотины) за 50 рублей [1]).

Мы очертили населенiе Смоленска по возвращенiи города подъ Россiйскую державу. Обратимъ теперь вниманiе *на перемены въ религiозной жизни* смолянъ и въ частности форштата.

Московское государство не допускало Унiи. Поэтому въ 1656 году, когда царскiя войска при участiи самого Алексея Михаиловича, бывшаго вторично въ Смоленске, завладели большею половиною Литовскаго княжества и когда король

[1]) Отъ Ивана Шапкина Жигимонтова пустошь уже въ одной своей части перешла къ Ивану Курошу въ 1684 году; тогда былъ здесь дворъ вотчинника, четыре двора его крепостныхъ съ женами и детьми, а въ самомъ дворе жило три семейства слугъ, или дворовыхъ вотчинника. Съ техъ поръ это владенiе стало называться просто Кловка и перешло впоследствiи къ полковнику Гарнизонскаго полка Георгiю Юрьевичу *Лесли*. Ему дана была выпись на владенiе именiемъ; изъ этой выписи, хранящейся въ Смол. музее и заимствованы означенныя сведенiя.

польскій Янъ Казимиръ долженъ былъ вступить въ переговоры о мирѣ; то одною изъ статей условія перемирія было *уничтоженіе Уніи* въ завоеванныхъ областяхъ; затѣмъ, присоединеніе Бѣлоруссіи вмѣстѣ со Смоленскомъ, также Малороссіи къ Россійскому государству; признаніе королемъ польскимъ царя Алексѣя Михаиловича еще при жизни Казимира, а по смерти короля вступить царю на польскій престолъ и друг.

Въ занятыхъ москвичами владѣніяхъ литовскихъ, въ томъ числѣ и Смоленскѣ. отъ уніатовъ и базиліанъ, все перешло къ православному духовенству. Но въ Смоленскѣ и католичество не было сильно, поэтому и оно не могло быть оставлено. Покинутые ксендзами и іезуитами храмы должны были на ряду съ уніатскими перейти тоже къ православнымъ. Для возстановленія дѣлъ церковныхъ въ обширной Смоленской области нуженъ былъ *епископъ православный*. Уже съ 1639 года для Смоленска закрыта была эта должность, какъ не нужная, ибо извѣстно, что при Владиславѣ всѣ храмы Смоленской области вплоть до Дорогобужа были или уніатскими, или католическими. На Соборѣ въ Кіевѣ при митрополитѣ Петрѣ Могилѣ 1642 года между всѣми собравшимися и подписавшимися православными епископами не упоминается Смоленскій [1]). Послѣдній православный архіепископъ, носившій званіе Смоленскаго и Черниговскаго,—*Исаія Копинскій* былъ только до 1628 года, и то не жилъ въ Смоленскѣ, а въ Густынскомъ и Лубенскомъ монастыряхъ; [2]) даже уніатство перестало имѣть своего владыку въ самомъ городѣ. Изъ трехъ долженствовавшихъ быть въ Смоленскѣ епископовъ къ концу польскаго владычества былъ на лицо въ городѣ только католическій бискупъ.

Теперь, по оставленіи имъ каѳедры со взятіемъ города, назначенъ былъ временно въ Смоленскъ православный архіе-

---

[1]) Истор. Фил. IV, 102, примѣч. 216.

[2]) Ист. стат. описан. См. епар.

пископъ *Лаврентій*, которому и выпала доля на первыхъ порахъ установлять православное богослуженіе въ Смоленскѣ, прежде всего, въ Соборномъ католическомъ храмѣ, «на Горѣ». Затѣмъ, ему же, конечно, пришлось преобразовывать по православному чиноположенію, сколько можно было, и другіе городскіе храмы. Такъ къ 1659 году преобразовался въ православный Спасскій храмъ, находящійся въ крѣпости города въ переулѣ того же имени. Онъ сначала былъ малый деревянный, такъ что его не примѣтно на картинахъ, изображающихъ Смоленскъ; но что онъ существовалъ въ польскую эпоху, это видно изъ отписки священнослужителей этой церкви царю Петру въ 1695 г., гдѣ они писали, что «церковь ихъ старинная, построенная за владѣніемъ короля польскаго» [1]); безъ сомнѣнія, въ польскую эпоху она была уніатская, хотя вначалѣ построена православными. Обратимъ при этомъ вниманіе на слѣдующій фактъ: названіе нѣкоторыхъ посадскихъ храмовъ или разрушенныхъ поляками, или которыми завладѣли католики, повторяется въ крѣпости города, какъ-бы въ замѣнъ утраченныхъ. Такъ повторилось въ крѣпости названіе *Ильинскаго* храма, бывшаго сначала за Днѣпромъ; [2]) *Покровскаго*, существовавшаго тоже за Днѣпромъ на Покровской горѣ; *Никольскаго* (Николы Полетѣлаго), устроеннаго не далеко отъ Еленинскихъ воротъ [3]), а прежде стоявшаго въ Пятницкомъ острогѣ, за ручьемъ того же имени, подъ Никольскою башнею и друг.; повторилось, какъ видимъ, памятованіе и *Спасскаго* монастыря, бывшаго на форштатѣ, которымъ завладѣли іезуиты для католическаго богослуженія, лишивши, такимъ образомъ, бывшихъ его прихожанъ, возможности посѣщать этотъ храмъ. Русскіе мѣщане и вообще православные посадскіе жители, вынужденные стѣснительными для предмѣстьевъ распоряженіями Сигизмунда III переселяться въ

---

[1]) Ист. ст. оп. См. епарх. 276 стр.

[2]) За Днѣпромъ былъ каменный, а теперь устроенъ былъ деревянный храмъ. Нынѣ же существующій каменный устроенъ при импер. Екатеринѣ II.

[3]) На Никольской улицѣ, гдѣ теперь домъ г. Крылова.

крѣпость города, чтобы по-прежнему вести свое мѣщанское торговое и промышленное дѣло, колонизировали замокъ, должно быть, приходскими группами, т. е. всѣмъ составомъ прихожанъ извѣстнаго храма, сколько ихъ уцѣлѣло отъ погромовъ; строили себѣ въ крѣпости новый храмъ, удерживая за нимъ наименованіе, которое носила прежде ихъ церковь. Они однако вынуждены были принять уніатство; а теперь, при возвращеніи города подъ Московскую державу, опять востановляется ихъ православіе архіепископомъ Лаврентіемъ. Но Лаврентію, завѣдывавшему Смоленскими паствою, приходилось сопровождать и лагерь царя во время его походовъ въ Литву. Поэтому рѣшено назначить въ Смоленскъ особаго постояннаго архіепископа. Царь приказалъ было въ 1657 г. перевести на это мѣсто полоцкаго епископа *Каллиста;* но онъ преждевременно умеръ, не попавши въ Смоленскъ. [1]) Окончательное дѣло устройства православія въ Смоленскѣ и его области принадлежитъ архіепископу *Филарету*, который переведенъ сюда въ 1659 году изъ Суздаля. Архипастырю велѣно было высочайшимъ указомъ взять съ собою изъ мѣста прежней каѳедры половину ризницы, нѣсколько человѣкъ пѣвчихъ,— этого не было и не могло быть въ Смоленскѣ; также приказано было взять «дѣтей боярскихъ», служившихъ при Суздальскомъ архіерейскомъ домѣ,—и въ нихъ заключался большой недостатокъ. Служилые люди—дворяне и подьячіе нужны были въ Смоленскѣ, какъ подручные люди у владыки и воеводъ, чтобы довѣрять имъ выполненіе распоряженій царя и вести канцелярское дѣло, соотвѣтственно московскимъ обы-

---

[1]) Въ Соборной Благовѣщенской г. Рославля церкви есть старинное напрестольное евангеліе, подписанное такъ: «лѣто 7167 (т. е. 1659 г.) іулія во 2 день, по указу государя, царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича, вся великія, и малыя, и бѣлыя Руссіи самодержца, преосвященный *Лазарь, архіепископъ Смоленскій и Мстиславльскій* далъ сію книгу, напрестольное евангеліе, изъ, Государевой казны въ городъ Рославль церкви Благовѣщенія Богородицы» («Рославл. памятники старины»—Ал. Шукина, въ Смол. Вѣст. № 81 1894 годъ) Эта надпись, если имя преосвященнаго прочитано вѣрно, доставляетъ новое свѣдѣніе для составляющагося хронологическаго списка смоленскихъ іерарховъ.

чаямъ и на русскомъ языкѣ. Между тѣмъ во время владычества поляковъ грамота и обученіе въ Смоленскѣ или на польскомъ языкѣ; даже, по взятіи города, въ школахъ употреблялись еще польскіе учебники и вообще господствовалъ польскій языкъ. [1]) Причины всему этому извѣстны. Так. образомъ мѣстные смоленскіе люди не были подготовлены для означенной государственной московской службы. Приходилось вызывать служилыхъ людей изъ другихъ городовъ; самъ царь иногда указывалъ нѣкоторымъ подьячимъ и грамотнымъ дворянамъ ѣхать въ Смоленскъ на службу, но они укрывались и не ѣхали въ городъ, говорящій польскимъ нарѣчіемъ. Поэтому ощущался здѣсь крайній недостатокъ въ служащихъ людяхъ. Вотъ чемъ объясняется то обстоятельство, что архіепископу было приказано *взять съ собою* суздальскихъ боярскихъ дѣтей. [2]) О малолюдствѣ подьячихъ и служащихъ дворянъ нерѣдко доносили царю воеводы даже въ послѣдующую пору и жаловались, что изъ за этого замедляются царскіе дѣла. Такъ въ 1667 году приказано было царемъ прежвія рейтарскія владѣнія разверстать между всѣми наличными въ то время рейтарами и старыми и новыми по ровну, а въ отведенное помѣстье каждому записать только по 5 дворовъ крестьянъ, не болѣе. На это воевода Иванъ Репнинъ отписываетъ царю слѣдующее: «въ Смоленску въ Съѣзжей избѣ противъ челобитья рейтаровъ выписывать въ Отказныя (или дачныя) книги некому: всего подъячихъ 4 человѣка, и тѣ нынѣ безпрестанно сидятъ за Росписными списками и за всякими городовыми дѣлами, и за малолюдствомъ подьячихъ Твои, Великаго Государя, дѣла многіе стали... И для разводу помѣстей рейтарамъ послать намъ некого: дворянъ въ Смоленску нѣту, кого бъ съ такое дѣло стало; а которымъ

[1]) Въ Семинарской библіотекѣ сохранились учебники даже отъ 1736—45 г.г., составленные на польскомъ языкѣ; инструкція при учреждении семинаріи въ 1728 г. писана двумя столбцами: одинъ на русскомъ, другой на польскомъ языкахъ (Истор. ст. опис. см. епарх. 30 стр.

[2]) Мурзак. 180 стр.

быть по нуждѣ и мочно, и тѣ всѣ у твоихъ Великаго Государя дѣлъ О малолюдствѣ мы писали непередъ сего не единожды». Государь на это распорядился такъ: «Дворянъ и подьячихъ, которымъ указано быть въ Смоленску, а они буде еще не поѣхали,—велѣть сыскать и выслать тотчасъ безсрочно» [1]).

Архіепископу Филарету пришлось восполнять то, что не сдѣлалъ его предшественникъ. Прежде всего, при Соборномъ храмѣ Богоматери не было колокольни: ее сдѣлалъ архіеп. Филларетъ въ 1663 году, такъ что она возвышалась надъ всѣмъ городомъ, что увидимъ далѣе изъ «Записокъ» Лизека [2]). Затѣмъ обращало на себя вниманіе всѣхъ православныхъ, также и царя, пріѣзжавшаго въ Смоленскъ, мѣсто уничтоженной древнѣйшей святыни города, т. е. участокъ земли, гдѣ стоялъ прежде Авраміевскій монастырь, участокъ, принадлежавшій теперь частному лицу. Въ 1656 году боярину и воеводѣ Петру Долгорукову велѣно было царемъ, гдѣ-нибудь дать завладѣвшему въ польскія времена этимъ мѣстомъ будовничему и шляхтичу Вонлярлярскому 100 дворовъ крестьянъ изъ Дворцовыхъ волостей [3]) и свести его туда; а на мѣстѣ монастыря основать опять церковь [4]), что и исполнено было. А въ 1658 году повелѣвалось царемъ учредить тамъ архимандрію; вслѣдствіе того посвященъ былъ въ Авраміевскій монастырь 1-й архимандритъ Ааронъ [5]). У будовничаго же Лярскаго отъ большого участка оставлена была здѣсь только малая усадьба по улицѣ, что означено раньше.

Архіепископу, занявшему каѳедру въ Смоленскѣ, какъ извѣстно, не было устроено дома на Соборной горѣ. По этому ему пришлось помѣщаться тамъ же, гдѣ жили раньше като-

---

[1]) *Допол. къ Акт. истор. Археол. ком. V т.* 328 стр.

[2]) Чрезъ 100 лѣтъ, въ 1675 году, епископъ Парѳеній сдѣлалъ вмѣсто нея новую колокольню, украшенную 2 рядами колоннъ стилей тосканскаго (въ нижнемъ ярусѣ 24 колоны) и коринѳскаго (въ верху 16 колонъ).

[3]) Дано было имѣніе, теперь село Вонлярово внизъ по теченію Днѣпра, за рѣчкой Катынью.

[4]) Истор.-стат. опис. Смол. епарх 270 стр.

[5]) Ibidem 271 стр.

лическіе бискупы Парчевскій и Гильзенъ, т. е. чрезъ ровъ отъ Соборнаго холма, на горѣ, гдѣ въ польскую эпоху образовался *Училищный клящторъ* [1]). Несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, что здѣсь жили послѣдующіе за Филаретомъ владыки смоленскіе: архіепископъ *Варсонофій* Еропкинъ (1671 г. 9 апр по 1675 г.), возведенный въ послѣдній годъ своего управленія Смоленскою епархіею въ санъ митрополита; затѣмъ — митрополитъ *Симсонъ* Милюковъ (съ 1675—1683 г. 30 авг.) [2]) и *Сильвестръ* Черницкій (1684 1706 г.). Отъ нихъ до сихъ поръ сохраняется домъ, самый древнѣйшій изъ деревянныхъ въ Смоленскѣ, на каменномъ фундаментѣ со сводами, подъ которыми существуютъ подвалы; домъ слишкомъ щитно устроенъ изъ толстыхъ брусьевъ, большею частію сосновыхъ; ему теперь надо насчитывать болѣе 200 лѣтъ. Отъ митрополичьей же эпохи въ этомъ домѣ, въ бывшей пріемной залѣ, когда то внутри оштукатуренной съ пилястрами по сторонамъ, уцѣлѣлъ на потолкѣ вензель одного изъ митрополитовъ, жившихъ въ этихъ покояхъ; вензель сдѣланъ рельефомъ прописною вязью, при полномъ соотвѣтствіи начертанія знаковъ одной стороны другой. Что вензель—митрополичій, это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что надъ нимъ сдѣлана митра съ крестомъ; а около нея изображены два жезла (архимандричій и епархіальный). Прочитанъ авторомъ этотъ вензель такъ: Архимандритъ Троицкій, Архіепископъ Смоленскій Варсонофій *Еропкинъ* [3]), и внизу послѣдняя буква означаетъ: Митрополитъ, что указано выше. Печи этого дома, перекладывавшіяся въ разное время съ прибавленіемъ новыхъ изразцовъ, сохранили до 12 видовъ разновременныхъ и разнообразныхъ по рисунку цвѣтныхъ кафель. На домѣ существовалъ мезонинъ, снятый архимандритомъ Иларіономъ въ 60 годахъ текущаго столѣтія и приспособлен-

---

[1]) Брошюр.: „Никиф. Андр Мурзакевичъ“ 10 стр.

[2]) Недавно найденъ надгробный камень этого митрополита и доставленъ въ Музей. На немъ годъ смерти означенъ 1683, авг. 30; а не 1699, какъ у историковъ Смоленска.

[3]) Въ „Истор. Смол.“—Мурзакевича, 181 стр.: *Эропкинъ*“.

ный для другого помѣщенія. Изъ означенной пріемной палаты, или залы, архипастыря на Соборную гору черезъ ровъ, называвшійся Сухой ровъ, были устроены, кромѣ означеннаго раньше мостика, еще—крытые деревянные переходы. Отъ кляштора осталась здѣсь малая церковь въ честь Зачатія св. Анны; она и до сихъ поръ удерживаетъ своеобразную, однако незатѣйливую архитектуру; кромѣ того, въ 30 годахъ текущаго столѣтія надъ нею возвышался еще длинный шпиль съ золотымъ яблокомъ, который не нравился епископу Іосифу Величковскому, и, по его приказанію, онъ былъ сломанъ [1]). Этою малою церковію пока и довольствовались святители, присутствуя на обычномъ богослуженіи. Но для торжественнаго архіерейскаго служенія у нихъ не было подходящаго храма. Соборный храмъ „королевскаго построенія“, какъ онъ тогда назывался, не нравился православнымъ владыкамъ по своему устройству, и они испросили позволеніе его сломать. Предполагалось въ Смоленскѣ, вмѣсто польскаго собора, построить новый огромный соборный храмъ, который бы своимъ великолѣпіемъ напоминалъ славу прошедшаго [2]). Пока составлялся планъ, готовился матеріалъ и началъ строиться новый соборъ, постройка котораго не могла произойти скоро и, дѣйствительно, замедлилась на 63 года (1677—1740 г.),—въ это время, по указу Государеву, архіеп. Варсонофій везетъ въ Москву для возобновленія двѣ чудотворныя иконы Богородицы: Одигитрію и Надворотнюю, и тамъ выпрашиваетъ у государя позволеніе основать въ крѣпости города Троицкій монастырь [3]). Тогда выстроенъ былъ большой каменный храмъ во имя Св. Троицы, существующій и теперь въ крѣпости города, исполнявшій нѣкоторое время роль каѳедральнаго. Первымъ священноархимандритомъ этого монастыря былъ, конечно, владыка Варсонофій, устроившій монастырь и жившій въ немъ. Къ началу управленія Смоленскою епархіею митрополита Симеона, монастырь является вполнѣ организован-

---

[1]) Слова Я. Спитко.

[2]) Истор. стат. оп. См. еп. 95 стр.

[3]) Мурз. 181 стр.

нымъ. Это видно изъ надписи славянскими буквами на одномъ потирѣ этого монастыря: «сосудъ сей устроенъ 1676 года для Троицкаго монастыря въ Смоленскѣ изъ серебра и золота казеннаго монастырскаго.» При митрополитѣ могъ быть подручный въ дѣлѣ управленія собственно монастыремъ игуменъ. Это и есть возобновленіе Троицкаго монастыря въ православный изъ базиліанскаго, разнорѣчиво и сбивчиво обозначаемое Смоленскими историками. Точно слѣдуетъ сказать: не возобновленіе, а возникновеніе монастыря на новомъ мѣстѣ. Прежній же Кловскій Троицкій монастырь, послѣ взрыва его въ 1634 году 30 августа, никѣмъ не поддерживаемый, за отсутствіемъ тамъ жителей, остался въ запустѣніи. Усадьба его по преемству перешла къ новому Троицкому монастырю и отчасти распахивается. Если не различать этой перемѣны мѣста монастыря, то исторія его будетъ предоставлять топографическія несообразности.

Съ устройствомъ новаго Троицкаго монастыря, который сталъ развиваться, владыкѣ стало тѣсно и неудобно жить въ монастырѣ; пришлось переселяться на Соборную гору. Упомянутый раньше митрополитъ Сильвестръ Черницкій, пока возводимо было громадное зданіе собора, устроилъ тамъ въ 1703 году каменную церковь во имя Іоанна Предтечи и при ней каменные архіерейскіе покои, состоявшіе изъ двухъ комнатъ, въ которыхъ помѣщается теперь архіерейская ризница. Съ этого времени въ Троицкомъ монастырѣ появляется особый *архимандритъ* Константинъ [1]); значитъ, митрополитъ переселился изъ монастыря и сложилъ съ себя должность архимандрита Троицкаго. Слѣдующій митрополитъ *Сильвестръ Крайскій*, позаботился уже, помимо строящагося большого холоднаго собора, сдѣлать себѣ деревянный теплый соборъ Богоявленскій на Соборной же горѣ. Такимъ образомъ митрополитъ совершенно отдѣлился отъ монастыря [2])

---

[1]) Ист. ст. оп. См. епар. 97 стр.

[2]) Старый теплый соборъ существовалъ до 1772 года; а въ этотъ годъ онъ былъ разобранъ и сдѣланъ новый (Трофим. 252 стр.)

Что касается *Іезуитскаго кляштора*, устроеннаго въ крѣпости города, къ которому приписанъ *Спасскій монастырь* на форштатѣ, и исторія которыхъ сдѣлалась совмѣстною; то объ нихъ надо сказать слѣдующее: царь Алексѣй Михаиловичъ, взявши городъ, устраиваетъ на мѣстѣ Іезуитскаго кляштора женскій Вознесенскій монастырь, по собственному почину, думать надо, вслѣдствіе обѣта, въ благодарность Богу за благополучное возвращеніе Смоленска. Причина, по которой царь устраиваетъ монастырь въ Смоленскѣ, именно—на означенномъ мѣстѣ, а не на какомъ-либо другомъ, слѣдующая: пунктъ этотъ по преемству составлялъ княжескую собственность и не требовалъ отчужденія, вдобавокъ здѣсь стояли готовыя келіи іезуитовъ, также малый деревянный храмъ іезуитскій, въ католическомъ стилѣ; слѣдовательно, былъ устроенъ ими, а не русскими; этотъ храмъ іезуитовъ примѣтенъ на картинѣ 1634 года. Почему царь Алексѣй Михаиловичъ посвящаетъ этотъ монастырь въ честь Вознесенія Господня? вопросъ этотъ рѣшается тѣмъ, что отправленіе самого царя подъ Смоленскъ для завоеванія ближе всего совпало со днемъ Вознесенія Господня После перваго мирнаго договора, когда военныя дѣйствія пріостановились, царь приказалъ изъ Оршанскаго Кутейкина монастыря игуменьѣ Ираидѣ Куракиной, по тогдашнему очень образованной женщинѣ, родомъ изъ смоленскихъ дворянъ, съ находившимися при ней 22-мя монахинями перейти въ готовое помѣщеніе бывшаго Іезуитскаго кляштора смоленскаго; назначилъ имъ содержаніе и жалованье. Такъ образовался Вознесенскій монастырь, перестроенный потомъ Петромъ Великимъ по собственноручно начертанному имъ плану. Отъ польской эпохи сохранилось здѣсь большое рѣзное распятіе Господа съ предстоящими Богоматерію и евангел. Іоан. Богословомъ.

Спасскій монастырь, принадлежавшій Іезуитскому кляштору преемственно перешелъ къ Вознесенскому монастырю, въ видѣ загородной усадьбы, или дачи. Въ 1680 году это

мѣсто и называлось: *«Загородною землею Вознесенскаго монастыря»*. Тамъ существовали еще ворота Спасскія, отъ которыхъ шли дороги: одна въ слободу Чуриловку, другая на большую Оршанскую дорогу и друг.; стоялъ еще и храмъ Всемилостиваго Спаса Преображенія, но богослуженіе въ немъ за отсутствіемъ жителей, не возстановлялось. Это мы заимствовали изъ рукописнаго свитка, составленнаго въ означенномъ году, въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича, при воеводѣ Иванѣ Борисовичѣ Троеруковѣ, и содержащаго раздѣльный межевой актъ владѣльцевъ земли. Игуменья Вознесенскаго монастыря Ираида подала челобитье, что Чуриловской слободы войтъ Андрюшка Борисовъ, а съ нимъ всѣ *крестьяне* этой слободы, подчиненные ему, завладѣли неправильно монастырскою землею на 20 десятинъ; также голова московскихъ стрѣльцовъ Иванъ Шапкинъ, начиная отъ пустоши Кловки, завладѣлъ двумя десятинами, гдѣ посѣялъ четверть пшеницы, а сжалъ 720 сноповъ. По этому челобитью пріѣхалъ изъ Москвы поручикъ Тимофей Корницкій. Онъ отмежевалъ по старымъ копцамъ и межамъ, по описнымъ книгамъ и сказкамъ старожиловъ границы загородняго владѣнія Вознесенскаго монастыря: «которые же копцы попорчены Адамомъ Зарембою (землемѣръ въ польскую эпоху), въ тѣхъ мѣстахъ учинилъ копцы вновь»; велѣлъ землею владѣть игуменьѣ по прежнимъ крѣпостямъ. А хлѣбъ, который собралъ Шапкинъ, распорядился отдать игуменьѣ; тоже и Чуриловскимъ крестьянамъ отказалъ въ 20 десятинахъ земли. Слѣдя по акту за описаніемъ границъ, мы извлекаемъ еще слѣдующія данныя: на пространствѣ отъ крѣпости города до теперешней деревни Чернушекъ былъ въ то время лѣсъ ольховый, изрѣдка встрѣчались и большія сосны. Упоминаются «старыя сажалки» (пруды) за церковію архангела Михаила. Остатки этихъ сажалокъ, заросшихъ кустарникомъ и теперь еще можно наблюдать за мызой Корольковыхъ. Онѣ представляли изъ себя систему малыхъ прудовъ. Существованіе

ихъ заставляетъ предполагать здѣсь широкій хозяйственный бытъ, вѣроятно, въ княжескую эпоху. Упоминается о храмѣ Борисоглѣбскомъ, какъ еще существующемъ.

Когда прекратили свое существованіе храмъ Всемилостиваго Спаса, ворота Спасскія и храмъ Борисоглѣбскій не извѣстно; быть можетъ, Петръ Великій, часто бывавшій въ Смоленскѣ и укрѣплявшій городъ, въ ожиданіи, что явится сюда съ войскомъ шведскій король Карлъ XII, для большей безопасности города, разобралъ зданія Спасскаго монастыря, чтобы они не послужили врагу прикрытіемъ, или укрѣпленіемъ, такъ какъ отъ нихъ городъ открытъ былъ для враждебныхъ непріятельскихъ дѣйствій. О времени же разрушенія Борисоглѣбскаго храма ничего не извѣстно. Развалины его, какъ Троицкаго храма на Кловкѣ, народъ называетъ: „*Костылище*“ и „*Костельщина*“. Это указываетъ, что народъ вспоминалъ о нихъ, какъ о храмахъ, носившихъ уже католическій характеръ. Они, какъ извѣстно, были уніатскими; но въ глазахъ тогдашняго простонародья то и другое понятіе, видимо, отождествлялось, потому что „Унія, — какъ говоритъ историкъ П. Брянцевъ, — съ того времени, какъ основанъ былъ Базиліанскій орденъ, начала все болѣе и болѣе перерождаться въ латинство“ [1]).

Долго ли послѣ поляковъ стоялъ не преобразованнымъ Свирскій Михаило-архангельскій храмъ, — опредѣленно сказать нельзя. Въ рукописи, составленной къ пріѣзду въ Смоленскъ императрицы Екатерины II въ 1787 году, подъ заглавіемъ „Историческое и географическое описаніе г. Смоленска“, въ отдѣлѣ, гдѣ перечисляется, когда и кѣмъ *устроены* смоленскіе храмы, сказано: устроена церковь *Архангельская не извѣстно кѣмъ въ 1713 году*. Эту замѣтку, характерную въ отношеніи знанія въ то время исторіи мѣстныхъ древностей, слѣдовало бы, конечно, разумѣть въ смыслѣ возобновленія храма послѣ владычества польскаго. Такимъ образомъ выходило бы,

---

[1]) Ист. лит. госуд. 432 стр.

что храмъ стоялъ не преобразованнымъ около 59 лѣтъ, что едва ли возможно. Гораздо лучше предположить слѣдующее: въ діаконикѣ этого храма устроенъ придѣлъ въ честь Алексѣя Божія человѣка. Означенный придѣлъ существовалъ задолго до 1812 года, какъ говорилъ старикъ Я. Снитко и какъ подтвердилъ одинъ историческій источникъ, именно: «Планъ г. Смоленска», приблизительно, 1786 года, находящійся въ Смоленской Епархіальной библіотекѣ, въ объясненіи къ которому написано: *церковь архистратига Михаила съ придѣлами Алексѣя Божія человѣка* и св: Александра Невскаго. Можно думать, что придѣлъ этотъ устроенъ въ честь святаго, имя котораго носилъ царь Алексѣй Михаиловичъ. Въ такомъ случаѣ преобразованіе храма слѣдуетъ отнести ко времени царствованія Алексѣя Михайловича, послѣ взятія Смоленска, до 1676 года, и предположить личное его вниманіе къ этому храму, тѣмъ болѣе, что не только вокругъ храма остались жители, для которыхъ нужно было православное богослуженіе; но къ нему тяготѣло населеніе загородныхъ дворовъ на Есяной рѣчкѣ владыки и бывшаго королевскаго, а теперь Государева Двора, какъ къ ближайшему и единственно оставшемуся храму въ западныхъ предѣлахъ и вообще во всей этой окраинѣ города [1]); въ него же являлись въ качествѣ прихожанъ жители пригороднаго имѣнія Вишенокъ.

При царѣ не было стѣсненія форштату и вообще посадамъ ни для промысловъ, ни для торговли, какъ это было при короляхъ. Безремесленнымъ мѣщанамъ дозволено было въ посадахъ и форштатѣ держать на откупу питейные дома, которые они, дѣйствительно и откупали [2]). Въ форштатѣ появились даже промыслы: гончарное производство, которое удерживается и теперь, также кирпичные заводы, бывшіе около сажалокъ, и кожевенные заводы; жители занимались, кромѣ того, садоводствомъ, огородничествомъ и землепашествомъ

---

[1]) Послѣ, уже въ прошедшемъ столѣтіи, устроили особый храмъ на Новомъ Архіерейскомъ Дворѣ (бывшая дача Тютчева), къ которому и приписали населеніе, или деревни означенныхъ владѣтельныхъ дворовъ на Есяной рѣчкѣ.

[2]) Доп. къ акт. истор. 324 стр. V т.

Тогда же тамъ начинаетъ фигурировать, въ качествѣ хлѣботорговца съ Ригою чрезъ Касплю, еще по королевскимъ традиціямъ, семейство Хлѣбниковыхъ. Хлѣбниковы устроили въ форштатѣ даже вѣтряную мельницу, которая означена на хранящемся въ Епархіальной библіотекѣ планѣ въ пространствѣ теперешней мызы Корольковыхъ.

Но форштатъ, захилѣвшій при Сигизмундѣ III не могъ уже подняться до сколько-нибудь значительнаго благосостоянія: кожевенные, напримѣръ, заводы были самые скудные и едва влачили свое существованіе до первой четверти текущаго столѣтія. Послѣдніе кожевники были: Солодовниковъ, жившій по долинѣ малаго рукава рѣчки Смядынки, Мих. Меркушевъ, имѣвшій домъ при началѣ форштата, и Сырытскій. Старикъ Як. Снитко помнилъ этихъ заводчиковъ: кто имѣлъ одинъ чанъ, кто два, и—только.

И восточное предмѣстье Смоленска упало совершенно; вслѣдствіе безлюдья, тамъ уничтоженъ былъ даже Духовской монастырь; память его возобновлена была построенною деревянною церковью въ честь Св. Духа на Рачевкѣ подъ городскою стѣною, но и эта церковь сгорѣла во время французовъ.

Въ замѣнъ форштата развивается при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ городъ за Днѣпромъ. Развитію его помогали: 1) Московскій сухопутный трактъ, проведенный въ это предмѣстье и дѣлавшійся болѣе и болѣе люднымъ и оживленнымъ, вслѣдствіе присоединенія Смоленска подъ одну съ Москвою державу, а также вслѣдствіе прекращенія на немъ разныхъ препятствій для торговцевъ, какъ это было было при короляхъ, и, наконецъ, вслѣдствіе уменьшенія сообщеній по Днѣпру по причинѣ его мелководья. 2) помогали увеличенію населенія за Днѣпромъ и нѣкоторыя распоряженія царя.

Смоленская крѣпость, при постоянныхъ военныхъ столкновеніяхъ двухъ враждующихъ государствъ, чѣмъ дальше по времени, тѣмъ болѣе получала стратегическое значеніе важнаго пункта, властвующаго надъ пограничными Москвы съ Литвою

городами и волостями: такъ что которое государство владѣло этою твердынею, то и имѣло перевѣсъ. Уже поляки заботились о возможно большемъ сгруппированіи тамъ военныхъ орудій: Сигизмундъ III, отчасти и Владиславъ привезли въ Смоленскую крѣпость много пушекъ изъ разныхъ городовъ литовскихъ, отлили и доставили сюда новыя [1]). Польское государство заботилось также и томъ, чтобы, возможно болѣе, населить крѣпость людьми всякаго рода, но преимущественно, какъ мы видѣли, — торговыми, также и людьми, умѣющими владѣть огнестрѣльнымъ оружіемъ. А теперь царь Алексѣй Михаиловичъ, видимо, желаетъ сдѣлать ее исключительно военнымъ пунктомъ.

Тотчасъ послѣ Андрусовскаго договора въ 1667 году, государь позаботился починить крѣпость, потому что она послѣ поляковъ оказалась «во многихъ мѣстахъ не покрытою; въ башняхъ верхніе и нижніе мосты стали худы; а въ иныхъ мѣстахъ и городовая стѣна порушилась. Ровъ во многихъ мѣстахъ осыпался; а тайники и казенные погреба съ каменными выходами обвалились, потому что береженія и починки не было. Амбаровъ и житницъ оказалось мало: хлѣбныхъ запасовъ сыпать негдѣ». Приняты были воеводою Репнинымъ мѣры произвести означенныя подѣлки и укрѣпить городъ по прежнему [2]). По башнямъ крѣпости «во всегдашнемъ нарядѣ» разставлено было 87 пушекъ, больше—мортирныхъ. Устроенъ былъ Пушкарскимъ приказомъ на Облони (по преданію, около Плаца, гдѣ дома Глинки) Казенный амбаръ, въ которомъ на запасѣ было еще 274 пушки, вѣроятно, на случай осады для разставленія ихъ въ разныхъ бояхъ, или амбразурахъ, по стѣнѣ;

---

[1]) Доп. къ Акт. Ист. изд. 1853 г. V т. стр. 294—308.

[2]) Доп. къ Акт. ист. V т. 325 стр. Въ 1692 году по указу царей Іоанна и Петра Алексѣевичей при воеводѣ Ив. Ив. Головинѣ вновь произведена была капитальная починка всей стѣны и башенъ, стоившая большихъ денегъ («Смол. епарх. вѣдом.» за 1883 и 84 г.г.). Въ 1697 году ураганомъ снесло съ зубцовъ крышу; съ тѣхъ поръ крыша надъ стѣною не возобновлялась («Достопам. См.» въ жур.; Чтен. общ. древ. 1846 г. № 2, стр. 11).

крѣпости къ каждой пушкѣ приготовлены были особыя ядра въ количествѣ сотни и болѣе Кромѣ того, «*дробныхъ*», или малаго калибра, полковыхъ пушекъ, на случай похода, находилось въ казенныхъ сараяхъ 73. Такъ показано въ Пріемной описи Смоленска Пушкарскимъ головою Шубинымъ (1667—1671 г.г.). Сюда въ счетъ не вошли испорченныя 9 пушекъ, еще—20 картузовъ изъ бѣлаго желѣза съ мушкетными пулями, 400 стрѣлъ—заряженыхъ зажигальныхъ, 38 козъ, что съ города спущаютъ, 1 дюминъ большой съ петлею и т. д. [1]). Пушки были разнаго производства: русскія (стараго смоленскаго наряда и новыя: московскія, тульскія и каширскія), польскія, литовскія, шведскія, голландскія (изъ Амстердама) и нѣмецкія; поэтому онѣ представляли изъ себя большое разнообразіе въ фасонахъ, длинѣ, величинѣ, въ отдѣлкѣ и изукрашеніяхъ; на многихъ изъ нихъ обозначено было прозваніе пушки, имя мастера, годъ литья и другія помѣтки. Теперь этихъ пушекъ въ Смоленскѣ нѣтъ. Куда онѣ дѣлись? Въ 1702 году, когда Петръ Великій заложилъ въ Москвѣ цейхгаузъ (нынѣшній арсеналъ), то данъ былъ царемъ указъ, чтобы отовсюду перевезены были и помѣщены въ цейхгаузѣ «для памяти на вѣчную славу» всѣ иностранныя и примѣчательныя нашего литья пушки и мортиры. Въ 1704 году, на основаніи этого указа, будто бы «знатную часть артиллеріи изъ Смоленска отправили въ Москву». Но теперь въ Москвѣ нѣтъ ни одного смоленскаго орудія [2]). Если и были отправлены изъ Смоленска, то старыя поломанныя или негодныя орудія; хорошія же оставлены были въ Смоленскѣ. Многія изъ нихъ понадобились потомъ, во время войны съ Карломъ XII; а иныя оставлены были въ крѣпости города: героя полтавской битвы, Петра Великаго, встрѣтили въ Смоленскѣ съ пушечной пальбою [3]). Въ 1725 было въ Смоленскѣ только уже

[1]) Доп. къ Акт. ист. V стр. 294—310.

[2]) Доп. къ Акт. ист. V т. примѣч. 7 стр.

[3]) „Записки о Петрѣ Велик.“ I томъ, стр. 187 и 193.

98 орудій [1]). Старикъ Як. Спитко говорилъ, что однѣ изъ этихъ оставшихся пушекъ, именно длинныя, были отправлены куда-то по Днѣпру, къ Кіеву. Такимъ образомъ мы видимъ, что при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ Смоленская крѣпость имѣла много огнестрѣльныхъ орудій.

Къ нимъ надо было приставить много и людей, умѣющихъ владѣть ими: пушкарей и разныхъ стрѣльцовъ. Если въ 1659 году мы встрѣтили въ составѣ смоленскаго населенія дома шляхтичей (нѣкоторые изъ нихъ служили рейтарами, т. е. въ конницѣ), дома казаковъ, мѣщанъ, изрѣдка и дома стрѣльцовъ (упоминался стрѣлецъ изъ «*приказа*», или отряда, Дурышкина); то къ 1666 году въ крѣпости указываются дома уже генеральскіе (генералъ-маіоръ Данило Крафертъ), полковничьи, дома головъ и сотниковъ стрѣлецкихъ; является цѣлая Слобода солдатская у стѣны, около Авраміевскаго монастыря [2]). Это значитъ, что правительство стало наполнять городъ почти исключительно военнымъ населеніемъ. Простые граждане—торговое сословіе и вообще мѣщане, которыхъ привлекалъ въ крѣпость Сигизмундъ III, должны были уступать мѣсто военнымъ людямъ.

Въ 1666 году данъ былъ царемъ указъ слѣдующаго содержанія: отвести мѣсто въ крѣпости, гдѣ пристойно, и устроить стрѣлецкія слободы для «Приказовъ Ефимьева да Тяпкина», назначенныхъ жить въ Смоленскѣ; всего поступало въ крѣпость 1000 человѣкъ. Воевода князь Прозоровскій, осмотрѣвши городъ нашелъ болѣе удобнымъ построить эти новыя Стрѣлецкія слободы: «начиная отъ Солдатской слободы, что у Авраміевскаго монастыря, подлѣ городовой стѣны», и продолжить ихъ далѣе къ Георгіевской церкви «по обѣ стороны Крутого боярага». Но какъ на томъ бояругѣ между порожними мѣстами были дома рейтаръ, и мѣщанъ, и Донскихъ казаковъ, и начальныхъ людей; то Прозоровскій при-

[1]) Ник. 235.

[2]) Допол. къ Акт. истор. V т. 78 стр.

казалъ *«съ тѣхъ мѣстъ райтарамъ, и смолянамъ, и Донскимъ казакамъ, и мѣщанамъ дворы свои свозить за городъ* [1]); объ этомъ и послалъ докладъ Государю.

Изъ приведеннаго факта видно, что вытѣсняются изъ города не только мѣщане, но нѣкоторая часть и военныхъ людей, именно конные: рейтары—и казаки; ихъ, значитъ, было излишество въ крѣпости; да имъ, имѣющимъ коней, удобнѣе всего было располагаться за городомъ. Вѣроятно, къ тому времени слѣдуетъ отнести образованіе другой существующей и теперь въ Смоленскѣ *Донщины за Днѣпромъ*, у Петропавловской церкви, покрайней мѣрѣ священнослужители этой церкви еще въ 1697 г. отписываютъ царю Петру Великому, что за ними числится въ приходѣ Солдатская слободка [2]). Въ 1667 году переведены были въ Смоленскъ еще стрѣльцы московскіе: приказу, или полку, *Кирила Нарышкина*, да Сухарева приказу стрѣльцы, бывшіе въ Полоцкѣ; иные изъ нихъ были женатые [3]). Надо было и имъ дать помѣщеніе въ крѣпости города. Здѣсь напомнимъ о полковникѣ Нарышкинѣ Кирилѣ Полуектовичѣ Онъ, когда перемѣщенъ былъ въ Смоленскъ, имѣлъ дочь *Наталью Кириловну*, которую обучала и воспитывала при себѣ игуменья Вознесенскаго монастыря Ираида Куракина, упоминаемая раньше. Воспитанницѣ этой почтенной игуменьи суждено было потомъ сдѣлаться царицею и матерью Великаго Преобразователя Россіи Петра I. Вотъ почему Петръ Великій оказывалъ слишкомъ много милостей Вознесенскому монастырю [4]).

Итакъ, благодаря своему важному стратегическому значенію, Смоленская крѣпость въ царствованіе Алексѣя Михайловича переполнилась стрѣльцами; оттого возникаютъ здѣсь еще новыя военныя слободки; такъ извѣстно, что существо-

---

[1]) Допол. къ Ак. истор. V. 78 стр.
[2]) Истор. стат. опис. См. епар. 278 стр.
[3]) Доп. къ акт. ист. 321. стр V т.
[4]) Ист. ст. оп. См. епарх. 224 стр.

вали прежде офицерская и солдатская слободки на мѣстѣ теперешней Блони.

А торговое и промышленное сословіе, выселяемое изъ крѣпости, стало группироваться въ образовавшейся торговой части города за Днѣпромъ. Тамъ устроили опять, какъ было при царѣ Василіи Ивановичѣ III, гостинные дворы. Уже въ царствованіе Алексѣя Михаиловича предмѣстье это, быстро развиваясь при благопріятныхъ для него обстоятельствахъ, преобразилось въ цѣлый городъ, который количествомъ построекъ и заселенностью казался больше самой крѣпости города. Нѣкоторое представленіе о его благосостояніи въ то время даетъ намъ Адольфъ *Лизекъ*, секретарь посольства австрійскаго императора Леопольда къ царю Алексѣю Михайловичу въ 1676 году. Посольство направилось въ Москву чрезъ Смоленскъ, гдѣ пробыло три дня. Адольфъ Лизекъ записалъ въ своихъ мемуарахъ впечатлѣніе, какое произвелъ на него этотъ городъ. Въ мемуарахъ означенъ Смоленскъ раздѣленнымъ рѣкою на 2 части: *Старая крѣпость и Новая крѣпость* Историки Смоленска разногласятъ въ толкованіи, какую часть города надо разумѣть подъ однимъ названіемъ и какую подъ другимъ. Съ совершенною убѣдительностію можно сказать, что подъ *Новою крѣпостію* Лизекъ разумѣлъ *Заднѣпровскую часть* города, которая была, значитъ, въ то время укрѣплена внѣшнимъ огражденіемъ. Приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ этихъ записокъ Адольфа Лизекъ.

Претерпѣвши въ продолженіи 9 недѣльнаго путешествія безчисленныя непріятности, послы въѣхали въ предѣлы Московскіе, не бывъ въ состояніи, по причинѣ безпрерывныхъ польскихъ грабежей и набѣговъ, дать знать о своемъ приближеніи. Наконецъ послы пріѣхали въ первую деревушку Великаго княжества Смоленскаго и сообщили о себѣ въ Смоленскъ. Ихъ тамъ *давно ожидали* и отправили въ Рашино, гдѣ они остановились, комиссара, или пристава, съ 30 по-

возками. 17 августа 1676 года они тронулись изъ Рашина подъ прикрытіемъ отряда стрѣльцовъ. Проѣхавъ 8 миль, послы остановились ночевать среди лѣса, гдѣ, по причинѣ опасности отъ медвѣдей, приказывали часто стрѣлять и развели большіе огни. Съ наступленіемъ утра послы опять пустились въ путь съ чрезвычайною быстротою. «За милю передъ Смоленскомъ мы,—пишетъ Лизекъ,—остановились; а приставъ поѣхалъ въ городъ просить позволенія о впущеніи насъ туда. Въ послѣднее время, по возвращеніи города отъ Польши, *въѣздъ* въ него *запрещенъ иностранцамъ* изъ опасенія, чтобы они, узнавъ о расположеніи крѣпости, не воспользовались этимъ въ случаѣ войны. Приставъ возвратился со своими товарищами и объявилъ отъ имени воеводы, что въ знакъ особаго довѣрія къ императору и расположенія, какое до сихъ поръ никому изъ иностранцевъ не было оказано, позволяется всему нашему посольству вступить въ городъ.

Чрезъ полчаса предъ нами открылся большой городъ, который до того времени скрывался за лѣсомъ и горами. На «*полѣ*» насъ окружила толпа стрѣльцовъ, и любопытныхъ, смотрѣвшихъ на нѣмецкихъ людей, какъ на диво. На встрѣчу намъ выѣхалъ отрядъ конницы съ начальникомъ во главѣ. У *городскихъ воротъ* стояло множество воиновъ, которые намъ отдали честь; на улицахъ до самой Новой крѣпости, куда слѣдовало намъ ѣхать, толпился народъ.

Русскіе считаютъ Смоленскъ какъ-бы не побѣдимымъ укрѣпленіемъ своего отечества. Мѣсто смоленскаго воеводы — самое почетное и дается вельможѣ, заслужившему полную довѣренность отъ царя [1]. Въ городѣ содержится *большой гарнизонъ*. При въѣздѣ въ Новую крѣпость, одинъ изъ военачальниковъ спросилъ насъ, по народному обычаю, о здоровьи и поздравилъ съ пріѣздомъ отъ имени воеводы. Въ *домѣ, для посольства назначенномъ*, мы нашли все въ порядкѣ и для каждаго порцію жизненныхъ припасовъ и напитковъ.... Смо-

---

[1]) Въ это время воеводою былъ князь Михаилъ Голицынъ.

ленскъ—городъ обширный и хорошо отстроенный. Старая крѣпость лежитъ на другомъ берегу Днѣпра и заключаетъ въ себѣ столько строеній, что *кажется городомъ*. Съ одной стороны омываетъ ее рѣка, съ другой окружаютъ острыя скалы; а по срединѣ возносится *башня съ храмомъ Божіей Матери*. Все это даетъ крѣпости *грозный видъ*». Три дня пребывали послы въ Смоленскѣ. Закупивши все нужное для остальнаго пути, они на четвертый день отправились въ Москву въ сопровожденіи многочисленныхъ воиновъ.

«Путь отъ Смоленска до Москвы,—продолжаетъ Лизекъ,—сколько опасенъ отъ медвѣдей, столько и скученъ по причинѣ непрерывныхъ лѣсовъ. Единственная между этими городами дорога идетъ по полосѣ вырубленнаго лѣса, шириною около 30 футовъ, съ бревенчатою по болотамъ настилкою»[1]).

Сдѣлаемъ теперь анализъ фактовъ, сообщаемыхъ Адольфомъ Лизекомъ, чтобы оріентироваться въ пониманіи мѣстности. Прежде всего, отмѣтимъ нѣкоторое несогласіе ихъ Пословъ везутъ въ Смоленскъ, гдѣ ихъ давно ожидаютъ; приготовлено имъ помѣщеніе и провизія для стола. Уже они находятся вблизи города и знаютъ, что ихъ везутъ въ Смоленскъ, и вдругъ просятъ позволенія впустить ихъ въ городъ. Имъ на это отвѣчаютъ, что иностранцевъ впускать туда нельзя, потому что они могутъ высмотрѣть расположеніе укрѣпленій и воспользоваться этимъ въ случаѣ войны. Если и возможно для нихъ, столь важныхъ посланниковъ, сдѣлать исключеніе, то съ дозволенія воеводы. Поэтому поѣздъ останавливаютъ въ 1-й милѣ отъ города, и приставъ ѣдетъ испрашивать разрѣшенія... Все это будетъ казаться противорѣчивымъ и страннымъ, если не имѣть въ виду того предположенія, что запрещеніе впускать иностранцевъ простиралось не на весь городъ, а только на нѣкоторую часть его, именно ту, которая должна составлять военный секретъ, т. е. крѣпость. Но въ данномъ случаѣ, у Лизека обѣ половины города называются крѣпо-

---

[1]) Журн. М. Н. Просв. 1837 года, ноябрь м.

стями; поэтому пока еще не рѣшается вопросъ: куда нельзя было впускать пословъ? Ихъ, очевидно, намѣренно держатъ за милю, не доѣзжая до Смоленска: думать надо, что отсюда шелъ двойной путь—въ одну часть города и другую; смотря по тому, какъ рѣшитъ воевода, можно было направить поѣздъ по одной дорогѣ и другой, т. е. миновать запрещенную для иностранцевъ часть города и прослѣдовать чрезъ нее. Отвѣтъ воеводы получился въ благопріятномъ для пословъ смыслѣ. Ихъ везутъ къ *«назначенному для посольства дому»* не окольнымъ путемъ, а прямымъ, чрезъ ту половину города, куда безъ разрѣшенія ихъ не впустили бы. Лизекъ назвалъ эту половину «Старою крѣпостію»; но въ Смоленскѣ всякое мѣсто есть старое, а крѣпость въ собственномъ смыслѣ, построенная Борисомъ Годуновымъ, была для того времени сравнительно новымъ явленіемъ; оттого историки и сбиваются въ пониманіи термина, который употребилъ Лизекъ: *Старая крѣпость*. Послы, проѣхавши чрезъ эту Старую крѣпость, должны были встрѣтить мостъ, соединяющій ту и другую половину города. При въѣздѣ въ Новую крѣпость, гдѣ назначена была имъ квартира, ихъ спросили о здоровьѣ и т. д.

Подобное обозначеніе порядка слѣдованія посольства ставитъ читателя въ полное недоумѣніе. Правда Лизекъ указалъ еще на городскія ворота, въ которыя пришлось въѣзжать посламъ; но ворота бываютъ въ каждой крѣпости. Итакъ—съ какой же половиной города послы ознакомились сначала и съ которой послѣ? Здѣсь вопросъ сводится къ тому, по каторому пути они ѣхали къ Смоленску.

Существовали и существуютъ пути: во-первыхъ, дорога по правой сторонѣ Днѣпра, чрезъ волость Порѣчскую, и, во-вторыхъ, дороги по лѣвую сторону этой рѣки (Оршанская и Мстиславльская). Предполагалось прежде, до просьбы пословъ, провести ихъ прямо къ дому, для нихъ назначенному въ Новой крѣпости, минуя Старую. Если-бы ихъ везли по дорогѣ Порѣчской, то, вслѣдствіе существованія рѣки, если не пере-

плывать чрезъ нее, нельзя миновать одну половину города (Нижнюю), чтобы попасть въ другую (Верхнюю), да и просьба пословъ о позволеніи проѣхать имъ чрезъ первую половину не имѣла бы смысла. Направляясь же къ Смоленску по какой-либо изъ дорогъ лѣвой стороны Днѣпра, можно было пріѣхать, какъ вздумается: и въ верхнюю часть города по новой дорогѣ проложенной, какъ было уже упомянуто въ предыдущей главѣ, Сигизмундомъ III, именно — отъ Есяной рѣчки къ Молоховскимъ воротамъ; можно было и миновать её, ѣдучи по старымъ дорогамъ черезъ форштадтъ по самому берегу Днѣпра и далѣе около Годуновской крѣпости, но не видя того, что дѣлается за ея стѣнами. Такимъ образомъ выходитъ, что послы приближались къ Смоленску по которой-либо изъ дорогъ, находящихся по лѣвой сторонѣ Днѣпра. А отсюда вытекаетъ, что первая встрѣтившаяся имъ половина города была Верхняя часть его, это и есть, по названію Лизека, *Старая крѣпость*. Въ этомъ еще болѣе насъ убѣждаетъ указаніе того, что встрѣтилъ Лизекъ на пути, проѣзжая черезъ эту крѣпость, а именно: передъ нею находилось *поле*. Это поле издревле существовало, какъ указано раньше, передъ Молоховскими воротами. На немъ посольство было окружено толпою стрѣльцовъ; а, извѣстно, что стрѣльцами въ то время была наполнена Годуновская крѣпость. Въ крѣпости передъ полемъ были ворота, въ которыя посольство и проѣзжало, — это Молоховскія ворота. Слѣдовательно, послы ѣхали въ крѣпость по верхней дорогѣ.

Далѣе, при описаніи въѣзда пословъ въ Новую крѣпость черезъ мостъ, у Лизека уже не упоминается никакихъ воротъ: дѣйствительно, Нижняя (или правая) часть города по самому берегу Днѣпра тогда не имѣла укрѣпленія, какъ было въ старину и на лѣвомъ берегу рѣки [1]).

Теперь посмотримъ, какъ характеризуется старая крѣпость:

---

[1]) Только съ устройствомъ Кронверка въ 1706 году часть праваго берега получила огражденіе, что увидимъ далѣе.

она имѣетъ «грозный видъ»: такими, дѣйствительно, казались всѣмъ въ прежнее время Годуновскія стѣны; тамъ находится много строеній и большой гарнизонъ; по срединѣ крѣпости возвышается башня съ храмомъ Богоматери, т е. соборная колокольня, построенная епископомъ Филаретомъ при соборѣ, оставшемся отъ поляковъ. Все это соотвѣтствуетъ Верхней части города.

Новая же крѣпость, это торговая часть, гдѣ посольство прожило три дня и дѣлало закупки для дальнѣйшаго пути. Лизекъ пишетъ, что «Старая крѣпость по множеству строеній кажется какъ бы городомъ»; слѣдовательно, она въ то время не составляла главной части города, а показалась Лизеку только прибавленіемъ города. Самый же городъ находился за Днѣпромъ.

Австрійскій императоръ Лопольдъ, отправляя пословъ, имѣлъ въ виду заключить наступательный и оборонительный союзъ противъ Турціи, но не успѣлъ въ этомъ. Тогда онъ обратился къ посредничеству польскаго короля Яна Собѣсскаго. Польша сама нуждалась въ этомъ союзѣ, будучи тѣснима турками. Россія согласилась на этотъ союзъ съ условіемъ утвердить за нею вѣчно Смоленскъ, Дорогобужъ, Бѣлую, Красный, Рославль, Сѣверскую область, всю Малороссію на лѣвомъ берегу Днѣпра и Кіевъ съ его землями, также Запорожскихъ казаковъ. Польша была не въ силахъ противостоять этимъ требованіямъ, и въ 1686 году 26 апрѣля былъ заключенъ договоръ на указанныхъ условіяхъ. Говорятъ, что король Янъ Собѣсскій со слезами на глазахъ подписывалъ этотъ трактатъ, рѣшившій навсегда первенство Россіи надъ Польшею.

Съ того времени наступила новая эпоха для Смоленска. Окончились враждебныя дѣйствія въ пограничныхъ городахъ Россіи съ Польшею; прекратились также грабежи и набѣги, на что жаловался въ своихъ запискахъ Лизекъ. Купцамъ стало свободно пріѣзжать въ Смоленскъ. Торговля ожи-

вилась. Ею заинтересовались Прусскіе купцы, которые въ 1689 году при посредствѣ чрезвычайнаго посла, стали ходатайствовать у царей Іоанна и Петра Алексѣевичей о свободномъ ихъ проѣздѣ въ Смоленскъ для торговаго дѣла, тѣмъ болѣе что въ Смоленскѣ къ тому времени завелась почта для сношенія съ Польшею и пограничными городами. Прежде извѣстія посылались со скороходами, которые несли письма и эстафеты отъ одного пункта къ другому, преемственно передавая ихъ другъ другу до мѣста назначенія. Нѣкоторымъ скороходамъ усвоены были фамиліи, соотвѣтствующія ихъ занятію, напр. по преданію, извѣстенъ былъ *Текоцкій*; старыя фамиліи смолен. мѣщанъ: *Ходыкинъ* и *Ходкевичъ*,—напоминаютъ о томъ же.

Теперь почту обязаны были переправлять на своихъ лошадяхъ купцы. Ходатайство прусскихъ купцовъ было уважено, и они стали пріѣзжать въ Смоленскъ для торговли. Сами смоляне въ установившееся мирное время стали болѣе свободно ѣздить черезъ Касплю въ Ригу и въ Англію, какъ напр. изъ смоленскихъ купцовъ извѣстны Хлѣбниковы, жившіе на форштатѣ около Свирской церкви. Они сбывали тамъ хлѣбъ, лѣсные матеріалы, кожи, сало, ленъ и пеньку. Кромѣ того, купцы смоленскіе стали ѣздить въ Данцигъ для торговли, вывозили оттуда чужеземные товары и распродавали ихъ въ Смоленскѣ и въ окрестныхъ городахъ, а также въ Украйнѣ. Изъ Украйны, или Малороссіи, привозили въ Смоленскъ плодовитыя деревья и разводили ихъ у себя въ садахъ, такъ что ко времени императора Петра I Смоленскъ сталъ въ окрестныхъ городахъ славиться фруктами. Императоръ Петръ Великій распорядился развести смоленскія фруктовыя деревья въ Ригѣ. Въ 1697 году купцы изъ Бранденбурга и Кенигсберга могли свободно ѣздить въ Смоленскъ съ товарами, платя только установленныя пошлины [1]).

По указанному вѣчному договору далеко отодвинулись отъ

---

[1]) Никитинъ, стр.: 211, 217 и 221.

Смоленска непріятельскія границы, и Смоленскъ постепенно перестаетъ имѣть прежнее значеніе важнаго военнаго пункта. Въ немъ уже нѣтъ надобности содержать большой гарнизонъ. И вотъ въ 1697 году, когда Россія, вслѣдствіе оборонительнаго и наступательнаго договора, была увлечена въ войну съ Турціею, то Петръ Великій беретъ изъ-подъ Смоленска въ Азовъ 2,000 стрѣльцовъ. Но царь Петръ вздумалъ еще отвоевать у шведовъ берега Балтійскаго моря, чтобы завести непосредственныя сношенія съ Западною Европою Карлъ XII, король шведскій, непобѣдимый до того времени полководецъ, мститъ Петру за это Начинается Великая сѣверная война. Въ 1705 году 7-го апрѣля Петръ издаетъ указъ, чтобы изъ 82 близкихъ къ Смоленску городовъ были высланы въ Смоленскъ для походной артиллеріи со 170 дворовъ по лошади и по проводнику Эти лошади назначались для доставки смоленскихъ орудій на поле, гдѣ должна будетъ произойти битва съ Карломъ XII. Такимъ образомъ крѣпость означеннаго города лишается не только стрѣльцовъ, но и артиллеріи. Смоленскіе стрѣльцы были посылаемы и въ рижскій гарнизонъ [1]. Вмѣсто нихъ царь назначилъ въ 1706 году въ указанную крѣпость человѣкъ сто царедворцевъ такихъ, которые не годятся на придворную службу, но могутъ заниматься военнымъ дѣломъ на мѣстѣ [2]).

Военныя дѣйствія Петра Великаго съ Карломъ XII нѣсколько повредили торговому населенію нижней части города. Царь, ожидая прихода Карла XII въ Смоленскъ и укрѣпляя стѣны земляными прикрытіями, въ видѣ треугольниковъ, далъ, кромѣ того, въ 1606 году письменное наставленіе воеводѣ Головину о построеніи на правомъ берегу Днѣпра земляного Кронверка для лучшаго прикрытія моста, соединяющаго С.-Петербургское предмѣстье съ крѣпостью города, перенося постепенно, изъ этого мѣста купеческія строенія Въ Кронверкѣ, затѣмъ, устро-

---

[1]) Никитинъ, стр. 221, 224, 231.

[2]) Никитинъ, стр. 226

или каменный соляной магазинъ, военный цейхгаузъ и деревянную Никольскую церковь. Этимъ стѣснилось торговое мѣсто, тѣмъ болѣе что въ это укрѣпленіе приходилось въѣзжать чрезъ ворота (каменныя), которыя не во всякое время сутокъ отворялись и чрезъ подъемные мосты, которые не всегда спускались. Кронверкъ, во все время его существованія (до 1830 г.) назывался Новая Земляная *крѣпость*; устроенъ былъ весьма искусно! *)

---

*) Для лицъ, интересующихся устройствомъ Кронверка, мы приведемъ въ подлинникѣ выдержку изъ „Описанія краткаго городу Смоленску, учиненнаго по повелѣнію Петра I“:

„Новая крѣпость (или Кронверкъ) имѣетъ кругомъ валу мѣрою 561 сажень. Кругомъ новый **шанецъ** вышиною по три сажени, шириною внизъ по 11 ти саженей, да **фрезъ**; и за фрезъ, за шанецъ 2 аршина, шириною 3 сажени. **Фликъ** особливый 12 саженей, вверхъ по 4, и по 5, и по 6 саженей. **Ровъ**—сажень и 4 аршина, шириною 12, и 15 и 16 саженей. **Равелинъ** кругомъ 76 саж., вышиною до фрезъ 2 сажени. **Брустверъ** за равелиномъ вышиною 2 аршина, шириною 3 сажени и т. д. **Ворота въ шанцахъ** шириною полтретья сажени, вышиною 2 сажени, длиною по земли 11-ть аршинъ. За вороты черезъ ровъ подъемный **мостъ** въ вышину полтретья сажени, шириною 2 сажени. Въ воротахъ **двѣ калитки** длинникомъ по 12 саженей. Другія **Большія (ворота)** 11-ть саженей, и двѣ калитки-шириною въ 2 аршина, вышиною-сажень, длиною 12 саженей. Два моста подъемныхъ, шириною 2 сажени, длиною тожъ. Мостъ чрезъ ровъ длиною 26 саженей, шириною 4 сажени.—Новаго моста отъ равелина по Московской дорогѣ, чрезъ Ильинскій ручей и чрезъ Крупошевку—верста. У Большихъ воротъ 2 **караульни** по обѣ стороны“ («Достопамятности г. Смоленска» 15 стр.)

Въ „Историческомъ описаніи г. Смоленска“ 1787 года о Земляной крѣпости, устроенной для прикрытія Днѣпровскаго моста сказано такъ: „Въ ней казенныхъ мостовъ три: 1-й чрезъ Днѣпръ, 2-й въ Земляной крѣпости чрезъ Кронверкъ на сваяхъ, деревянный, а сверху вымощенъ дикимъ камнемъ; 3-й, вышедъ изъ Земляной крѣпости, чрезъ таковой же кронверкъ на сваяхъ, деревянный, а сверху вымощенъ камнемъ“.

Здѣсь кстати замѣтить, что двѣ башни **Городецкія**, отмѣченныя нами раньше подъ №№ 18 и 27, имѣли передъ собою тоже земляныя укрѣпленія, по прежнему названію «Городки», отгого и названы Городецкими и-

Не смотря на устройство Кронверка, не благопріятствовавшаго торговой, или Нижней части города, однако къ 1725 году въ Смоленскѣ считалось купцовъ 1802 души только мужскаго пола. Купцы тогда размѣщались болѣе всего въ Заднѣпровской части города вмѣстѣ съ жившими тамъ мѣщанами и ремесленниками. Если припомнить, что, при взятіи города царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, въ этомъ предмѣстьѣ было только 200 дворовъ мѣщанъ и ямщиковъ, считая въ этомъ числѣ и вдовъ и сиротъ; то обнаружится не малый прогрессъ въ развитіи количества населенія предмѣстья за это время. Въ 1730 году императрица Анна Ивановна нашла необходимымъ устроить въ Смоленскѣ уже таможню; а для распространенія круга торговой дѣятельности, установила въ этомъ городѣ ежегодную трехнедѣльную ярмарку (существующую и до сего времени), начинавшуюся съ 6-го декабря, во время которой позволялось продавать товары оптомъ и врознь; не запрещалось также, по окончаніи ярмарки, пріѣзжимъ купцамъ продавать свои товары въ теченіе цѣлаго года, но не иначе, какъ оптомъ, чтобы не было отъ розничной продажи подрыва собственной торговлѣ города [1])

Но 1733 и 1734-й года были не благопріятны для Смоленска: тогда былъ сильный неурожай хлѣба и овощей, вслѣдствіе чего явились болѣзни, открылась смертность, которая унесла многихъ жителей въ могилу. А въ 1747 году въ ночь на 17 марта произошелъ большой пожаръ въ Нижней части города, причемъ добычею пламени сдѣлались значительное число домовъ и лавокъ, казенный соляной магазинъ, цейхгаузъ, Днѣпровскій мостъ и Никольская церковь. Все это ослабляло посадъ, и многіе изъ торговцевъ обѣднѣли. Тѣмъ не менѣе чрезъ сорокъ лѣтъ, въ 1787 году, въ Заднѣпровской половинѣ города числилось домовъ 861; лавокъ было 227, кладовыхъ и амбаровъ 638, кузницъ 25; существовали 2 солодовыхъ за-

---

[1]) Полн. собр. закон., т. VIII; Никитин 243 стр.

вода, кромѣ того,—казенный винный магазинъ и казенная пивоварня. Въ лавкахъ торговали, во-первыхъ, разными иностранными товарами: бархатами, сукнами, шелковыми и золотыми матеріями, также голлантерейными вещами, кои привозили тогда изъ Гданска и Лейбцига; во-вторыхъ, торговали разными россійскими товарами, которые получали изъ Москвы и уже изъ Петербурга; торговали и предметами мѣстнаго производства, напр.: конской сбруей и разнымъ мѣдными и желѣзными вещами, хрустальной и каменной посудой; но большинство лавокъ занято было разными хлѣбными товарами. Кромѣ того, изъ Смоленска отпускали уже чрезъ Порѣчскую пристань водою (Касплинская пристань обмелѣла) въ Ригу пеньку, табакъ, конопляное масло, сѣмя льняное, сало и разное жито въ большомъ количествѣ. Купечество раздѣлялось на 3 гильдіи; въ гильдіяхъ считалось въ 1787 году: 398 человѣкъ, исключая мѣщанъ мелкихъ промышленниковъ и торговцевъ, которыхъ было 1757 человѣкъ. Всѣхъ жителей въ обѣихъ половинахъ города было въ то время 11491 чел.; а всѣхъ домовъ 2875.—Все это мы заимствовали изъ рукописнаго «Историческаго и географическаго описанія г. Смоленска», составленнаго ко 2-му проѣзду императрицы Екатерины II въ Смоленскъ 1787 году.

Важнѣйшею выгодою Смоленска было то, что по Днѣпру доставлялось къ городу съ верховьевъ много лѣсного строительнаго матеріала. Поэтому городъ застраивался всегда быстро; и церкви начиная съ польскихъ временъ, дѣлали большею частію деревянныя. За то случавшіеся пожары, были какъ мы видѣли, очень опустошительны.

До сихъ поръ послѣ поляковъ Смоленскъ главнымъ образомъ только увеличивался въ населеніи. Настала пора его украшенія каменными храмами, и другими каменными же зданіями общественными и частными: домами, лавками и каменными

амбарами; къ этому вынуждали пожары. Прежде всего обратили вниманіе на храмы: вмѣсто деревянныхъ строятъ каменные. Такъ въ 1755 и 1756 г.г., вмѣсто сгорѣвшей въ Кропверкѣ деревянной Никольской церкви, мѣщанинъ Ѳедоръ Щедринъ устраиваетъ тамъ двухъ-этажную каменную церковь о двухъ придѣлахъ во имя святителя Николая и мученика Меркурія; а при ней каменную же колокольню. Тогда же устроены были каменные храмы: Воскресенскій и Рождества Богородицы (на Рачевкѣ). Въ Авраміевскомъ и Вознесенскомъ монастыряхъ устроены также новые каменные храмы; тогда же, какъ мы видѣли раньше, пристраивается, передѣлывается и изукрашается Петропавловская церковь. Въ 1765 году устроены были каменные храмы: Спасо-Преображенскій, Казанскій, Благовѣщенскій и Воздвиженскій. Соборная гора украсилась каменною оградою и нѣсколькими каменными постройками. Смоленскъ обязанъ этими украшеніями преимущественно двумъ, весьма дѣятельнымъ епископамъ того времени: отчасти Гедеону Вишневскому, который выстроилъ новый каменный архіерейскій домъ и сдѣлалъ, при смерти своей, большія пожертвованія во всѣ существующіе въ то время смоленскіе храмы; но главнымъ образомъ содѣйствовалъ постройкѣ новыхъ храмовъ епископъ Парѳеній Сопковскій, бывшій смоленскимъ епископомъ отъ 1761—1795 года.

При Гедеонѣ учреждена была еще духовная семинарія. Но такъ какъ не всѣ семинаристы могли оканчивать курсъ, то уволенныхъ семинаристовъ эти упомянутые епископы нѣкоторыхъ отдавали въ мастеровые, изъ которыхъ потомъ выходили хорошіе спеціалисты, каждый своего дѣла. Такъ изъ числа иконописцевъ при епископѣ Парѳеніи замѣчательны Моисей Рябцевъ и А. Фостовъ. Изъ серебряныхъ дѣлъ мастеровъ замѣчателенъ Елисѣй Муравьевъ, сдѣлавшій царскіе серебряныя врата въ Богоявленскій соборъ и къ чудотворной иконѣ Божьей Матери Надворотней серебряный окладъ, существовавшій до 1807 года, когда онъ былъ пере-

дѣлан епископомъ Серафимомъ [1]. Эти художники въ свое время образовали цѣлую школу мастеровъ въ Смоленскѣ. Изъ числа ихъ нѣкоторые попали въ высшія спеціальныя школы и явились въ Смоленскъ уже художниками. Послѣ 1812 года фигурируютъ въ Смоленскѣ въ качествѣ художниковъ - иконописцевъ: Тар. Иван. Гниткинъ (коллежскій регистраторъ), затѣмъ, Левъ Петровичъ Леоновъ—алдерманъ иконописцевъ; у нихъ были ученики: Мих. Адріан. Щекотовъ, Курошевъ, Глуховскій Андр. Лук., и друг. Въ 1785 году епископъ Парѳеній передѣлываетъ старинную Богословскую церковь, измѣняя ея верхъ по своему плану, какъ строилъ и передѣлывалъ другія смоленскія церкви, т. е. приказывалъ дѣлать кровлю на 4 ската, внутри 4 колонны, на которыхъ утверждается фонарь круглый съ такою же крышею; далѣе выводилась каменная шея съ выемкой, или перехватомъ, и наконецъ малая глава и т. д. Оттого между прочимъ наблюдается въ Смоленскѣ большое сходство фасоновъ многихъ церквей, потому что большая часть изъ нихъ передѣланы однимъ и тѣмъ же лицомъ.

Въ тотъ же 1785 годъ поновленъ былъ и Михаило-Архангельскій храмъ. Какъ извѣстно, въ немъ были устроены въ діаконникѣ и жертвенникѣ особые придѣлы: при устройствѣ каждаго придѣла, конечно, совершалось какое-нибудь поновленіе храма, по крайней мѣрѣ, въ томъ придѣлѣ, который въ извѣстный моментъ приспособлялся для алтаря. Но епископъ Парѳеній, имѣя у себя подъ руками иконописцевъ и живописцевъ, позаботился поновить и расписать даже стѣнную живопись Свирскаго храма въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она попортилась. Къ этой эпохѣ мы относимъ расписаніе фонаря храма новою живописью по желтому фону съ сіяніемъ, идущимъ отъ ликовъ и фигуръ въ видѣ свѣтлыхъ лучей. Въ самомъ

---

[1]) Брошюр.: „Никиф. Андр. Мурзакевичъ“ изд. 1877 г. см. Дневникъ 1795 г. Изъ этихъ же семинаристовъ образовался хорошій часовой мастеръ В. Соколовъ, позже ключарь соборный, сдѣлавши соборные часы.

сводѣ фонаря нарисованы: Богъ Отецъ, Богъ Сынъ и Богъ Духъ Святый (въ видѣ голубя). Замѣчательно, что голубь нарисованъ съ короной надъ головой. Въ простѣнкахъ между окнами изображены четыре евангелиста съ усвоенными каждому изъ нихъ символами. Тотъ же желтый фонъ съ сіяніемъ и таже школа обнаруживается и въ слѣдующихъ изображеніяхъ въ самомъ храмѣ: во-первыхъ, на южной стѣнѣ изображеніе Богородицы, нарисованное въ перспективѣ картины Іоанна Богослова, сидящаго на островѣ Патмосѣ, о чемъ было упомянуто раньше. Еще такое же изображеніе Спасителя на западной стѣнѣ храма. Въ придѣлахъ по стѣнамъ и въ сводахъ наблюдается преобладаніе желтаго цвѣта и сама церковь снаружи когда-то была окрашена желтою краскою, что иногда проглядываетъ изъ-подъ послѣдняго слоя иной краски. Къ этой же эпохѣ слѣдуетъ причислить и два желѣзныхъ креста на главахъ: одинъ на куполѣ, а другой на алтарѣ. Крестъ на куполѣ рѣшетчатый четыреконечный; на трехъ концахъ его перекресты, а въ низу креста завитокъ въ видѣ полулуны, въ срединѣ же креста—сіяніе. Онъ укрѣпленъ четырьмя цѣпями, спускающимися къ главѣ. Вышина креста съ яблокомъ 5 аршинъ, вышина шеи 2 аршина, затѣмъ — глава. Къ этой же эпохѣ до 1812 года слѣдуетъ причислить окно съ сѣверной стороны западной пристройки. Въ немъ рѣшетки, а состоитъ изъ 4-хъ кусковъ полосового желѣза, края котораго надрѣзаны и загнуты острыми завитками.

Одновременно съ улучшеніемъ благолѣпія храма внутри его совершалось и внѣшнее его изукрашеніе. Совершилось это по слѣдующему поводу: въ 1771 году императрицею Екатериною II изданъ былъ указъ, чтобы въ городахъ при церквахъ не хоронили умершихъ; а для этого слѣдуетъ «отвести особое кладбище, гдѣ либо *на выгонныхъ земляхъ*, въ какомъ мѣстѣ способнѣе»; можно было на нихъ устроить и нѣсколько кладбищъ. На этихъ кладбищахъ на первый разъ поставить хотя часовни; если можно, то и церкви, хотя бы малыя и де-

ревянныя. Къ этимъ церквамъ особыхъ священниковъ не приставлять, а пусть отправляютъ здѣсь требы и службы тѣ священники, прихожане которыхъ тамъ погребаются. Но могутъ быть къ нимъ приставлены особые причты, однако безъ обиды приходскимъ священникамъ; въ такомъ случаѣ гражданская и духовная власти пусть озаботятся пріисканіемъ средствъ, для содержанія этихъ новыхъ причтовъ.

Означенный указъ въ свое время произвелъ большую реформу въ городахъ. Въ Смоленскѣ онъ отразился такъ: прежде при каждой почти церкви хоронились умершіе, и кладбища при церквахъ распространены были на далекое пространство отъ храмовъ. Теперь въ Смоленскѣ отведены были по разнымъ направленіямъ окраинъ города на выгонныхъ земляхъ новыя кладбища: Тихвинское, Георгіевское, Гурія-Самона-Авива, Окопское, наконецъ Всесвятское въ Солдатской слободѣ. На всѣхъ этихъ кладбищахъ въ скоромъ времени появились церкви, сначала деревянныя, потомъ и каменныя, но на иныхъ—прямо каменныя; такимъ образомъ Смоленскъ неожиданно и быстро на окраинахъ своихъ украсился приращеніемъ храмовъ. А городскія церкви сократили районъ своихъ кладбищъ, сузивъ ихъ нерѣдко въ тѣсныя границы каменной ограды, только вокругъ самаго храма. При нѣкоторыхъ церквахъ бывшія городскія кладбища образовали большія площадки, которыя съ теченіемъ времени переходили подъ улицы города. Вышеупомянутыя загородныя кладбищенскія церкви существуютъ всѣ до настоящаго времени, исключая деревяннаго храма Всесвятскаго построеннаго въ Солдатской слободѣ по завѣщанію изъ оставшагося послѣ смерти Олонецкаго купца Вас. Захарова капитала [1]). Храмъ сожженъ былъ въ 1812 году 4-го августа французами [2]). Какъ бы въ замѣнъ этой сгорѣвшей кладби-

---

[1]) Рукоп. 1787 г. составл. къ пріѣзду имп. Екатерины II.

[2]) Кстати сообщимъ нѣкоторыя свѣдѣнія, собранныя нами, объ этихъ храмѣ: онъ былъ просторный съ тремя дверями, кругомъ него былъ навѣсъ, какъ бы корридоръ; окна храма были выше корридора, на куполѣ находилась высокая шея и широкая глава; непосредственно съ церковью соединилась колокольня, гораздо

щенской церкви, послѣ 1812 года устраивается на кладбищѣ въ Офицерской слободѣ Никольская каменная церковь; названіе свое она получила отъ сгорѣвшаго тоже въ 1812 году деревяннаго храма, бывшаго внутри города, около Ельнинскихъ, или Никольскихъ воротъ.

Въ примѣненіи къ Свирской церкви указъ импер. Екатерины II имѣлъ благодѣтельныя послѣдствія. Здѣсь давно уже, вѣроятно, послѣ того, какъ церковь перестала быть придворной и сдѣлалась монастырскою, стали погребать умершихъ. Хоронились здѣсь и поляки. Это видно изъ того, что нерѣдко на кладбищѣ попадаются могильные склепы, выложенные изъ кирпичей польскихъ временъ, чрезвычайно толстые и широкіе. Кстати здѣсь замѣтимъ, что поляки хоронились и въ крѣпости при Троицкомъ монастырѣ: тамъ при раскопкѣ земли подъ фундаментъ новаго монастырскаго дома встрѣчались тѣла съ серебряными католическими наглавниками. Районъ Свирскаго кладбища по направленію къ сѣверу былъ довольно обширенъ.

Въ силу означеннаго указа прекратилось погребеніе умершихъ на этомъ кладбищѣ. Въ замѣнъ этого отведено было новое кладбище около деревни Чернушекъ, почти противъ самой деревни, по направленію къ востоку; значитъ, къ тому времени тамъ была уже выгонная земля. Но слѣдуетъ сказать еще, что при императрицѣ Екатеринѣ II за Свирскимъ кладбищемъ между двухъ рукавовъ рѣчки Смядынки устроена была Больница мѣстнаго гарнизона. Тамъ стоялъ большой деревянный корпусъ и два флигеля. Больница эта назначалась для офицеровъ и солдатъ. При больницѣ насажена была березовая роща, которая отчасти уцѣлѣла и до настоящаго времени. За рощей на сосѣд-

---

выше купола; при входахъ было нѣсколько ступенекъ (слова старика Як. Спитко). Около церкви на кладбищѣ въ 1812 году была березовая роща. Въ 1789 году по лѣвую сторону этого храма епископъ Парѳеній похоронилъ грузинскаго царевича Александра Багратовича, который былъ сосланъ въ Смоленскъ подъ надзоръ губернатора Храповицкаго за сопротивленіе его присоединить Грузію къ Россіи. Живя въ Смоленскѣ, онъ получалъ отъ казны 100 рублей въ мѣсяцъ (Брош.: „Ник. Адр. Мурзакевичъ“ 36 стр.).

*

немъ со Свирскимъ холмомъ (гдѣ теперь пороховой складъ) назначено было мѣсто для погребенія умершихъ въ этой больницѣ; но не запрещалось здѣсь хорониться и гражданамъ Смоленска. На этомъ кладбищѣ устроена была деревянная часовня, или капличка, на кирпичномъ фундаментѣ. Авторъ видѣлъ эти кирпичи: они идутъ къ уменьшенію размѣровъ, сравнительно съ польскими кирпичами; на нихъ уже есть знакъ К, т. е. Карцевы,— фирма кирпичнаго и изразцоваго производства, существующая болѣе ста лѣтъ въ Смоленскѣ, но въ «Эпоху разоренія» утратившія старинные секреты глазури. На этихъ двухъ кладбищахъ стали погребать умершихъ свирскіе прихожане и жители западной части города А свирское кладбище оказалось лишнимъ; капитально поддерживать обширную ограду его не было нужды. Рѣшено ограничить предѣлы ограды до размѣровъ простого церковища только около храма. Это совершилось при слѣдующихъ обстоятельствахъ: къ тому времени избранъ былъ церковнымъ старостою, или ктиторомъ церкви, купецъ Василій Григорьевичъ Хлѣбниковъ, прихожанинъ этой церкви. У Василія Григорьевича совмѣстно съ братомъ его Иваномъ Григорьевичемъ были здѣсь три дома: одинъ на сѣверовостокъ отъ церкви одноэтажный каменный, расширенный недавно подъ казармы Клименкова; другой—каменный двухъэтажный подъ холмомъ Свирскаго храма, противъ алтаря; а третій деревянный домъ находился ближе къ городу, чрезъ ровъ, называвшійся до 1812 года *Поповъ ровъ*. При этомъ послѣднемъ домѣ, по улицѣ Свирской были устроены большіе сараи и лабазы для ссыпки хлѣба и складыванія другихъ товаровъ, такъ какъ Василій Григорьичъ, по преемству отъ отца, продолжалъ вести торговлю съ англійскими купцами; кромѣ того, онъ былъ, вмѣстѣ съ другимъ купцомъ Овсянниковымъ, комиссіонеромъ, или поставщикомъ хлѣба и обуви для солдатъ. Поставку въ комиссіарство продолжали и преемники его той же фамиліи: Варфоломей Васильичъ и отчасти Димитрій Ивановичъ. По привилегіямъ, даннымъ исключительно Смоленскимъ,

Рославльскимъ, Бѣльскимъ и Доргобужскимъ мѣщанамъ (изъ которыхъ иные потомъ преобразились въ гильдейскихъ купцовъ), Хлѣбниковы имѣли своихъ крѣпостныхъ крестьянъ беземельныхъ, или дворовыхъ людей. Всѣхъ такихъ владѣльцевъ въ 1777 году въ Смоленскѣ было 53, за ними числилось крестьянъ 319 душъ мужского пола. [1])

Василій Григорьевичъ Хлѣбниковъ былъ чрезвычайно добрый человѣкъ. Онъ въ продолженіе 40 лѣтъ оказывалъ гражданамъ города разныя благодѣянія, напр: всякій годъ за бѣдняковъ (не менѣе, какъ за 40 душъ) платилъ подати; давалъ пріютъ несчастнорожденнымъ и содержалъ ихъ на свои средства; всякаго сословія нуждающійся находилъ въ немъ привѣтливость и, смотря по обстоятельствамъ, получалъ какую-либо помощь [2]) Хлѣбниковъ, поощряемый владыкою Парѳеніемъ, который часто бывалъ у него [3]), много потрудился на пользу Свирскаго Михаило-Архангельскаго храма, по крайней мѣрѣ въ періодъ времени отъ 1775 по 1785 годъ: сдѣлалъ каменную колокольню восьмигранную, напоминающую фасонъ надворотныхъ башенъ въ Московскомъ кремлѣ; пріобрѣлъ нѣкоторые колокола. А, въ силу указа императр. Екатерины II, въ связи съ колокольнею обвелъ церковь каменною оградою, въ настоящее время уже разрушающеюся. Въ юго-западномъ углу ограды церковной Василій Григорьевичъ устроилъ каменный домъ состоявшій изъ двухъ большихъ комнатъ, приспособивъ его для *училища дѣтей мѣщанскихъ и всякаго сословія*. Нанималъ учителя на собственный счетъ. Мальчиковъ обучалъ отъ 24 до 35 человѣкъ; нѣкоторыхъ бѣдныхъ и безпріютныхъ не только училъ грамотѣ, но и кормилъ на свой счетъ. По обученіи въ школѣ, иныхъ отдавалъ учиться мастерству; иныхъ, смотря по способностямъ, оставлялъ при себѣ, приспособляя къ торговлѣ, поощряя ихъ за трудъ жалованьемъ. Такимъ

---

[1]) Истор. очерк. См. губ.—Соловьева Як.

[2]) Мурзакев. 205 стр.

[3]) Трофим. 119 стр.

образомъ онъ многихъ безпріютныхъ сдѣлалъ полезными членами общества и доставилъ имъ средства для существованія. Тамъ же обучался и вышеупоминаемый Якимъ Снитко. Послѣднимъ учителемъ въ этой школѣ былъ Кондратій Копелевъ. Это первое народное училище въ Смоленскѣ послѣ поляковъ, исключая, конечно, духовныхъ училищъ. Оно упредило появленіе Общественнаго Городского народнаго училища за Днѣпромъ, въ торговой части города, потому что народное училище въ Смоленскѣ открыто было послѣ Свирскаго: именно, 1786 году [1]). Народное училище назначалось для купеческихъ и мѣщанскихъ дѣтей; они обучались тамъ россійской грамотѣ, правописанію, катихизису и ариометикѣ. Учителя получали жалованье отъ приказа Общественнаго Призрѣнія. Дѣло велось подъ наблюденіемъ Городского Головы. Всѣхъ обучающихся мальчиковъ въ 1787 году было 48 [2]). Изъ мальчиковъ, обучавшихся въ Свирской школѣ и изъ слугъ, окружавшихъ Василія Григорьевича, составленъ былъ хоръ пѣвчихъ Михаило-Архангельской церкви.

Къ тому же времени слѣдуетъ отнести въ самомъ храмѣ въ трехъ нефахъ спускающіяся со шпалъ, служащихъ связями въ сводахъ, проволочныя веревки для навѣшиванія на нихъ паникадилъ (онѣ, видимо,—ржевскаго производства). До 1812 года, говорилъ старикъ Снитко, было въ церкви три паникадила, довольно хорошихъ; а надъ главнымъ престоломъ архистратига Михаила повѣшена была изящная вызолоченная сѣнь, въ видѣ короны Тѣмъ же Хлѣбниковымъ В. Гр. устроена была снаружи храма стальная цѣпная лѣстница, поднимающаяся на самый гребень олтаря. Она до сихъ поръ существуетъ и не поддается ржавчинѣ, не смотря на вліяніе непогоды. Вообще этотъ почтенный гражданинъ много потрудился для благолѣпія храма, благосостоянія населенія Свирской слободы и вообще—на пользу всего города, за что бла-

---

[1]) Никитинъ 263 стр.

[2]) Рук., состав. къ пріѣзду импер. Екатерины.

годарные граждане избрали его въ 1785 году даже Городскимъ Головою.

Василій Григорьевичъ жилъ во второмъ своемъ домѣ, что противъ олтаря, у подножія Свирскаго холма. Будучи старцемъ, онъ, для удобнаго и ближайшаго хожденія въ церковь, устроилъ себѣ лѣстницу и калитку въ стѣнѣ ограды противъ своего дома; затѣмъ, такъ какъ церковь была холодная, то, для предохраненія себя и другихъ отъ внезапнаго вліянія непогодъ, Василій Григорьевичъ предъ входомъ въ южную польскую пристройку храма выстроилъ каменный теремокъ, который служилъ прикрытіемъ къ южному входу. Чрезъ этотъ теремокъ и стали всегда ходить богомольцы въ церковь вплоть до устройства теплаго придѣла. Въ этомъ теремкѣ до 1812 года стояла «*лисица*» — орудіе наказанія порочныхъ людей. Одинъ экземпляръ этого орудія сохранился въ Консисторіи. Провинившихся силою приводили и ставили къ лисицѣ на время обѣдни [1]). Такъ власти путемъ позора старались искоренить зачавшійся порокъ. По смерти Василія Григорьевича, вслѣдствіе упадка нѣкоторыхъ торговыхъ дѣлъ семьи, означенный домъ его, ближайшій къ церкви, перешелъ въ 1796 году, по Совѣстному суду къ отцу графа Н. П. Румянцева, мать котораго изъ дома кн. Голицыныхъ, также и бабка его Марія Андреевна тоже участвовали въ украшеніи храма, вѣроятно, совмѣстно съ В. Г. Хлѣбниковымъ. Въ этомъ дому гр. Румянцевъ помѣстилъ церковно служителей Свирскаго храма [2]).

Насталъ 1812 годъ, т. е. опять «Эпоха *разоренія*» Смоленска

---

[1]) Слова Як. Свитко.

[2]) Брошюр: „П. А. Мурзакевичъ"; „Письмо" его къ Румянц. 1819 г. 14 авг.

Глава VII.

Состояніе бывшей княжеской мѣстности и храма съ 1812 года до настоящаго времени (по 1888 годъ).

Вступленіе французовъ въ Свирскую слободу было 4-го августа въ воскресенье послѣ ранней обѣдни. Свирскіе жители, успокаиваемые начальствомъ, не думали, что совершится въ этотъ день нашествіе враговъ; между тѣмъ Наполеонъ ночевалъ на архіерейской дачѣ «Новый Дворъ». Въ 8 часовъ утра, послѣ обѣдни, сидятъ жители въ своихъ домахъ, въ ожиданіи завтрака, и вдругъ слышатъ пушечный выстрѣлъ. Это французы, идя по Краснинской дорогѣ, у деревни Чернушекъ пустили пушечное ядро въ первую попавшуюся имъ на пути смоленскую церковь—Свирскую; оно засѣло въ южной стѣнѣ храма и до сихъ поръ остается въ томъ же мѣстѣ. Жители, заслышавъ выстрѣлъ пушки, смотрятъ въ окна и видятъ, что по улицѣ Свирской идетъ какое-то войско. Сначала думали, что это русскіе солдаты, но оказалось, что это были солдаты французскіе, которые и стали занимать дома мѣщанъ этой улицы, насильственно вытѣсняя жителей, грозя штыками и ружьями. Хозяева или бѣжали въ крѣпость, или помѣстились гдѣ-нибудь въ сараяхъ, погребахъ и даже баняхъ. Приготовленная домовладѣльцами себѣ пища досталась въ руки враговъ.

Опять Свирское предмѣстье стало ареною военныхъ дѣйствій. Наполеонъ хотѣлъ взять крѣпость сначача штурмомъ: одна часть его арміи подступила съ юга; другая, именно – польскіе уланы,—съ запада. Они отъ оврага Свирской церкви лѣзли въ Поповъ ровъ и далѣе въ «*Ровъ Сабуровъ*», что возлѣ крѣпости, т. е. по прежнему названію въ Большой Чуриловскій ровъ. Наши войска отражали нападеніе и гнали здѣсь французовъ къ Жевинному и Кловскому рвамъ за Чернушками; но всякій разъ въ Же-

винномъ (Ежевичномъ) рвѣ терпѣли неудачу. Цѣлый день происходили наплывы отдѣльныхъ отрядовъ по этимъ рвамъ и откосамъ горъ, какъ волна, и обратные отливы, т. е. побѣгъ нападавшихъ, пока наконецъ, не объяснилось, въ чемъ дѣло. Одинъ изъ русскихъ генераловъ, недоумѣвая, отчего русскіе терпятъ неудачи около Жевиннаго рва, поѣхалъ на Скляную гору, находящуюся на другомъ берегу Днѣпра, и увидалъ оттуда въ подзорную трубу, что въ Жевинномъ и Кловскомъ рвахъ скрывается въ кустахъ и въ лѣсу масса французскаго войска. Онъ приказалъ со Скляной горы, бомбандировать изъ пушекъ Жевинный и Кловскій рвы: и полѣзли оттуда скрывавшіеся французы, «какъ муравьи , прямо на городъ [1]). Въ понедѣльникъ 5-го числа французы начали обстрѣливать крѣпость съ юга отъ Соляныхъ амбаровъ. При этомъ многіе дома какъ въ крѣпости, такъ и внѣ ея загорались, особенно силенъ былъ въ этотъ день пожаръ въ Солдатской слободѣ. Къ вечеру польскіе уланы, подкрѣпляемые выгнанными отрядами французскихъ войскъ, сидѣвшихъ въ Жевинномъ и Кловскомъ рвахъ, пересилили русскихъ и лѣзли по валу на Королевскую крѣпость. Но русскіе съ высоты встрѣчали ихъ мужественно; здѣсь за вечеръ и за ночь легло около 6 тысячъ французскаго войска, преимущественно поляковъ. Къ ночи начался пожаръ въ Петропавловскомъ Заднѣпровско-Никольскомъ, Рачевскомъ и Крестовоздвиженскомъ кварталахъ города. Этотъ пожаръ въ ночную пору представлялъ собою, по словамъ Якима Снитко: *«совершенно какъ адъ»* [2]). Снитко въ это время уже былъ 19 лѣтъ, и видѣлъ всю эту картину.

---

[1]) Преданіе, записанное со словъ старика мѣщанина Кошелева.

[2]) Нѣкоторымъ наглядымъ представленіемъ этого пожара служитъ находящая въ Соборѣ небольшая *икона* Смол. Богородицы, которую предполагали смоляне поднести Кутузову въ 1813 году и *на которой представленъ видъ горящаго Смоленска* въ 1812 году 5 августа. Тогда горѣли не отдѣльные дома, а цѣлыя улицы и кварталы домовъ. Въ пожарѣ погибло множество людей; а не убранные обгорѣлые трупы ѣли голодныя собаки. Сгорѣли пострадали нѣкоторые храмы, напр.: на Петропавловской церкви свалились всѣ главы, зажглась деревянная перекладина, на которой висѣлъ большой колоколъ, отъ чего онъ обрушился и проломилъ сводъ колокольни, однако самъ уцѣлѣлъ, и т. д.

Приводимъ одинъ эпизодъ изъ тѣхъ дней, имѣвшихъ отношеніе къ Свирской церкви; Спитко былъ здѣсь участникомъ и дѣятелемъ. Умеръ на Богословской улицѣ мѣщанинъ Соломинъ, а домъ его въ это время отъ пальбы загорѣлся. Жена умершаго стала кричать, призывая кого-нибудь вынести тѣло изъ дома. Якимъ Спитко будучи здоровымъ и крѣпкимъ вынесъ мертвеца изъ пожара; но не зная, что съ нимъ дѣлать, положилъ его въ сажалку, или прудикъ, у рѣчки Чуриловки (теперь въ саду Бибикина). Тѣло мертвеца находилось въ водѣ, а голова была прикрыта кустами. Такъ мертвецъ пролежалъ съ понедѣльника до среды. Городъ взятъ былъ въ день Преображенія Господня; пальба прекратилась, и жители могли выходить на улицы, не опасаясь пуль и ядеръ. Въ среду вечеромъ рѣшились похоронить мертвеца. Завернувши его въ какую-то одежду безъ гроба, Як. Спитко вмѣстѣ съ другими понесли его къ Свирской церкви, въ ограду. Тамъ они безъ священника и безъ всякаго пѣнія закопали умершаго. И вотъ какую картину встрѣтилъ Спитко въ Свирской церкви: двери храма были разломаны, книги валялись по полу, клиросы и нижній этажъ иконъ были разметаны и расколоты. На кладбищѣ размѣстились два эскадрона конныхъ солдатъ; лошади ихъ въ сѣдлахъ щипали траву; а сами солдаты въ разныхъ мѣстахъ церковища разожгли костры, чтобы варить кашу, употребляя для подтопы части клироса и иконъ,—такъ говорилъ Спитко. Между прочимъ тогда была расколота на двѣ части большая древнѣйшая икона Богородицы византійскаго писанія и выброшена на кладбище [1]). Многое изъ церков-

---

[1]) Икону эту укрыли въ Богословской церкви, гдѣ она стояла до 1816 года; въ этотъ годъ она возвращена была въ свою церковь. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія называли ее *Свирской* (Брошюр. „Никиф. Анд. Мурзакевичъ“); но въ 1864 году въ „Историко-статистическомъ описаніи смолен. епархіи“ она названа *Іерусалимской*. На ней есть древнѣйшая надпись, повторяющаяся на нѣсколькихъ иконахъ, называемыхъ Іерусалимскими. На поляхъ этой иконы лики святыхъ апостоловъ и великомучениковъ, писанные первоначально византійскимъ стилемъ, были возобновляемы въ польскую и московскую эпохи; наконецъ, послѣ 1812 года еще разъ нѣкоторые лики возобновлены новымъ способомъ иконописи.

наго имущества было разграблено и сожжено во время стоянки въ этомъ мѣстѣ французскаго войска.

Уходя въ Москву, французы закапывали и скрывали награбленныя драгоцѣнныя вещи, а иногда свои деньги. При бѣгствѣ своемъ изъ Россіи, иные не имѣли возможности и времени взять ихъ обратно, или забывали, гдѣ скрыли сокровища, или лицо скрывшее не возвратилось изъ-подъ Москвы, сообщивъ только товарищу свой секретъ. Благодаря этому въ Смоленскѣ ходитъ много легендъ о скрытыхъ французами богатствахъ. Многое, дѣйствительно, и находили въ послѣдствіи граждане. Такъ, напримѣръ, на Свирской улицѣ въ дуплѣ вѣковой липы, служившей границей Нижняго Свирскаго кладбища, найдено было нѣсколько французскихъ талеровъ [1]). Як. Снитко сообщилъ слѣдующее: на теперешней мызѣ Корольковыхъ, около Свирской церкви, деньщикъ какого-то генерала изъ Великой арміи, Цартъ, когда онъ пошелъ въ Москву со своимъ начальникомъ, лично закопалъ самъ французскія золотыя монеты на этой мызѣ, въ центрѣ пространства трехъ колодезей, находившихся тамъ. Подъ Бородинымъ его генералъ былъ убитъ, а Цартъ, возвратившійся въ Смоленскъ уже въ 1813 году, долго искалъ со Снитко закопанныя деньги, но не нашелъ. Въ 1823 году пріѣхавшіе съ Дона казаки отыскивали съ дозволенія начальства на Тихвинскомъ кладбищѣ кладъ, закопанный ими въ 1812 году, именно: три пуда серебряныхъ денегъ, отнятыхъ ими у французовъ. При откапываніи была рота гарнизонныхъ солдатъ и 12 жандармовъ со множествомъ зрителей изъ народа; но ничего не нашли [2]).

Въ теченіе августа, сентября и октября, когда Наполеонъ съ главными силами былъ въ Москвѣ, въ смоленской Свирской слободѣ хозяйничали нѣмцы-баварцы, оставшіеся въ резервѣ.

---

[1]) Говорилъ старикъ Мих. Гавриловъ изъ Чернушекъ.

[2]) „Моя ежедневная записка о разныхъ разностяхъ", рукоп. Васильева, хран. въ Епархіальной библіотекѣ.

Это былъ самый суровый элементъ изъ состава арміи Наполеона. Сами французы не обижали народъ, а баварцы обращались грубо съ жителями, также и съ священными ихъ предметами, напримѣръ: прострѣливали иконы въ домахъ и били жителей. Поймавши 8 человѣкъ подростковъ мѣщанъ, въ числѣ ихъ и Снитко съ братомъ, заставили пасти коровъ (около 300) на посадскихъ лугахъ. Съ ними былъ конвой, состоящій изъ 5 человѣкъ. Пригоняли коровъ по Богословской улицѣ къ Старому острогу у Воскресенской башни. Тутъ была кухня и бойня. На кухню пускали воду изъ Верзина колодезя по лотку. Снитко видѣлъ, какъ французы пекли хлѣбъ; замѣсятъ муку, въ чемъ попало: въ колодѣ, корытѣ, и — прѣсный сажаютъ въ печь. Хлѣбъ выходилъ плохой. Больше питались говядиною, за отсутствіемъ хлѣба. Отправляясь на пастбище, нѣмцы брали съ собою котелокъ; достанутъ себѣ барана, и тамъ на лугахъ готовятъ себѣ изъ него кушанье, и подростки пастухи ѣли съ ними.

Нѣмцы-баварцы завладѣли совершенно Свирскою слободою и хозяйничали въ большихъ домахъ Хлѣбниковыхъ: въ первомъ домѣ, гдѣ теперь помѣщаются казармы Клименкова, былъ у нихъ лазаретъ; а домъ, перешедшій къ графу Румянцеву, гдѣ жилъ причтъ, они взяли себѣ подъ квартиры, и все, что можно было въ немъ употребить на топку кухни и печей, сожгли, такъ что онъ былъ опустошенъ ими совершенно [1]). Хозяйничали они и въ Свирскомъ храмѣ. Уничтоженъ былъ ими архивъ бумагъ этой церкви, такъ что въ ней нѣтъ теперь ни одного документа раньше 1815 года; а изъ старинныхъ книгъ уцѣлѣло только евангеліе, печатанное въ 1625 году при царѣ Михаилѣ Өедоровичѣ и патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ. Нѣмцы вынули деревянные полы въ храмѣ, уничтожили величественную сѣнь надъ престоломъ. Вообще баварцы завладѣли имъ совершенно: онъ, окруженный каменною стѣною съ одними только воротами подъ колокольнею, служилъ имъ, пахо-

---

[1]) Брошюра „Ник. Адріан. Мурзакевичъ".

дящимся на краю города и въ чужой землѣ, болѣе или менѣе безопаснымъ пристанищемъ и крѣпостцою. Въ холодное время на колокольнѣ они образовали себѣ уютное и теплое спанье, на своды насыпавъ земли: въ 1891 году во время ремонта колокольни, большую часть этой земли выбрали, на ней валялись разбитыя бутылки стараго фасона, пробки, поношенная обувь и проч.

Въ 1813 году за Клименковыми казармами черезъ три дома. гдѣ теперь владѣнія г. Кубышкина, оканчивалась Свирская улица. А по распоряженію еще импер. Екатерины II по большимъ дорогамъ, при въѣздѣ въ городъ, были устроены заставы; тоже было и при въѣздѣ во Свирскую улицу: здѣсь существовала застава, т. е. гауптвахта и шламбаумъ. Передъ ними находились цейхгаузы съ тремя дверями, за цейхгаузами выкопанъ былъ прудъ, находящійся теперь въ саду Кубышкина. Нѣмцы-баварцы за заставой и цейхгаузами два раза въ недѣлю дѣлали разводы и военныя упражненія. Здѣсь же, по предложенію Смоленскаго Муниципалета (коллегія заправлявшая городомъ во время французовъ) и по конфирмаціи Наполеона, растрѣлянъ былъ извѣстный герой 1812 года Шубинъ [1]), сподвижникъ въ истребленіи отдѣльныхъ французскихъ отрядовъ, большею частью, мародеровъ [2]), другого еще болѣе знаменитаго героя Отечественной войны, подполковника Пав. Ив. Энгельгардтъ, растрѣляннаго тоже французами за Молоховскими воротами.

Во время владычества французовъ въ Смоленскѣ, многіе жители разбѣжались въ отдаленныя отъ Смоленска, села и деревни, по направленію къ Ржеву и рѣкѣ Волгѣ; иные скрывались въ лѣсахъ А оставшіеся въ городѣ бродили среди французовъ, питаясь овощами и плодами, особенно яблоками, которыхъ уродилось въ этотъ годъ очень много; иные у фран-

---

[1]) Сообщено автору однимъ изъ потомковъ Шубина, унаслѣдовавшимъ пенсію означеннаго героя.

[2]) Смоляне называли тогда ихъ: „*мїродерами*“.

цузскаго поставщика хлѣба и вина, какого то еврея, расположившагося въ домѣ противъ дверей Благовѣщенской церкви, покупали муку и водку; брали на кухнѣ у французовъ головы и ноги коровъ. Выпекши изъ муки хлѣбы и сдѣлавши студень, продавали на скамейкахъ, расположенныхъ отъ церкви Божiей Матери до Собора, хлѣбъ, вино и студень французамъ. Такъ дѣлали нѣкоторыя свирскiя мѣщанки; такимъ образомъ питали этимъ себя и свою семью.

Въ началѣ октября поставщикъ-еврей перестал давать гражданамъ муку; затѣмъ во 2-й половинѣ октября стало слышно, что армiя идетъ назадъ [1]) Цѣлую недѣлю шла Великая армiя обратно по Свирской дорогѣ на Ясеную, Боровую и Краснинскую дорогу. Въ это время настали морозы, которые доходили до 30 градусовъ. Замерзъ и Днѣпръ. Французы разламывали хаты и жгли огни, чтобы отогрѣться; снимали съ мѣщанъ полушубки, тулупы и взамѣнъ уступали имъ солдатскiя шинели; но случалось, что иной французъ, не имѣя шинели и болѣе теплой одежды, отнималъ у мѣщанина и шинель, а давалъ какую-нибудь легкую одежду, или рубище. — Такъ поступили со Снитко, когда онъ подошелъ къ колодцу за водой. Бѣжавшiе искали себѣ пищи, но ея не было приготовлено въ Смоленскѣ. Увидя кусокъ хлѣба, особенно бѣлаго, или приготовленную мѣщанами рѣдьку, отнимали у послѣднихъ это; а между собою дрались изъ-за пищи, иногда убивая одинъ другого; скитались по городу оборванными, холодными и голодными. [2]). Послѣднимъ отрядомъ французскаго войска изъ Смоленска выходилъ корпусъ маршала Нея. Передъ самымъ выступленiемъ, Ней приказалъ сожигать оставшееся въ Смоленскѣ казенное имущество и распорядился взрывомъ города. Заложено было подъ всѣ башни и подъ нѣкоторыя другiя зданiя множество пороха, до 800 пороховыхъ ящиковъ [3]); приготовлены были и фитиля. Въ полночь

---

[1]) Слова Снитки.

[2]) Слова Як. Снитки и „Дневникъ" Мурзакевича.

[3]) Изъ военно-Энциклопед. лексик. 1857 г., изд. II, т. XII, 302 стр.

5-го ноября начались взрывы башенъ; всѣхъ взрывовъ было восемь, остальные успѣли предупредить русскіе, перехвативъ мины. Взрывы были настолько сильны, что стекла въ домахъ лопались, двери отворялись сами собою, и земля сыпалась съ потолковъ отъ сотрясенія воздуха; а люди неожиданно и непроизвольно падали; предъ взрывомъ, если смотрѣли издалека, небо вдругъ сдѣлается краснымъ, затѣмъ слѣдовалъ взрывъ, т. е. трескъ, приподнятіе разрушаемаго зданія и полетъ разрушенныхъ частей его по разнымъ направленіямъ; кирпичи отъ ближайшихъ къ Свирской слободѣ башенъ, Никольской и Богословской, переброшены были даже чрезъ Чуриловку на Свирскую улицу [1]). Оставшіеся больные французы сожгли у Свирской первый домъ купцовъ Хлѣбниковыхъ; сгорѣли еще какіе то 4 дома. Вообще въ послѣдніе дни пребыванія французовъ было много пожаровъ въ Смоленскѣ и въ воздухѣ носился *„смрадъ великій“* [2]).

По уходѣ Великой арміи оставалось много труповъ, особенно по мѣсту ея обратнаго слѣдованія, т. е. на Свирской улицѣ. Ихъ собирали въ кучи и жгли посредствомъ большихъ костровъ. Преданіе указываетъ на мѣсто, гдѣ жгли французовъ, именно—за Свирской улицей, на полѣ, не доходя до Борисоглѣбскаго монастыря и еще передъ мызой Королькоковыхъ въ виду второго дома Хлѣбниковыхъ; иные трупы *арестанты* таскали въ проруби Днѣпра [3]). А собранныя тѣла въ городѣ жгли за стѣною противъ Казанской стѣнной форточки, или прохода. Отъ французовъ осталось въ Смоленскѣ русскихъ пушекъ 17, французскихъ 140; сухарныхъ и хлѣбныхъ фуръ (конечно, пустыхъ) и лазаретныхъ фуръ 600 [4]). Понесенное же Смоленскомъ разореніе простиралось до 6,592,504 рублей [5]).

---

[1]) Слова Снитки.

[2]) Днев. Мурз. 46 стр. и слова Снитки.

[3]) Дневникъ Мурзакевича 17 ноября 1812 г. Подъ арестантами надо разумѣть провинившихся въ измѣнѣ отечеству и поэтому заарестованныхъ.

[4]) Изъ военно-Энциклопед. словаря 1857 г.

[5]) Никит. 292 стр.

Послѣ бѣгства французской арміи, Свирскій храмъ остался безъ призрѣнія, пока не явилось укрывшееся отъ непріятелей духовенство. Кто-то снялъ въ немъ всѣ три паникадила и сбылъ евреямъ, пріѣзжавшимъ на лодкахъ по Днѣпру и подвозившимъ французамъ хлѣбъ изъ Могилева, — такъ говорилъ Спитко. Тогда же желѣзныя перекладины, связавшія колокольню въ сводахъ, были кѣмъ то выломаны, вслѣдствіе чего зданіе колокольни дало трещины; въ 40-хъ годахъ былъ указъ Консисторіи причту и старостѣ ремонтировать колокольню; но это выполнено только въ 1891 году: въ этотъ годъ она связана желѣзнымъ обручемъ и щели зацементированы. До какой степени храмъ былъ разоренъ и расхищенъ, — это видно изъ того, что въ немъ не могло совершаться богослуженіе до 1816 года. Священникъ этой церкви Кононъ Лещинскій совершалъ службу для своихъ прихожанъ въ сосѣдней Богословской церкви, пока не возобновился Свирскій храмъ. Возобновлялся онъ постепенно, напримѣръ: полъ сдѣланъ былъ изъ барки какого-то купца Моксина, оставшейся въ Смоленскѣ. Нѣкоторое время въ окнахъ рыбачьи сѣти, смазанныя дегтемъ, служили вмѣсто стеколъ. Императоръ Александръ I прислалъ на возобновленіе храма 500 рублей [1]). На эту сумму поправленъ былъ иконостасъ и написаны новыя мѣстныя иконы въ своеобразномъ стилѣ, представляющемъ смѣсь иконописи съ польскою живописью. Рисовали иконы Левъ Петровичъ Леоновъ и Гниткинъ со своими учениками. [2]). На означенную сумму высокаго благотворителя Александра I Павловича возстанов-

---

[1]) Лѣт. Свир. церк. 2 листъ.

[2]) Имъ слѣдуетъ приписать честь поновленія храмовъ и написанія новыхъ иконъ въ Смоленскѣ послѣ 1812 года и позднѣе, напримѣръ: Левъ Петр. Леоновъ, альдерманъ мастеровъ иконописныхъ, свидѣтельствовавшій церковныя иконы при епископѣ Парѳеніи, въ 1812 году расписывалъ стѣны церкви Одигитріевской въ придѣлѣ Іоанна Воина («Дневн.» — Мурзак. 182 г.). А въ 1828 году 1 апрѣля „учиненъ былъ живописцами Л. П. Леонтьевымъ, М. А. Щокотовымъ, А. Л. Глуховскимъ, Андр. Петр. Леонтьевымъ и Тар. Ив. Гниткинымъ контрактъ написать въ Нижне-Николаевской церкви къ 1 апрѣля 1829 года иконостасъ за 2100 р.“ (Рукоп.: „Памятникъ событій, или моя ежедневная записка“ — Васильева).

ленъ и придѣлъ св. Александра Невскаго въ 1821 году, 30 октября, что видно изъ надписи на антиминсѣ этого алтаря: „антиминсъ данъ въ придѣльный храмъ Александра Невскаго во градѣ Смоленскѣ 1821 года 30-го октября".

Въ 1822 году бурею сорвало крестъ и главу на Свирской церкви; поэтому главу и шпиль сдѣлали новую, а крестъ оставили старый, только его позолотили; для установки шпиля и каменной главы, чтобы связать ихъ съ куполомъ, проломали четверти на двѣ отверстіе въ сводѣ Когда стали поднимать крестъ, то веревка оборвалась, онъ упалъ и обломился; тотчасъ же его спаяли и, наконецъ, утвердили на своемъ мѣстѣ [1]).

Благодѣянія императора Александра Благословеннаго коснулись не только храма, но и свирскихъ жителей на ряду со всѣми другими гражданами города. Императоръ милосердствуя о бѣдныхъ жителяхъ города Смоленска и желая оказать имъ помощь и благодѣяніе, повелѣлъ отпустить для раздачи бѣднымъ 1949 семействамъ въ Смоленскѣ 85210 рублей, находя, что „это пособіе нужно бѣдному люду, лишенному способовъ не только для *поддержанія* своего *хозяйства*, но и для первѣйшей жизненной потребности *пропитанія*", Указъ этотъ былъ изданъ въ 1817 году 17-го января. Въ числѣ этихъ бѣднѣйшихъ семействъ, исключая купцовъ Хлѣбниковыхъ, были почти всѣ жители Свирской улицы, которые и получили на основаніи этого указа пособіе. На пропитаніе довалось отъ 10 до 75 рублей, а на поддержаніе хозяйства отъ 100 до 400 рублей [2]). Послѣ этого нѣкоторые изъ нихъ обстроились, благодаря дешевизнѣ лѣса, и жизнь пошла по прежнему.

Коснемся теперь *бытовой стороны* обитателей Свирскаго предмѣстья въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, также быта мѣщанъ и другихъ предмѣстьевъ Смоленска.

---

[1]) Слова Спитко.

[2]) Брошюра: „Списки, состав. въ комис., учрежденной въ Смоленскѣ для жителей, коимъ назначено пособіе, *въ видѣ подаянія*".

Дома были, по большей части, маленькіе, строились изъ готоваго сруба шести-аршинной или девяти аршинной длины, за который платили два или три рубля ассигнаціями, назади — строились досчатыя сѣни. На улицу дѣлались два *волоковыя* (задвижныя) окна, величиною въ полъ-аршина, а на дворъ большое окно *красное* растворчатое. Тесъ для крыши продавался за пять руб. ассигнаціями одна сотня. Одна сажень кубическихъ дровъ стоила полтора рубля. Рабочему въ день надо было заплатить 25 коп. ассиг. (7 к. серебромъ). Плотники, — говорилъ Спитко, брали дорого: за постройку дома надо было отдать 50 или 70 руб. ассиг., въ послѣднемъ случаѣ, если домъ былъ хорошій. Улица Свирская были шириною только въ 5 саженей: три сажени назначались для мостовой, которую мостили поперекъ положенными деревьями, а съ боковъ по одной сажени назначалось для счистки съ мостовой мусора. Тротуаровъ не было; ихъ начали дѣлать, и то по большимъ только улицамъ города и за Днѣпромъ у торговыхъ лавокъ, въ 1826 году 15-го мая [1]). Мостить же камнемъ, и то главныя улицы города, начали съ 30 хъ годахъ, послѣ устройства шоссе. Собирали камень, по большей части, съ проѣзжающихъ въ городъ на базаръ крестьянъ. Какъ разсказываютъ, при въѣздѣ въ городъ по старой Ельнинской дорогѣ у заставы требовали съ проѣзжающихъ камень, какъ бы въ видѣ пошлины за въѣздъ въ городъ. По причинѣ узости улицъ, жители той и другой стороны улицы свободно изъ оконъ разговаривали другъ съ другомъ и даже перебрасывали разные предметы одинъ другому. Черезъ каждыя два дома стоялъ столбъ съ фонаремъ. Столбы были пестрые, потому что окрашивались въ разныя краски, подобно столбамъ по большимъ дорогамъ, устроеннымъ импер. Екатериною II. Фонари зажигались почередно не каждый, а въ торжественные дни зажигаемы были всѣ фонари. Въ нихъ горѣло масло, которое продавали разъѣзжающіе по улицамъ торгаши. Развозя масло въ коробкахъ и кувшинахъ, торгаши кричали:

---

[1]) «Моя ежедневная записка» — Васильева.

«свѣжее масло конопляно!» Только конопляное и продавали, а льняного масла было не слыхать въ Смоленскѣ; одинъ пудъ конопляннаго масла стоилъ 1 р. 20 к. ассигн. Лавки у многихъ мелкихъ торговцевъ были безъ дверей. Продавецъ влѣзалъ туда черезъ отверстіе, которое служило и окномъ и дверью; располагалъ въ окнѣ, которое служило и прилавкомъ, свой товаръ и оставался тамъ въ тѣсномъ помѣщеніи: поэтому, если случалось, что, напримѣръ, у калачника уворуютъ съ прилавка калачъ, то ему за воромъ бѣжать уже нельзя. Продавцы полотна и матерій мѣряли ихъ на локти своей руки, вмѣсто аршина. Продукты были очень дешевы: идя на базаръ съ 15 к. ассигн., можно было купить для дневного стола и мяса (7 коп. ассиг. фунтъ), и масла коровьяго (7 коп. асс. фунтъ), и овощей (на грошъ) и соли (на грошъ $^1/_2$ фун.). Курица въ 1806 г. стоила 3 коп. ассигн.; яицъ одна сотня стоила отъ 20 до 30 коп. ассигн.; мука ржаная пудъ 40 к., пшеничная 70 коп. ассигнаціями. Послѣ французовъ, а особенно, со введенія счета на серебро (послѣ 1833 г.), все пошло выше. Мясо считалось дорогимъ продуктомъ, и потому мѣщане довольствовались больше мучными кушаньями; издавна смоляне любили и любятъ сельди. Картофель еще не вошелъ въ большое употребленіе, его и не особенно любили. Въ большомъ ходу былъ пустарнакъ (корни растенія), его примѣшивали и къ картофелю, въ количествѣ $^1/_3$. Употребляли въ лѣтнюю пору «гарбузъ», т. е. тыкву. Лакомились цареградскими орѣхами, которые стоили фунтъ 6 коп. ассигн., кедровыми орѣхами стоившими 5 коп. фунтъ. Тоже лакомились слоеными, или сусленными пряниками. Пили съ медомъ цѣлительныя травы: чемборъ, звѣробой, шалфей. Праздничные дни проводились свирскими жителями такъ: передъ праздникомъ, напримѣръ, передъ воскресеньемъ, въ субботу, продавцы восковыхъ свѣчей, по большей части, дѣвушки, обходятъ дома и кричатъ: «къ празднику Христову свѣчи мѣнять». Домохозяева выходятъ изъ домовъ и мѣняютъ, у кого

есть воскъ, на свѣчи, или же покупаютъ продаваемыя свѣчи на деньги. Затѣмъ, отправляются въ церковь, взявши четыре или пять свѣчей, и ставятъ ихъ къ образамъ. Въ самый праздникъ, послѣ обѣда, женщины, обыкновенно, выходили на улицу, на завалину (лавку), къ какому нибудь дому, вели разговоръ о кушаньяхъ, о хозяйствѣ, о мужьяхъ; пѣли пѣсни, употребляли лакомства. А мужчины играли въ бабки, въ городки («въ крегли»). Зимой на Днѣпрѣ устраивали кулачные бои съ жителями противоположной Петропавловской слободы. Глядѣть на бой мѣщанъ стекались горожане: купцы и чиновники. Купцы пріѣзжали въ саняхъ вмѣстѣ съ женами. Упоминаются имена купцовъ любившихъ кулачные бои: Малкинъ и Лукъяновъ. Они иногда подчивали бойцовъ водкою; а иногда сами, увлекшись азартнымъ боемъ, снимали лисью шубу и пускались въ рукопашную. Спитко говорилъ, что губернаторъ Апраксинъ ѣздилъ глядѣть на эти бои, даже привезъ однажды московскаго бойца для подмоги этой сторонѣ (городской), потому что Заднѣпровская сторона одолѣвала [1]). Зимою же у мѣщанъ устраивались вечеринки. Какая-нибудь хозяйка, мать невѣсты, закупала свѣчъ и угощеніе, нанимала музыкантовъ, собирала дѣвушекъ и приглашала молодыхъ людей. Начинались пѣсни и игры. Видя освѣщеніе, и другіе молодые люди изъ мѣщанъ и даже изъ чиновниковъ приходили на вечеринку; но изъ не приглашенныхъ каждый входившій обязанъ былъ платить хозяйкѣ 25 коп. ассигн. Въ праздникъ Рождества молодые люди ходили съ вертепомъ и со звѣздою (особые ящики съ фигурами, освѣ-

---

[1]) Генералъ отъ кавалеріи Степ. Степ. *Апраксинъ*, съ 1804—1807 г. Смоленскій Военный губернаторъ, несмотря на неравнодушное отношеніе къ этому народному увеселенію, однако былъ просвѣщенный бояринъ своего времени, готовый на все полезное. Ему нашъ городъ обязанъ окончательнымъ устройствомъ Военнаго Дворянскаго училища, существовавшаго на Кадетской улицѣ; также устройствомъ 1-й въ Смоленскѣ *типографіи Губернской*, изъ которой вышло много книгъ различнаго содержанія. Въ числѣ *первыхъ изданій* упомянемъ: „Содержаніе природы“—Боннета, „Театръ Коцебу“—драмы и оперетки, переводимыя и печатаемыя для Апраксина, и „Смоленская исторія“ Никифора Мурзакевича (Брошюр.: Н. А. Муракев.“ стр. 16).

щаемые свѣчами). Ходящіе съ вертепомъ разыгрывали драму «Избіенія младенцевъ»; отъ лица фигуръ, находящихся въ ящикѣ, вели разговоры за нихъ; прибавляли иногда особыя шутки надъ современными явленіями. На масленой недѣлѣ катались на лошадяхъ, разукрашеныхъ лентами. Послѣдній день назначался для прощанія съ масленицей, которую олицетворялъ кто-либо, нарядившись въ маску, и ѣхалъ по улицѣ на импровизированной лодкѣ, устроенной на нѣсколькихъ саняхъ. Мачта на этой лодкѣ увѣшана была сковородами, флагами, блинами, оладьями. Изображавшій масленицу раскланивался съ публикою въ знакъ прощанья.

Купцы и мѣщане со своими крѣпостными жили дружно. Вечеромъ, въ праздникъ мѣщанинъ беретъ своихъ крѣпостныхъ, ведетъ въ питейный домъ, а послѣ идутъ вмѣстѣ, обнявшись и распѣвая пѣсни. При просьбѣ въ кумовья, просящій приносилъ будущему куму слоеный пряникъ въ 10 коп. ассигн. и говорилъ: «пожалуйте ко мнѣ кумомъ!»; тоже и кумѣ, но пряникъ предлагался 8-ми гранный, оттиснутый пѣтушкомъ. Священники, отправляясь по приходу, заходили не въ каждый домъ; а обыкновено прихожане соберутся дворовъ 10 въ одинъ домъ, — туда и идетъ причтъ. Священники не любили пѣть много молитвословій, обыкновенно пропоютъ тропарь празднику; затѣмъ, батюшка скажетъ: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа», перечислитъ имена собравшихся; потомъ, отпуская крестомъ, объявляетъ: «пожалуйте, пожалуйте грошъ!» кто даетъ, дѣйствительно, грошъ, кто копейку и 5 копеекъ ассигнаціями. Послѣ того священникъ уходилъ далѣе.

Такъ текла жизнь свирскихъ мѣщанъ въ прежнее время. Это заимствовано авторомъ большею частію изъ разсказовъ 97-ми лѣтняго старика Якима Снитко.

Въ 1829 году вступилъ въ должность смоленскаго губернатора тогдашній поэтъ-литераторъ Николай Иванов. Хмѣльницкій, человѣкъ очень съ широкими планами. Онъ пріобрѣлъ себѣ близъ Свирской церкви мызу для дачи, устроилъ тамъ

два небольшихъ каменныхъ дома, развелъ садъ, цвѣтники; часто ѣздилъ туда изъ города, и вообще полюбилъ Свирскую мѣстность. Въ 1830 году онъ исходатайствовалъ у императора Николая Павловича для Смоленска многія милости. Государь Николай Павловичъ, будучи еще Наслѣдникомъ престола, пріѣзжалъ въ Смоленскъ въ маѣ 1816 года; самъ видѣлъ на каждомъ шагу слѣды разрушенія домовъ города, пожженные стволы садовыхъ плодовыхъ деревьевъ [1]), и сострадательно относился къ жителямъ города. Хмѣльницкій, вступивши въ должность губернатора въ Смоленскѣ, нашелъ, что городъ не оправился отъ постигшихъ его бѣдствій; представилъ это на усмотрѣніе Государя. Императоръ Николай Павловичъ «обращая вниманіе на упадокъ благосостоянія Смоленска отъ разоренія претерпѣннаго имъ въ 1812 году, при нашествіи непріятеля, отъ недостатка доходовъ и бѣдности жителей, и желая содѣйствовать возстановленію сего древняго города зависящими отъ правительства средствами, *призналъ за благо оказать* жителямъ соразмѣрное настоящимъ обстоятельствамъ *облегченіе* въ государственныхъ повинностяхъ и съ тѣмъ вмѣстѣ *предоставить способы*, могущіе возбудить промышленность, умножить городскіе доходы и усилить народонаселеніе» [2]). Частнѣе эта милость выразилась въ слѣдующемъ: 1) принятіе на счетъ казны въ теченіе 10 лѣтъ содержанія городской полиціи, по Высочайше утвержденному 1-го декабря 1829 года штату; 2, единовременный отпускъ изъ казны до 100 тысячъ рублей на устройство пожарной части, трехъ съѣзжихъ домовъ и будокъ; благодаря чему, устроились въ 1831 и 1832 году три пожарныя каланчи, и при каждой изъ нихъ пожарная команда и т. д. 3) сложеніе на 10 лѣтъ съ обязанности города разныхъ воинскихъ повинностей и назначеніе отпуска изъ казны всѣмъ военнымъ чинамъ и другимъ чиновникамъ, временно пребывающимъ въ Смоленскѣ по службѣ, квар-

---

[1]) „Дневникъ Мурзакевича.

[2]) у Никит. 295 стр.

тирныхъ денегъ, вмѣсто квартиръ въ натурѣ, 4) сложеніе съ Смоленскаго Городского Общества, числившихся на немъ разныхъ недоимокъ до 100 тысячъ руб; 5) дарованіе купечеству и мѣщанамъ на 5 лѣтъ разныхъ облегченій, и, наконецъ, 6) ссуда въ 1 милліонъ руб. ассигн. на 15 лѣтъ безъ процентовъ для постройки обывательскихъ домовъ и для устройства другихъ зданій и учрежденій, которыя могутъ приносить выгоды. Это дало средство къ сооруженію въ Смоленскѣ па Молоховскихъ воротахъ церкви: каждый, получившій въ ссуду 100 рублей, вносилъ на построеніе храма 5 руб. [1]). Храмъ этотъ предполагали было посвятить въ честь тезоименитаго патрона Императора: Николая Чудотворца; но Государь пожелалъ назвать его церковью Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, въ честь сохранившейся невредимой отъ погрома во время французовъ на этихъ воротахъ иконы Благовѣщенія.

Означенныя дарованныя Государемъ суммы доставили Ник. Ив. Хмѣльницкому возможность устроить въ Смоленскѣ публичный садъ, теперешній Блонье. Послѣ перевода отсюда во времена Екатерины военныхъ слободокъ въ другія мѣста, Блонье до 1830 года служило мѣстомъ разводовъ и ученія войскъ, но въ этотъ годъ Государь Императоръ, по ходатайству Хмѣльницкаго, назначилъ Плацъ-парадъ вблизи королевской крѣпости, гдѣ онъ и теперь существуетъ; а Блонье дозволилъ обратить въ городской садъ. Тогда же обширный лугъ Блонье изрѣзанъ въ разныхъ направленіяхъ дорожками и испещренъ клумбами цвѣтовъ и кустарниковъ. Самъ Хмѣльницкій и даже многія благородныя дамы, по разсказамъ стариковъ, принимали участіе въ посадкѣ деревьевъ и цвѣтовъ. Съ тѣхъ поръ это мѣсто сдѣлалось любимымъ мѣстомъ гулянья смолянъ. Хмѣльницкій позаботился о дорогахъ, ведущихъ къ городу, и о мостовыхъ въ самомъ городѣ. При немъ стали строить Московско-Витебское шоссе. Въ связи съ этимъ, во время проведенія шоссе по откосу Соборной горы къ Троицкому монастырю,

[1]) Слова Снитко.

Хмѣльницкій позаботился срыть выдававшійся въ Рѣзницкую улицу гребень Соборной горы, который, кстати сказать, предохранялся тогда отъ обваловъ посаженными кустами барбариса [1]) Гребень начали срывать въ 1836 году, въ апрѣлѣ; рыли цѣлый мѣсяцъ, скопали на 4 аршина глубины [2]) Благодаря этому засыпался Сухой ровъ и установилось непосредственное сообщеніе Соборной горы съ нагорною частью пространства города. При Хмѣльницкомъ въ 1832 году исправили Днѣпровскій мостъ. Послѣ разрушенія моста, въ 1812 году русскими, вслѣдствіе оставленія ими крѣпости, французы сдѣлали новый мостъ, стоявшій на сваяхъ ниже теперешняго моста противъ пролома передъ Никольской колокольней. Онъ стоялъ 4 года, весною затоплялся, поэтому накладывали на него камни на время половодья; но однажды положили мало камней: мостъ весь приподняло; его подтянули канатами къ бойнѣ, которая находилась тамъ, гдѣ теперь еврейская синагога. Но вода утащила и бойню и мостъ внизъ рѣки къ деревнѣ Боровой. Послѣ этого устроили новый мостъ, узкій; но этотъ новоустроенный мостъ въ 1816 году 31 мая, въ 9 часовъ вечера обрушился. Въ то время ѣхали по нему 11 крестьянскихъ подводъ, нагруженныхъ военною амуниціею и провіантомъ, ѣхалъ еще на тройкѣ почтальонъ съ почтой и нѣкоторые другіе. Мостъ отъ тяжести ѣдущихъ по одной сторонѣ наклонился въ эту сторону и повалился. При паденіи погибло 4 солдата, 11 крестьянъ, какой-то квасникъ, а нѣкоторые были изувѣчены [3]). Послѣ того былъ выстроенъ новый мостъ, который пришлось передѣлывать Ник. Ив. Хмѣльницкому. Слѣдуетъ здѣсь еще прибавить, что въ 1836 году Днѣпровскій виръ, находящійся тотчасъ внизъ за мостомъ, загружали фашинникомъ на 60 саженей и камнями [4]). А Спитко

---

[1]) Біографія Хмѣльницкаго въ книг.: „Русскіе поэты" Гербеля и слова Якима Спитко.

[2]) „Моя ежедневная записка" Васильева.

[3]) „Дневникъ"—Мурзакевича; Слова Спитко; рукоп. „Домашній календарь"—Великанова, хран. въ Епархіальной библіотекѣ.

[4]) „Моя ежедневная записка о разныхъ разностяхъ" —Васильева.

утверждалъ, что устои моста дѣлались въ то время изъ матеріала разбираемой стѣны возлѣ Костыревской или Черепичной башни. Послѣ мостъ былъ еще передѣлываемъ, а затѣмъ вновь устроенъ въ 1875 году. Заботясь объ улучшеніи проѣздовъ и улицъ города, Ник. Ив. распорядился сломать каменныя ворота, находившіяся въ земляномъ валу за Днѣпромъ, при чемъ «раскопали самаго валу довольное количество». Ник. Ив. Хмѣльницкій первый изъ губернаторовъ обратилъ вниманіе на мануфактурную и ремесленную промышленность, и 1-я губернская выставка мануфактурныхъ издѣлій была въ Смоленскѣ. Вообще, Хмѣльницкій потрудился много на пользу города

Обратилъ вниманіе и на Свирскую улицу, гдѣ находилась его дача. Улица Свирская представляла кривой и, какъ извѣстно, узкій путь; между тѣмъ она считалась большоюулицею. Онъ захотѣлъ дать ей прямое направленіе, начиная отъ Богословской улицы до Свирской церкви. Уже намѣчалась прямая линія посредствомъ протянутыхъ цѣпей и веревокъ; но косогоры и бугры и вообще неровность поверхности воспрепятствовали привести задуманное въ исполненіе; улицу только расширили до 10 саженей, посредствомъ перенесенія домовъ и постройки новыхъ вмѣсто прежнихъ хатъ, конечно, на средства Высочайше дарованныя. Вообще, съ помощью ссуды при Хмѣльницкомъ выстроено въ городѣ вновь и исправлено разоренныхъ 32 каменныхъ и 246 деревянныхъ домовъ [1]). При немъ же въ 1830 году 29 мая заложено каменное зданіе Военнаго госпиталя на Покровской горѣ; строить взялись за 267 тысячъ купцы: Рожновъ, Ефременковъ, Поповъ, Текоцкій и калужскій купецъ Пестриковъ. Къ 19 октября того же года главный корпусъ Военнаго госпиталя былъ уже готовъ. Туда потомъ стали переводить больныхъ, находящихся въ Военномъ лазаретѣ, или больницѣ, близъ Свирской церкви, у рощи; а корпусъ больничный переправили и приспособили для Школы, или Корпуса кантонистовъ,

[1]) Никитинъ 296 стр.

которые до того времени помѣщались въ устроенныхъ для нихъ зданіяхъ на Казанской горѣ, у самой стѣны въ промежуткѣ пространства отъ Лопатинскаго сада до Шейновой башни.

Еще раньше, именно въ 1822 году, 31-го декабря, по Высочайшему повелѣнію, вслѣдствіе ходатайства Хмѣльницкаго, оправили близъ Свирской церкви каменный домъ, что противъ алтаря, *бывшаго купца* Хлѣбникова, для помѣщенія въ немъ «Училища дѣтей канцелярскихъ служителей», а въ 1830 году 25 іюля онъ освященъ, и открыто училище. Освящалъ преосвященный Іосифъ (Величковскій) съ архимандритами Иннокентіемъ и Веніаминомъ, съ двумя протоіереями, Іоанномъ Сильванскимъ и Алексѣемъ Васильевымъ, игуменомъ Аполлоніемъ и Свирскимъ священникомъ Парѳеніемъ Дорошинымъ. Послѣ литургіи изъ Свирской церкви сдѣланъ былъ крестный ходъ въ Училище, гдѣ, по совершеніи водоосвященія и окропленія дома, преосвященный сказалъ краткую проповѣдь ученикамъ [1]). Училище содержалось на счетъ нѣсколькихъ «Приказовъ общественнаго призрѣнія». Здѣсь обучалось 55 дѣтей самыхъ бѣдныхъ канцелярскихъ служителей Смоленской, Витебской, Тверской, Новгородской и Псковской губерній; воспитывались безъ всякой платы со стороны родителей. По окончаніи курса, нѣкоторые изъ нихъ отправляемы были въ Петербургъ въ Лѣсной и Межевой институтъ; а другіе, будучи ознакомлены нѣсколько съ канцелярскими порядками и общимъ пониманіемъ законовъ, поступали въ гражданскую службу [2]). Учителей было 6; фамиліи нѣкоторыхъ изъ нихъ: Щировскій, Днѣпровъ, Петрунинъ и др.

А въ корпусѣ кантонистовъ начальствующихъ было человѣкъ около 50; мальчиковъ кантонистовъ содержалось болѣе тысячи. Для нихъ, кромѣ больничныхъ корпусовъ, устроили еще каменный корпусъ, надстроенный потомъ для госкныхъ казармъ. Но случалось, что число мальчиковъ доходило до 2

---

[1]) „Моя ежедневная записка“— Васильева.

[2]) Никитинъ 315 стр.

тысячъ; въ такомъ случаѣ ихъ размѣщали по квартирамъ частныхъ домовъ. Кантонисты дѣлали военныя упражненія передъ своей школой на плацу, тамъ, гдѣ упражнялись и нѣмцы-баварцы. Мальчиковъ обучали и кузнечному, и слесарному, и красильному дѣлу; а въ лѣтнюю пору иногда отправляли въ лѣсъ за сосновыми и еловыми шишками, также за ромашкой для Военной казенной аптеки. Храмъ для тѣхъ и другихъ учениковъ былъ Свирскій: онъ при большихъ размѣрахъ своихъ вмѣщалъ и прихожанъ и воспитанниковъ. Съ закрытіемъ больницы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и кладбища ея, стали опять хоронить умершихъ около Свирской церкви, которую начали именовать „Заградской кладбищенской церковію".

Въ 1832 году Высочайшій покровитель, Государь Императоръ Николай Павловичъ, оказавшій столько милостей Смоленску, пожелалъ осмотрѣть городъ, въ новомъ его положеніи, уже обстроенномъ. Сентября 2 числа утромъ Смоленскій губернаторъ Хмѣльницкій извѣстилъ всѣ присутственныя мѣста и жителей города, что вечеромъ Государь Императоръ, Николай Павловичъ, прибудетъ въ Смоленскъ. Въ срединѣ дня пріѣхала свита Его Величества. Поэтому всякаго званія народъ началъ стекаться изъ всѣхъ домовъ города на большую С.-Петербургскую дорогу, Соборную и Покровскую гору, а также къ дому Дворянскаго Собранія, гдѣ приготовили для Государя квартиру. Передъ этимъ домомъ, посреди Блонья, въ бесѣдкѣ до самыхъ позднихъ часовъ играла музыка предводителя дворянства Аничкова. Всѣ присутственныя мѣста трехъ частей каланчи, Блонье, большія С.-Петербургская и Молоховская улицы и многіе дома во всю ночь были иллюминованы огнями, и народъ толпами ходилъ взадъ и впередъ, ожидая встрѣтить Государя. Начиналось уже утро, и всѣ стали расходится по домамъ, предполагая что Государь будетъ 3-го числа по утру; но градоначальники, какъ-то: комендантъ, губернаторъ, многія другія лица и караулъ ожидали Государя возлѣ назначаемаго дворца. Вотъ заблаговѣстили въ Соборѣ

и въ церквахъ къ заутрени; а Государя все еще не видать. Когда же начало разсвѣтать въ началѣ 6-го часа, то звонъ колокола въ Георгіевской церкви, что на Покровской горѣ, возвѣстилъ о пріѣздѣ Императора къ Покровской заставѣ. А когда Государь началъ спускаться съ горы, то по всему городу въ церквахъ стали звонить до тѣхъ поръ, пока Государь въѣхалъ въ назначенный для него дворецъ. Народъ, услышавъ звонъ колоколовъ, со всѣхъ улицъ сбѣжался на Блонье. Но полиція, желая дать Государю спокойствіе, тихо просила народъ расходиться по домамъ. Въ началѣ 11-го часа Государь сѣлъ въ коляску гражданскаго губернатора Хмѣльницкаго съ генераломъ Бекендорфомъ, самимъ Хмѣльницкимъ, и поѣхалъ прямо къ Собору, гдѣ встрѣтилъ Его преосвященный Іосифъ съ крестомъ «у всхода каменнаго круга». Побывъ во внутренности сперва теплаго, а потомъ холоднаго собора, Императоръ поѣхалъ къ Божьей Матери, что надъ Днѣпровскими воротами, гдѣ приложился къ иконѣ Богоматери. Затѣмъ отправился на Покровскую гору, ко вновь выстроенному Военному каменному Госпиталю. При осмотрѣ Госпиталя, Государь велѣлъ задѣлать кирпичемъ окна на аршинъ, чтобы, въ случаѣ надобности, можно было у окна поставить кровать. Похваливши во всемъ остальномъ работу, поѣхалъ въ Острогъ къ арестантамъ. Побывъ здѣсь, отправился въ другой Военный госпиталь, что за Кіевскою заставою. Отсюда пѣшій ходилъ въ Больницу Городскую. Изъ нея отправился черезъ деревню Чернушки въ Свирскія Казармы, или Школу военныхъ кантонистовъ; побылъ также въ Училищѣ, дѣтей канцелярскихъ служителей. Оттуда опять черезъ деревню Чернушки поѣхалъ въ Тюрьму для немогущихъ слѣдовать въ Сибирь, что въ Королевской крѣпости [1]). Говорятъ, что кантонистамъ Государь дѣлалъ смотръ и разводъ на плацу передъ ихъ казармами. Оставшись доволенъ стараніемъ губернатора Хмѣльницкаго за обстройку города, Государь Императоръ 4-го сентября въ 11

[1]) „Моя ежедневная записка"—Васильева 1832 г.

часовъ дня выѣхалъ въ Бобруйскъ [1]). Заимствованныя изъ ссуды деньги Императоръ Николай Павловичъ простилъ гражданамъ.

Въ 1836 году городъ Смоленскъ посѣтилъ теперь въ Бозѣ почившій Государь, а тогда еще Наслѣдникъ Цесаревичъ, Александръ Николаевичъ, будучи женихомъ и ѣдучи за границу вмѣстѣ съ воспитателемъ своимъ, знаменитымъ нашимъ поэтомъ Вас. Андр. Жуковскимъ. Они посѣтили и учебныя заведенія, находившіяся на Свирской улицѣ. Въ Училищѣ дѣтей канцелярскихъ служителей Государь-Цесаревичъ завтракалъ. Въ это время священникъ Свирской церкви, Парѳеній Доронинъ, вышелъ за ограду церкви съ крестомъ и св. водой, чтобы привѣтствовать Его Императорское Высочество. Приготовилъ было и привѣтственную рѣчь; но по недостатку времени у Цесаревича, священнику не удалось произнести свою рѣчь. Замѣчательно, что Великаго Князя везли, какъ и императора Николая Павловича, по Краснинской дорогѣ черезъ деревню Чернушки, а не по Свирской улицѣ. Это потому, что черезъ рѣчку Чуриловку не было моста, и экипажъ могъ загрязнуть. Чуриловка сама по себѣ рѣчка ничтожная, но, имѣя родники, представляла изъ себя почти постоянную грязь. Весною, будучи подпираема Днѣпромъ, разливалась на широкое пространство; а во время дождей, вытекая съ горъ, представляла бурный потокъ. Въ древности, до польскихъ временъ, здѣсь существовали мосты, что видно изъ расположенія мѣстности; а передъ приходомъ поляковъ и вообще, послѣ полнаго разоренія этой мѣстности въ 1609, 1634 годахъ, при небольшомъ количествѣ Свирскаго населенія, эти мосты не возобновлялись. Сообщеніе совершалось прямо черезъ русло рѣчки, а весной на лодкахъ. Такъ перевозили и мертвецовъ изъ города на кладбище. Передаютъ фактъ, что одинъ разъ у перевозившихъ опрокинулась лодка, мертвый выпалъ изъ гроба, а гробъ поплылъ къ Днѣпру. Была комичная сцена ловленія мертвеца

[1]) „Дневникъ"—Мурзакевича.

и гроба Въ дождливую погоду Чуриловка иногда, за отсутствіемъ лодокъ, отрѣзывала прямое сообщеніе жителей Свирской улицы съ городомъ и базаромъ. Поэтому жители снабжали одинъ другого припасами, у кого какіе были лишніе: «въ одномъ домѣ подъ окномъ нуждающійся, — говорилъ Спитко, — выпроситъ себѣ мяса, въ другомъ масла, соли и т. д.; дѣлились другъ съ другомъ при такихъ обстоятельствахъ безъ отказа». Такъ было до устройства черезъ Чуриловку насыпи, сдѣланной въ 1877 году членомъ Городской Управы Т. В. Пруссомъ.

Торговыя дѣла семейства Хлѣбниковыхъ, благодѣтельствовавшихъ храму и прихожанамъ, какъ уже было сказано, стали упадать еще съ прошлаго столѣтія. Этому паденію торговли Хлѣбниковыхъ и вообще смоленскихъ купцовъ способствовали многія причины. Заграничныя сношенія Хлѣбниковыхъ и вообще купцовъ смоленскихъ основывались главнымъ образомъ на сбытѣ разнаго рода хлѣба. Но въ Ригу, снабжавшую приморскіе города хлѣбомъ, стало требоваться его меньше, 1) потому, что въ Балтійскомъ морѣ открылись новые порты, напр: Петербургъ, начавшій конкурировать съ Ригой въ отношеніи торговли; а у него явились свои поставщики даже изъ смоленской области, наприм.: купцы пристани Гжатской [1]), основанной Петромъ Великимъ, снабжавшей Петербургъ хлѣбомъ и многими другими товарами; 2) Рига вошла въ составъ Русскаго государства, и всякій непосредственно изъ ближнихъ мѣстъ могъ безпрепятственно доставлять туда хлѣбъ. Съ развитіемъ мирной жизни между Россіей и Польшей являются новые пути для торговли, напр: большія столбовыя дороги устроенныя императр. Екатериною II; явились новые предприниматели, наприм.: стали торговать съ Ригой города Бѣлый, Порѣчье. Такимъ образомъ транзитъ хлѣба черезъ Смоленскъ и Касплю въ Ригу постепенно сталъ уменьшаться. Уменьшался онъ потому еще, что тогдашнія

---

1) „Кр. землеопис. Рос. госуд" 1787 г.

постановленія почти всѣхъ государствъ воспретили свободный ввозъ чужеземнаго хлѣба, вслѣдствіе чего значительно уменьшился и самый запросъ хлѣба изъ чужихъ краевъ въ Ригу. Въ этомъ положеніи дѣлъ торговля должна была измѣнить свой прежній обширный кругъ и ограничиться только предѣломъ дѣйствительнаго требованія этого продукта къ Рижскому порту, которое оказалось незначительнымъ. Малороссія прежде обращалась къ смоленскимъ купцамъ, какъ къ посредникамъ для полученія русскихъ и иностранныхъ товаровъ. Теперь же Малороссія, или Украина, находясь подъ одной державой со Смоленскомъ, при установившейся мирной жизни, находила себѣ другіе ближайшіе пункты для полученія товаровъ; къ этому надо присоединить и измельчаніе Днѣпра, служившаго прежде дешевымъ путемъ или средствомъ для сплава товара и продуктовъ. Вообще явилось много причинъ къ ослабленію торговли смоленскихъ купцовъ. А въ частности для Хлѣбниковыхъ была особая причина, именно: уменьшеніе количества поставки матеріала для войска, потому что войска въ Смоленскѣ содержалось меньше. Во время же нашествія французовъ, еще болѣе подсѣклись дѣла Хлѣбниковыхъ вслѣдствіе частнаго ихъ разоренія, а также и обѣдненія всего Смоленскаго края; нѣкоторое время не возможно было добывать въ окружности того, что составляло предметъ ихъ доставки въ чужія края: крестьяне и помѣщики смоленскіе были разорены. Тѣмъ не менѣе послѣдній изъ Хлѣбниковыхъ, Дмитрій Ивановичъ, который тоже былъ свирскимъ церковнымъ старостою 32 года, продолжалъ еще нѣсколько вести торговлю и оказывать поддержку гражданамъ и школѣ. Но въ 1833 году у него гдѣ-то близъ Риги погибъ пароходъ: онъ потерялъ всѣ средства и оказался не въ состояніи поддерживать свое училище. Оно было закрыто, даже свирскій училищный домъ былъ разобранъ, а матеріалъ его употребленъ на постройку теплаго придѣла на юго-западномъ углу храма. Этотъ новый придѣлъ устроенъ былъ въ честь Бориса и Глѣба, въ память погибшаго храма

этихъ святыхъ на рѣкѣ Смядынкѣ, куда съ давнихъ поръ изъ Свирской церкви совершался и теперь совершается крестный ходъ ежегодно 24 іюля, въ день памяти этихъ святыхъ.

У Никитина неправильно обозначенъ годъ устройства теплаго придѣла при Свирской церкви: 1733 [1]). Надо было означить 1833 годъ, въ который, какъ мы сейчасъ видѣли, онъ былъ сложенъ; затѣмъ, въ продолженіе года устраивался иконостасъ, штукатурились и просыхали стѣны; а въ 1835 году этотъ теплый придѣлъ, наконецъ, былъ освященъ. Также неправильно названо имя святыхъ, въ честь которыхъ посвященъ этотъ придѣлъ. Никитинъ назвалъ алтарь теплаго придѣла именемъ Алесандра Свирскаго: [2]), такого придѣла, какъ извѣстно, нѣтъ и не было въ Михаило-Архангельскомъ храмѣ. Есть придѣлъ, и то холодный. св. *Александра Невскаго*, но не Александра Свирскаго. Ошибочно также Свирскому храму на объясненіи къ плану г. Смоленска 1786 года, хранящемуся въ Епархіальной библіотекѣ, приписанъ придѣлъ препод. Нила Столбенскаго. Въ Свирскомъ храмѣ для него не было мѣста; рѣшительно нельзя указать, гдѣ бы могъ помѣщаться еще алтарь въ этомъ храмѣ, кромѣ трехъ уже существовавшихъ. Но придѣлъ преподобному Нилу Столбенскому, дѣйствительно, устроенъ въ Смоленскѣ въ 1782 г. только въ другомъ древнѣйшемъ храмѣ —Петропавловскомъ, что и перепуталъ составитель объясненій къ плану 1786 года.

Вмѣстѣ съ устройствомъ въ Свирской церкви теплаго придѣла Борисоглѣбскаго поправили нѣсколько (въ слѣдующемъ 1836 году) и древній холодный храмъ. Старикъ Сипко помнилъ, что штукатурка тамъ много попортилась, особенно на хорахъ. Рѣшились поновить ее и смести пыль съ иконостаса и арокъ. Сипко, по ремеслу—маляръ, обметалъ пыль со стѣнъ, также иконостаса и смазывалъ иконостасъ масломъ. Курошевъ, ученикъ художника Леонтьева, расписывалъ стѣны, воспроизводя прежніе

[1]) «Записка о Смоленскѣ»—Никитина, 35 стр.

[2]) Тамъ же 35 стр.

рисунки и разводы подъ мраморъ, также цоколь по новому грунту извести. Эта работа видна на стѣнахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, если пристально вглядѣться: цвѣтъ жилокъ мрамора, хотя подведенъ подъ прежній колеръ, однако замѣтно выдѣляется и обозначаетъ снизу границу новой работы. Тогда же подрисовано внѣ опредѣленнаго счета, какъ было сказано, въ сводахъ арокъ, на хорахъ, слово: „Святъ"; предполагается, что тогда же подновлена фреска, изображающая св. Василія Великаго. А для теплаго придѣла сдѣлали копію съ Большой древнѣйшей иконы Богородицы, такихъ же размѣровъ (въ 1 сажень высоты и въ $2^1/_2$ аршина ширины). Рисовалъ ее Мих. Адр. Щекотовъ, тоже ученикъ Леонтьева.

Въ 1837 году разбитъ былъ большой колоколъ, устроенный Вас. Гр. Хлѣбниковымъ. Пришлось его перелить. Надпись на немъ слѣдующая: „1840-го года, ноября 15 попеченіемъ своимъ Архангельской церкви староста Хлѣбниковъ перелилъ колоколъ покойнаго родного дѣда Василія Григорьевича Заводчикъ Алексѣй Шербининъ. Вязьма".

Благодаря существованію двухъ училищъ: школѣ кантонистовъ и училищу дѣтей канцелярскихъ служителей, Свирская улица стала было распространяться далѣе шламбаума, именно: въ 1846 году Городская Дума, по просьбѣ мѣщанъ, стала отводить участки земли на плацу, гдѣ производили свои военныя экзерциціи нѣмцы-баварцы, по 15 саж. въ ширину съ платою за каждую квадратную сажень 3 коп. серебромъ. Тогда размѣстилось тамъ семей 10 мѣщанъ, въ томъ числѣ и Спитко устроилъ здѣсь усадьбу. Но скоро оба училища были закрыты; да и при Хлѣбниковѣ не было больше приказчиковъ. Поэтому развитіе Свирской улицы замерло, и благосостояніе жителей стало клониться къ упадку. Этому содѣйствовали еще возвышающіяся цѣны на жизненные продукты, также уменьшеніе торговли и вообще заработковъ въ городѣ. Случилось еще, что въ холодную зиму какого то года сады почти всѣ погибли. Наконецъ, и Дим. Иван. Хлѣбниковъ, уже не платившій гильдіи,

умеръ. Такимъ образомъ главные матеріальные рессурсы свирскихъ мѣщанъ къ пріобрѣтенію средствъ истощились. Пришлось имъ ограничиться огородничествомъ и землепашествомъ, и то тѣмъ изъ нихъ, которые имѣли свои земли, другіе стали добывать средства исключительно путемъ горшечнаго производства и малярства. Приходъ обѣднѣлъ.

Лучшимъ доказательствомъ состоянія прихода служитъ періодическая смѣна священниковъ этой церкви. Съ 1812 года по 1870 г. смѣнилось только 5 священниковъ; а, начиная съ 1870 до 1888 года, т. е. въ продолженіе 18 лѣтъ, ихъ смѣнилось 8: среднимъ числомъ каждый священникъ жилъ 2 года съ небольшимъ [1]). Это указываетъ на недостатокъ средствъ для ихъ существованія съ семьею, т. е. на бѣдность прихода. По бѣдности этотъ приходъ хотѣли въ 70-хъ годахъ приписать къ ближайшему Богословскому приходу, а храмъ—закрыть. Этому содѣйствовало то обстоятельство, что не было готоваго пріюта для священника и причта, такъ какъ церковнаго дома при этомъ храмѣ не было съ 1812 до 1890 года.

По закрытіи указанныхъ учебныхъ заведеній, Свирскій районъ остался безъ всякаго училища на долгое время [2]).

---

[1]) Приведемъ хронологическій списокъ священниковъ Свирской церкви съ 1812 года: Кононъ Лешинскій, Іоаннъ Курочкинъ, съ 1830 года Парѳеній Доронинъ, съ 1842 г. Стефанъ Станкевичъ, съ 1852 года Іоаннъ Щеголевъ; а съ 1870 г. Петръ Соколовъ, съ 1873 г. Владимиръ Богдановичъ, сь 1878 г. Іаковъ Орловъ, съ 1879 г. Іоаннъ Петровскій, съ 1880 г. Александръ Соколовъ, съ 1883 г. Ѳеодоръ Василевскій, съ 1885 г. Геронтій Каверзневъ, съ 1887—1890 г. Александръ Брянцевъ.

Старостами съ 1812 года были: Алексѣй Шипулинъ, съ 1831 г. Дмит. Ив. Хлѣбниковъ, съ 1863 г. Василій Копыловъ, съ 1871 г. Илья Луковниковъ, съ 1881—1887 г. Павелъ Антон. Кириловъ.

[2]) Впрочемъ въ 60-хъ годахъ занимался обученіемъ дѣтей приватно, у себя въ домѣ дьячекъ Свирской церкви Стефанъ Ильенковъ. Только въ 1891 году открывается при выстроенномъ церковномъ домѣ училище подъ названіемъ: „Свирская школа грамоты", а чрезъ годъ её переименовали въ „церковно-приходскую школу". Тогда же за ветхостію сломана была церковная сторожка и сдѣлана новая, болѣе просторная; произведены нѣкоторыя другія настоятельно необходимыя работы на сумму, отпущенную Г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, дѣйств. тайн. сов. Конст. Петр. Побѣдоносцевымъ изъ завѣщаннаго г-жею Медынцевою на украшеніе церквей капитала.

Школа кантонистовъ кончила свое существованіе въ 1849 году. Послѣднимъ начальникомъ этой школы, или баталіона́, былъ подполковникъ Бальтасаръ Андр. Корниловичъ. При закрытіи школы, онъ подарилъ въ Свирскую церковь образъ кантонистовъ: Николая Чудотворца. Образъ теперь находится въ тепломъ придѣлѣ за правымъ клиросомъ. На образѣ серебряная риза, а на ней надпись: «Риза сія позолочена 1848 года, декабря 24 усердіемъ нижнихъ чиновъ инвалидной команды Смоленскаго баталіона военныхъ кантонистовъ за избавленіе отъ болѣзни холеры". Дѣйствительно, въ 1848 году холера была сильная повсемѣстно, также и въ Смоленскѣ, но почти не коснулась населенія, прилегающаго къ Свирской церкви, какъ разсказываютъ старики, исключая одного смертнаго случая отъ холеры. Послѣ Баталіона кантонистовъ, каменный корпусъ нѣсколько времени пустовалъ, а деревянные флигеля стали разрушаться. Въ Крымскую войну они служили помѣщеніемъ для передвигающихся ратниковъ. Потомъ деревянные флигеля были разобраны, остался одинъ только каменный корпусъ. Въ 1878 году въ этомъ каменномъ зданіи помѣщаемы были плѣнные турки. Затѣмъ, послѣ передѣлки, въ этомъ домѣ квартировалъ Краснинскій Резервный баталіонъ. А въ настоящее время послѣ большой пристройки къ нему и устройства, кромѣ того, новыхъ деревянныхъ корпусовъ на мѣстѣ больничныхъ флигелей помѣщается Второй пѣхотный Его Императорскаго Величества Софійскій полкъ. Во время существованія корпуса кантонистовъ, по приказанію какого-то генерала, бывшаго въ Свирскомъ храмѣ, замазали глиной древніе слуховики, такъ какъ галки завели тамъ свои гнѣзда. Теперь эти слуховики не вездѣ примѣтны. Въ 1844 году устроены были новыя царскія двери главнаго, или Михаило-Архангельскаго алтаря; а въ 1849 году были позолочены царскія двери въ Александро-Невскомъ придѣлѣ. До 1851 года на храмѣ была гонтовая крыша. Купецъ Ив. Павловъ, хоронившій на Свирскомъ кладбищѣ своихъ родныхъ, пожертвовалъ на храмъ желѣзо, кото-

*

рос и замѣнило гонтовую крышу; а на колокольнѣ гонтовая крыша существовала до 1891 года. Въ 1870 году занялись пересмотромъ и установкой всего иконостаса. При этомъ пришлось поновить 11 иконъ въ иконостасѣ, такъ какъ доски ихъ ссохлись и разъединились. Пришлось склеить доски и отчасти поправить стершіеся лики. Работу производилъ мастеръ изъ Москвы за 1500 руб.

Послѣ закрытія Училища дѣтей канцелярскихъ служителей, домъ этой школы преобразованъ былъ въ *Острогъ для корчевниковъ*, которыми одно время совершенно былъ переполненъ весь острогъ. Послѣ того устроенъ былъ здѣсь *Женскій острогъ.* Тѣхъ и другихъ арестантовъ по праздникамъ водили въ Свирскую церковь. Такимъ образомъ Свирская церковь была одновременно и приходскою и арестантскою. Послѣ перевода отсюда Женскаго острога, домъ этотъ былъ пріобрѣтенъ дворяниномъ Потемкинымъ, отъ котораго, въ свою очередь, пріобрѣлъ его городъ подъ казармы. Съ тѣхъ поръ этотъ домъ сталъ называться Потемкинскими казармами.

Съ расквартированіемъ Вгорого пѣхотнаго Его Величества Софійскаго полка, храмъ Свирскій, будучи приходскимъ храмомъ, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстомъ молитвы и для войска.

Такимъ образомъ храмъ нашъ былъ прежде княжескимъ, потомъ монастырскимъ, затѣмъ польскимъ храмомъ и опять православнымъ приходскимъ въ тоже время и заградскимъ кладбищенскимъ; послѣ того выполнялъ назначеніе и постоянно приходскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ разновременно то училищнаго, то арестантскаго, то военнаго храма; а приходъ его составляетъ теперь населеніе и городское и деревенское. Такія разнообразныя измѣненія и назначенія претерпѣвалъ описываемый храмъ.

Отъ разныхъ невзгодъ и бомбандированій въ храмѣ получились трещины, впрочемъ не въ древнѣйшихъ его частяхъ, а въ польскихъ пристройкахъ.

Крестный ходъ изъ этого храма 24-го іюля совершается те-

перь только на устье Смядынки, къ колодцу, гдѣ лежало тѣло убитаго святого князя Муромскаго Глѣба; но прежде было не такъ. Колодецъ этотъ всегда существовалъ, періодически онъ ветшалъ и былъ снова поправляемъ, онъ находился на два аршина далѣе къ юго-западу; а черпали въ немъ воду прямо руками (не такъ, какъ теперь, т. е. посредствомъ багра или веревки). Изъ него билъ источникъ въ ложбину рѣчки Смядынки. Но въ 1853 году на означенный священный колодезь было обращено особое вниманіе. До этого года онъ уже нѣсколько лѣтъ былъ въ полуразрушенномъ видѣ; но случилось передъ тѣмъ, что муромскій купецъ 1-й гильдіи А. В. Ермаковъ, подъѣзжая изъ южныхъ губерній вверхъ по Днѣпру къ Смоленску и имѣя, какъ говоритъ преданіе, болѣзнь въ ногахъ, увидалъ ветхій колодецъ и узналъ, что это мѣсто освящено кровью мученика изъ родного его города, именно: св. кн. Глѣба. Ермаковъ, проѣзжая по рѣкѣ вблизи этого мѣста, призвалъ въ молитвѣ на помощь своего святого съ просьбой объ облегченія страданіи и получилъ изцѣленіе. Проживая нѣкоторое время въ Смоленскѣ, Ермаковъ добровольно вызвался поднять близъ колодца мѣстность, собственно, уровнять покатость берега Смядынки и сдѣлать площадку. Начальникъ губерніи кн. Трубецкой изъявилъ на это согласіе. Около колодца устланъ былъ помостъ изъ известковаго плитняка и устроенъ деревянный навѣсъ, на 4-хъ столбахъ осѣненный позлащеннымъ крестомъ. 24-го іюля упомянутаго года совершалось освященіе обновленнаго колодца. Вотъ какъ описываетъ это торжество очевидецъ событія, В. Романовичъ: «я былъ свидѣтелемъ религіознаго торжества, которое оставило во мнѣ рѣдкое, неизгладимое впечатлѣніе... Я хочу сказать о крестномъ ходѣ 24-го іюля, совершенномъ изъ церкви св. Михаила, болѣе извѣстной въ народѣ подъ названіемъ Свирской, къ Смядынскому колодезю. Установленіе торжества крестнаго хода изъ Свирской церкви къ Смядынскому колодезю относится къ временамъ весьма отдаленнымъ. По крайней мѣрѣ, мы не имѣемъ историческихъ фактовъ: когда

и кѣмъ и по какому случаю установленъ этотъ религіозный обрядъ. Въ день 24-го іюля, когда церковь православная празднуетъ память св. мучениковъ благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба, нареченныхъ во святомъ крещеніи Романа и Давида, по совершеніи литургіи въ церкви св. архистратига Михаила, двинулся изъ этой церкви крестный ходъ къ колодезю, близъ котораго палъ Благовѣрный кн. Глѣбъ. Хоругви и икона Божіей Матери (Свирской) предшествовали многочисленнымъ богомольцамъ..... Праздники религіозные есть завѣтъ церкви, завѣтъ исторіи. Съ какимъ торжествомъ, съ какимъ благоговѣніемъ народъ единодушно старается „воздать Божія Богови"!.... По пришествіи на мѣсто, было отправлено молебное пѣніе съ водосвященіемъ. Всѣ съ христіанскимъ рвеніемъ стремились къ колодезю, желая удостоиться быть окропленными водою, источникъ котораго обагренъ святою кровью мученика Глѣба.

Вотъ снова церковныя хоругви заколыхались, тронулись съ мѣста иконы, и весь священническій клиръ, и все собраніе народа двинулось къ древнимъ развалинамъ церкви во имя св. Бориса и Глѣба. Высокій курганъ, образовавшійся надъ мѣстомъ усыпальницы князей, въ настоящую минуту былъ увѣнчанъ хоругвями, а на вершинѣ кургана поставленъ образъ Божіей Матери. Здѣсь, гдѣ была усыпальница, или на мѣстѣ, освященномъ останками князей смоленскихъ, отправлена панихида; и тихое умилительное пѣніе: „Со святыми упокой" тронуло всѣхъ до глубины души.

Чудная и для русскихъ только понятная представилась картина. Сотни лѣтъ, какъ на этомъ самомъ мѣстѣ воздвигнутъ былъ храмъ во славу величія Божьяго, и—не престанно, ежегодно русскіе чтутъ память своихъ князей владыкъ. Вотъ истинно подданическая вѣрность, свойственная едва ли не однимъ только русскимъ! Не гордость руководитъ нами, а истина. Событіе нами описываемое служитъ лучшимъ доказательствомъ вѣчной памяти къ бывшимъ владѣтелямъ земли русской и

благоговѣйной вѣрноподданнической признательности къ доблестнымъ ихъ потомкамъ" [1]).

Въ настоящее время крестный ходъ не направляется къ развалинамъ монастыря и не служится тамъ панихида, потому что мѣсто это перешло въ частныя владѣнія, какъ и мѣста Спасскаго и Козьмо-демьянскаго монастырей. А колодецъ нуждается въ капитальномъ ремонтѣ; извѣстковаго же плитняка около него уже давно нѣтъ.

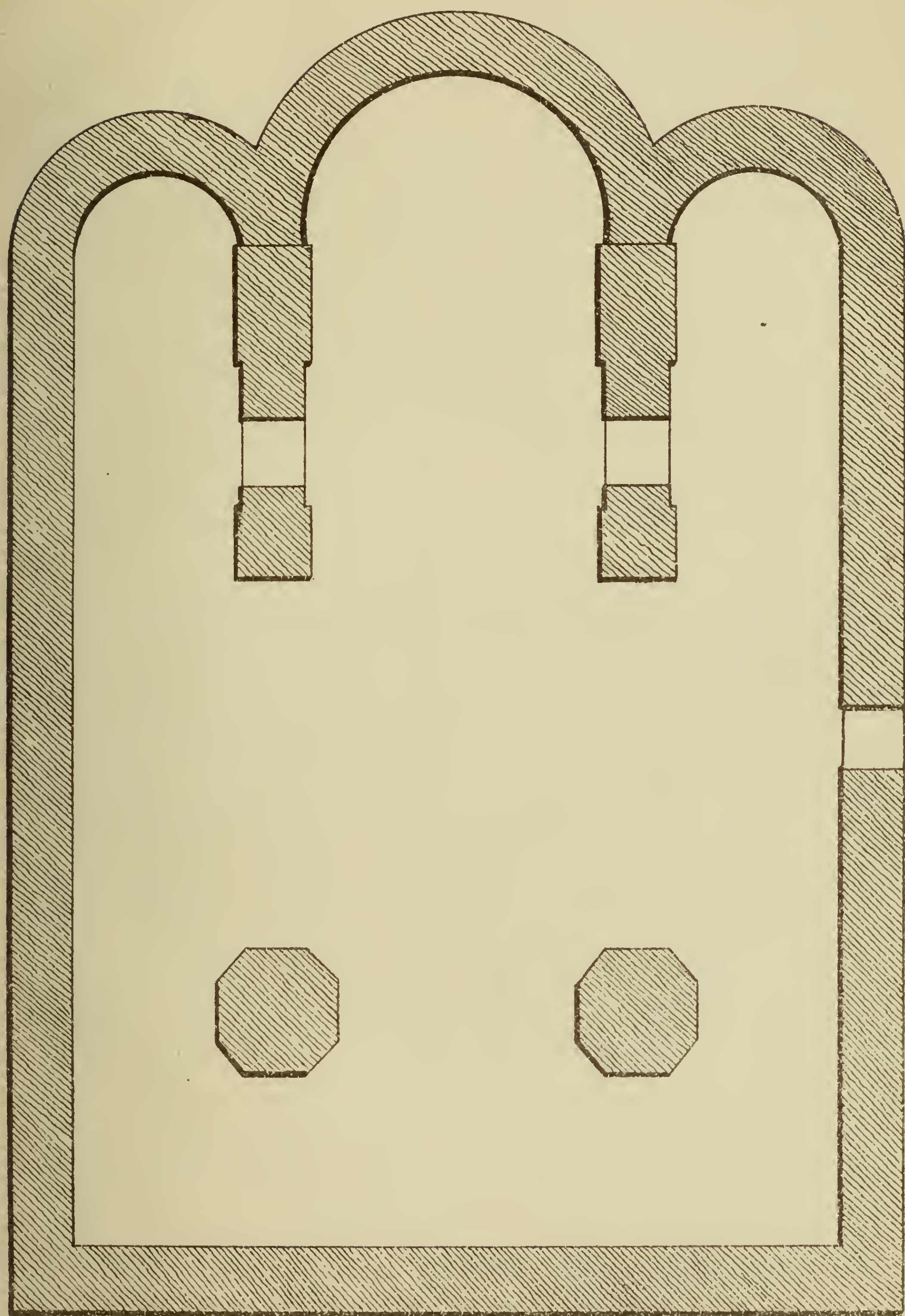
Въ послѣднее время съ быстрымъ движеніемъ археологической и исторической науки, древній храмъ нашъ сталъ обращать на себя вниманіе ученыхъ путешественниковъ и изслѣдователей древностей, пріѣзжающихъ въ Смоленскъ.

А въ 1888 году 28 іюля осчастливили своимъ посѣщеніемъ нашъ храмъ Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ съ Своею Супругою, Великою Княгинею Маріею Павловною, и изволили осматривать старинныя фрески, иконы и гробницу основателя храма.

---

[1]) См. губ. вѣдом., часть неофиц. № 31, 1853 г.

ПЛАНЪ ХРАМА 13-го ВѢКА ВЪ СМОЛЕНСКѢ.

Лит. ЗЕЛЬДОВИЧЪ, Смоленскъ

Надписи на свиткахъ Святыхъ въ иконостасѣ Свирской церкви въ г. Смоленскѣ.

	1	2	3	4	5	6	7	8
	Лѣвая сторона.				Правая сторона.			
Верхній рядъ.	Ɛ3V5 ƐK3V. T56Z VS,ƐV ZSVS 3·5·7	ЄY3Ъ/ Y367SI KƨV36 Є35N6 ZV6ЪSs E36ЪЖ ƨK3V5	VЄЪC(:. NZOEЪ. T8751. 7T6NЪ NZYЄC. YKЦЪS MYSЪI.	SЄVƨ Z3ЖZ6 ƨ7Є3Y 3ƨZ3. 3Y367 ИЪZ3;	N·3Z ƨ5VE i 3553 Y3SZ UCЄE Yƨ;6.	ƨ V SƨVS VSZS L4 5S) ЄY6ZP 6035Z 3V03z SZO.	LV53. Z6ЪП. ƐMSK Λ3Z6. 5Z53s Ж3/3. Λ3Y5Ь	YS7S. Я3SZ Є75ZƐ ЄИЯ3. Є75S S67·
Нижній рядъ.	ƐV3-7. 6S3Z. V6S5 Ъ VK SY36z ƨ Z6	EVSI3. KSƨЪS ƐЦ6ZV 335V5 VNKZƨ ЦЬЪOƨ ЄEMCЪ Y57T6	VC7EI EП33ƨ SΛЖ37 C/6Z5 ЄOЩVS SVSЦƨ E575;	3ЯV5 Z6ƨ33 VЪ6S. 3Λ755i Ɛ3Z36. ƨ3V33. V3SNƨ.	3V5Z V3NS 5EV5S. 6ZNY 675S.V. YS7Є7.	IN. 3. S.V 3. V SO3Є. K I.CZ I VOZ ƨ.ЄЪ	EVƨ3 ƨZ655 37ЯPƐ. SKЪ3I, YS6133 ЖKV3Is Z56S.	ЦEƨV. ƨZЄЙ. ЄƨNVS. VS376. 3VZ6ƨ ·CN5ƨ
	9	10	11	12	13	14	15	16

Лит. ЗЕЛЬДОВИЧЪ, Смоленскъ.

Содержаніе.

БОЛѢЕ ВАЖНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страницы.	Строк.	Напечатано:	Слѣдовало напечатать:
13	10 сниз.	къ вѣроятно пріурочилось тому времени	вѣроятно, пріурочилось къ тому времени
14	14 сверх.	естественно, посвятить	естественно было посвятить
16	13 сниз.	высѣченіе	высѣченные
19	5 сверх.	предаже	предаде
21	10 »	впослѣдствіи	въ послѣдствіи
—	16 »	келлій	келій
—	19 »	и позднiй, сравнительно кирпичъ	и, сравнительно, поздній кирпичъ
28	24 »	образовалась	образовалось
—	7 сниз.	тянушійся	тянувшійся
33	3 »	Дворы съ готск. берег.	Договоры съ Готск. берег.
—	9 »	древянный	деревянный
38	17 »	вечевому	вѣчевому
—	4 сниз.	церьковь	церковь
41	9 сверх.	по мимо	помимо
42	11 »	обстоятельство.	обстоятельство:
46	22 »	святого	святого
48	19 »	5-й списокъ	5-й епископъ смоленскій
49	1 »	протоіеревъ	протоіереевъ
53	1 сниз.	Смоленска	Смоленску
67	7 сверх.	Товтонскими	Тевтонскими
90	18 сниз.	сомостоятельности	самостоятельности
—	9 »	видѣнъ	виденъ
—	6 »	олтарями	олтарными
94	4 сверх.	въ Городской	къ Городской
96	10 »	обходится историками слѣдуетъ	историками. Слѣдуетъ
106	5 сниз.	Петръ Великій 6 разъ, пріѣзжавшій	Петръ Великій, 6 разъ пріѣзжавшій въ Смоленскъ,
120	14 »	Польше	Польшѣ
121	8 сверх.	уѣзда убѣгая	уѣзда. Убѣгая
162	7 сниз.	въ послѣдствіи	впослѣдствіи
187	14 сверх.	черкасскаго	Черкасскаго
218	3 »	въ 1564	въ 1654 году
249	15 »	Лопольдъ	Леопольдъ